

5796

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Г. НИКОЛЬСОН

КАК
ДЕЛАЛСЯ
МИР
В 1919 г.

645

5-88 НЭД 7 - 1919

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г НИКОЛЬСОН

КАК
ДЕЛАЛСЯ
МИР
в 1919 г.

Вступительная статья
и общая редакция И. М. МАЙСКОГО

Перевод с английского
под редакцией проф. И. С. ЗВАВИЧА

СТАНИСЛАВСКОГО
УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТУ
№ 675

НБ ПНУС

5796

Русский перевод книги «Как делался мир в 1919 году» Г. Никольсона сверен по английскому изданию Н. Nicolson «Reasemaking 1919».

Редакционные примечания помещены в конце каждой главы
Указатель имён дан в конце книги.

Перевод с английского первой части сделан *Сокиркиным А. Ф.*, второй части — *Майской А. А.*

Примечания и указатели имён и географических названий составила *Разумова Р. П.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящей книги Гарольд Никольсон (Harold Nicolson) является одним из известнейших парламентариев и писателей современной Англии. Он происходит из семьи, тесно связанной с областью внешней политики. Отец Гарольда Никольсона сэр Артур Никольсон (впоследствии лорд Карнок) был профессиональным дипломатом и сыграл крупную роль в создании той англо-франко-русской Антанты, которая вела борьбу против Германии в 1914—1918 гг. В частности в качестве британского посла в Петербурге (1906—1910 гг.) сэр Артур вёл переговоры и заключил англо-русское соглашение 1907 г. о Персии. В тот период младший сын его Гарольд не раз бывал в России. Это не прошло бесследно для его развития. Такое непосредственное знакомство молодого Никольсона с нашей страной дало ему не только определённую сумму знаний из области политики, экономики, быта старой России, но также и «ощущение» тех огромных исторических потенций, которые в ней скрываются.

Следуя примеру отца, молодой Никольсон первоначально выбрал карьеру дипломата. В 1910 г., в возрасте 24 лет, он поступил на службу в английское министерство иностранных дел. Проработав некоторое время в центральном аппарате в Лондоне, Никольсон скоро попал за границу — сначала в Мадрид, потом в Константинополь. Вернувшись в 1914 г. в Лондон, Никольсон в течение дальнейших четырёх с половиной лет — годы первой мировой войны — вновь работал в министерстве и в январе 1919 г. попал в Париж в качестве одного из секретарей английской делегации на мирной конференции.

Дальнейшие этапы в карьере Никольсона характеризуются следующими данными: в 1919—1920 гг. — работа в только что учреждённой Лиге наций в Женеве, в 1920—1925 гг. — вновь работа в министерстве иностранных дел в Лондоне, в 1925—1927 гг. — пост советника в британской миссии в Тегеране, в 1927—1929 гг. — пост советника в британском посольстве в

Берлине. В 1929 г. Никольсон бросил дипломатическую службу и целиком отдался литературе и политике. Уже в 1931 г. он выступил кандидатом на парламентских выборах от «объединённых университетов», но не имел успеха. С 1935 г. Никольсон представляет в палате общин город Лейстер в качестве национал-лейбориста (отколовшаяся в 1931 г. от лейбористской партии группа покойного Рамзэя Макдональда). Несмотря на свою формальную принадлежность к партии, которая всё время принимала участие в предвоенных правительствах Болдуина и Чемберлена, Никольсон в области внешней политики занимал независимую позицию. В те годы он был противником «умиротворения» Германии и Италии и весьма решительно атаковал сторонников Мюнхена. Будучи хорошим оратором и знатоком международных дел, Никольсон не раз в парламентских дебатах наносил меткие удары своим противникам. Когда разразилась война, Никольсон стал товарищем министра информации. Позднее, сохраняя свой парламентский мандат, Никольсон стал одним из директоров Британской радиовещательной корпорации.

Писательский талант проявился у Никольсона очень рано. С годами он созрел и развился. Никольсон сейчас не без основания считается одним из лучших английских стилистов. Он мастер художественной прозы и литературного портрета, автор ряда интересных работ, посвящённых Байрону, Теннисону, Полю Верлену, Свинбэрну и другим корифеям поэзии. Его перу принадлежат также сборники коротких, живых, полных юмора очерков из английской жизни. Наряду с этим Никольсон в течение последних 10—12 лет опубликовал несколько ценных работ по истории дипломатии, главной из которых является трилогия «Лорд Карнок», «Как делался мир в 1919 году» и «Лорд Керзон». В 1939 г. Никольсон выпустил небольшую книжку «Дипломатия», которая уже известна советскому читателю по русскому переводу, появившемуся у нас в 1941 г.

* *

*

Книга «Как делался мир в 1919 году» («Peace-making 1919») посвящена той международной конференции, на которой произошла ликвидация первой мировой войны. Её часто называют Версальской конференцией, но это не совсем правильно, ибо в Версале состоялась лишь самая церемония подписания мирного договора с Германией. Все работы конференции проходили в Париже, и потому по справедливости она должна именоваться Парижской конференцией. Книга Никольсона — произведение несколько особенного свойства. Это не тщательный и подробный анализ тех мировых сил, которые фигурировали на политической арене при ликвидации прошлой войны и из борьбы

которых в конце концов вырос Версальский договор. Это даже не история Парижской конференции в подлинном смысле слова, история, последовательно излагающая события и ход работ того высокого, но неудачливого собрания. Как чисто историческое произведение опубликованная у нас в прошлом году книга А. Тардые «Мир» даёт, конечно, гораздо больше. Книга Никольсона носит совсем иной характер. Это своеобразная амальгама впечатлений, воспоминаний, размышлений о Парижской конференции. И так как автор обладает ярким пером и даром художественной зарисовки, то в результате перед глазами читателя встаёт живая картина этой конференции со всеми её страхами и волнениями, со всеми её кризисами и противоречиями, со всеми её главными и второстепенными действующими лицами. Сам Никольсон так определяет смысл и задачу своей книги:

«Я уверен, что на любом международном конгрессе именно живые люди определяют характер переговоров и их задачи. Цель этих записок состоит в том, чтобы передать впечатления живого свидетеля, пока они не выветрились от времени» (стр. 44).

В другом месте Никольсон о своей работе говорит:

«Я намеревался только воссоздать атмосферу, я не хотел давать информации и ещё менее того стремился к изложению исторических событий» (стр. 175).

Самая структура книги лучше всего говорит о намерениях автора. Произведение Никольсона состоит из двух почти равновеликих частей, причём вторая её часть по существу является первой. Вторая часть озаглавлена «Как это казалось тогда» и представляет собой обширные выписки из дневника, который Никольсон вёл на Парижской конференции. Тут перед нами настоящий человеческий документ, чрезвычайно интересный и поучительный. Первая же часть книги, озаглавленная «Как это представляется теперь», является суммой оценок и размышлений Никольсона о Парижской конференции 14 лет спустя, в момент опубликования его работы.

Таким образом, книга Никольсона по своему характеру представляет собой известное дополнение к вышеупомянутой книге А. Тардые, освещая как раз те моменты Парижской конференции, которые у французского автора оказались мало затронутыми и без понимания которых трудно составить себе достаточно полное представление о событиях и обстоятельствах, сопутствовавших ликвидации первой мировой войны. Ибо нет надобности принимать на все сто процентов тезис Никольсона о роли «живых людей» в международных переговорах для того, чтобы признать, что «живые люди», несомненно, играют важную роль во всех подобных случаях и что без учёта этого фактора многое в ходе и исходе Парижской конференции скажется неясным и непонятным.

Ещё в одном отношении книга Никольсона является дополнением к книге Тардьё. Тардьё — француз, притом не просто француз, а француз, который в версальские дни был правой рукой Клемансо, требовавшего возможно более суровых мер для обезвреживания Германии и предотвращения новой агрессии с её стороны. Именно эта «французская» точка зрения нашла своё выражение в книге Тардьё. Книга Никольсона, напротив, отражает «английскую» точку зрения на желательные формы ликвидации прошлой войны, в особенности точку зрения тех кругов английского общественного мнения, которые сочувствовали идеям президента Вильсона и вместе с тем сознательно или бессознательно отражали тенденции традиционно-британской «политики равновесия» на европейском континенте. Советскому читателю полезно знать, как обе стороны обосновывали свои взгляды, в особенности потому, что при ликвидации второй мировой войны можно ожидать возрождения — пусть в несколько иной форме — тех же споров между союзными нациями по вопросу об отношении к Германии.

* * *

К чему сводилась подлинная борьба мировых сил на Парижской конференции?

В немногих словах дело сводилось к следующему.

На Парижской конференции были представлены 27 государств, из них пять великих держав — США, Англия, Франция, Италия и Япония. Побеждённые страны — Германия, Австрия, Турция и Болгария — в выработке условий мира не принимали участия и своих делегатов на конференции не имели. Лишь к концу конференции, когда мирные договоры уже были составлены, делегации вражеских держав были приглашены в Париж для их подписания. Эти делегации в последний момент пытались внести в договоры некоторые изменения, но большого успеха не имели. Совсем вне конференции стояла Советская Россия, которая не была приглашена на конференцию и делегаты которой вообще не появлялись в Париже. Больше того, как раз в это время ряд держав, участвовавших в Парижской конференции, в частности Англия и Франция, вели против Советской России открытую борьбу на полях гражданской войны и путём интервенции.

Интересы и стремления стран, представленных на Парижской конференции, далеко не во всём совпадали, а приходили даже в прямое противоречие. Важнее всего было то, что это относилось к великим державам, игравшим решающую роль на конференции.

Франция требовала самых жёстких и крутых мер в целях обезвреживания Германии, считая, что без этого невыносимо обеспечение мира и безопасности в Европе. Мотивы, руководившие

государственными деятелями Франции, были ясны. В эпоху франко-прусской войны 1870—1871 гг. население Франции и Германии было почти одинаково, составляя во Франции 37 и в Германии 41 миллион человек. К 1914 г. картина резко изменилась: в начале первой мировой войны население Франции достигало 40 миллионов, в то время как население Германии выросло до 67 миллионов. Вместе с тем за прошедший 45-летний промежуток Германия далеко обогнала Францию в области экономического развития и с наступлением XX века превратилась в одну из самых мощных индустриальных держав мира. Соотношение сил стало для Франции крайне неблагоприятным. Война 1914—1918 гг. принесла Франции победу только потому, что она боролась против германского блока в коалиции с Россией, Англией и США. Вожди Франции на Парижской конференции прекрасно понимали, что такая коалиция представляет собой исключительный случай, и потому считали необходимым до конца использовать благоприятно сложившуюся ситуацию для решительного ослабления Германии. Они требовали суда над виновниками войны во главе с самим кайзером. Они требовали раздробления Германии в виде создания независимой Баварии и образования из Рейнской области особой республики под протекторатом Франции. Они требовали передачи Франции Саара с его богатейшими угольными залежами, ибо полагали, что в сочетании с железной рудой Эльзас-Лотарингии он обеспечит «третьей республике» положение первоклассной индустриальной державы. Они требовали полной ликвидации вооружённых сил Германии. Они требовали стопроцентного возмещения Германией нанесённого ею ущерба и оплаты пенсий жертвам войны. Они требовали оборонительного союза Франции с США и Англией как гарантии против нового нападения Германии. Такова была линия Клемансо, который возглавлял и был душой французской делегации на Парижской конференции.

Однако эта линия не встречала полного сочувствия и поддержки среди других великих держав. Италия, представленная на конференции премьером Орландо и министром иностранных дел Соннино, больше всего интересовалась вопросами Адриатики (особенно судьбой Фиуме) и относилась довольно равнодушно ко всем другим проблемам, включая и проблему ослабления Германии. Англия, которая говорила на конференции устами своего премьера Ллойд-Джорджа, несмотря на наличие в стране различных течений общественной мысли, в основном всё-таки и на этот раз следовала своей традиционной «политике равновесия» на европейском континенте. Поэтому она была против слишком большого ослабления Германии и против излишнего усиления Франции. Поэтому же она возражала против независимости Баварии и отделения Рейнской области от

Германии. Поэтому же она старалась несколько облегчить Германии бремя репараций (которые не вполне устраивали её также и по соображениям собственной экономики).

Наконец, США ко времени Парижской конференции всё больше впадали в свой традиционно-привычный изоляционизм. Выход России из войны в 1917 г. и «неограниченная подводная война», проводившаяся немцами, временно вырвали Америку из оков изоляционизма. Она вступила в войну, она перебросила многочисленную армию во Францию, в знаменитых 14 пунктах президента Вильсона она сделала попытку дать «новый курс» мировой политике. Однако, когда враг был побит и непосредственная угроза миновала, вековые навыки мысли и чувств быстро взяли реванш. Когда Вильсон высадился в Европе, руководящие силы американской политики больше всего думали о том, как бы им поскорее «уйти из Европы». Отдалённые от этого беспокойного континента Атлантическим океаном, они чувствовали себя теперь в состоянии полной безопасности и мало интересовались европейскими проблемами, в том числе проблемой обезвреживания Германии. Они были совершенно равнодушны и к пресловутым 14 пунктам. Власть изоляционизма в американской политике ярче всего была продемонстрирована отказом сената ратифицировать подписанные Вильсоном в Европе договоры, включая и устав Лиги наций.

Конечно, изложенные выше позиции четырёх великих держав в дни Парижской конференции не выступали столь чётко-обнажённо, как это изображено в ранее приведённых строках. Многие в то время было не так ясно, как сейчас, 25 лет спустя. Кроме того, борьба мировых сил на Парижской арене развивалась в сложной ткани живой жизни с её конфликтами и противоречиями, с её постоянным переплетением самых разнообразных моментов — личных, национальных, экономических, политических, военных. Поэтому борьба происходила не только между делегациями отдельных держав на конференции, но также и внутри самих делегаций и в недрах тех стран, которые были представлены в Париже этими делегациями.

Наиболее ярким примером только что сказанного являлись США. Можно сильно сомневаться в приверженности как руководящих сил, так и широкого общественного мнения Америки к 14 пунктам Вильсона даже в момент их опубликования, т. е. в январе 1918 г. Но уже не подлежало никакому сомнению, что такой приверженности к ним не было год спустя, в январе 1919 г., когда открылись заседания Парижской конференции. Как только что упоминалось, США в это время торопливо возвращались в свою изоляционистскую скорлупу. Между тем Вильсон в декабре 1918 г. ехал в Европу всё тем же идеологом 14 пунктов, каким он был год назад. Находясь в Париже, он всё больше отрывался от настроений своей страны. На конфе-

рениции президент по инерции и по убеждению продолжал отстаивать 14 пунктов и Лигу наций, в то время как США уже громко требовали «ухода из Европы». В результате между действительной позицией США и позицией представлявшего их президента возникла острая коллизия, которая сыграла самую гибельную роль в ходе и исходе парижских переговоров.

Аналогичные противоречия, хотя и в менее резкой форме, наблюдались в Англии. В политических кругах этой страны был глубокий раскол — между теми, кто склонялся к точке зрения Клемансо, и теми, кто склонялся к точке зрения Вильсона. В самой британской делегации на Парижской конференции имелись сторонники обоих взглядов, в частности лично Никольсон принадлежал к поклонникам американского президента. Между двумя крыльями английского общественного мнения шла острая борьба, и Ллойд-Джорджу в своей политике на Парижской конференции приходилось искусно лавировать между двумя лагерями. Это тоже не оставалось без влияния на ход событий в Париже.

Во Франции и Италии общественно-политические настроения были более единодушны, чем в США и Англии, однако и тут ясно прощупывались — правда, в более слабой форме — те же противоречия между сторонниками «твёрдой» и «мягкой» линии в отношении Германии.

Кроме пяти великих держав на Парижской конференции присутствовало ещё свыше двух десятков стран второго и третьего ранга. Каждая из них имела свои собственные интересы, которые слишком часто приходили в противоречие с интересами других государств. Румыния и Венгрия, Болгария и Югославия, Чехословакия и Австрия, Польша и Чехословакия, Греция и Албания, Турция и Греция — каких только споров не было между ними! Каких только отношений в этой связи не складывалось между малыми государствами и большими!

Совсем в стороне находилась Россия. Октябрьская революция превратила её в Советскую страну, и все державы Запада не только порвали с ней сношения, но и повели против неё жестокую борьбу. В момент открытия Парижской конференции гражданская война и иностранная интервенция были в полном разгаре. О приглашении Советской России в Париж для участия в мирных переговорах при таких условиях, конечно, не могло быть и речи. Особенно резкую позицию в этом вопросе занимала Франция. Однако отсутствие России на конференции, которая должна была решить судьбу Европы на много лет вперёд, тревожило и беспокоило более дальновидных политиков. Вильсон и Ллойд-Джордж в январе 1919 г., в самом начале Парижской конференции, провели решение пригласить все существовавшие в то время «русские правительства» на Принцессы острова (в Мраморном море) для пере-

говоров о восстановлении мира в России. Как известно, советское правительство на это согласилось. Однако Франция совместно с правыми кругами Англии сорвала предполагавшиеся переговоры, «посоветовав» белогвардейским «правительствам» отклонить предложение конференции. Тогда Вильсон отправил в Москву для переговоров с Лениным о мире специального делегата. Однако и из этой попытки по разным причинам, а главное, благодаря враждебности Франции, ничего не вышло. Сам Никольсон в те дни также относился к числу людей, понимавших всю опасность игнорирования России в вопросах, касающихся будущего устройства Европы. Ему, знавшему Россию по работе своего отца в Петербурге, это было яснее, чем многим другим участникам переговоров. В дневнике Никольсона мы находим немало записей, на разные лады подчёркивающих эту мысль. Тем не менее Советская Россия так и осталась в стороне от Парижской конференции. Больше того, конференция в конечном счёте приняла явно антисоветское заострение. Известно, что многие из белогвардейских лидеров постоянно толклись в кулуарах конференции и оказывали на неё значительное влияние в «русском вопросе». Известно также, что союзники в особом секретном параграфе перемирия согласились не требовать ухода германских войск с занимавшихся ими в то время русских территорий. Именно эти германские войска с благословения и при поддержке Антанты осуществляли интервенцию в Прибалтике. Известно далее, что, используя данный прецедент, немцы в ходе Парижской конференции неоднократно предлагали союзникам свои услуги для подавления революции в России.

Но особенно ярко антисоветская линия конференции выявилась в вопросе о Польше. Конечно, создание независимой Польши в основе своей отвечало справедливым требованиям польского народа, и против этого никто не мог возражать. Иначе, однако, обстояло дело с вопросом о границах Польши. Первоначально, ещё накануне подписания перемирия, французский министр иностранных дел Пишон, поддержанный маршалом Фошем, в переговорах с союзниками в Париже требовал для Польши границ 1772 г. Бальфур от имени Англии и полковник Хауз от имени США решительно возражали против предложения Пишона, и последнему пришлось на этот раз отступить. Однако в дальнейшем французы всё-таки взяли частичный реванш: ещё во время конференции союзники дали согласие на отправку в Восточную Галицию польской армии генерала Галлера, которая там решительно выступила против украинцев. А ещё позже Парижская конференция отказалась утвердить фиксировать восточную границу Польши и тем самым открыла ворота для последующего захвата Польшей Западной Украины и Белоруссии.

Это недопущение Советской России к участию в решении будущих судеб Европы и фактическое превращение Парижской конференции в антисоветский центр явились одним из самых коренных дефектов ликвидации первой мировой войны, роковые последствия чего в полной мере выявились уже в наши дни.

Наконец, была ещё одна крупная сила, которая действовала в период парижских переговоров на международной арене и оказывала немалое влияние на работу конференции, — это сама Германия. Правда, Германия, подобно всем другим вражеским странам, к парижским переговорам формально не была допущена. Тем не менее призрак Германии всё время незримо присутствовал на Парижской конференции, и на него невольно оглядывались все другие участники. Ибо, хотя в ноябре 1918 г. Германия была побеждена, она не была окончательно добита. Территория Германии не была оккупирована союзными войсками, и самая мысль о такой оккупации была крайне непопулярна среди англичан и американцев. Вооружённые силы Германии, потерпевшие поражение, не были разгромлены, а спокойно отступили в пределы своего отечества. Мощная экономическая машина Германии, в частности её тяжёлая индустрия — эта база милитаризма, — осталась в полной неприкосновенности. Начавшаяся было в ноябре германская революция не получила глубокого развития. В январе 1919 г. Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты представителями военщины. После того силы реакции стали быстро оправляться от «ноябрьского шока». Юнкерство, крупные промышленники, генералитет, ловко используя готовых к услугам Носке, Шейдеманов и Эбертов, начали упорно и не без успеха отвоевывать потерянные было позиции. К концу Парижской конференции Германия была значительно сильнее, чем перед её открытием. Наоборот, державы-победительницы к концу Парижской конференции были значительно слабее, ибо за полгода парижских переговоров согласия между ними стало меньше, а союзные армии всё время неудержимо демобилизовались. Руководители Парижской конференции всё это прекрасно чувствовали и понимали, и меняющееся соотношение сил не могло не отразиться на их решениях, несмотря на отсутствие немецких делегатов за столом конференции. Недаром, как рассказывает Никольсон в своём дневнике, в последней стадии переговоров представители держав-победительниц были охвачены почти паническим страхом: а вдруг немцы не захотят подписать Версальский договор?

Таковы были основные мировые силы, фигурировавшие на международной арене в эпоху Парижской конференции. Борьба между этими силами привела в конечном счёте к компромиссу, который отлился в форму Версальского договора и связанных

с ним соглашений. Компромисс был достигнут путём сильного «смягчения» линии Клемансо. Раздробление Германии не состоялось, и вместо Рейнской республики под протекторатом Франции Клемансо получил лишь демилитаризацию Рейнской области, демилитаризацию, которая в 1936 г. была самовольно ликвидирована Гитлером. Саар был передан Франции, но лишь сроком на 15 лет, и в 1935 г. с помощью фальсифицированного нацистским террором плебисцита возвращён немцам. Германия была «разоружена», но ей была оставлена 100-тысячная армия и небольшой военный флот, из которых впоследствии выросли миллионные орды Гитлера. На Германию были наложены репарации, однако их формы и характер были так плохо продуманы, что в конечном счёте Франция от них получила очень мало. Кайзер не только не был судим как виновник войны, но нашёл себе тихое убежище в Голландии и, прожив здесь в качестве «короля в изгнании» почти четверть века, спокойно умер на своей постели уже в дни второй мировой войны. За несостоявшийся суд над кайзером и его коллегами Франция была «компенсирована» внесением в Версальский договор декларативной статьи, возлагавшей на Германию ответственность за развязывание войны.

Таков был версальский компромисс, подписанный 28 июня 1919 г. Пять месяцев спустя он был отвергнут Соединёнными Штатами, сенат которых отказался ратифицировать Версальский договор. К чему этот договор привёл два десятилетия спустя, мы хорошо знаем по собственному опыту.

* *

*

Никольсон в своей книге не даёт обобщённого анализа всей этой сложной борьбы мировых сил. Правда, то там, то здесь он касается парижской борьбы между союзниками, сообщает относящиеся к ней любопытные факты, даёт характерные зарисовки, цитирует интересные высказывания и заявления, однако цельной картины не получается. Да это, пожалуй, и неизбежно, поскольку Никольсон считает своей задачей «не излагать исторические события», а лишь «воссоздать атмосферу» Парижа и Версаля. Нельзя также упускать из виду преувеличенной оценки роли «живых людей» в международных переговорах, которая является одним из краеугольных камней политической философии Никольсона. В результате его главное внимание обращено на лиц, игравших видную роль на конференции, и на различные дефекты в организации и работе самой конференции. Здесь, в этой области, Никольсон даёт действительно очень много яркого и интересного материала.

Начнём с лиц. В те дни в Париже собрался цвет политического мира буржуазной Европы и Америки. Здесь были Вильсон

и Ллойд-Джордж, Клемансо и Венизелос, Бальфур и полковник Хауз, Орландо и Падеревский, Пашич и Братиану, Роберт Борден и генерал Смэтс, Крамарж и Бенеш... У Никольсона — острый глаз и сочное, красочное перо. В его книге, в частности в его дневнике, перед нами встаёт целая галерея фигур, двигавшихся тогда на парижской сцене. Конечно, всё это субъективные зарисовки, ответственность за которые несёт сам Никольсон, однако они представляют несомненный интерес, в особенности потому, что сделаны одним из участников конференции и притом человеком, который хорошо ориентирован в мировой политике и знал лично большинство крупных международных персонажей минувшей четверти века. Я не могу здесь подробно останавливаться на этой стороне книги и потому коснусь лишь того, что Никольсон пишет о центральной и наиболее трагической фигуре Парижской конференции — президенте Вильсоне.

Когда президент Вильсон появился в Париже, ему исполнилось уже 63 года. Это был вполне сложившийся человек, большая часть жизни которого прошла в кабинете учёного и на профессорской кафедре. В течение многих лет Вильсон преподавал в Принсетонском университете (штат Нью-Джерси) историю, политическую экономию и юриспруденцию, а с 1902 г. стал ректором этого университета. Как профессор он славился блеском своих лекций и изысканностью своего английского языка. В области политической Вильсон примыкал к демократической партии и придерживался взглядов, являющихся одной из разновидностей либерализма. Характерной особенностью Вильсона было стремление строить свою общественно-политическую философию на высоких «моральных принципах», берущих своё начало из религии. Никакой твёрдо продуманной и хорошо разработанной программы у Вильсона не было, но он очень любил выступать с речами и литературными произведениями, в которых требовал утверждения царства «справедливости и права» на земле, обличал коррупцию администрации, нападал на злоупотребления трестов, настаивал на улучшении положения широких масс. Всё это звучало очень хорошо и создавало Вильсону репутацию передового человека, но было слишком обще и неопределённо, для того чтобы зажигать сердца и объединять вокруг него живые борющиеся силы.

Впервые Вильсон выступил на арене практической политики лишь в 1910 г., в возрасте 54 лет. Вильсон был избран губернатором штата Нью-Джерси от демократической партии. Затем, в 1912 г., демократическая партия выдвинула Вильсона кандидатом в президенты, и на выборах того же года, собрав меньшинство голосов, он всё-таки стал президентом благодаря расколом среди противников. В 1916 г. незначительным большинством (9 миллионов голосов против 8,5 миллиона, поданных за республиканца Юза) Вильсон был переизбран президентом.

Когда Вильсон появился в Париже, шёл третий год его второго четырёхлетия, и он считал, что его жизненная карьера достигла своего зенита. Вильсон страстно хотел использовать до конца сложившуюся, как ему казалось, столь благоприятно ситуацию и раз навсегда наложить печать своих идеалов на лицо мировой политики.

Каковы же были эти идеалы?

Уже в 1914 г. Вильсон пришёл к выводу, что в мире наро-дился «новые силы», которые определяют собой судьбу стран и народов, — это «моральные требования человеческой совести». Носителем «новых сил», по глубокому убеждению Вильсона, являлись США, на долю которых выпала великая честь под-нять «ведущий светоч свободы, принципа и справедливости» над страждущим и заблуждающимся миром. «Имеются амери-канские принципы, американская политика, — восклицал Виль-сон. — Мы стоим только за них. Они являются принципами человечества и должны восторжествовать» (стр. 49). Отсюда вытекли и знаменитые 14 пунктов. Отсюда же пришло и убе-ждение Вильсона в том, что ему суждено стать мессией нашего века, приносящим мир и свободу реакционной и разорванной противоречиями Европе.

Как такая идея могла притти в голову американскому пре-зиденту?

«Нельзя понять характер и политику президента Вильсона, — пишет Никольсон, — если мы не уделим внимания той черте фанатического мистицизма, которая искажала в нём академи-ческую способность к рациональному мышлению. Его детское суеверие в вопросе о счастливом тринадцатом числе (чортовой дюжине) является симптомом мистицизма, который временами носил почти патологический характер. Он со всей искренностью верил в то, что голос народа есть голос божий. «Немые взоры народа» преследовали его своим безмолвным призывом. Ему казалось, что мириады глаз смотрят на него, как на пророка, пришедшего с Запада, как на человека, избранного богом, что-бы возвестить миру новые заповеди и более справедливый строй. Он воздерживался от общения с Лансингом (министр иностранных дел США. — И. М.), потому что предпочитал мол-чаливое общение с господом богом. Он относился к сенату Со-единённых Штатов с вызывающей холодностью, потому что был убеждён, что послан богом в виллу «Мюрат» (резиденция Вильсона в Париже) не как представитель сената, а как пред-ставитель Великого Немого — Народа... Вильсон был твёрдо убеждён, что устав Лиги наций — это откровение, ниспослан-ное ему свыше, и является панацеей от всех человеческих бед. Он был глубоко убеждён, что если включить в мирные до-говоры его новую хартию прав народов, то не будет иметь осо-бого значения, какие противоречия, какие несправедливости,

какие скандальные нарушения его собственных принципов заключают в себе эти договоры» (стр. 58—59).

Мания величия, которой был охвачен Вильсон, ещё более возросла после тех восторженных оваций, почти поклонений, которыми американский президент на первых порах был встречен повсюду в Европе.

А между тем в Париже его ждало жестокое разочарование.

Во-первых, Вильсон столкнулся здесь с представителями европейских стран, которые относились к взглядам президента в лучшем случае холодно и которые вместе с тем обладали большой ловкостью и умением преодолевать сопротивление Вильсона там, где они считали себя заинтересованными. Особенно опасными для него в этом отношении были Клемансо и Ллойд-Джордж.

Во-вторых — и это было ещё важнее, — чем дольше затягивалась Парижская конференция, тем яснее для Вильсона становилось, что он больше не представляет настроений руководящих сил и общественного мнения США. Это сознание всё больше расшатывало его уверенность в себе, его твёрдость, его принципиальность. Вильсон всё легче скатывался под влиянием европейской обстановки на путь компромиссов с собственными взглядами. В результате, как констатирует Никольсон, Вильсон дал своё благословение договорам, в которых из 23 выдвинутых им принципов были нарушены 19.

Финал президента был трагичен. Он начался ещё в Париже, когда французская пресса стала осыпать Вильсона издевательскими и насмешками.

«Вильсон прибыл на конференцию, — говорит Никольсон, — обладая мощью, какой не располагал ни один человек на протяжении истории; он прибыл воодушевлённый идеалами, которые не вдохновляли ни одного самодержца в прошлом. А Париж, вместо того чтобы взирать на него как на воплощение просвещённого государя-философа, увидел в нём смешного и раздражённого профессора» (стр. 77—78).

Это глубоко ранило президента. Но ещё горшая трагедия ждала Вильсона впереди: сенат отказался ратифицировать Версальский договор, включая столь дорогую сердцу президента Лигу наций. Это означало политическую смерть Вильсона. Вскоре затем пришла и физическая смерть...

О личности и роли Вильсона на Парижской конференции было много споров в течение минувшей четверти века. О них будут идти споры и в дальнейшем. И хотя характеристика американского президента, данная в этой книге (подобно всем другим персональным характеристикам), отражает лишь взгляды самого Никольсона, тем не менее она представляет несомненный интерес для советского читателя как ценный материал, способствующий составлению правильного представления о Вильсоне.

* *

*

Очень любопытны замечания Никольсона о дефектах Парижской конференции.

Цитируя известного английского авторитета по вопросам дипломатии Эрнста Сатоу, Никольсон настойчиво подчёркивает, что для успеха любой международной конференции или конгресса необходимы два условия-минимум:

1. «Должна быть определённая программа вопросов, подлежащих обсуждению между полномочными представителями. Следует точно придерживаться этой программы, и если возникнет какое-либо предложение выдвинуть другие вопросы, оно должно быть тщательно изучено до того, как его принять».

2. Между всеми участниками такой конференции (или конгресса) «должна быть заранее согласована точная основа или основы, и чем больше определённость, с которой сформулированы главные пункты такой основы, тем более вероятно достижение общего соглашения».

«В прошлой истории, — говорит Сатоу, — когда конгрессам не удавалось добиться определённых результатов, неудача в основном происходила оттого, что не было заранее проведено соответствующей подготовки» (стр. 81).

Оба указанные условия чрезвычайно важны, ибо, как говорит Никольсон в другом месте, на международной конференции, имеющей своей задачей ликвидацию большой войны, самым трудным является «не только заключить мир с врагом, но и сохранить мир между союзниками» (стр. 126).

Между тем Парижская конференция происходила при полном нарушении двух только что указанных условий. У неё не было ни заранее согласованного между участниками базиса, ни даже — как это ни невероятно — какой-либо твёрдо установленной программы работ. Правда, французское правительство сделало попытку внести известные элементы организованности в парижские переговоры. Ещё 29 ноября 1918 г., т. е. за полтора месяца до начала этих переговоров, французский посол в Вашингтоне Жюссеран вручил президенту Вильсону проект подробно разработанной программы, которой должна была руководствоваться предстоящая конференция. В этом проекте предусматривалось, что первоначально конференция только в составе одних держав-победительниц односторонним актом принудит Германию и её союзников принять ряд наиболее важных прелиминарных условий; что затем конференция превратится в конгресс, в котором кроме держав-победительниц примут участие также нейтральные и вражеские державы и который утвердит уже окончательные условия мира; что все ранее заключённые между державами-победительницами секретные договоры (в частности договоры о территориальных компенсациях

Италии и России) аннулируются; что, наконец, все переговоры ведутся по определённой программе, предусматривающей порядок обсуждения различных вопросов в зависимости от их срочности. Однако этот французский проект был положен Вильсоном под сукно, ибо в тексте его содержались несколько критические замечания по поводу 14 пунктов и Лиги наций, а также выдвигалось требование «федерализации», т. е. раздробления, Германии. Никакой другой программы работ Парижской конференции предложено не было ни со стороны американцев, ни со стороны англичан. В результате это важнейшее международное совещание, от исхода которого зависели судьбы Европы и даже всего мира, приступило к осуществлению своих задач без заранее согласованного базиса и программы. В результате оно неизбежно должно было покатиться и действительно покатилося по пути всякого рода случайностей, импровизаций, зигзагов и колебаний. В одном месте своего дневника Никольсон, намекая на борьбу между четырьмя великими державами на конференции, делает такое сравнение:

«Кажется, что четыре архитектора представили проекты четырёх совершенно различных домов и после совместного обсуждения пришли к соглашению (которое, несомненно, означает компромисс) создать на основе всех четырёх проектов один дом — конгломерат, в котором нет общей идеи и целостности» (стр. 220).

Так как почти никакой предварительной подготовки конференции не было и так как достижение компромисса должно было происходить уже в ходе самой конференции, то ситуация становилась ещё более сложной. О том, какая неясность и путаница взглядов царили на конференции, лучше всего свидетельствуют следующие примеры.

1. До самого последнего момента руководители конференции сами не знали, будет ли вырабатываемый ими мирный договор предварительным или окончательным, а также будет ли он просто навязан Германии односторонним актом держав-победительниц или явится продуктом дипломатических переговоров с врагом. Лишь за несколько дней до подписания было решено, что Версальский договор должен быть предъявлен Германии как ультиматум.

2. Вопрос о будущем Германии, о мерах к предупреждению новой агрессии с её стороны, о формах и размерах её разоружения и т. п. до конференции даже не подвергался обсуждению между четырьмя руководящими державами. На самой конференции между ними по этим вопросам обнаружилось весьма серьёзные разногласия, которые то и дело создавали «кризисы» и которые так-таки и не удалось удовлетворительно разрешить до конца.

3. Вопрос о репарациях также не был подвергнут предварительному обсуждению до конференции. Да и на самой конференции он рассматривался поверхностно и торопливо. Достаточно сказать, что проблема «трансфера» (т. е. превращения) немецкой марки в иностранную валюту, проблема, о которую в дальнейшем разбились все репарации, поскольку они в основном взимались в деньгах, даже не подымалась и не обсуждалась в Париже.

Случайность и непродуманность принимавшихся на конференции решений прекрасно иллюстрируются историей с проектом о передаче Италии некоторых районов Малой Азии, столь живо и красочно описанной Никольсоном в его дневнике (стр. 255—257; 258—259).

Всё это, конечно, вытекало из слабости предварительной подготовки Парижской конференции.

* * *

Однако были в Париже серьёзные дефекты, объяснявшиеся плохой организацией работ на самой конференции.

Конференция заседала с 18 января до 28 июня 1919 г., т. е. около пяти с половиной месяцев. Общее число участников её, включая экспертов и технического персонала, подходило к двум тысячам человек (делегация США состояла из 400 и делегация Англии из 200 человек). Руководителем конференции в начале был так называемый Совет десяти, состоявший из представителей пяти великих держав (США, Англия, Франция, Италия, Япония) — по два от каждой державы (глава делегации и министр иностранных дел). Кроме того, на заседаниях Совета десяти всегда присутствовало большое количество экспертов. В результате секретность заседаний этого высшего органа конференции оказалась весьма дырявой. Чтобы устранить столь серьёзный дефект, с 25 марта Совет десяти распался на две части: Совет четырёх (главы делегаций — президент и премьеры: Вильсон, Ллойд-Джордж, Клемансо, Орландо) и на Совет пяти (министры иностранных дел великих держав: Лансинг, Бальфур, Пишон, Соннино, Макино). Совет четырёх стал решающим органом конференции и вёл свои заседания столь секретно, что долгое время единственным посторонним лицом здесь был лишь переводчик Манту, позднее ещё секретарь этого Совета англичанин Хэнки. Совет пяти занимался вопросами второстепенного порядка и вообще большой роли не играл. Представители других держав приглашались на заседания обоих Советов только в том случае, если должны были обсуждаться вопросы, непосредственно касающиеся этих держав. Такова была верхушка.

Далее была создана масса всевозможных комиссий, общее число которых доходило до 58. За пять с половиной месяцев

работы конференции все эти комиссии имели 1 646 заседаний. Для проверки заключений комиссии было организовано 26 местных обследований с посылкой специальных групп в различные части Европы. Совет десяти заседал 72 раза, Совет четырёх — 145 и Совет пяти — 39 раз. Таким образом, общее число различного рода заседаний на Парижской конференции составило 1 902, или в среднем по 12 заседаний в день. Какая огромная затрата человеческой энергии!

Была ли, однако, эта энергия затрачена рационально?

Никольсон даёт отрицательный ответ на данный вопрос. В своей книге он приводит десятки примеров того, как несовершенно работала сложная машина Парижской конференции. Внутри каждой из бесчисленных комиссий слишком много времени уходило на бесцельные споры и полемику. Между отдельными комиссиями не было согласованности в работе: они наступали друг другу на мозоли, ссорились, вступали в конфликты. Внутри каждой из делегаций контакт между верхушкой и остальным составом был крайне несовершенен. Никольсон жалуется, что более рядовые члены английской делегации совершенно ничего не знали о действиях, планах и намерениях Ллойд-Джорджа. Поэтому, работая в различных комиссиях, они часто делали как раз не то, что было нужно. Только к самому концу конференции министр иностранных дел Бальфур стал регулярно собирать по утрам английских делегатов в различных комиссиях для осведомления и инструктажа. Это оказалось очень полезным, но слишком запоздалым шагом: к тому времени самое важное дело конференции — договор с Германией — было уже закончено. Оставались только договоры с её сателлитами. Ещё хуже было положение в американской делегации. Замкнутость Вильсона и характер отношений, сложившихся внутри американской делегации, имела своим результатом то, что даже Лансинг, министр иностранных дел США, был не всегда осведомлён о намерениях президента. Аналогичные явления имели место и в других делегациях. В целях борьбы с только что отмеченными дефектами конференция создавала различные комитеты по координации, комитеты по согласованию и т. п., однако это лишь отчасти помогало делу.

Очень плохо был разрешён вопрос о прессе. К моменту Парижской конференции во французскую столицу съехалось до 500 журналистов (в том числе ряд очень крупных имён), посланных в качестве корреспондентов газетами всего мира, особенно же американскими и английскими органами печати. Памятуя, что 14 пунктов Вильсона обещали «открытое заключение открытых соглашений о мире», журналисты рассчитывали на богатую поживу. Когда, однако, выяснилось, что заседания Совета десяти секретны и что о результатах своих работ

этот Совет публикует лишь туманно-расплывчатые, никому ничего не говорящие коммюнике, представители печати взбунтовались. Чтобы несколько успокоить их, было решено устраивать публично пленарные заседания конференции. Но именно поэтому за всё время Парижской конференции было создано только шесть её пленумов, причём только на одном из них обсуждался действительно серьёзный вопрос — об уставе Лиги наций. Во всех других случаях пленум занимался мелкими организационными делами. Такое положение очень раздражало корреспондентов, и для смягчения их настроения члены различных делегаций стали «по секрету» сообщать журналистам своей страны кое-какие «кусочки информации» о работе конференции. Результатом были незаконная «утечка» в печать сведений доверительного характера и взаимные обвинения делегаций в излишней болтливости, что вело лишь к многочисленным ссорам, конфликтам и общему отравлению атмосферы.

Подводя итог всем этим и многим иным дефектам Парижской конференции, Никольсон делает такое красноречивое признание:

«Я должен сказать, что около 30% всей энергии Верховного совета (т. е. руководящей верхушки конференции. — И. М.) было затрачено на административные задачи, около 10% — на ненужные детали и около 40% было посвящено предотвращению разрыва с тем или другим из союзников. Только остающиеся 20% были направлены на установление мира между народами» (стр. 121).

Все замечания Никольсона о дефектах Парижской конференции несомненно заслуживают серьёзного внимания, особенно со стороны участников всех будущих конференций подобного же типа. Однако при оценке Парижа и Версаля организационно-административные недостатки конференции должны рассматриваться в надлежащей перспективе. Как явствует из предыдущего изложения, неудача парижских переговоров вытекала из других, гораздо более серьёзных и глубоких причин. Впрочем, не подлежит, конечно, никакому сомнению, что отмечаемые Никольсоном организационно-административные дефекты лишь ещё больше усугубляли действие и эффект этих причин.

* * *

*

В заключение — несколько слов об отношении Никольсона к Германии. Я уже говорил выше, что в эпоху Парижской конференции Никольсон был сторонником вильсонизма. Это означало, что он был противником линии Клемансо и отстаивал принцип «мягкого» обращения с Германией. В дневнике Никольсона можно найти немало высказываний в таком духе. Именно поэтому он считал Версальский договор большим несчастьем для

Европы, находя его слишком суровым. Именно поэтому, заноса в дневник сцену подписания договора в Версале, он заканчивает её восклицанием: «Всё это было ужасно!»

События последующих лет не могли, конечно, пройти бесследно для Никольсона. В настоящей книге, которая вышла в Лондоне в июне 1933 г., когда Гитлер уже пришёл к власти, но когда всё значение данного факта ещё не было по-настоящему оценено в Англии, мы находим сильные отзвуки парижских настроений Никольсона в отношении Германии. Действительно, в первой части книги, суммирующей взгляды автора на Париж и Версаль в перспективе прошедших с того времени 14 лет, то и дело прощупывается их влияние. Однако дальше картина меняется. В годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, Никольсон, как уже упоминалось выше, вёл вполне определённую линию против Мюнхена, в своих парламентских и литературных выступлениях поддерживая линию Черчилля. С приходом войны Никольсон занял своё место на фронте борьбы с Германией. Хорошее представление о его нынешних настроениях в отношении немцев даёт следующий отрывок из статьи, опубликованной Никольсоном на страницах еженедельника «Спектейтор» в июле 1944 г. в связи с расстрелом английских военнопленных в Германии:

«Когда придёт победа и нацистская система будет повержена в прах, нас будут уверять, что вся деятельность гестапо вызвала у всех благомыслящих немцев ужасное возмущение. Будет сделана попытка убедить нас, что все акты жестокости и несправедливости, омрачавшие Германию в течение последних 11 лет, должны быть приписаны исключительно нацистской партии и её агентам, в то время как все положительные действия должны рассматриваться как свидетельство того, что «добрая Германия» никогда не исчезала полностью и должна теперь, пройдя через испытания и страдания, избавиться от банды преступников, которые в течение столь длительного периода давали цивилизованному миру искажённое представление о Германии. Такое различие между нацистской партией и германским народом не может быть принято Объединёнными нациями. Германский народ должен рассматриваться как соучастник преступлений, творимых с 1933 г. Разве могли бы эти преступления совершаться столь успешно, если бы германский народ без всяких угрызений совести не пользовался их выгодами? Теперь, когда успех перестал сопутствовать им и когда приблизился час расплаты, германский народ должен осознать свою причастность к этим преступлениям и искупить своё соучастие в них».

Хотя в предлагаемой вниманию читателя книге Никольсон ещё носит свой старый, «вильсоновский» костюм, это не мешает книге быть очень интересной и поучительной не только

для профессионального дипломата, но также и для каждого, кто интересуется вопросами внешней политики, особенно в связи с приближением часа окончательного разгрома гитлеровской Германии и проблемами послевоенного устройства мира.

Не подлежит сомнению, что основной проблемой при этом будет проблема международной безопасности и пути её эффективного разрешения.

«Выиграть войну с Германией, — говорил т. Сталин в своём докладе, посвящённом 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции, — значит осуществить великое историческое дело. Но выиграть войну ещё не значит обеспечить народам прочный мир и надёжную безопасность в будущем. Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то по крайней мере в течение длительного периода времени...

Для этого, кроме полного разоружения агрессивных наций, существует лишь одно средство: создать специальную организацию защиты мира и обеспечения безопасности из представителей миролюбивых наций, дать в распоряжение руководящего органа этой организации минимально-необходимое количество вооружённых сил, потребное для предотвращения агрессии, и обязать эту организацию в случае необходимости — применить без промедления эти вооружённые силы для предотвращения или ликвидации агрессии и наказания виновников агрессии.

Это не должно быть повторением печальной памяти Лиги Наций, которая не имела ни прав, ни средств для предотвращения агрессии. Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своём распоряжении всё необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию».

Книга Никольсона, дающая богатый материал о том, как не надо делать мир и строить механизм международной безопасности, может именно сейчас оказаться особенно полезной.

И. Майский.

Ноябрь 1944 г.
Москва

Книга первая

КАК ЭТО
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ
ТЕПЕРЬ

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРЕМИРИЕ

Дипломатия как искусство и наука. Элемент запутанности. Старая дипломатия и новая. Масштабы и задачи книги. Вопросы, которые она оставляет без ответа. Наступление мира. 11 ноября 1918 г. Соглашения, предшествовавшие перемирию. Ноты президента Вильсона от 23 октября и 5 ноября. Было ли налицо нарушение обязательств? «*Factum de contrahendo*»*. «Интерпретация» полковника Хауза. Как тогда смотрели на соглашения, предшествовавшие перемирию. Выборы по купону и избирательные обязательства г. Ллойд-Джорджа. Сущность этих обязательств. Общественная истерия. Обвинение в невежестве. Истинный характер подготовительных работ. Британские приготовления. «Анкета» полковника Хауза. Американская делегация в мирных переговорах. Французские приготовления. Отсутствие согласования.

1

Из всех видов человеческих усилий дипломатия является самым сложным. Историки и юристы, основываясь на дипломатических протоколах и отчётах, стремятся определить её очертания строгими штрихами науки. Литератор-публицист надеется отразить её красочные оттенки в изящном очерке. Специалисты — а их было много — от Кальера до Жюссера, от Макнивелли до Жюля Камбона — старались изложить свой собственный опыт в руководствах для тех, кто следовал за ними. Журналист придаёт своему изложению блеск и картинность. Однако во всех изложениях дипломатии, от кого бы они ни исходили, всегда остаётся элемент, который передать не удаётся, есть нечто неуловимое, не поддающееся определению.

Эта неопределённость в трактовке вызывается различными причинами. Прежде всего расхождением между текстом соглашения и той обстановкой, в которой оно постепенно было достигнуто. Далее есть расхождение между кажущимся и действительным развитием переговоров. Есть тенденция приписывать очевидное влияние фактам, которые только кажутся очевидными. Есть соблазн упрощать сложные мотивы действий, так

* Соглашение о (последующем) заключении договора. — *Прим. ред. переводца.*

что сами эти мотивы оказываются неправильно понятыми. Трудно определить соотношение между инициативой отдельного лица и направлением, в котором действует людская масса. Обнаруживается постоянное смещение языков, темпераментов, намерений и пониманий. В довершение всего и более всего есть опасность ошибиться в подлинной ценности вещей и приписать обстоятельствам, которые только кажутся значительными, важное значение, которого они на деле не имеют, и недооценить другие обстоятельства, которые представляются тривиальными, но которые в тот момент были определяющими.

Мне давно хочется изобразить новую дипломатию как непосредственную продолжательницу или преемницу той старой дипломатии, образ которой я пытался набросать в биографии моего отца¹. Чем больше я думаю над предметом, тем меньше я верю в то, что существует какое-либо действительное противоречие между старой и новой дипломатией. Дипломатия — это по существу организованная система переговоров между суверенными государствами. Самым важным в такой организации является элемент представительства: неотъемлемым требованием к каждому участнику переговоров является то, что он должен вполне представлять государя своей страны. Незначительные изменения в дипломатическом искусстве не следует поэтому изображать как резкий разрыв между этическими концепциями двух следующих друг за другом поколений. Это меньше вопрос этики, чем вопрос метода; другими словами, изменилось содержание суверенитета (понятие суверенной власти), а не те основные принципы, на которых строится действенная дипломатия. Теперь, когда демократия заменила государей, для каждого из нас очевидны те изменения, которые внесены в дипломатию; они вносятся в настоящее время и будут вноситься в будущем. И всё же описывать эти изменения в разрезе этических норм, а не с точки зрения их практической ценности, было бы искажением самой функции дипломатии. Противопоставление старой и новой дипломатии, таким образом, не только является преувеличением, но может оказаться пагубным для научного исследования международных отношений.

Укрепившись в этом убеждении, я решил, что не буду делать такого противопоставления. Я хочу, однако, в той или иной форме продолжить ранее начатое мной изучение предвоенной дипломатии² и закончить его в форме драматической трилогии; настоящий том представляет собой вторую из трёх драм. Я надеюсь закончить мою трилогию в форме ещё одной биографии и рассмотреть послевоенную дипломатию в связи с центральной личностью лорда Керзона³.

В данном—втором—томе трилогии я попытаюсь изложить переходную фазу от предвоенной к послевоенной дипломатии и дать картину Парижской мирной конференции. Вначале я наме-

решился сделать это также в форме биографии, поставив в центре моего рассказа личность Вудро Вильсона или Ллойд-Джорджа. Однако я обнаружил, что такое сосредоточение внимания не может передать того чудовищного распыления энергии, которое было на деле характерной чертой Парижской конференции. Отчётливая перспектива, личная последовательность стремлений, свойственная биографическому методу изложения, не годятся для моей цели. Я вполне понимаю, что, оставив своё первоначальное намерение, я много теряю в архитектонике книги, не смогу возбудить такого интереса и не получу за свою работу значительного гонорара. Но приняв биографический метод, я упростил бы вопрос и не показал бы запутанную и сложную картину действительности. Поэтому я решил описать мирную конференцию такой, какой знаю её по своему личному опыту.

Здесь я снова встретился с затруднением. Я понял, что теперь ещё невозможно дать связное описание конференции ни в тематической, ни в хронологической последовательности. К тому же, последовательное изложение не создаст правильного впечатления. Важными для понимания Парижской конференции являются её поразительная непоследовательность и полное отсутствие какого бы то ни было метода в переговорах с неприятелем или даже в навязывании ему условий. Подлинная история конференции будет когда-нибудь написана в авторитетном и удобочитаемом изложении. Но, возможно, останется неописанной атмосфера тех несчастных месяцев, туманом которых мы были окутаны. Моё исследование является поэтому исследованием в тумане. Читатель не должен искать ясности. Её не было на конференции.

Я прочитал, мне кажется, большинство из тех многочисленных книг, которые были опубликованы о мирной конференции начиная с 1919 г. Некоторые из них превосходны; другие оставляют противоположное впечатление. И всё же из всех этих книг я вынес чувство, что в них упущено нечто существенное; я уверен, что этим существенным является элемент запутанности. Именно этот элемент, и только этот, я пытался показать в предлагаемой книге.

Память о тех напряжённых днях слишком сильна во мне. Я освежил мои воспоминания чтением дневника, который вёл в то время. Я решил поместить во второй части книги большую часть дневника, будучи уверенным в том, что своей тривиальностью и отрывочностью он отражает лучше, чем любой комментарий человека средних лет, ту самую атмосферу, передать которую было моей целью. Моё критическое отношение к собственному дневнику я старался выразить молча. Следует учесть, что тогда я был молод, и моё возбуждение извинительно. Для таких ошибок не требуется иных извинений,

И всё же мой основной тезис, я полагаю, ясен. Он состоит в следующем. В атмосфере того времени, тех страстей, которые были вызваны в демократических странах четырьмя годами войны, было бы невозможно, даже для сверхчеловека, наметить мир умеренный и справедливый. Задача участников парижских переговоров ещё более осложнялась особыми обстоятельствами, запутавшими положение. Идеалы, к которым их торжественно призывал президент Вильсон, были не только неосуществимы сами по себе, но требовали для своего выполнения тесного и непрерывного сотрудничества Соединённых Штатов. Мы чувствовали, что такое сотрудничество, возможно, будет тесным, но оно не сможет быть непрерывным. Поэтому такие люди, как Клемансо и Ллойд-Джордж, старались найти среднюю линию между стремлениями своих демократий и более умеренными требованиями, которые подсказывал им их опыт, а также между теологией президента Вильсона и практическими нуждами расстроенной Европы. Все эти противоречия вместе образовали пропасть, через которую следовало перекинуть мост посредством компромиссов, кажущихся следующему поколению лицемерными и обманчивыми. Но разве эти компромиссы не были неизбежными? Следовало ли ожидать, что человечество, только что испытывшее безумие великой войны, сможет сразу же проявить ясное спокойствие, проявить сверхчеловеческую мудрость?

Я не отвечаю на эти вопросы. Я предоставляю будущему поколению ответить на них. Мне хотелось бы только показать, что ошибки являются постоянным, а не случайным фактором истории и что будущие участники переговоров, как бы ни были благородны их побуждения, будут так же тщетно пытаться избежать ошибок, не менее серьёзных, чем те упущения или намеренно принятые неверные решения, которые допустил Совет пяти. Участники парижских переговоров были убеждены, что никогда не впадут в такие заблуждения и не совершат тех несправедливостей, которые допустил Венский конгресс. Будущие поколения в равной мере будут убеждены, что они обладают иммунитетом от тех недостатков, которые отличали участников парижских переговоров. Тем не менее они в свою очередь могут быть поражены теми же микробами, той же инфекцией, характерной для человеческого мышления, всегда недостаточного для разрешения исторических задач.

С глубоким сожалением оглядываясь назад, я вспоминаю то ноябрьское утро, когда г. Ллойд-Джордж со ступеней дома на Даунинг-Стрит⁴ объявил о перемирии. Этот момент по сей день оставил неизгладимое впечатление в моём сознании. Я работал в подвальном этаже здания министерства иностранных дел, в зеленовато-лиловатом помещении, которое всего за несколько недель перед тем было отведено под убежище на

случай немецких воздушных налётов. Я готовился к предстоящей мирной конференции. Точнее, в то утро 11 ноября я изучал вопрос о Струмицком коридоре⁵.

Проработав около часа, я обнаружил, что мне необходима ещё одна географическая карта. Я отправился наверх, в зал, где находилось картохранилище. По пути я зашёл в кабинет управляющего делами, чтобы заказать ещё несколько ящиков для дипломатической почты, которые я намеревался взять на конференцию. Я подошёл к окну и посмотрел на дом № 10 по Даунинг-Стрит⁶. На улице стояла группа людей и пять-шесть полицейских. Было 10 часов 55 минут утра. Вдруг открылась парадная дверь и на пороге появился Ллойд-Джордж; его седые волосы развевались по ветру. Он замахал руками. Я быстро открыл окно. Ллойд-Джордж выкрикивал снова и снова одни и те же фразы. Я уловил его слова: «Сегодня в 11 часов утра война закончится».

Толпа бросилась к нему. Улыбаясь, он неумело попросил её разойтись и скрылся за массивной парадной дверью. Люди побежали по Даунинг-Стрит, и через несколько минут вся улица была запружена народом. Аплодисментов не было. Молчаливая толпа стекалась на Хорс Гард Парад⁷. Она собиралась вокруг ограды сада на Даунинг-Стрит. Из моего окна я мог хорошо видеть Ллойд-Джорджа, который вышел в сад в восторженном и взволнованном состоянии духа. Он пошёл было к калитке и затем остановился. Сопровождавшие его два секретаря настаивали, чтобы он вышел. Ллойд-Джордж открыл дверь, вышел на площадь, помахал руками и снова скрылся. Толпа бросилась к нему, горячо аплодируя ему вслед. С того времени у меня осталось самое яркое впечатление о Ллойд-Джордже. Человек, отступающий перед слишком возбуждёнными, истерически аплодирующими ему вслед почитателями. Должен ли он был выйти к толпе? Выйдя, должен ли он был убежать, как мальчишка? Эта сцена была символом многого того, что должно было затем последовать. Оказавшись в саду за оградой, г. Ллойд-Джордж вместе с сопровождавшими его двумя секретарями смеялся от души. Это была трогательная сцена.

Итак, немцы всё-таки дали свою подпись. Я вернулся к себе в подвал, к вопросу о Струмице. Когда я вышел оттуда, Лондон сошёл с ума.

Вот как я узнал, что наступил мир.

2

Много лет прошло после тех ноябрьских дней, когда я в моём зеленовато-лиловатом подвале трудился над вопросом о Струмице. Сегодня мне ясно, что в то самое время правители мира были заняты ещё более серьёзными проблемами.

При рассмотрении юридической основы мирных договоров необходимо с самого начала сосредоточиться на вопросе о том, образует ли трёхсторонняя переписка, происходившая в октябре (1918 г. — *Прим. ред. перевода*) между Вашингтоном, Берлином и столицами союзных государств, обязательство в юридическом смысле слова. До того как продолжать наше повествование, существенно необходимо поставить следующий вопрос: действительно ли немцы сложили оружие, полагаясь на обязательство своих врагов, что мирные условия будут в точности соответствовать 23 принципам президента Вильсона? * Если так, то выполнили или нарушили союзники и присоединившиеся государства эти торжественные обещания, когда Германия оказалась в их власти?

Эта проблема имеет настолько существенное значение для любого описания мирной конференции, что я чувствую себя обязанным последовать примеру моих предшественников на этом тернистом пути и повторить в моей первой главе основные черты соглашения («*Pactum de contrahendo*»), которое предшествовало перемирию между Германией и государствами-победителями. Основные документы могут быть обобщены следующим образом. 5 октября принц Макс Баденский после многих тревожных обращений по телефону в германскую ставку обратился с официальной нотой к президенту Вильсону, в которой просил президента начать переговоры о мире на основе его 14 пунктов и его 9 последующих принципов и облегчить немедленное заключение перемирия. 8 октября президент ответил в форме трёх вопросов: а) принимает ли германское правительство 14 пунктов в качестве основы желаемого им договора, б) уведёт ли оно немедленно свои войска со всех чужих территорий, в) может ли оно дать заверение, что настоящее и будущее правительства Германии будут основаны на истинно демократической основе. 12 октября канцлер ответил утвердительно на каждый из трёх вопросов. Канцлер добавил, что «целью переговоров будет лишь обсуждение практических деталей применения условий», содержащихся в 14 пунктах Вильсона и его последующих заявлениях. 14 октября президент Вильсон снова обратился к германскому правительству. Он заявил, что не может быть переговоров о таком перемирии, которое «не предусматривало бы вполне достаточной гарантии для поддержания теперешнего военного превосходства» армий союзных и присоединившихся государств. Он добавил, что подводная война должна быть немедленно прекращена и что в Берлине должно быть образовано демократическое и представляющее народ правительство. 20 октября германский

* Эти принципы (именно 14 пунктов, четыре принципа и пять оговорок) изложены на стр. 50—51 настоящей книги. — *Прим. автора.*

канцлер сообщил о принятии и этих условий. 23 октября президент Вильсон, получив заверения о безоговорочном принятии «условий мира», изложенных в его заявлениях, уведомил германское правительство о том, что он готов обсудить с союзниками вопрос о предоставлении перемирия на этой основе. Президент повторил, что условия перемирия должны исключать всякую возможность возобновления военных действий. Он намекнул, что дорога к миру будет облегчена, если предварительно исчезнут самодержавные государи. Вильсон добавил, что он переслал союзным правительствам корреспонденцию, которая возникла между ним и германским правительством. Президент запрашивал германское правительство, согласно ли оно со своей стороны «вести дело к миру на указанных условиях и принципах». 5 ноября президент переслал германскому правительству ответы, которые он получал от своих союзников. Союзные правительства заявляли о своей готовности заключить мир с германским правительством на базе «условий мира», выдвинутых президентом, с двумя поправками. Первая поправка касалась вопроса о свободе морей. Вторая поправка распространяла принцип «восстановления» на «все разрушения, причинённые гражданскому населению союзников и их собственности агрессивными действиями Германии на суше, на море и с воздуха». По получении этого заверения германское правительство немедленно направило своих делегатов для получения условий перемирия. Условия перемирия были выработаны на конференции Верховного совета в Версале; они отдавали Германию полностью на милость союзных государств на суше и на море; подписание их состоялось в Компьенском лесу, в понедельник 11 ноября, в 5 часов утра.

В следующей главе я намерен описать своё благоговение перед 14 пунктами; я намерен суммировать эти пункты и относящиеся к ним принципы; я покажу далее, как 19 из 23-х «мирных условий» президента Вильсона были грубо нарушены Версальским договором, когда он был окончательно выработан.

Здесь я коснусь только предшествующего перемирию соглашения, по которому Германия выразила готовность капитулировать, уверенная в том, что предложенные ей мирные условия будут полностью соответствовать принципам Вильсона и будут не чем иным, как применением на практике и в деталях 23 условий; только на этих условиях Германия соглашалась сложить оружие. Выше я суммировал переписку, в которой это соглашение было изложено. Но это ещё не всё. Кроме мистера Уинстона Черчилля, никто не придавал достаточного значения «комментариям» полковника Хауза к 14 пунктам, комментариям, которые предшествовали принятию этих пунктов союзными державами. Полковник Хауз в то время был американским представителем в Верховном военном совете в Версале.

Именно этот орган одобрил условия перемирия, после того как они были составлены, и через посредство этого органа союзные государства приняли «условия мира» президента Вильсона. «Интерпретация» полковника Хауза, или его «комментарии» к 14 пунктам, является, таким образом, документом жизненно важного значения.

Эти «комментарии» 29 октября 1919 г. были по телеграфу отправлены на утверждение президенту Вильсону. Они содержали следующее толкование 14 пунктов и новых принципов. Выражение «открытые договоры» не должно было быть истолковано как препятствие к тайным дипломатическим переговорам. Понятием «свободы морей» президент имел в виду не устранить блокаду как оружие войны, а всего лишь обеспечить известное уважение к правам частных лиц и их собственности. Президент лично выдвинул теорию, что в будущих войнах ввиду существования Лиги наций «не должно быть нейтралов». При таком двойном толковании второй из 14 пунктов стал весьма неопределённым. Требование свободной торговли между государствами мира не должно истолковываться как исключаящее всякую защиту отечественной промышленности. Далеко не так. Всё, что означал этот пункт, было лишь принципом «открытых дверей» в отношении сырья и запрещением дискриминационных тарифов между государствами — членами Лиги наций. Пункт, касающийся «разоружения», подразумевал, что государства должны принять принцип разоружения и должны согласиться на назначение комиссии для рассмотрения его в деталях. Германские колонии могут, когда наступит время, рассматриваться в принципе как собственность Лиги наций и быть распределены на условиях аренды среди желательных мандатариев. Бельгия должна получить возмещение всех военных издержек, поскольку все издержки, которые имела эта несчастная страна с августа 1914 г., являются вынужденными. Франция, с другой стороны, не получит полного возмещения своих военных расходов, а должна лишь получить удовлетворение за все фактически причинённые немцами разрушения. Претензия Франции на территории Саара была «явным нарушением предложения президента». Италия, по мотивам безопасности, могла требовать бреннерскую границу, но немецкое население, которое, таким образом, окажется в пределах итальянской границы, должно было получить «полную автономию». Угнетённые народы Австро-Венгрии получают полную независимость под условием гарантии для национальных и языковых меньшинств. Простая автономия «была более недостаточна». Болгария, с другой стороны (страна, с которой Соединённые Штаты не находились в войне и которой они в прошлом оказали большую помощь в области просвещения и в порядке филантропии⁸⁾), получит возмещение за вступление

в войну против нас. Ей собирались дать не только Добруджу и западную Фракию, но и восточную Фракию до линии Мидия — Родосто⁹. Константинополь и проливы предполагалось поставить под международный контроль. Центральная часть Малой Азии должна была оставаться турецкой. Великобритании могли быть предоставлены Палестина, Аравия и Ирак. Грекам, вероятно, намечалось дать мандат на Смирну и прилегающую область. Армения должна была быть образована как независимое государство под опекой какой-либо великой державы. Польше предполагалось дать доступ к морю, хотя это и было сопряжено с трудностями, заключавшимися в отделении Восточной Пруссии от остальной Германии. Полковник Хауз проявил осторожность, предупредив президента, что такое урегулирование вопроса вызовет трудности. И, наконец, Лига наций должна была стать «основой дипломатического здания постоянного мира».

Я не хочу, чтобы меня поняли так, будто полковник Хауз, представив эти свои комментарии союзным государствам, виновен в каком бы то ни было желании изменить 14 заповедей. Я глубоко уважаю полковника Хауза, считая его самым лучшим из дипломатов, которых дала нам до сего времени Америка, но всё же признаюсь, что его «комментарии» грешат весьма нежелательной неясностью. Не на базе ли этих комментариев союзники приняли 14 пунктов, четыре принципа и пять условий как основу будущего мирного договора? Если так, то следовало информировать об этом враждебные державы. В своих рассуждениях я допускаю, возможно, ошибки, поскольку подлинные документы, фактический обмен предложениями и аргументы пока ещё неизвестны¹⁰. Однако трудно противостоятъ тому впечатлению, что враждебные державы приняли 14 пунктов в их первоначальном виде; между тем союзные державы приняли их в том виде, как они интерпретированы полковником Хаузом на заседаниях, результатом которых была его телеграмма от 29 октября. Где-то, среди спешки, тревог и неясностей тех октябрьских дней, следует искать объяснение основных недоразумений, которые с того времени возникли.

Во всяком случае мы, эксперты и чиновники, не знали об «интерпретации» полковника Хауза. Мы смотрели на 14 пунктов и сопровождавшие их заявления, как на хартию нашей будущей деятельности. Как это будет показано ниже, обнаружилась значительная брешь между этими условиями, которые мы считали для себя обязательными, и фактическими результатами. Если бы мы знали о комментариях полковника Хауза, быть может, в апреле (1919 г. — *Прим. ред. перевода*), мы ухватились бы за них, как за оправдание наших отступлений. Но прошло много лет, прежде чем я о них услышал. Я не могу ни минуты утверждать, что тогда комментарии оказали хоть малейшее влияние на моё поведение. Я изменил 14 пунктам.

Цель этой книги состоит в том, чтобы дать некоторые указания или намёк на причины этой измены или обстановку, в которой она совершилась.

Моя цель, однако, заключается не в том, чтобы комментировать документы. Моим единственным намерением является восстановить былое душевное состояние и рассказать о нём. Я сознаю, что не могу говорить о других, а только о своём собственном душевном состоянии, — стоит ли его ещё возвращать из плена времён? Я утверждаю, однако, что то состояние, в котором находился в то время я, испытывали 95% тех, кто хоть и не принадлежал к политическим деятелям, был всё же активно вовлечён в политику. Когда я употребляю в книге слово «мы», я подразумеваю под ним многих, кто в Париже чувствовал и думал так же, как я. И мы представляли широкую, отнюдь не совсем глупую часть общества. Мне думается, что моё собственное представление о договорной основе перемирия и последующего мирного договора фактически отражает точку зрения среднего человека, широко, и не без основания, распространённую. Я не помню, чтобы в то время расхождения между нашей собственной концепцией «*Pactum de contrahendo*» и интерпретацией его в Германии представлялись нам столь резкими, как это утверждали позднее.

С одной стороны, мы были убеждены, что с распадом германской обороны на западе, а также с падением Австрии, Турции и Болгарии Германия во всяком случае будет поставлена на колени. Мы с облегчением вздохнули, когда было принято перемирие, поскольку это означало более быстрое окончание войны. Но мы были убеждены, что если Германия откажется сдаться, то пройдёт всего несколько месяцев, а может быть, и недель, как её принудят капитулировать на её собственной территории. С другой стороны, в ту осень 1918 г. мы честно верили, что длительный мир может быть основан только на принципах президента Вильсона. Другими словами, нам никогда не приходило в голову, что мы купили капитуляцию Германии, предложив ей 14 пунктов. Капитуляция нам казалась неизбежной в любом случае; 14 пунктов в то время мы принимали как нечто данное. Доказывать что-либо другое — значит переносить на ноябрь 1918 г. идеи и стремления, которые не выражались открыто вплоть до марта 1919 г.

3

Такое неправильное датирование мнений является в действительности ошибкой, более присущей историкам, чем приписывание современникам ложных побуждений. Историк сказал бы, что мнения, сложившиеся в марте, возникли из ряда государственных актов и документов, которыми правительства обменялись (в совершенно других условиях) прошлой осенью.

Неизбежно историк смешивает одно с другим. Именно из такого смешения и возникают ошибки в суждениях историков.

В равной мере непризнанной причиной исторических недоразумений является раннее и часто случайное возникновение исторической легенды. Некоторые живописные детали, цветистые фразы проникают в сознание публики. Эти детали и фразы запоминаются. Неизбежно факты (а мы называем «фактами» вехи времени) располагаются сами за этими весьма живописными указательными столбами. Под таким углом зрения создаётся перспектива, и к тому же часто неправильная.

Два таких указательных столба возникли в начальный период конференции. Первым из них является выражение: «Мы будем жать лимон, пока не услышим, как косточки затрещат»¹¹. Вторым является признание мистера Ллойд-Джорджа, что он никогда не слышал о Тешине¹². За первым проходит вся проблема «выборов в хаки» в декабре 1918 г.¹³ За вторым группируются бесчисленные легенды о том, что члены мирной конференции выехали в Париж без какой бы то ни было предварительной подготовки, что они все без исключения были невежественными и плохо осведомлёнными людьми. Против каждой из этих легенд я хотел бы предостеречь будущего историка. Для него я и составил мои записки.

Всеобщие выборы в декабре 1918 г. были безусловно катастрофой. Были ли они ошибкой, — ещё вопрос. Асквит назвал их тогда «грубой ошибкой и несчастьем». Бесспорно, они были несчастьем. Выборы привели в Вестминстер¹⁴ в высшей степени неспособный состав бывших учеников закрытых школ¹⁵, каких когда-либо видел английский парламент, этот родоначальник всех представительных собраний. Тем не менее ещё вопрос, были ли они ошибкой, которой можно было избежать. Термин «грубая ошибка» используется теперь для обозначения тех действий государственных деятелей, относительно которых им не удалось предварительно посоветоваться с тем или другим из наших газетных магнатов. Но на обыкновенном языке это означает ошибку, которой при небольшой предусмотрительности можно было легко избежать. Я не думаю, чтобы «выборов в хаки» 1918 г. можно было легко избежать. Я предпочитаю называть их достойной сожаления необходимостью, к которой пришлось прибегнуть без полного сознания того, как в ней ещё придётся раскисаться.

Недавно г. Ллойд-Джордж заверил меня, что, окажись он снова в ноябре 1918 г., он всё же рискнул бы провести выборы. Его доводы интересны и, на мой взгляд, справедливы. Он утверждает, что коалиционному правительству в то время угрожали заговорщики слева и справа. Правые, которых возглавлял эгоманиак лорд Нортклифф¹⁶, стояли за мир победителей. Левые, за которыми стояло возбуждённое и невежественное мне-

ние, требовали немедленной демобилизации. Если бы Ллойд-Джордж поехал в Париж, оставив незащищёнными оба этих открытых фланга, он был бы стеснён и не уверен в принятии любого решения. Для него было важно обеспечить себя непрекаемым мандатом. Он не мог, конечно, предвидеть, что эти выборы по купону¹⁷ обременят его палатой общин настолько невежественной, что она начнёт оказывать поддержку таким неуравновешенным личностям, как полковник Клод Лаутер и мистер Кэннеди Джонс.

Но это не всё. Г-н Ллойд-Джордж предвидел, что если он должен преодолеть искажённый болью за родину национализм Франции, мистический и высокомерный республиканизм Америки и возможные разногласия делегаций доминионов, то ему необходимо по крайней мере обеспечить себя от каких бы то ни было подозрений в том, что он действительно является представителем Англии. И всё же бывали моменты, когда его право говорить от имени Великобритании оспаривалось, и притом не без лукавства. Были случаи, когда государственные деятели других стран пытались мобилизовать против него оппозиционные элементы внутри страны, когда они флиртовали и с тори¹⁸, и с левыми либералами¹⁹, и с оппозиционерами из рабочей партии²⁰. На протяжении всей конференции лорд Нортклифф, обиженный тем, что он не был сам назначен в состав мирной делегации, обращал против Ллойд-Джорджа потоки бурного негодования. Сомнительно, мог ли бы премьер-министр противостоять такому напору, если бы он не опирался на мандат подавляющего большинства британских избирателей.

Однако остаётся прискорбным, что британские либералы должны были отдать себя во власть джингоистов палаты общин и джингоистов из прессы.

Но не по этой общей линии выборы по купону 1918 г. заслужили неодобрение историков. Полагаясь на популярную легенду, историки и поныне распространяют убеждение, что г. Ллойд-Джордж, уезжая в Париж, был неразрывно связан своими избирательными обещаниями. Это убеждение неверно. Во-первых, г. Ллойд-Джордж слишком реалист, чтобы связывать себя какой бы то ни было демагогией. Во-вторых, в своих избирательных речах он обещал лишь немного, что было бы несовместимо с разумным миром. Не он употребил бессмертную фразу о лимоне и косточках. Это был один из его менее опытных коллег²¹. Я постарался восстановить в точности избирательные обещания г. Ллойд-Джорджа и сравниваю их с просвещённым мнением того времени. Из этого сравнения я выношу убеждение, что Ллойд-Джордж был более осторожен, более либерален, чем те, кто сегодня клеветает на него.

Это мнение очень важно для моей цели, и я намереваюсь подтвердить его далее. 12 ноября, через день после великого

события, г. Ллойд-Джордж выступал перед своими либеральными сторонниками на Даунинг-Стрит, 10. Он сказал следующее: «Соглашение, которое противоречило бы принципам твёрдой справедливости, не будет постоянным. Пусть нам послужит предостережением пример 1871 г. Мы не должны позволить, чтобы над основными принципами справедливости восторжествовали какие бы то ни было чувства мести, какие бы то ни было чувства алчности или захватнические стремления. Будут предприняты энергичные попытки воздействовать или запугать правительство с целью заставить его отступить от принципов права и уступить грязным, подлым, мелочным идеям мести и алчности». Этот благородный либеральный взгляд он поддерживал (пусть с отклонениями) в течение всей конференции и даже в начальной стадии избирательной кампании. Он сосредоточивал внимание избирателей на послевоенной реконструкции. В Вульвергемптоне 24 ноября он говорил о своём отвращении к избирательным трюкам; он выдвигал в качестве своего единственного стремления «сделать Англию страной, достойной героев». Д-р Аддисон, кандидат коалиции от Шоредича, первым выступил с более популярными лозунгами. «Таймс», который тогда переживал глубоко унижительное время контроля лорда Нортклиффа, быстро подхватил народную истерию. «Проверкой правительства для среднего избирателя, — писал «Таймс» 29 ноября, — должен быть вопрос о судьбе кайзера»²². «Это, — повторял «Таймс» 2 декабря, — один из решающих вопросов избирательной кампании». Был и другой вопрос: «Нет такого возмещения расходов, — заявлял г. Остин Чемберлен в округе западного Бирмингама, — которое могло бы считаться для нас чрезмерным».

Г-н Ллойд-Джордж оказался неизбежно подверженным влиянию такого «патриотизма» со стороны своих сторонников и со стороны «Таймса». Мы встречаем его 30 ноября в Ньюкастле говорящим о «безжалостно справедливом мире», об «условиях не мести, а предотвращения преступлений против мира». Мы находим его обвиняющим германского императора в «убийстве». Мы слышим его заявление о том, что Германия должна возместить полностью стоимость войны «до предела её возможностей». В «Заявлении о политике правительства», опубликованном в декабре, фигурируют в качестве первых двух пунктов суд над экс-кайзером и оплата «полных издержек войны». В Лидсе 9 декабря он говорил о «плодах победы». В Бристоле три дня спустя он употребил неясное выражение «проигравший платит». В результате всех народных чувствований сторонники коалиции получили большинство на 262 мандата по сравнению со всеми остальными партиями. Г-н Асквит был побит сэром Александром Сприттом; г. Рамзэй Макдональд и г. Сноуден были буквально раздавлены; Горацио Боттомли был избран

триумфальным большинством в Хэгни; г. Пембертон Биллинг возглавил избрание от восточного Гертфордшира. «Пацифисты разгромлены», — заявил «Таймс». Купоны сделали своё дело.

Во всём этом демократическом столпотворении г. Ллойд-Джордж, можно теперь сказать, никогда не терял полностью головы. В заявлениях о том, что Германия должна возместить издержки войны, он всегда проявлял осторожность, обуславливая это приятное заявление двумя оговорками. Он предостерегал своих слушателей, что такое возмещение должно быть ограничено, во-первых, способностью Германии к платежу и, во-вторых, тем, что такое возмещение не должно нанести урон нашему собственному экспорту и внутренней торговле. «Таймс» резко порицал его за эти оговорки. «Единственным критерием, — писала газета, — в определении возможности к возмещению должны быть выгоды союзников».

Лозунг «Под суд кайзера» является в свою очередь таким, который вызовет у будущих историков немалое замешательство. Историк будет пытаться приписать его недавнему предоставлению избирательного права женщинам и главным образом возросшей истерии британских политиков. Поступая так, историк придёт к неправильному заключению. Вполне возможно, что женщинам и свойственно приписывать отдельному лицу страдания, вызываемые массой обстоятельств. В печати недавно утверждали, что было бы не плохо для психологического оздоровления Европы, если бы Вильгельм II стал козлом отпущения, поскольку стремление найти виновника войны могло бы, таким образом, получить удовлетворение. И в самом деле, желание наказать Германию в лице этой несчастной жертвы было не только желанием женщин. Передо мной речь, произнесённая 11 ноября в Нью-Йорке, в Кернеджи Холле, г. Альфредом Нойсом. Он сообщил своим объётым страхом слушателям, что «реакционеры» среди союзников намереваются спасти императора от международного суда. «Эти люди, — восклицал Альфред Нойс, — разрешили бы кайзеру возвратиться на свою яхту, на обед с шампанским, в то время как тела двадцати миллионов убитых им людей разлагаются в земле». Г-н Нойс не был одинок в своих заявлениях. Сознание британского народа в недели, последовавшие за перемирием, было искалечено триумфом и изранено страхом.

Ненависть также была ещё сильна. Если бы немцы вели себя благоразумно в недели, предшествовавшие перемирию, возможно британское общественное мнение, которое является наименее злопамятным, забыло бы о своей ненависти, вызванной страхом, пережитым в 1914—1917 гг.²³ Но немцы вели себя далеко не благоразумно. 16 октября (одиннадцать дней спустя после их первой просьбы к президенту Вильсону о посредничестве) они торпедировали близ Кингстона ирланд-

ский почтовый пароход «Лейнстер». Утонуло 450 мужчин, женщин и детей. Эта жестокость, совершённая перед самым исходом войны, была ещё свежа в народном сознании. «Народ с сердцем зверя», — писал о немцах Киплинг. «Скоты они были, скотами и остались», — сказал мягкосердечный Артур Бальфур. Я обращаю внимание историков на моральный эффект, который произвело торпедирование парохода «Лейнстер»²⁴. Он был глубже и более непосредственным, чем это кажется нам сегодня.

Другой вехой, которая может завести историка в тупик, является признание Ллойд-Джорджа, что он никогда не слышал о Тешине. Выступая в палате общин 16 апреля 1919 г., он сделал следующее чистосердечное, скромное и замечательно разумное заявление: «Многие ли из членов палаты слышали когда-либо о Тешине? Я не скрою, что я никогда не слышал о нём». Очевидно, не больше семи членов палаты общин могли тогда знать об этом отдалённом и злосчастном герцогстве²⁵, и всё же признание мистера Ллойд-Джорджа вызвало ужас в сердцах таких специалистов дел политических, как Уикхэм Сид, который в течение многих лет был знаком с тешинской проблемой. Тотчас же поднялся шум. «Ллойд-Джордж ничего не знает о проблемах, которые он берётся урегулировать. Мы узнали об этом из его собственных уст. Вся британская делегация в Париже, вся конференция фактически является невежественной, неподготовленной. Нас постигло бедствие». Этот крик отдавался в сердцах всех тех, кто читал «Дейли Мейл»²⁶. Сегодня это стало установившимся мнением и всё же, в действительности оно ошибочно. Затруднения Парижской конференции состояли не в том, что было мало информации, а в том, что её было слишком много. Несчастье было не в отсутствии подготовки, а в отсутствии координации. Именно это и испортило всё дело с самого начала.

Этот пункт заслуживает дальнейшего анализа. Ясно, что было бы трудно в течение четырёх лет войны для кабинета или даже для постоянных чиновников выработать детальную программу заключения мира. Во-первых, водопад текущих дел был настолько велик, что не было ни времени, ни сил человеческих, которые можно было бы использовать для этих целей. Во-вторых, было невозможно вплоть до последних нескольких месяцев 1918 г. предсказать даже приблизительно условия окончательного мира. В-третьих, руководители народов, естественно, не желали брать на себя ответственность за детальные условия мира, которые в случае окончания войны без победы могли оказаться слишком жёсткими или в случае полной победы слишком умеренными. Это не означает, однако, что не было вообще проведено никакой подготовительной работы. Далеко не так. В каждой из трёх главных стран были созданы организации для подготовки материалов к мирной конференции.

В Великобритании специальная организация по собиранию материалов и подготовке штата для мирной конференции была создана весной 1917 г. Мистер Алвин Паркер, библиотекарь министерства иностранных дел, посвятил свой замечательный талант администратора выработке плана всей будущей мирной конференции. Он даже приготовил схему в красках, изображавшую будущую британскую секцию на конференции. На этой схеме премьеры, министры и делегаты доминионов были нанесены соответствующими кружками, закрасенными в зелёный, красный или голубой цвет; вся схема напоминала астрономическую карту, на которой и самого г. Паркера можно было увидеть скромно вращающимся подобно Луне вокруг Юпитера в лице лорда Гардинга оф Пенехорст, «посла с организационными функциями». Правда, на мирной конференции схема г. Паркера не пришлось играть той роли, на которую рассчитывал автор. Увидев его карту, г. Ллойд-Джордж весело рассмеялся. Однако другие схемы г. Паркера принесли свои плоды и оказались поистине бесценными. Благодаря его предвидению и его точности громадная британская делегация разместилась в отеле «Мажестик» и отеле «Астория» без сучка и задоринки. Благодаря его способности к координации военное министерство, адмиралтейство, департамент военной экономики и министерство иностранных дел были в состоянии подготовить материалы, которые ни в одном важном пункте не расходились между собой. Наконец, историческая секция министерства иностранных дел под руководством д-ра Дж. В. Прозеро подготовила ценнейшие справочники для мирной конференции, составленные признанными специалистами, и снабдила делегацию точной информацией по любому вопросу, который мог возникнуть. Эти справочники позднее были опубликованы. Если кто-либо из историков сомневается в качестве нашей подготовки, я рекомендую ему достать всю коллекцию этих материалов из Лондонской библиотеки²⁷ и прочесть её. Он согласится, что не могло быть более авторитетного, исчерпывающего и ясного источника информации, чем эти справочники.

Такая же организация была создана и в Соединённых Штатах в сентябре 1917 г. под именем Анкетной комиссии. Поставленная под общее руководство полковника Хауза и непосредственно подчинённая д-ру Мизесу, эта группа 150 научных работников целый год вела подготовку в Американском географическом обществе в Нью-Йорке. Количество собранных материалов было поразительным. Корабль «Георг Вашингтон», пересекая Атлантический океан, буквально стонал под тяжестью этих материалов. Эти исследования были дополнены бесценными докладами профессора Кулиджа, который ещё в декабре 1917 г. был поставлен во главе Американской комиссии по изучению Центральной Европы. Были моменты, когда

этот гуманный и блестящий учёный являлся единственным источником точной информации, которой располагала мирная конференция. Сейчас кажется неправдоподобным, что ни американские делегаты, ни конференция в целом не обращали должного внимания на здравые и умеренные советы Арчибальда Кулиджа. Эксперты делегации Соединённых Штатов набирались главным образом из Анкетной комиссии полковника Хауза. В Америке, особенно во время изучения мирного договора, слышались высказывания, что делегация Соединённых Штатов была плохо подготовлена к своей работе. Утверждения такого рода глупы и несправедливы. Я никогда не работал с людьми столь искусными, столь образованными и со столь широким кругозором или столь точно информированными, какими были американские делегаты на мирной конференции. Во всех случаях, когда наши мнения расходились, правы были они, а не я. Если бы мирный договор составляли исключительно американские эксперты, он был бы самым мудрым и самым научным из документов, какие когда-либо были написаны. К несчастью и по причинам, о которых будет сказано ниже, американская комиссия в течение первых двух недель потеряла уверенность в себе и, следовательно, тот авторитет, который по праву должен был ей принадлежать.

Приготовления французского правительства были менее детальными и, как оказалось, менее эффективными. Во Франции был образован Исследовательский комитет, работавший под руководством профессора Лависса, и некоторое время проводились исследования вспомогательного характера по экономическим вопросам под руководством г. Мореля. В последний момент Тардьё лично пытался согласовать результаты работ обеих комиссий. Это согласование, кажется, было не очень удачным. По моему мнению, делегация Соединённых Штатов была самой подготовленной. На втором месте идёт британская делегация; французы наверстали недостаток подготовки способностями и быстротой усвоения; итальянцы знали только о том, чего они сами хотели²⁸.

Таким образом, неправильно обвинять Парижскую конференцию в недостатке технических знаний и технической подготовки. Однако, как это бывает в большинстве случаев с критикой, которая имеет широкое и продолжительное хождение, эти обвинения содержат известную долю правды. Во-первых, материалы не были полностью обсуждены ни отдельными делегациями, ни экспертами делегаций и их полномочными представителями. Так, собранные мной материалы о Струмице потеряли всю ценность, поскольку я не мог получить от глав нашей делегации каких-либо данных о нашей политике в отношении Болгарии. О недостаточной связи между полномочными представителями и их собственными экспертами я буду

говорить в главе IV, когда перейду к рассмотрению организации самой конференции (под заголовком «Ошибки»). Об этом в равной мере могло бы быть сказано и в главе III («Неудачи»). Но, прежде чем перейти к рассмотрению наших неудач в Париже, я должен рассмотреть идеи, надежды и намерения, с которыми мы тогда, в январе 1919 г., выгрузились из вагонов на парижском Гар-дю-Нор²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *H. Nicolson, Sir Arthur Nicolson, Bart, first lord Carnock. A study in the Old Diplomacy, L. 1931.*

² *Г. Никольсон, Дипломатия, «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, М. 1941.*

³ См. *H. Nicolson, Curzon. The last phase 1919 — 1925. A story in post war Diplomacy, Boston and New York 1934.*

⁴ *Даунинг-Стрит* — улица, где расположено министерство иностранных дел Англии и официальная резиденция премьер-министра.

⁵ *Струма* — город в Вардарской бановине (Югославия), на реке Струмице. Струмицкий коридор, простирающийся на 20 километров в глубь Болгарии, требовала Югославия, которая и получила его по договору в Нейи.

⁶ *Дом № 10 по Даунинг-Стрит* — дом премьер-министра.

⁷ *Хорс Гард Парад (Конногвардейский плац)* — площадь перед зданием министерства иностранных дел.

⁸ США объявили войну Германии 6 апреля 1917 г., Турции — 20 апреля 1917 г., Австро-Венгрии — 4 декабря 1917 г., Болгарии США войны вообще не объявляли.

⁹ *Мидия* — порт на Чёрном море. *Родосто* — порт на Мраморном море. Восточную Фракию до линии Мидия — Родосто и даже вплоть до Мраморного моря центральные державы обещали Болгарии за вступление в войну против Антанты. Болгария в меморандуме, представленном Парижской конференции, предъявляла притязания на эту территорию, на которую претендовала и Греция.

¹⁰ Публикация документов и материалов по Версальскому договору только начата; важнейшие из них опубликованы в США и представляют собой дипломатическую переписку американского государственного департамента с делегацией в Париже. В большинстве европейских стран опубликованы мемуары участников Парижской конференции; эта мемуарная литература служит до сих пор основным источником для историков. См. также стр. 61, прим. 1.

¹¹ Эти слова были сказаны на митинге в Кембридже Эриком Геддесом, первым лордом адмиралтейства, одним из организаторов промышленности Англии во время войны.

¹² Тешинский округ до мировой войны входил в состав Австро-Венгрии. На Парижской конференции первоначально предполагалось провести там плебисцит, чтобы решить, к какой из стран наследниц Австро-Венгрии должен отойти этот округ. Чехословакия согласилась на третейское постановление Совета послдов в Париже 28 июля 1920 г.: Польша получила часть Тешина, находящуюся на правом берегу реки Ольсы, а Чехословакия — его правобережную часть и Карвинский угольный район.

¹³ *Выборы в хаки* — выборы, в которых участвовала армия.

¹⁴ *Вестминстер* — центральный район Лондона, где находятся здания английской палаты общин и палаты лордов. Употребляется обычно в переносном смысле как обозначение парламента.

¹⁵ *Закрытые школы* — аристократические средние школы в Итоне, Гарроу, Регби и др.

16 *Альфред Чарльз Хармсворт, лорд Нортклифф* — глава английского газетного концерна, контролировавшего издание крупнейших лондонских и провинциальных газет. В частности этот концерн издавал газету «Дейли Мейл». См. также примечание 26.

17 В период подготовки выборов Ллойд-Джордж и Бонар Лоу написали сторонникам коалиции письма, названные впоследствии купонами (по аналогии с хлебными карточками), которые служили рекомендацией для избирателей. Отсутствие индивидуальной характеристики кандидатур сторонников Ллойд-Джорджа дало повод к жестоким нападкам либеральной печати на систему выборов по купону.

18 *Тори* — партия консерваторов, представлявшая главным образом интересы аграриев, финансового капитала и крупной промышленности. Тори были сторонниками войны и согласились войти в коалицию вместе с либералами и лейбористами в кабинетах Асквита и Ллойд-Джорджа.

19 *Левые либералы* (группа Асквита) в противоположность национал-либералам — представители мелкобуржуазных кругов, выдвигавшие лозунг «демократического контроля над внешней политикой»; в 1918 и 1919 гг. выступали не раз в союзе с рабочей партией в противовес правительству Ллойд-Джорджа — коалиции либеральной партии с консерваторами.

20 Вожди рабочей партии (лейбористов), в этот период формировавшейся из радикально настроенной мелкой буржуазии и интеллигенции, называли «оппозиционерами» левые элементы в партии, впоследствии (в 1920 г.) образовавшие британскую компартию.

21 См. примечание 11.

22 Выборы 14 декабря 1918 г. проходили под лозунгами «Кайзера на виселицу» и «Всё до копейки платят немцы». Правительство Ллойд-Джорджа первоначально не выдвигало таких требований, но в ходе предвыборной кампании, чувствуя настроения избирателей, поддержало их.

23 Страх перед бомбардировками и возможностью германского десанта, испытанный в 1914—1917 гг., был быстро забыт англичанами. Более серьёзной ненависти они научились лишь во время второй мировой войны, когда налёты германской авиации на Англию принесли стране неизмеримо больших ущерб.

24 Первая нота Германии Вильсону о посредничестве была направлена 4 октября, вторая — 12 октября, а третья — 20 октября. «Лейнстер» был торпедирован 10 октября. В открытом море погибли сотни женщин и детей — доказательство того, что Германия даже накануне поражения не изменила методов ведения войны.

25 Злосчастным герцогством Никольсон называет Тешинский округ потому, что начиная со средних веков он переходил из рук в руки, являясь блоком раздора. См. также примечание 12.

26 «*Дейли Мейл*» — распространённая бульварная английская газета из группы Нортклиффа, тираж которой обеспечивается погоней за сенсацией. Выходила также отдельным изданием в Париже на английском языке.

27 *Лондонская библиотека* — клуб книги, основанный Карлейлем; одна из богатейших библиотек Лондона; содержит книги только по гуманитарным наукам.

28 Итальянцы на Парижской конференции были заняты главным образом осуществлением Лондонского договора 1915 г. и установлением своих границ, не принимая при этом во внимание ссылки делегатов других стран на изменившуюся обстановку, но ссылаясь на неё, когда это было им выгодно. В этом смысле интересен дневник участника конференции графа Альдрованди Марескотти («Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника 1914—1919 гг.», перевод с итальянского, со вступительной статьёй Б. Е. Штейна, «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, М., 1944).

29 *Гар-дю-Нор* — Северный вокзал, один из крупнейших вокзалов в Париже.

ГЛАВА АВТОРА

ЗАТЯЖКА

Настроение при отъезде в Париж. Венский конгресс. Новая Европа. Отношение к вражеским державам. Отношение к доктрине президента Вильсона. Наша вера вначале. Четырнадцать пунктов президента Вильсона и сопровождающие их заявления. В какой мере они внесены в окончательные договоры. Отель «Мажестик» и британская делегация. Конференция отложена. Отсрочка начала работ. Причины. В какой мере виноват в этом президент Вильсон. Его настояния на включении устава Лиги наций в мирный договор.

1

История Парижской конференции должна быть ещё написана¹. Пройдёт много лет, прежде чем полные материалы будут собраны или станут доступны, прежде чем документы будут (скажем, в 1953 г.) достаточными и достоверными. Живые свидетели к тому времени умолкнут или забудут, как было дело. Тем не менее я уверен, что на любом международном конгрессе именно живые люди определяют характер переговоров и их задачи. Цель этих записок состоит в том, чтобы передать впечатления живого свидетеля, пока они не выветрились от времени.

Каково же было настроение, с которым я выехал в Париж 3 января 1919 г.? Позвольте мне заверить, что я ни в какой мере не заблуждаюсь относительно своей собственной роли в этой драме. Я выражаю индивидуальную точку зрения, рискуя быть обвинённым в эгоизме. Я глубоко убеждён, что в состав экспертов на каком-нибудь конгрессе в Монреале в 1965 г.² будет входить дипломатическая молодёжь, подвластная тем же эмоциональным импульсам, той же самой неоправданной уверенности, которые воодушевляли меня утром за завтраком в поезде, мчавшемся от Кале к парижскому Гар-дю-Нор. Я был убеждён, что призван для разрешения задачи, к которой подготовлен продолжительными исследовательскими занятиями, вы-

сокими идеалами и полным отсутствием каких бы то ни было предрассудков.

Среди справочников по мирной конференции, которые были подготовлены нам в помощь, был один о Венском конгрессе, составленный профессором Вебстером³. Я читал этот тоненький, хорошо документированный томик с большим вниманием. В тот момент, когда поезд приближался к парижским предместьям, мне казалось, что я знаю в точности все ошибки, которые были совершены заблуждавшимися реакционерами и в конечном итоге жалкими аристократами, представлявшими Великобританию в 1814 г.⁴

Они работали втайне. Мы, напротив, обязались «открыто заключать открытые соглашения»⁵; не полагалось более тайных переговоров; народы мира могли участвовать в них на каждом этапе.

В Вене верили в доктрину «компенсаций». Там цинично говорили о «перемещении душ» от одного их владельца к другому. Мы со своей стороны были гарантированы от такой ошибки. Мы верили в национализм, мы верили в самоопределение народов. «Люди и области, — так гласили четыре принципа нашего пророка⁶, — не должны быть предметом размена между государями, подобно скоту или пешкам в шахматах». При словах «пешки» и «скот» на наших устах появлялась презрительная насмешка демократа над аристократическими предрассудками прошлого.

Но это не всё. Мы ехали в Париж не только затем, чтобы ликвидировать войну, но и основать новый порядок вещей в Европе. Мы готовили не просто мир, а вечный мир. Нас окружал ореол божественной миссии. Мы должны были быть сознательны, суровы, справедливы и готовы к самопожертвованию, ибо мы были связаны выполнением великих, вечных и благородных целей.

С некоторой печалью вспоминаю я теперь беседу, которую я вёл, будучи ещё в Лондоне, 5 декабря, с г. Дж. Л. Гарвином⁷. По странной случайности мы оказались вместе в театре. Возвращаясь домой, мы проходили мимо церкви Сент-Мартин ин ди Филдс⁸ и у ворот её продолжали наш разговор о предстоящей конференции. Я смотрел вдаль, на Уайт Холл⁹, и объяснял г. Гарвину, как высоки, безмерно высоки были мои принципы. Он слушал со своей обычной снисходительностью к безрассудству юности. «Хорошо, — сказал он, — если ваши настроения разделяются всеми, кто отъезжает в Париж, я сердечно рад».

Сегодня я смеюсь над избытком фантазии в прошлом. Но в тот момент я был совершенно искренен. Позвольте проанализировать, из каких элементов складывалась моя искренность.

Конференция по существу имела целью навязать определённые условия капитуляции побеждённым государствам со стороны держав-победительниц. Но не так смотрели мы, молодёжь, на нашу задачу. Мы меньше всего думали о наших врагах. Мы думали о новых странах, возникших на развалинах вражеских государств. Наши чувства относились больше к новому и меньше к старому. Я прошу молодых людей, которые будут в составе британской делегации на конференции в Монреале в 1965 г., поверить мне, что понятия «Германия», «Австрия», «Болгария» или «Турция» не были на переднем плане в нашем сознании. Мысли о новой Сербии, новой Греции, новой Чехии, новой Польше заставляли нас молиться на пороге рая. Этот эмоциональный уклон в подходе к проблемам мира играл очень значительную роль. Я уверен, что он был очень распространён. Именно он-то и не нашёл отражения в документах конференции. Но с ним можно познакомиться путём продолжительного исследования страстных излияний о новой Европе в журнале, издававшемся под покровительством д-ра Рональда Барроуса и д-ра Сетона Уотсона; его доктринами я был целиком поглощён. У нас были пристрастия и были предубеждения. Но они проистекали не из желания мести, не из желания поработить и наказать наших врагов, а из пылкого стремления создать и укрепить новые нации, которые мы рассматривали, исходя из материального инстинкта, как оправдание наших страданий и нашей победы. Парижская конференция никогда не будет правильно понята, если не будет подчёркиваться на каждой стадии этот эмоциональный импульс.

Мне думается, я могу восстановить с приблизительной точностью, какие чувства я лично испытывал в отношении наших недавних врагов. Моё отношение к Германии состояло из чувства страха, восхищения, симпатии и недоверия. С одной стороны, мне нравились и нравятся довоенные немцы¹⁰. На меня произвело большое впечатление то, с какой выносливостью гражданское население Германии противостояло блокаде¹¹. Я был в равной мере поражён достижениями германского флота и армии на море и на суше. С другой стороны, я испытывал тревогу от немецких бомбардировок, был обеспокоен успехами германских подводных лодок, подавлен длительными победами. Я ненавидел жестокость немцев. Я презирал их за политическую неспособность, я не доверял им из-за отсутствия у них дипломатического постоянства, на которое можно было бы положиться. И тем не менее эти противоречивые переживания не вызвали во мне чувства мести. Они лишь укрепляли желание, чтобы Германия была обезврежена на будущее.

Что касается Австрии, то у меня было чувство, выраженное

латинской пословицей: «de mortuis...» * Я сожалел об её исчезновении как любитель музейных вещей, как поклонник антиквариата ¹². Современник во мне радовался новой жизни, которая теперь могла воспрянуть на истощённой почве. Моё отношение к Австрии было несколько омрачено мыслями о том, что останется от неё, когда будет создана новая Европа. Я не рассматривал Австрию как живую реальность. Я думал о ней, как о жалкой реликвии.

Моё отношение к Венгрии было менее беспристрастным. Я признаюсь, что относился и всё ещё продолжаю относиться к этому азиатскому племени ¹³ с исключительным отвращением. Подобно своим сородичам туркам, венгры многое разрушили и ничего не создали. Будапешт — искусственный город, лишённый какой-либо самостоятельной реальности. В течение столетий мадьяры угнетали подчинённые им национальности. Наступил час освобождения и возмездия.

В отношении болгар я хранил презрение. Их традиции, их история, их фактические обязательства должны были связывать их с делом России и Антанты. Они поступили предательски в 1913 г. и вероломно повторили это предательство в великую войну. Вдохновляемые большей частью материальными побуждениями к захвату, они присоединились к Германии и тем самым продлили войну на два года ¹⁴. Пока они могли торжествовать победу, они вели себя в Сербии и Македонии безжалостно и непредусмотрительно. Они стали на сторону наших врагов из чисто эгоистических целей. Их ожидания были обмануты, и они старались впоследствии обвинить царя Фердинанда в том, что фактически являлось движением национального эгоизма ¹⁵. Я считал, что Болгария не заслуживала большего снисхождения, чем то, которое она сама проявила бы при подобных обстоятельствах.

К туркам я никогда не испытывал и не испытываю никакой симпатии. Длительное пребывание в Константинополе убедило меня, что за своей маской равнодушия турки скрывают крайнюю жестокость. Это убеждение не было ослаблено их поведением в отношении кутского гарнизона ¹⁶ или в отношении армян ¹⁷. Турки ничего не дали человеческому прогрессу. Это раса анатолийских мародёров. Я хотел лишь одного, чтобы по мирному договору они были возвращены в Анатолию **.

Таковы были чувства (я полагаю, моё краткое изложение представляет их точно). Они были далеки от тех идей, с которыми я выехал в Париж. Однако, для того чтобы правильно

* — de mortuis... — начало латинской пословицы: de mortuis aut bene, aut nihil — О мёртвых либо ничего (не говорить), либо (говорить) хорошо. — *Прим. ред. перевода.*

** Все эти обобщения дурного вкуса о национальном характере должны быть всецело оставлены на совести автора. — *Прим. ред. перевода.*

передать настроение, которое было доминирующим и широко распространённым в январе 1919 г., я должен также сказать о тех более непосредственных целях, которые были порождены доктринами Вудро Вильсона, отражавшими его бесплотный эвангелизм.

2

Однажды, поздней осенью 1913 г., я завтракал с г. Генри Моргантау, недавно прибывшим в Константинополь в качестве посла Соединённых Штатов. После завтрака мы сидели на террасе, созерцающая сквозь редкую зелень кипарисов очертания Стамбула. Я спросил у Моргантау о Вудро Вильсоне, который тогда нам на востоке казался только что появившейся яркой звездой западного небосклона. Г-н Моргантау неожиданно поднялся и ушёл в свой кабинет. Он вернулся с книгой, сунул её мне в руки и сказал: «Если вы в самом деле хотите получить урок вильсонизма, прочтите эту книгу».

Я не помню теперь, какое из многочисленных произведений мистера Вильсона попало мне в руки в тот ясный полдень. Я помню, что выражение «вильсонизм» завладело моим сознанием. Мне представлялось: «Этот человек — нечто большее, чем политик. Он воплощение новой политической теории. В тоне посла было нечто большее, чем приверженность, и большее, чем благоговение. В нём слышалась нотка религиозного пыла. Я должен изучить слова и дела этого нового пророка». С этого момента я начал поглощать «полную политическую философию» Вудро Вильсона. Я не мог предвидеть в тот осенний полдень, через какие долины чувств и к каким вершинам веры приведёт меня слабая попытка г. Моргантау найти нового прозелита.

К концу 1918 г. учение Вудро Вильсона распадалось в моём сознании на три основные категории: его символ веры, простой и в то же время мистический, отношение его веры к великой проблеме американского нейтралитета и как естественный результат его доктрины — 14 пунктов, четыре принципа и пять условий.

Я верил в эти главные принципы политической философии с горячей искренностью. Несмотря на горькое разочарование, я верю в них и сегодня. Вместе с Вильсоном я верил, что политическое и международное поведение должно быть столь же высоким, искренним, образцовым, как и поведение личное. Я верил и продолжаю верить, что истинный патриотизм только тот, которому отвечает стремление, чтобы твоя страна и твой народ поступали согласно идеалу. Я разделяю его ненависть к любой форме насилия и отвращение к любой форме деспотизма. Как и он, я представлял себе, что эта ненависть была свойственна большей части человечества и что в новом мире эти немые силы народных чувств могли быть превращены в си-

лы, контролирующие человеческие судьбы. «Новое в мире, — провозглашал президент Вильсон 5 июня 1914 г., — это то, что противостоит насилию. Этим новым является моральный императив человеческого сознания». «Ни один человек, — говорит он, — не может пренебречь им, не пренебрегая в то же время и надеждами всего человечества».

Я сознавал, конечно, что в последующие за провозглашением этой доктрины недели¹⁸ «моральный императив человеческого сознания» не оказался ни в малой степени категорическим. Я сознавал также и то, что пророк Вильсон был слишком американским пророком, что на практике его философия оказалась применима лишь к западному полушарию. Более того, я сознавал, что в заявлениях Вильсона был лёгкий оттенок евангелизма — следы дерзости методистов — и немало тщеславия пресвитериан¹⁹. И всё же меня не отпугнули эти недостатки. «Соединённые Штаты, — читал я, — не имеют чести быть хозяевами мира (так говорил мистер Вильсон в 1914 г.), но им принадлежит честь нести миру свет, которого он никогда так ясно не видел прежде, — направляющий свет свободы, принципов и справедливости». Меня в этих словах не смущали ни религиозный тон, ни принсетонский²⁰ акцент.

Мне хочется думать, что, несмотря на истрёпанные войной нервы, я сохранил веру в Вильсона, как в пророка человеческого благоразумия. Мою веру время от времени освежали разговоры с Уолтером Пэйджем²¹. «Бывают случаи, — читал я в мае 1915 г., — когда человек слишком горд, чтобы сражаться. Бывают такие случаи, когда нация настолько права, что ей не нужно прибегать к силе, для того чтобы убедить других в своём праве». Во мне, как и в большинстве моих соотечественников, это замечание не вызывало раздражения. Я считал его последовательным, смелым и здравым. Я не был слишком сильно поколеблен и в январе 1917 г. тем диктаторским, почти теократическим тоном, который с того времени стал вторгаться в дидактику Принсетона. «Имеются американские принципы и американская политика, — читал я, — мы стоим только за них. Они являются принципами человечества и должны восторжествовать». Это заявление, мне казалось, могло быть составлено более тактично, но оно звучало здраво. Я был с ним согласен. Девять дней спустя немцы опубликовали своё безрассудное решение о неограниченной подводной войне. 4 апреля Соединённые Штаты вступили в войну. С этого момента, веря Вудро Вильсону, я уже не был в меньшинстве.

Позднее, 8 января 1918 г., были провозглашены 14 пунктов.

3

Немало казуистики и остроумия было потрачено на составление этого исторического документа. Президент Вильсон сам

4 Г. Никольсон

ссылался на них в 1919 г., как на «ряд ясных и определённых принципов, которые должны были создать новый порядок права и справедливости». В тот же день г. Бальфур писал о них, как о «некоторых замечательных, но очень абстрактных принципах». Но были ли они настолько абстрактны? Учитывая время, когда они впервые были опубликованы, 14 пунктов являются безусловно точными. Будет правильным суммировать их следующим образом.

Речь от 8 января 1918 г.:

«Нашей программой является программа всеобщего мира. Эта программа, единственная возможная программа, следующая:

1. «Открытые мирные договоры, открыто обсуждённые, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия всегда будет действовать открыто и на виду у всех».

2. «Абсолютная свобода судоходства на морях вне территориальных вод как в мирное, так и в военное время...»

3. «Устранение, насколько это возможно, всех экономических барьеров...»

4. «Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью».

5. «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета (над колониями. — *Прим. ред. перевода*), интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены».

6. «Освобождение всех русских территорий»... России должна быть предоставлена полная и беспрепятственная возможность принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики. России должен быть обеспечен «радушный приём, и более чем приём» в состав Лиги наций «при том образе правления, который она сама для себя изберёт», и ей должна быть оказана помощь в любой форме.

7. «Бельгия... должна быть эвакуирована и восстановлена».

8. Франция должна быть эвакуирована; подвергшиеся вторжению части её территории восстановлены; Эльзас и Лотарингия возвращены Франции.

9. «Исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ».

10. «Народы Австро-Венгрии... должны получить широчайшую возможность автономного развития». (Этот пункт в последующем был видоизменён и предусматривал полную независимость вместо автономии. — *Авт.*)

11. «Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы. Занятые территории должны быть возвращены. Сербии должен быть предоставлен свободный и надёжный доступ к морю».

12. «Турецкие части Оттоманской империи... должны получить обеспеченный и прочный суверенитет». Подчинённым национальностям должна быть гарантирована безопасность и «абсолютно нерушимые условия автономного развития». Должна быть гарантирована свобода проливов.

13. Должно быть создано независимое польское государство, «которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надёжный доступ к морю...»

14. Должна быть организована общая ассоциация наций на основе особых соглашений «в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств».

К 14 пунктам должны быть добавлены четыре принципа и пять условий. Первые содержались в обращении от 11 февраля 1918 г. и начинались заявлением, что предстоящий мир не должен содержать в себе «аннексий, контрибуций и карательных возмещений». Краткое содержание принципов следующее:

1. Каждая часть окончательного мира должна быть основана на безусловной справедливости в данном вопросе.

2. Народы и области не должны быть предметом размена между государями, как скот или пешки в шахматной игре.

3. Каждое территориальное решение должно быть в интересах того населения, которого оно касается, а не частью какого бы то ни было урегулирования или компромисса между требованиями держав-соперниц.

4. Всем вполне определившимся национальным элементам должно быть предоставлено полное удовлетворение без внесения новых или сохранения старых элементов раздора и антагонизма.

Пять условий изложены в обращении от 27 сентября 1918 г. Они менее яркие. Первое условие настаивает на справедливом отношении к друзьям и к врагам. Второе осуждает все «особые интересы». Третье предусматривает, что не должно быть союзов внутри Лиги наций. Четвёртое запрещает любые экономические объединения между членами Лиги наций. Пятое условие подтверждает запрещение тайных договоров.

Я не только глубоко верил в эти принципы, но я считал бесспорным, что мирные договоры будут основываться исключительно на них. Помимо присущего им морального воздействия, помимо того факта, что они представляли единственную согласованную основу наших переговоров, помимо всего этого я знал, что президент располагал безграничной материальной

силой, чтобы настаивать на своих взглядах. Мы все тогда зависели от Америки в отношении не только ресурсов войны, но и ресурсов мира. Наше продовольственное снабжение, наши финансы были целиком подчинены велениям Вашингтона. Сила принуждения, которой обладал Вудро Вильсон в первые месяцы 1919 г., была подавляющей. Нам никогда не приходило в голову, что он поколеблется использовать её, если возникнет необходимость. «Никогда, — пишет г. Кейнс, — ни один философ не обладал подобным оружием, чтобы понудить правителей следовать за ним».

Президент не воспользовался этим оружием. Он не был философом (постепенное осознание этого факта было для нас болезненным). Он был всего лишь пророк.

4

Таковы были чувства, мысли и намерения, с которыми я приехал в Париж. Как уже я сказал, я не сомневался, что мир будет основан на принципах президента Вильсона. Мои убеждения, я уверен, разделяли те из моих коллег, кто был равен мне по возрасту и по положению. Можно утверждать, конечно, что чувства и представления чиновников не имеют большого значения при решении великих политических задач. Я ставлю под сомнение это утверждение. Если бы мы все, какие бы подчинённые задачи мы ни разрешали, сохранили наше первоначальное настроение, то влияние, которое мы могли бы оказать коллективно, было бы значительным. В действительности же прошло несколько недель, и мы потеряли уверенность, испытали упадок идеализма, почувствовали изменение душевного состояния. Цель этих мемуаров — изложить и объяснить это изменение душевного состояния. Оно произошло большей частью по не зависящим от нас причинам, помимо нашего сознания. Подобные причины будут иметь место на любом конгрессе такой же сложности и таких же размеров. Чтобы предостеречь будущих экспертов, я написал эту книгу.

Позвольте забежать несколько вперёд. Отвлечёмся от 3 января 1919 г. и сойдём с дороги от Гар-дю-Нор до отеля «Мажестик», оставив на время ящики с донесениями и документами. Сравним принципы, изложенные в 14 пунктах, с теми, на которых основан окончательный мирный договор.

Наши мирные договоры не разрабатывались открыто; редко подобная таинственность сохранялась на других дипломатических совещаниях. Свобода морей не была обеспечена. Вместо предполагавшегося установления свободной торговли в Европе были возведены тарифные барьеры, более высокие и более многочисленные, чем когда-либо. Национальные вооружения не сократились. Германские колонии распределялись среди победителей таким способом, который нельзя назвать ни свобод-

ным, ни непредубеждённым, ни беспристрастным. Пожелания населения, не говоря уже об его интересах, явно не принимались в расчёт (Саар, Шаньдун и Сирия). Россию не приняли с распростёртыми объятиями в сообщество наций; ей не предоставили и беспрепятственной свободы развития своей собственной государственности. Границы Италии не были урегулированы в соответствии с ясно выраженным национальным признаком. Турецкие области Оттоманской империи не получили гарантий суверенитета. Территория Польши включала отныне большое количество населения, которое отнюдь не являлось бесспорно польским. Лига наций на практике оказалась не в состоянии гарантировать политическую независимость великих и малых стран. Провинции и народы на деле рассматривались как скот или пешки в шахматной игре. Разрешение территориальных споров почти в каждом случае базировалось исключительно на соглашениях и компромиссах между государствами-соперниками. Причины разногласий и антагонизма были фактически увековечены. Даже старая система тайных договоров не была полностью и повсеместно уничтожена.

Можно сказать, что из 23 условий президента Вильсона только четыре были с большей или меньшей точностью включены в мирные договоры.

5

Британская делегация остановилась в отеле «Мажестик» на Авеню Клебер. Этот громадный отель из лучшего камня был построен в своё время для богатых бразилианок, которые перед войной приезжали в Париж за нарядами. Мистер Алвин Паркер, размещая нас в этом отеле, тщательно взвесил беды и искушения, которыми мы могли подвергнуться. Он привык мыслить параграфами и разбил возможные опасности на два пункта: 1) шпионаж и 2) болезнь. Для защиты от первого он возложил на сэра Базиля Томсона из Скотланд Ярда задачу организации «службы безопасности». Результат оказался таков, что хотя было довольно легко выйти из «Мажестика», зато было исключительно трудно в него войти. Многие иностранные государственные деятели задерживались по подозрению в стремлении проникнуть в нашу святая святых. Мистер Паркер пошёл дальше. Он изучил Венский конгресс и справедливо решил, что на Парижской конференции не должны иметь места приёмы Меттерниха²². Отель «Мажестик» полностью обслуживался весёлой британской прислугой из наших собственных провинциальных отелей. Пища была поэтому смесью английского со швейцарским, в то время как кофе был целиком и полностью британским²³. Но, как оказалось впоследствии, вся наша работа проводилась в соседнем отеле «Астория». Там мы хранили наши бумаги и держали наши карты. «Асторию» обслужи-

вали французы. Были моменты (обычно во время завтрака), когда мы чувствовали, что в логических построениях г. Паркера имелись свои незначительные погрешности.

И всё же в качестве организатора г. Паркер оказался непревзойдённым. Для того чтобы не иметь дела со вторым пунктом, он пригласил очень знаменитого врача-акушера. Женский состав делегации он поставил под наблюдение пожилой дамы-патронессы. В «Мажестике» была, таким образом, весёлая и товарищеская обстановка, отвечавшая требованиям англиканства в самом континентальном понимании этого слова.

Британская делегация состояла из 207 человек; из них Форейн оффис назначил 12 представителей и 6 секретарей, военное министерство—28, адмиралтейство—22, департамент авиации—13, финансовое и торговое ведомства—26 и доминионы—75.

Часто утверждают, что наш штат был слишком громоздок. Правильнее будет сказать, что бремя работы было распределено неравномерно. Отдельные сотрудники делегации, особенно политические и экономические эксперты, были явно перегружены работой. Другие, в особенности сотрудники министров доминионов, проводили целые часы в полном безделье. Неизбежно, и это разумно, они извлекали всё возможное из своего до некоторой степени бесполезного положения. В большом зале отеля «Мажестик» раздавался весёлый перезвон чайной посуды. Снизу были слышны звуки танцевальной музыки. Те из наших посетителей, кто был настроен более критически, преувеличивали эти симптомы нашего стремления развлечься. В Лондоне распространилась легенда, что «Мажестик» стал центром праздности. В клубах на «Пэлл Мэлл» ворчали, что лорда Кэстльри сопровождал в Вену штат всего лишь из 17 человек²⁴. Признаюсь, бывали моменты, когда я с возмущением бродил по весёлому фойе отеля и негодовал по поводу счастливых, которые не знали, как убить время, когда я изнемогал от работы. Время, время, время! По мере того как проходили недели, нам всё более его нехватало. Видеть, как у других времени было хоть отбавляй и они тратили его на танцы у вас на глазах, было настоящей пыткой. И однако я не думаю, что обвинение в чрезмерном числе сотрудников имело подлинные основания. Важно было иметь под руками большое число специалистов, которые могли пригодиться в любой момент. Неизбежно было, чтобы министров доминионов сопровождали секретари и помощники. Следует также напомнить, что, по мере того как прояснялся общий характер работы, явных бездельников отсылали обратно в Лондон.

Внутренняя организация британской делегации была налажена в течение первых нескольких дней. На лорда Гардинга как «посла-организатора» были возложены главным образом административные обязанности. Г-н Морис Хэнки был назначен секре-

тарём делегации; его канцелярия была размещена в вилле «Мажестик», против отеля. На обязанности г. Клемента Джонса было поддерживать доброе настроение и чувства братской солидарности в министрах доминионов. Г-н Ллойд-Джордж свил себе гнездышко совместно с Бальфуром на Рю Нито, г. Ллойд-Джордж — внизу, в первом этаже, а г. Бальфур — во втором.

На бегах в Отейль²⁵ была построена, к негодованию парижан, наша собственная типография. Вокруг «Мажестика» шумели мотоциклисты. Нас обслуживал небольшой парк военных автомобилей. Сложная телефонная система соединяла нас с Лондоном и с внешним миром. Служба быстроходных самолётов курсировала ежедневно между Бюком и Кройдоном²⁶. Ещё накануне открытия конференции весь аппарат «Мажестика», «Астории», виллы «Мажестик» и Рю Нито вертелся по всем правилам хорошо заведённого британского государственного департамента.

В субботу, 11 января, в Париж прибыли премьер-министр и министры доминионов. В воскресенье, 12 января, на Кэ д'Орсе состоялась первая неофициальная встреча полномочных представителей держав. В понедельник, 13 января, британская имперская делегация провела своё первое собрание; днём того же числа полномочные представители снова встретились по вопросу о возобновлении перемирия на заседании Верховного военного совета. Однако лишь в субботу, 18 января, пополудни, конференция была формально открыта, и лишь спустя неделю были назначены первые пять комитетов для подготовки технических материалов. Территориальные комитеты, которые должны были определить будущие границы Европы, образовались не ранее начала февраля.

Этот разрыв во времени более чем в девять недель между подписанием перемирия и первой серьёзной попыткой начать работу безусловно останется одним из самых неопровержимых обвинений Парижской конференции. Ввиду этого необходимо рассмотреть причины, психологические и иные, которые могут объяснить нам происшедшее. Следует отличать две фазы затяжки во времени. Первая фаза — разрыв между перемирием и началом конференции. Вторая фаза — это затяжка начала практической работы, после того как конференция уже собралась.

6

Основания, которыми обычно оправдывают оттяжку начала работ мирной конференции, разнообразны и странны. На первом месте стоит аргументация историческая: Венский конгресс был ещё более медлительным; Вестфальский конгресс затянулся на несравнимо более длительный срок. На втором месте ставятся аргументы этические. Было необходимо и правильно дать

остыть слишком пылким страстям войны, прежде чем руководители мира встретятся вместе, чтобы основать новый порядок на праве и справедливости. На третьем месте ставятся аргументы практические. Мир явился для нас неожиданностью. Мы так свыклись с поражениями, что когда пришла победа, она показалась нам неправдоподобной. Должно было пройти немало времени, прежде чем мы осознали, что мы победили. Важно было также, чтобы президент Вильсон, главный участник конференции, имел время установить контакт с европейским мнением. Он должен был собственными глазами увидеть разрушенные районы, должен был собственными пальцами нащупать учащённый пульс Италии, работавший с перебойями пульс Бельгии, лихорадочный пульс Франции и здоровый пульс хладнокровной Англии. Г-ну Вильсону следовало акклиматизироваться в Европе, прежде чем ему будет доверено установление её будущей судьбы.

Г-н Ллойд-Джордж должен был также получить полномочия от народа, прежде чем отправиться в Париж. Д-р Крамарж из Чехии, г. Дмовский из Польши, г. Братиану из Румынии, гг. Пашич и Трумбич — представители союза сербов, хорватов и словенцев — должны были каждый располагать временем для консолидации удивительных изменений в положении и территории своих стран; каждому из них нужно было дать время, чтобы они могли появиться в Париже уже в качестве представителей чего-то организованного и реального.

Германия также представляла собой проблему. Крах империи Гогенцоллернов был поистине гигантским обвалом, поднявшим облака пыли. Постепенно стали вырисовываться определённые фигуры: Либкнехт, Носке, Шейдеман, спартаковцы. Которая из этих фигур была центральной, мы не знали. Не лучше ли было подождать, пока оседет пыль после обвала, прежде чем двигаться дальше. Мало было пользы пытаться заключить мир с Германией до тех пор, пока мы не выяснили, останется ли нечто целое на месте Германской империи, и такое целое, с которым можно было бы заключить мир.

Лучше было подождать.

Каждый из этих аргументов содержит в себе долю заблуждения и долю правды. Можно с полным основанием утверждать, что мирная конференция могла появиться, как Минерва²⁷, во всеоружии из головы Версальского совета ещё в октябре и ноябре 1918 г. Полковник Хауз (приветливая Минерва в мужском обличи) без малейших затруднений мог бы выступить с полной ответственностью в качестве представителя своего ещё отсутствовавшего друга — президента. Остальные были уже налицо.

Сомнительно, однако, согласился ли бы на это духовный владыка Белого дома. Президент, несмотря на все попытки разубе-

дить его, был твёрдо намерен лично явиться на конференцию. Его решение, будучи раз провозглашённым, оставалось неизменным. 2 декабря он должен был представить своё ежегодное послание конгрессу. Ввиду этого конференция ни в коем случае не могла собраться ранее 15 декабря. К этому времени выборы в английский парламент могли быть легко закончены. Я не в состоянии объяснить, почему конференция не открылась 18 декабря.

Известно, что президент Вильсон сам назначил эту дату для открытия конференции. Несправедливо обвинять его в том, что он зря потратил следующие три недели на посещение Лондона и Рима. Но всё же эти посещения были ненужными и вносили сумятицу. Они были даже более чем ненужными. Они были неприятными. Немногие люди могли бы сопротивляться такому апофеозу при жизни, который воздавали президенту Вильсону. Он реагировал на это, как и следовало ожидать, но весьма неудачно. Его стало преследовать видение «немых взоров народа». Народ на вокзале Виктория²⁸, народ на Корсо²⁹ провозгласил его символом победы. Вильсон вообразил, что народы приветствовали его как символ новой Европы. Эти визиты, достойные сожаления и сопровождавшиеся истерическим возбуждением масс, внушили Вудро Вильсону убеждение, что народы Европы сердцем и душой с ним. Это было совершенно ложное убеждение.

Г-н Лансинг в своей полной самомнения книге о мирной конференции³⁰ высказывает предположение, что г. Клемансо стремился отложить открытие конференции, пока не будет возобновлено перемирие в форме, отвечающей французским настроениям, и пока он лично «не познакомится с президентом». Я сомневаюсь, чтобы такие милитаристские или светские соображения слишком занимали Клемансо, который был грубоватым, но здравомыслящим человеком. Я разговаривал по этому вопросу со многими из главных участников конференции. «Почему,— спрашивал я их,— конференция была перенесена с 18 декабря на 18 января?» «Ах,— отвечали они,— было рождество, мы нуждались в отдыхе. Кроме того, нужно было дать улечься возбуждению и в конце концов приглядеться к обстановке. В России, как вы помните, царил беспорядок. То же было и в Германии. Мы думали, что если мы немного подождём, многое уладится само собой».

7

Историк, возможно, разыщет среди архивов, которые впоследствии окажутся доступными, более убедительные объяснения, чем те, которые изложены выше. Я лично не в состоянии это сделать. До сего дня я всё ещё полностью не понял, почему, однажды собравшись, отложили на столько недель разреше-

ние основных вопросов, поставленных на обсуждение. В конце концов с самого начала было известно, что президент Вильсон вынужден будет на второй неделе февраля возвратиться в Вашингтон, чтобы распустить на каникулы 65-й конгресс³¹. Было известно, что с каждой неделей союзные армии всё более тают в результате народных требований немедленной демобилизации. Знали, что каждый день, который не был посвящён центральной задаче—заключению мира с Германией,—был напрасно потерянным днём, днём, который уменьшал нашу собственную возможность установить окончательный мир силой оружия, днём, который означал дальнейшее голодание блокированной Германии и опасность большевизации Центральной Европы³². Несмотря на это, шесть недель были потрачены на вопросы, хотя и неотложные, но которые отнюдь не способствовали основным целям объединения. Лишь 25 марта, под влиянием горячего темперамента г. Ллойд-Джорджа, правители мира действительно сосредоточили внимание на заключении мира с Германией. В течение апреля они работали с быстротой, которая была головокружительной и в высшей степени неразумной.

Позднее многие публицисты утверждали, что затяжки в январе, феврале и в первые три недели марта были вызваны исключительно упорством президента Вильсона, настаивавшего на том, что не может быть заключён договор, даже прелиминарный, если он не включает в себя в качестве неотъемлемой части устава Лиги наций.

Следует признать, что президент Вильсон обладал умом, способным мыслить только в одном направлении. Странно и жалко подумать, что, обосновавшись в вилле «Мюрат»³³, президент стал глубоко тяготиться своими 14 пунктами, четырьмя принципами и пятью условиями. Он более не связывал себя лично этими недавними и сильными текстами английской прозы. Он связывал себя с новой и мистической хартией прав человека. Нельзя понять характер и политику президента Вильсона, если мы не уделим внимания той черте фанатического мистицизма, которая искажала в нём академическую способность к рациональному мышлению. Его детское суеверие в вопросе о счастливом тринадцатом числе (чортовой дюжине) является симптомом мистицизма, который временами носил почти патологический характер. Он со всей искренностью верил в то, что глас народа есть глас божий. «Немые взоры народа» преследовали его своим безмолвным призывом. Ему казалось, что мириады глаз смотрят на него, как на пророка, пришедшего с запада, как на человека, избранного богом, чтобы возвестить миру новые заповеди и более справедливый строй. Он воздерживался от общения с г. Лансингом, потому что предпочитал молчаливое общение с господом богом. Он относился к сенату Соединённых Штатов с вызывающей холодностью, потому что был

убеждён, что послан богом в виллу «Мюрат» не как представитель сената, а как преставитель Великого Немого — Народа. Утверждение, что президент Вильсон был тщеславен, упрям, был сектантом и замкнутым человеком, недостаточно. Он был также человеком, которого преследовали навязчивые идеи, был одержимым. Подобно Марату, он верил, что является физическим воплощением «общей воли народа». Вильсон был твёрдо убеждён, что устав Лиги — это откровение, ниспосланное ему свыше, и является панацеей от всех человеческих бед. Он был глубоко убеждён, что если включить в мирные договоры его новую хартию прав народов, то не будет иметь особого значения, какие противоречия, какие несправедливости, какие скандальные нарушения его собственных принципов заключают в себе эти договоры. Как и все религиозные люди, он мог приписать богу то, что исходило от кесаря³⁴, в страстном душевном порыве он был способен убедить себя, что его собственные принципы не нарушены, что он не отступил ни на иоту, ни в малой мере от своего первоначального откровения. Он сильно обижался на замечания тех, кто, подобно графу Брокдорф-Ранцау, не разделял этих убеждений. «Я не понимаю их, — признавался он своей делегации, — они меня утомляют». В начале января он заключил себя в ковчег устава; никто, и меньше всех г. Лансинг, не был в состоянии извлечь его оттуда.

В своей книге о мирной конференции г. Лансинг утверждает, что если бы президент Вильсон не настаивал подобным образом на включении текста устава в прелиминарный договор, то «такой договор мог бы быть подписан, ратифицирован и введён в действие в течение апреля 1919 г.» 20 марта 1919 г. г. Лансинг стмечает в своём дневнике: «Весь мир хочет мира. Президент хочет свою Лигу. Мне думается, что миру придётся подождать». На основании таких свидетельств французы и итальянцы, как и многие другие, утверждают, что затяжка в выработке Версальского договора была всецело вызвана эгоизмом президента Вильсона.

Следует признать, что выработка устава в действительности повлекла за собой некоторую затяжку. Когда в феврале президент возвратился в Вашингтон, он обнаружил, что оппозиция в сенате более серьёзна, чем он вначале предполагал. Г-н Лоуэлл и г. Тафт, на которых он полагался, как на посредников между ним и недовольными республиканцами, информировали его, что многие важные пункты устава придётся изменить, если договор когда-либо сможет быть ратифицирован сенатом, где преобладают республиканцы. Это была неприятная новость. Перед тем как оставить Париж, президент заявил на пленарной сессии, что ни одно слово, абзац или расположение слов в уставе, как он был представлен, не могут быть изменены. Теперь на его обязанности лежало по возвращении в Париж внести самому

поправки, причём весьма существенного характера. Это позволило бы японцам вернуться к их статье о расовом равенстве³⁵ и французам выступить снова с аргументами за создание Лиги с «международным» генеральным штабом. Когда весть об этом затруднении достигла Парижа, там поняли, что по возвращении президента снова будет созван Комитет Лиги и возобновившаяся дискуссия опять займёт несколько недель. Г-н Пишон под влиянием момента информировал печать, что при этих обстоятельствах устав не может составить неотъемлемой части окончательного договора. На следующий день это заявление было опровергнуто. Вместо того чтобы поколебать мнение Вильсона, трения с сенатом укрепили его точку зрения, усилили в нём чувство своей божественной миссии. Он возвратился, как пишет полковник Хауз, «очень воинственным и решительным». Он настаивал отныне, что не только договор с Германией, но и все мирные договоры должны быть неразрывно связаны с уставом. Он вособразил, что сенат никогда не отважится отвергнуть весь строй мирных договоров, и решился поэтому навязать сенату устав, включив его в тексты всех мирных соглашений. Эта настойчивость, безусловно, сделала невозможным заключение скорейшего или прелиминарного мира с Германией.

Такова аргументация тех, кто хотел бы возложить на президента Вильсона всю ответственность за затяжку. Имеются, однако, и противоположные аргументы. Вильсон знал, что детали договоров неизбежно во многих случаях будут несправедливыми; он знал, что настроение союзных и объединённых держав в январе 1919 г. не позволяло достигнуть истинно умеренного разрешения поставленных вопросов. И он надеялся предусмотреть в уставе создание органа, через посредство которого, когда здравый смысл одержит верх, договор мог быть изменён и ему был бы придан менее карательный характер. Он также знал, что Лига наций не будет в состоянии полностью выполнять свою высокую миссию до тех пор, пока Соединённые Штаты не возьмут на себя непосредственное поощрение её деятельности, не снабдят её в конечном счёте моральными, физическими и прежде всего финансовыми ресурсами. Средства, с помощью которых Вильсон надеялся понудить сенат к принятию устава, не были ни очень искусными, ни даже просто благородными. Он намеревался защищаться от нападков, утверждая, что сенат является реакционным учреждением, которое не связано с Великим и Добрым Сердцем Народа. Его решимость сделать устав неотъемлемой частью каждого договора безусловно имеет оправдание. Быть может, кто-либо и станет утверждать, что такое достижение не оправдывает длительную затяжку, что оно стоило целой серии договоров. Я и сам так думаю.

Кроме этих соображений нужно признать, что затяжка в составлении мирного договора с Германией произошла также и

по многим другим причинам. Выработка устава на деле не особенно помешала основной работе конференции. Комиссия Лиги наций работала быстро. Её заседания почти всегда проходили вне рабочего времени. Подчёркивание некоторыми историками вины президента Вильсона происходит от незнания другой, по моему мнению, более важной причины затяжки. Такой причиной явилось отсутствие какой бы то ни было согласованной или объединённой цели. Эта неопределённость цели была основным несчастьем конференции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По истории Парижской конференции имеется немало работ английских историков; наиболее значительная из них — официальная *H. Temperley, A. History of the peace Conference of Paris, v. I—VI, London 1920—1924*. Никольсон неоднократно о ней упоминает.

² *Конгресс в Монреале* — придуманное Никольсоном название будущей конференции, свидетельствующее о том, что, по мнению автора, центр тяжести мировой политики должен быть перенесён в XX веке в заокеанские страны.

³ *Ch. R. Webster, The Congress of Vienna 1814—1815, L. 1920.*

⁴ Англия была представлена на Венском конгрессе лордом Кэстльри и его сводным братом лордом Стюартом, а также — в Париже, при заключении мира с Францией, — Веллингтоном.

⁵ См. ниже 14 пунктов Вильсона (стр. 50—51). Никольсон имеет в виду первый из этих 14 пунктов.

⁶ Пророком был тогда для Никольсона Вудро Вильсон.

⁷ *Дж. Л. Гарвин* — редактор влиятельной газеты «Обсервер» и впоследствии Британской энциклопедии.

⁸ *Церковь св. Мартина*, находящаяся у Трафальгарского сквера. Одно из лучших зданий Лондона, построенных известным английским архитектором XVII века Христофором Уорреном.

⁹ *Уайт-Холл* — улица в Лондоне, на которой находятся государственные учреждения и некоторые министерства. К ней примыкает Даунинг-Стрит.

¹⁰ Такое отношение характерно для английского дипломата начала XX века; о нём говорит в своей книге «Уроки моей жизни», вышедшей в 1941 г., один из бывших руководителей британской дипломатии, лорд Ванситтарт.

¹¹ Выносливость населения во время блокады была весьма относительной, учитывая классовый характер распределения. Имущие классы блокаду ощущали мало, а неимущие были истощены до предела.

¹² Для Никольсона Австрия — обломок когда-то великой габсбургской монархии — государства дипломатического по преимуществу.

¹³ *Родина венгров* — Северо-Западная Азия, откуда они пришли в Европу в IX веке.

¹⁴ Это мнение выдвигает также Ллойд-Джордж в своих «Военных мемуарах» (т. I—II, М. 1934).

¹⁵ Это оправдание Фердинанда Кобургского не соответствует действительности. Демидов, русский посол в Афинах, ещё в 1915 г. писал о нём: «Этот монарх-немец вёл всегда общую игру с нашим врагом, и предпринимаемые Антантой шаги сообщаются... в тот же вечер в Берлин и Вену... Лукавый монарх, он стремится к служению австро-германским интересам».

¹⁶ *Кут-эль-Амара* — важный стратегический пункт неподалёку от Багдада. Был занят англичанами 3 декабря 1915 г. 7 декабря турки осадили город с находящимся там английским гарнизоном. Измученный голодом гарнизон после 147-дневной осады вынужден был сдать. Плохое обра-

шение турок с пленными привело к гибели многих из них (*Уинстон Черчилль*, *Мировой кризис*, Госвоениздат, 1932).

17 В Турции неоднократно проводилось массовое истребление армян. В 1894—1896 гг. там было вырезано около 50 тысяч армян, 100 тысяч получили тяжёлые увечья, а около 300 тысяч бежало в Россию. После неудачных боёв в декабре 1914 г. и в январе 1915 г. правительство Турции, обвинив армян в шпионаже в пользу России, произвело среди них массовые высылки и резню. Репрессиям подверглось полтора миллиона армян, около половины которых погибли.

18 Эта доктрина Вильсона была провозглашена в июне 1914 г., а спустя несколько недель (в июле) началась первая мировая война.

19 *Пресвитериане* — секта, основывавшаяся на учении Кальвина. Выступала в Шотландии против англиканской церкви и отвергала церковную иерархию; играла значительную политическую роль.

20 Вильсон был ректором Принсетонского университета в штате Нью-Джерси. Никольсон имеет в виду наставнический тон Вильсона.

21 *Уолтер Пэйдж* — посланник США в Лондоне в 1911—1918 гг. Один из ближайших сотрудников Вильсона, сторонник вступления США в войну.

22 Меттерних берётся как тип дипломата, не стеснявшегося никакими средствами для достижения своей цели. Он не брезговал ни интригой, ни ложью, ни клеветой, ни полицейским наблюдением.

23 Никольсон намекает на отвратительное качество варки кофе в английских пансионах на континенте.

24 Кроме дипломатических представителей на Венском конгрессе было всего несколько технических работников — личные секретари Кэстльри и Веллингтона.

25 *Отель* — один из нарядных районов в юго-западной части Парижа, наиболее близкой к Версалию. Здесь находились бега.

26 *Бюк* — городок и аэродром в трёх километрах от Версаля. *Кройдон*, расположенный вблизи Лондона, является лондонским аэродромом; один из величайших аэродромов мира.

27 *Минерва* — древнеримская богиня. отождествляется с греческой Афиной Палладой; родилась во всеоружии из головы Зевеса, отца богов.

28 *Вокзал Виктория* — один из вокзалов Лондона.

29 *Корсо* — аристократическая улица в Риме, где находятся дома римской знати, лучшие магазины и т. д. По ней проходят процессии римских карнавалов.

30 *R. Lansing*, *The Peace Negotiations*. Boston—New York 1921.

31 Конгресс был распущен 4 марта 1919 г.

32 Имеется в виду провозглашение Баварской советской республики 7 апреля 1919 г. и образование советского правительства в Венгрии 21 марта 1919 г.

33 Вильсон занимал во время пребывания на Парижской конференции особняк Мюрата в парке Монсо.

34 Евангельский текст гласит: «Отдавайте кесарево кесарю, а богово богам».

35 См. стр. 124, а также стр. 132, примечание 14.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕУДАЧИ

Начальные недостатки. Демократическое мнение. В Соединённых Штатах. В Великобритании. Ответственность печати. Лорд Нортклифф и его газеты. «Дейли Мейл» и конференция. Политические деятели в качестве полномочных представителей. Двойственность их целей — результат двойственности их положения. Двойственность положения Ллойд-Джорджа, Клемансо и Орландо. Фактор физической усталости и фактор светской вежливости. Другие неудачи. Присутствие в Париже президента Вильсона. Характер этой неудачи. Её причины. Её последствия. Выбор Парижа. Основания к нему. Его неудобства. Французская печать и г. Вильсон.

1

С самого начала Парижская конференция (что всегда было и всегда будет уделом каждой конференции) встретила с большими трудностями.

Некоторых из них можно было избежать, и я поэтому рассмотрю их в следующей главе под названием «Ошибки». Другие трудности были либо совершенно неизбежными, либо могли быть предотвращены только силой предвидения и направления событий, которой не обладал ни один из мировых диктаторов 1919 г. Я рассмотрю их в настоящей главе, озаглавленной «Неудачи».

Среди тех затруднений, которых нельзя было целиком избежать, демократическое общественное мнение было наиболее сильным. Вряд ли необходимо доказывать, что темперамент французского, итальянского, чехословацкого, югославского, польского, португальского, бразильского, японского, бельгийского, албанского, румынского, китайского, южноафриканского, австралийского и греческого народов был крайне неумеренным. Будет ещё более полезно указать, что эмоции двух главных англо-саксонских демократий едва ли были более разумными, более умеренными или более спокойными.

Соединённые Штаты, пройдя через внутренний конфликт нейтралитета и выступив как нация, объединившаяся в последний момент для достижения победы, всё же страдали от того

психологического импульса, который бросил их в войну; они всё ещё стыдились той идеологии, которая так долго держала их вне войны. Президент Вильсон уже давно перестал быть пророком для своего собственного народа. Выборы в конгресс в 1918 г. не были единственной причиной, вызвавшей известные колебания в поведении членов американской делегации. Они сознавали, что Рузвельт¹, этот великий реалист, сказавший, что 14 пунктов не имеют никакой связи со взглядами народа Соединённых Штатов, в тот момент совершенно правильно отразил действительность. Трагедия американской делегации в Париже заключалась в том, что она отражала нечто такое, что Америка глубоко чувствовала в 1915 г. и что она вновь должна была глубоко почувствовать в 1922 г. Делегация, однако, не отражала того, что чувствовала Америка в январе 1919 г. Ощущение этого разрыва наполняло демократическую совесть американских делегатов сознанием, что они стоят перед ужасной пропастью. Один лишь президент (наедине с Богом и Народом) не ощущал этой пропасти.

В Великобритании общественное сознание проходило через фазу своей истории, достойную самого глубокого сожаления. Нужно признать, что после войны, для которой было мобилизовано 70 миллионов молодых людей и в которой было убито 10 миллионов, а ранено 30, было бы неразумно предположить, чтобы любая демократия могла спокойно наблюдать зрелище, как четыре джентльмена, сидя вместе в закрытом наглухо помещении, станут обсуждать исход войны. Было бы неблагоприятно также ожидать, чтобы население, запуганное морскими и военными поражениями, терроризованное воздушными бомбардировками и испытывавшее муки страшного голода, вело себя в момент неожиданной победы так же фюр-рыцарски, как Чёрный принц². Только человек с умом Уинстона Черчилля мог вознестись на такие вершины, доступные для одних патрициев³. Не следует забывать, что в самую ночь перемирия его мысли изменились в сторону симпатии к «разбитому врагу»⁴. Вспомним, что Уинстон Черчилль в тот момент хотел послать в Гамбург шесть пароходов, нагружённых до отказа продовольствием⁵.

Людам с меньшим кругозором приходилось тяжелее. Война — неприятное и трудное дело. Было бы несправедливо обвинять британский народ в недостатке цивилизованности только потому, что в течение первых нескольких месяцев выздоровления от бациллы войны он требовал, чтобы мир был основан на возмездии, и возмездии суровом. Поражало в британском народе не то, что он на короткое время был охвачен истерией, а быстро, с которой он вылечил свои нервы. Это замечательное выздоровление было бы ещё более быстрым, если бы оно проходило спокойно. Но таким спокойствием британский народ не был удостоен.

На британскую прессу, этот легкомысленный и непонятливый организм, должно быть возложено полное бремя вины. Среди наших больших газет «Обсервер», «Дейли Кроникл», «Вестминстер Газетт» и «Манчестер Гардиан» сохранили известное чувство ответственности. Другие газеты, не исключая «Таймс» и не менее интеллектуальных изданий, вели себя глупо и до известной степени безответственно. Не всегда тому виной были их корреспонденты. «Дейли Мейл» была представлена в Париже г. Валентином Вильямсом, который по своим способностям и своей честности мог бы противостоять Вильсону Гаррису⁶. Время от времени г. Уикхэм Стив лично помещал авторитетные статьи на страницах этой эфемерной по длительности своего значения ежедневной газеты. Восприимчивый г. Грант и осведомлённый г. Нокс представляли «Морнинг Пост». Однако все английские газеты в тот период были слишком чувствительны к своему тиражу. А тираж диктовала группа Нортклиффа; она взывала не к разуму, а к чувствам соотечественников.

Тень лорда Нортклиффа носилась над конференцией, подобно миазмам над болотом.

Этот факт имеет важное значение. И сейчас ещё в Великобритании есть много людей, неверно утверждающих, что, хотя Ллойд-Джордж и выиграл для нас войну, он проиграл для нас мир. Несерьёзность такого утверждения весьма прискорбна. Эти люди фактически не в состоянии определить те мотивы, которые лежат в основе их заключений. Это те же самые люди, которые в 1919 г. с одобрением внимали пропаганде, проводимой прессой Хармсворта, пропаганде, являвшей собой вид истерии, открыто диктуемой Нортклиффом в порыве страстной обиды и заблуждений. Я допускаю, что в психологии лорда Нортклиффа таилась трагедия. Он понимал, что обладает максимумом разрушительных сил и минимумом созидательных. Он мог причинять разрушения; он не мог строить. Я легко допускаю, что обладание колоссальной энергией разрушения при полном отсутствии энергии созидательной должно в конечном итоге повести к серьёзному психологическому конфликту. С этой благосклонной оговоркой рассмотрим позицию, которую занимала «Дейли Мейл» до и после перемирия.

4 ноября 1918 г. лорд Нортклифф опубликовал свои 13 пунктов. Это произошло в то время, когда он всё ещё воображал, что может оказаться сам среди полномочных представителей на предстоящей мирной конференции. 13 пунктов представляли собой во всех отношениях замечательное заявление по вопросам, которые в это время были злободневны. Их созвучие с 14 пунктами президента Вильсона было крайне поразительным. Ничего нельзя было возразить против 13 пунктов лорда Нортклиффа.

Девять дней спустя после этого манифеста мы находим, что

«Дейли Мейл» излучает патриотизм в невиданных до того размерах. Экс-кайзер, заявляет газета 13 ноября, должен быть физически выдан союзникам. Три дня спустя пресса Нортклиффа выступала против стремлений капитулировавшей Германии освободиться от исключительных стеснений блокады. Статьи помещались под заголовками: «Гунны клянчат пищу»; в передовой статье встречалось выражение: «В этом мире всё ещё есть люди, которые склонны прислушиваться, когда немцы скулят, чтобы их накормили». Во время общих выборов «Дейли Мейл» призывала своих читателей отказаться от поддержки любого кандидата, который обнаружит признаки «какого бы то ни было сострадания к гуннам». К 15 декабря требования о полном возмещении издержек войны дошли до апогея. «Германия, — вопила «Дейли Мейл», — может заплатить, если союзные правительства проявят хотя бы малейшую силу воли». Ещё 11 декабря «Дейли Мейл» начала агитацию в пользу немедленной демобилизации, оставляя в стороне вопрос, как принудить гуннов к уступкам, оставшись невооружёнными. Немедленно после выборов появились ссылки «на неприятные слухи» о том, что якобы г. Ллойд-Джордж возьмёт в Париж не лорда Нортклиффа, а «старую касту» в лице г. Бальфура, лорда Керзона или даже г. Асквита. В начальный период конференции пресса лорда Нортклиффа затрачивала свою энергию в двух направлениях: она воевала против «бесстыдных гуннов» и поучала, «как сокрушить Ленина». Она требовала оккупации Москвы и Петрограда. В то же самое время она кричала о демобилизации. В апреле она подняла панику вокруг «капитуляции». «Это не наше дело, — восклицала газета, — спрашивать Германию, что она думает об условиях. Наш долг — продиктовать ей такие условия, которые дадут нам материальную гарантию безопасности, и пусть гунны думают о них всё, что им заблагорассудится». В то же время газета не переставая вопила о демобилизации. С этого же момента «Дейли Мейл» стала помещать на первой странице миленький эпиграф в маленькой рамочке: «Юнкера хотят вас надуть». Этот лозунг появлялся каждый день под заголовком передовой статьи. Когда немцы прибыли в Версаль, это предостережение было дополнено другой рамочкой, в которой был помещён текст: «Для памяти. Убито 670 986. Ранено 1 041 000. Пропало без вести 350 243». Вместе с тем газета всё ещё продолжала кричать о демобилизации. После вполне заслуженного и исключительно остроумного выступления Ллойд-Джорджа в палате общин 7 апреля против лорда Нортклиффа его пресса с радостью отдала себя в распоряжение пропагандистов французского военного министерства. В её освещении немецкие контрпредложения превращались в вымогательства и на её страницах назывались не иначе, как «вопли гуннов». О «Лузи-

тании»⁷ и даже об Эдит Кавелл⁸ вспоминали в каждой передовой статье, надеясь предотвратить внесение г. Ллойд-Джорджем в мирные условия хотя бы некоторых элементов мудрости и умеренности. Это безрассудное, продиктованное личными и истерическими взглядами Нортклиффа поведение с начала и до конца характеризовало его прессу. Не отставали в эмоциональном сумасбродстве и более respectable британские газеты.

2

Второй неудачей Парижской конференции, неудачей, которой никак нельзя было избежать, явилось то, что каждый из полномочных представителей пяти великих держав занимал определённую партийно-политическую позицию, был представителем, насторожённого, но неосведомлённого мнения избирателей. Я уже указывал, как г. Ллойд-Джорджу при всём его либерализме и пронциательности мешало то, что он сам создал палату общин, для которой были характерны умственные способности людей типа писак из «Дейли Мейл». Можно возразить, что премьер-министр не должен был лично ехать в Париж, а мог послать в качестве своего представителя кого-либо из профессиональных экономистов, дипломатов или людей с большим международным опытом, как лорд Мильнер⁹ или лорд Ридинг¹⁰. Несомненно, если бы такое представительство оказалось возможным, было бы достигнуто более тихое, более спокойное соглашение. Серьёзное замечание, что Ллойд-Джордж должен был бы взять с собой в Париж какого-нибудь авторитетного и осведомлённого социалиста, например г. Гайндмана¹¹. Но выбор такого делегата или даже включение его в качестве назначенного сотрудника в состав делегации было совершенно невозможно ввиду того, что в дело были вовлечены огромные национальные интересы. Нельзя было избежать и личного участия в конференции г. Ллойд-Джорджа. Впрочем, я не принадлежу к тем, кто рассматривает эту необходимость как неизбежную неудачу. Я спрашиваю, мог ли действительно в то время кто-либо другой из британских государственных деятелей при той обстановке, которая была внутри страны, достичь или избежать столь многого? И всё же должно быть признано, что премьер-министр, внимание которого отвлечено и отсутствие которого часто вызвано требованиями внутриполитической жизни своей страны, фактически не обладает независимостью, которая является столь существенной в переговорах, требующих полного сосредоточения и нерушимого спокойствия ума.

Неизбежно политическое настоящее или прошлое главных полномочных представителей создавало известный дуализм в их поведении. Трудно быть в одно и то же время великим европейцем и великим членом политической партии. Континентальные державы стремились к решению, которое было направ-

лено не на удовлетворение алчности (что бы ни говорили, в Париже было проявлено сравнительно немного алчности), а на устранение опасений. Эти опасения в каждом отдельном случае складывались, так сказать, из элементов личного и безличного. С одной стороны, делегаты великих держав были людьми опытными и мудрыми, желавшими основать договор на благоразумии и умеренности. С другой стороны, они были политическими деятелями, представлявшими если не определённые политические партии, то во всяком случае определённый круг политических идей. Они были обязаны согласовывать свои взгляды, которые могли быть взглядами просвещёнными, с чувствами тех, кто их поддерживал, т. е. с чувствами людей безусловно неосведомлённых. Демократическая дипломатия обладает многими преимуществами. Но она имеет один основной недостаток: её представители вынуждены снижать уровень собственного мышления до уровня чужих чувств. Если бы время, которое требуется для воздействия на демократическое мышление, двигалось быстрее, эта необходимость могла бы оказаться скорее гарантией успеха, чем опасностью для дела. Но при обстоятельствах, которые требуют большой быстроты и большого размаха решений, демократическая дипломатия в действительности представляет опасность более коварную и значительно менее доступную контролю, чем самый беззастенчивый вид меттерниховской дипломатии старой системы.

Г-н Клемансо, правда, мог бы заявить, что он является не политическим деятелем, а только патриотом. Он был в зените своей славы и мало считался с палатой. В январе 1919 г. Клемансо по крайней мере не стремился к достижению новых вершин в своей внутривнутриполитической карьере. Он мог утверждать с известной долей правды, что политически он был независим. И всё же фактически Клемансо во многом находился под влиянием партийно-политической борьбы. На нём сказывалась его прошлая партийная вражда. Со злобой настоящего тигра относился он к г. Пуанкаре. Он ожесточённо выступал против доктринёров крайней левой. Он намеревался установить курс Клемансо, курс, который был бы чем-то средним между мелочным национализмом Пуанкаре, бессодержательным оппортунизмом Франклина Буайона и (по его мнению) жалким коммунизмом крайних левых.

Г-н Орландо был ещё более зажат в щупальцах демократического осьминога. Для того чтобы внушить президенту Вильсону впечатление, что он, Орландо, вполне представляет Италию, ему пришлось сделать итальянскому осьминогу вливание патриотического стрихнина. Он стал, таким образом, жертвой своей собственной пропаганды. На протяжении всей конференции Орландо находился в высшей степени неудобном положении. Его коллега барон Соннино не упускал случая напомнить

ему об этих неудобствах. Г-н Орландо никогда не был в состоянии подняться до уровня своих собственных умственных способностей.

Действовал на руководителей конференции и безличный, чисто национальный элемент. Клемансо (видевший своими собственными глазами дым пожара над дворцом в Сен-Клу в 1871 г.) с полным основанием стремился гарантировать Франции безопасность. Г-н Ллойд-Джордж был стеснён не столько своими собственными избирательными обязательствами, сколько палатой общин, которую он создал благодаря высказанным им категорическим утверждениям; он надеялся сочетать принцип «*vae victis*» *, которого требовало британское общественное мнение, с более разумным стремлением к миру согласно его собственному взгляду. Наконец, г. Орландо, представитель священного эгоизма Италии¹², искренне стремился обеспечить своей неустойчивой стране те выгоды, которые одни (как он воображал) могли только уgomонить демона социализма¹³.

Есть ли что-либо странное в том, что такие смешанные мотивы должны были в известном отношении осложнить достижение поставленной цели? С одной стороны, эти люди стремились к тому, чтобы миром покарать Германию и тем удовлетворить своих собственных избирателей; с другой стороны, они хотели разумного мира, который смог бы восстановить спокойствие в Европе. Разве удивительно, что при такой двойственности намерений они должны были относиться со скрытым отвращением ко всякой попытке заранее уточнить их основные цели? Разве легко противостоять выводу, что основной причиной отсрочки конференции была вполне разумная надежда с их стороны на то, что великий Бог Демос через месяц-другой в какой-то мере успокоится?

3

Названные выше два затруднения были, смеем надеяться, свойственны только Парижской конференции. Но перед руководителями этого несчастного собрания возникли и другие затруднения, которые неизменно сопутствуют всякой дискуссии. Следует учитывать, что выносливость, которой обладает самый здоровый человеческий мозг, весьма ограничена. Переутомление, вызванное бесконечной перегрузкой, ослабляет воображение и творческие способности. Изнурённому мозгу всё более и более свойственно сосредоточиваться на узком круге неотложных мелочей; всё менее и менее стремится он расширить круг вопросов, что повлекло бы за собой дальнейшее обсуждение, дальнейшую затрату умственной энергии и физических сил, а также пересмотр многих пунктов соглашения, которые были

* — горе побеждённым (лат.). — Прим. ред. перевода.

уже достигнуты с таким трудом. Эти человеческие недостатки, эти слабости человеческой природы, неизбежно проявляющиеся на любой конференции, длящейся продолжительный срок, рано или поздно становятся господствующими. В Париже результаты умственного изнурения были выражены особенно ярко. Следует помнить, что участники борьбы в течение многих мучительных лет испытывали такое напряжение, которого на протяжении истории не знали ещё властители мира. Их жизнеспособность была исключительной. Но никакая человеческая энергия не может сопротивляться такой совокупности испытаний, без того чтобы не предпочесть, наконец, поверхностное существованию, выгодное неудобному, предпочесть импровизацию длительному обдумыванию. Нельзя правильно критиковать Парижскую конференцию, не подчеркнув с полной рельефностью элемент всеобщего переутомления и логически вытекающую из этого потерю чувствительности ко многому тому, на что в других условиях стали бы реагировать.

Было бы ошибкой, однако, для того, кто изучает дипломатическую историю конференций, концентрировать слишком много внимания на тех слабостях человеческой натуры, которые препятствуют разумному обсуждению. Трудности ведения переговоров возникают почти так же часто и из более высоких качеств человеческой души. Интересно было бы установить, сколько ложных решений, сколько роковых ошибок возникло из-за таких приятных свойств, как застенчивость, уважение к чужому мнению, внимание к другим, или попросту из-за благовоспитанности. Одним из самых постоянных недостатков всякой дипломатической деятельности на конференциях является трудность для любого человека так или иначе доставлять неприятности одним и тем же людям в течение многих дней подряд. Если вы упорно отказываетесь в понедельник дать своё согласие по вопросу, по которому большинство уже согласно, то очень утомительно выказать такое же упорство во вторник, когда рассматривается совершенно другой вопрос. Каждому соблазнительно избегать неприятной точности в установлении разногласий, не доводить дело до постоянной обструкции и хоть изредка молчаливо соглашаться с другими, откладывая свои возражения до того времени, когда они могут быть разбавлены сладким сиропом согласия на какое-либо новое предложение. Всё это было слишком очевидно на Парижской конференции. Можно допустить, что отказ президента Вильсона от его твёрдых позиций произошёл по причинам, которые несколько выходят за рамки постоянного давления на него привычки к обычной человеческой вежливости; да он и не соглашался почти со всеми предложениями коллег; но они прекрасно понимали, насколько болезненно президент переживал эти постоянные расхождения, и неизбежно пользовались со-

здавшейся в результате этого обстановкой. Интересно представить себе, что случилось бы с президентом, если бы он (подобно г. Лансингу) был действительно воинственным человеком. Многие неприятности происходили также и у г. Орlando, оттого что он терпеть не мог казаться невежливым. Его поправка к девятому из 14 пунктов была сделана неясно; он пробормотал что-то в сторону. Г-ну Орlando было неприятно беспокоить его своих очаровательных друзей, сидевших вместе с ним за круглым столом. Тем не менее эти невнятные реплики в сторону едва не раскололи конференцию надвое. Быть может, полковник Хауз с вполне оправданным раздражением отметил в своём дневнике: «Большая часть времени на конференции была потрачена на смешные усилия не оскорбить кого-либо»¹⁴.

Такие причудливые изгибы человеческой психики, как я уже указывал, неизбежны на любой конференции. Некоторые другие, более конкретные затруднения также особенно обострились в процессе работы Парижской конференции. Возникла проблема тайных договоров, заключённых в разгар войны, в которых Соединённые Штаты не принимали участия и о которых они в большинстве случаев имели неполную информацию. Затем возникла проблема малых государств, представители которых под действием националистических настроений в своей стране вынуждены были занять позицию шумной непреклонности. Эти две проблемы будут рассмотрены нами в деталях ниже. В настоящей главе остановимся на двух других затруднениях, препятствовавших работе конференции с самого начала. Первым из этих затруднений было присутствие на конференции президента Вильсона, вторым — выбор Парижа в качестве места проведения конференции. Каждое из них было неизбежно, так как требовалась почти сверхчеловеческая проницательность и настойчивость, для того чтобы вначале предусмотреть, а затем и устранить опасности, вытекавшие из этих двух первоначальных решений.

4

Несчастье, заключавшееся в личном присутствии президента Вильсона на Парижской конференции, следует рассматривать в двух направлениях. Необходимо сначала ответить на первый вопрос: «Почему он приехал?», а затем на второй вопрос: «Почему, решив приехать, он принял личное участие в работах конференции?»

Я должен повторить, что в настоящих записках не ставил перед собой задачи входить в подробности, относительно которых я не могу судить на основании непосредственных впечатлений. Я сознавал в то время, хоть и не вполне ясно, те неудобства, которые вызваны участием президента в Совете десяти или Совете четырёх. Теперь мне ясно: деморализация и

охватившее нас душевное беспокойство, сказавшиеся на нас в апреле и мае 1919 г., в значительной мере были вызваны тем, что мы в панике осознали: пророк из Белого дома не только не пожелал вызвать небесный огонь, но, более того, с полным равнодушием не требовал даже памятной записки от кого-либо из своих собственных экспертов. Париж очень отличается от Дельфов¹⁵, и когда нашего оракула просили разъяснить его вещания, он слишком часто делал это так, что от них ничего не оставалось. Не будет преувеличением приписывать тот неожиданный «упадок идеализма», который возник на конференции к середине марта 1919 г., страшному подозрению, что вильсонизм даёт сильную течь, что ковчег, на котором мы все находились и чувствовали себя так уверенно, шёл ко дну. В страхе наши взоры устремились к ближайшему спасательному поясу. В конце конференции каждый спасался как умел. Мы называли это «безопасностью»; в панике мы бросились с ковчега к лодкам; а когда мы их достигли, мы застали там наших коллег из итальянской делегации, которые разместились в них с комфортом. Они приветливо нам улыбались.

Этот образ вовсе не надуман. Инстинктивно и справедливо мы полагали, что если вильсонизм должен составить хартию новой Европы, то он должен применяться повсеместно, полно, со всей силой и с полным научным обоснованием. Полагая, что Америка едина в поддержке всей доктрины вильсонизма, мы чувствовали себя уверенными, что можем отправиться на нашем ковчеге в безопасное путешествие к райскому блаженству. И только тогда, когда мы поняли, что вильсонизм дошёл до нас весь в заплатах, нас охватило беспокойство. Это беспокойство утонуло, как только для нас стало очевидно, что и этот заплатанный идеализм не получит поддержки в Соединённых Штатах. Поскольку Новый Свет не отозвался на призыв своего пророка, мы в панике обратились к Старому Свету и его политике равновесия сил¹⁶. Мы неизбежно постарались вернуться на знакомую твёрдую почву старой Европы, которая при всех таившихся в ней опасностях была по меньшей мере знакомой нам территорией.

Крах Вильсона означал крах конференции. Вполне возможно, что, оставаясь в Вашингтоне, президент никогда не потерпел бы поражения. Его присутствие в Париже, таким образом, было историческим бедствием первостепенной важности.

Имеются также второстепенные соображения, по которым для всех было бы удобней, если бы президент Вильсон не обосновался в вилле Мюрата. Во-первых, оставаясь в Вашингтоне, он был бы вынужден снабдить своих полномочных представителей письменными инструкциями в какой-либо форме. Это само по себе обеспечило бы конференции некоторую твёрдую основу, на которой могла бы идти её работа. Как будет видно из

следующей главы, отсутствие такой основы было одним из самых серьёзных практических недочётов конференции. Во-вторых, оставаясь в контакте с мнением сената и общества, президент был бы в состоянии придать этому мнению творческое направление или же во-время предостеречь свою делегацию, что американский народ не имеет ни малейшего желания ниспослать Европе новый источник истинного света взамен старых. В-третьих, полномочные представители Соединённых Штатов неизмеримо выиграли бы в споре с более гибкими европейскими умами, если бы они могли откладывать свои решения, ссылаясь на необходимость ждать решения президента. Американцы при всех своих достоинствах — народ тугодумов. Итак, медленная сообразительность президента ставила его в невыгодное положение в беседе с такими людьми, как Клемансо и Ллойд-Джордж. Понятно, ему было неприятно по каждому случаю и по каждому вопросу просить, чтобы те или иные слова повторялись лишний раз и более медленно, было неприятно сознавать, что он не успевает за быстрым ходом дискуссии. Чувство того, что они всегда несколько отстают от других, отражалось на уверенности и нервах каждого участника американской делегации. Для них было бы бесценно, если бы законная пауза и законная передышка могли быть достигнуты под предлогом обращения в Вашингтон. Это позволило бы им не только выиграть время. Они таким образом доказывали бы своё алиби¹⁷. Я уже указывал, насколько решающее значение имеет обычная вежливость во всякой дискуссии между цивилизованными людьми. Для американских представителей было бы значительно легче переложить ответственность за бесконечные отказы и обструкции на плечи отсутствующего властителя. Президент лично воздерживался на протяжении всей конференции от каких бы то ни было ссылок на кого бы то ни было, хотя при случае можно было с достоинством и с пользой оставить за собой право на оговорку, право на консультацию с комиссией сената. Когда г. Ллойд-Джордж встречался с каким-либо трудным решением, требующим отсрочки, он всегда становился сугубо чувствительным к мнению британской имперской делегации и даже к мнению палаты общин. Президент не снисходил к такой маскировке, к такому алиби. На его решения ни к кому апеллировать не полагалось. Он находился здесь, в этой небольшой и душевной комнате, в качестве рупора суверенного народа Америки. Его никто не мог заменить, никто не мог избавить от него самого, никто не мог найти для него извинения даже для того, чтобы он мог молча поразмыслить над каким-нибудь вопросом. Один из четырёх он был вооружён правом немедленного решения. Это оружие было для него роковым и смертельным.

Сказанного уже достаточно, чтобы подчеркнуть, что присут-

ствие президента Вильсона в Париже было серьёзным затруднением. Остаётся рассмотреть, как оно возникло. Недостаточно объяснить его недостатками в характере президента Вильсона, которые мешали ему взглянуть на себя со стороны. Его решение было не только неразумным. Оно было намеренным, и он проявил в этом отношении упрямство. С конституционной точки зрения присутствие в Париже президента без комиссии, должным образом назначенной сенатом, по меньшей мере вызывало сомнения. Г-н Лансинг и полковник Хауз рассказали, как они были озабочены этим решением президента. Хауз объясняет его убеждением Вильсона, что он является избранным свыше арбитром человеческих отношений. 12 ноября государственный секретарь просил президента не ехать в Париж. Вильсон «повернул беседу на другую тему». 18 ноября президент снова, не консультируясь с государственным секретарём, заявил представителям печати, что он будет лично присутствовать на конференции. «Я уверен, — отмечает в своём дневнике г. Лансинг, — что он совершает одну из величайших ошибок в своей карьере и подвергает опасности свою репутацию». Именно это расхождение с самого начала отравило отношения между президентом Вильсоном и г. Лансингом.

Полковник Хауз также пытался, несомненно с большим тактом, чем более откровенный Лансинг, отговорить своего друга от такого рискованного предприятия. Его увещевания оказались бесполезными. Президент был раздражён усилиями отговорить его. «Он смотрел на Парижскую конференцию, как на предстоящее ему интеллектуальное наслаждение», — записывает полковник Хауз. Редко какое-либо предчувствие бывало так жестоко обмануто действительностью. «Когда, — пишет полковник Хауз, — он сошёл со своего высокого пьедестала и вступил в спор с представителями других государств на равных условиях, выяснилось, что он сделан из того же теста, что и другие... Чувство беспомощности охватило его».

Не следует думать, что решение президента явилось результатом призывов со стороны Великобритании или Франции. Г-н Ллойд-Джордж впоследствии признавался, что он был сильно поражён, когда впервые услышал, что президент решил принять личное участие в конференции. Г-н Клемансо был более чем поражён. Он был глубоко обеспокоен. Он опасался, как бы Пуанкаре не стал утверждать, что присутствие президента Соединённых Штатов в Париже обязывает, чтобы председателем конференции был не премьер-министр, а президент Французской республики. Не добившись успеха в попытках удержать президента в Вашингтоне, г-н Клемансо посвятил все свои силы тому, чтобы убедить его, что он должен оставаться в тени на вилле Мюрата. Пока ещё неясно, по каким соображениям и кто именно уговорил президента оставить своё уединение и лич-

но выступить на арене. Г-н Лансинг утверждает, не приводя никаких доказательств, что г. Вильсон не был расположен лично принимать участие в обсуждениях в качестве делегата и что его уговорил сделать это г. Ллойд-Джордж. Последний, быть может, в действительности и полагал, что, поскольку президент совершил первоначальную ошибку, покинув Вашингтон, будет предпочтительно извлечь все выгоды, а не только одни неприятности из его присутствия. Возможно также, что сам г. Вильсон был убеждён, что никто, кроме него одного, не в состоянии внушить реакционной Европе светлый идеал устава Лиги. А г. Клемансо, после того как полковник Хауз согласился, что не может быть и речи о замене французского премьера на председательском кресле конференции, охотно выразил готовность, чтобы президент был одним из делегатов на равных началах с другими. Пусть он попробует!

Это было, действительно, несчастным решением. Правда, внешне к президенту Вильсону относились с почтением большим, нежели полагавшееся по отношению к премьер-министрам, с которыми он теперь решил соревноваться. Его личному детективу было разрешено находиться в приёмной на Кэ д'Орсэ, в то время как личные детективы других полномочных представителей были принуждены оставаться вне здания, вместе с шофёрами. Более того, когда прибывал Вильсон, то г. Пишон в волнении выбегал за двойные двери своего кабинета и в порыве усердия устремлялся вниз по лестнице до парадной двери, чтобы встретить президента. «Добрый день, — бывало скажет нам Пишон, когда мы поднимались со стульев в передней, чтобы приветствовать его. — Добрый день, господа!» А Вильсона он сопровождал лично от парадного до кабинета. Г-н Ллойд-Джордж, с другой стороны, весело вкатывался в этот жарко натопленный кабинет в сопровождении сэра Мориса Хэнки. Но здесь, в кабинете, почести прекращались. В пределах этих жарких и высоких стен, под этими весёлыми и легкомысленными гобеленами г. Вильсон был всего только полномочным представителем Соединённых Штатов. И он не был хорошим полномочным представителем.

Вначале предполагалось, что конференция будет проходить в одном из нейтральных городов, таких, как Женева или Лозанна. И г. Ллойд-Джордж и полковник Хауз были определённо настроены в пользу Швейцарии. Президент Вильсон, однако, считал, что Женевское озеро «было отравлено всеми ядами и доступно всякому враждебному влиянию». Неясно, из каких источников он составил себе столь неблагоприятное впечатление об этом туманном озере. Брюссель, казалось организаторам конференции, не подходил по причине нервного истощения¹⁸. Предлагалась также Гаага, но и она не подошла. Как символ нового порядка Гаага, несмотря на её Дворец мира, не вселяла

уверенности. Ведь в Амеронгене¹⁹ находился экс-кайзер, и эта близость была не из особенно приятных. Помимо всего прочего голландцы — люди чересчур коммерческие. Что касается Лондона, то континентальные и заатлантические страны, а также британское правительство и правительства доминионов не выказывали к нему никакой склонности. Вот почему выбор неизбежно пал на Париж.

Избрав эту подвергавшуюся бомбардировке столицу, руководители мира совершили серьёзную первоначальную ошибку. Поскольку эта ошибка была неизбежной, я называю её неудачей. Париж при любых обстоятельствах чересчур чувствителен к себе и чересчур напоминает о себе, чтобы быть благоприятным местом для любой мирной конференции. Это отмечал ещё в 1814 г. лорд Кэстльри. «Париж, — писал он Батхерсту, — не годится для деловых занятий». Этот дефект, действительно, был слишком замечен в 1919 г. «Мы были стеснены, — пишет д-р Чарльз Сеймур в своём замечательном собрании «Дневник полковника Хауза»²⁰, — обстановкой Парижа, где виновность немцев в войне была принята априорно. Каждый боялся, что его сочтут германофилом». Подсознательно снаряды, которыми обстреливался Париж, повлияли на нервное состояние всех делегатов. «Париж, — пишет г. Кейнс, — был кошмаром, и каждый в этом городе был объят ужасом». Его размеры, его многочисленные развлечения сами по себе отвлекали от того интенсивного труда, который был необходим, чтобы классифицировать и согласовать всю массу разнообразных сведений и мнений. Мы чувствовали себя хирургами, которые пытаются оперировать в помещении танцевального зала, на глазах старых тёток пациента.

Даже для тех, кто знал Париж, эта мрачная и авторитетная столица в течение тех тяжёлых недель, казалось, потеряла своё достоинство.

Благоприобретенная серьёзность, вынашиваемая в Академии бессмертных; сочетаемая с легкомыслием серьёзность, порхающая по книжным киоскам букинистов близ Одеона²¹; традиционная серьёзность, запечатленная на глухих тротуарах Рю де Лилль²²; домашняя серьёзность, излучаемая маленькими домиками в Пасси²³ или Отейль²⁴; физическая серьёзность, пульсирующая от Менильмонтана до Клиши²⁵; интеллектуальная серьёзность (тень руки на гардине в парижском окне, когда обитатель комнаты заносит руку на верхнюю полку книжного шкафа), которая живёт за мириадами парижских балконов; моральная серьёзность, являющаяся проявлением самого духа Парижа; историческая серьёзность, спокойно подстерегающая наблюдателя в быстрых водах Сены, — вся эта серьёзность оседала на сверкающих лимузинах дипломатов, отражалась на вращающихся дверях парижских отелей.

Париж, контуженный в самый мозг, обратился к зализыванию своих ран. За него действовала *Compagnie des Grands Express Européens* или, точнее, *American Express Compagnie*²⁶. Американская военная охрана стояла рядом с аянами²⁷ на Елисейских Полях. Военные формы двадцати шести иностранных армий исказили стиль парижских улиц. Париж на несколько недель потерял свою душевную цельность. Мозг Парижа — это величественное достижение западной цивилизации — перестал работать. Нервы Парижа, казалось, скрипели так, что было слышно.

Французы реагировали на это нашествие варваров на их очаг* отнюдь не любезно. Почти с самого начала они настроились против американцев с озлобленным негодованием. Постоянные окрики их газет и дерзость их нападков всё возрастали и возрастали. Глупость газет, издававшихся в Париже на английском языке, была непревзойдённой. Совокупный эффект всей этой газетной шумихи, поднятой у самых ворот конференции, нервировал всех её участников и имел нездоровые последствия. Уже за завтраком раздавались непрестанные проклятия.

Президент был очень чувствителен к этой враждебности Парижа. Он не так сильно возмущался, когда его обвиняли в том, что он хочет быть духовным владыкой, или ругали за то, что он не посетил разрушенных районов Франции, или открыто обвиняли в том, что он настроен прогермански, или называли пророком, преследуемым своей мечтой. Наедине с Богом и Народом он мог бы почти без содрогания устоять перед этими нападениями. Но против чего он возражал, — это против тех забавных каламбуров, с которыми выступали по его адресу французские газеты, против непрерывного окружения его имени не ореолом почтения, а цепью насмешек по поводу его поведения. Каждый инцидент (а их было много) был использован французской прессой, чтобы изобразить президента в смешном свете. Для верующего пресвитерианина подвергаться преследованиям значит быть увенчанным славой. Всякая оппозиция рассматривается им как возможность борьбы за право, ниспосланная богом. Но спокойные насмешки доводят пресвитериан до бешенства. Г-н Вильсон больше всего страдал от весёлых парижских карикатур. Эти дополнения ко многим заботам, как лёгкие стружки, воспламеняемые медленным огнём разочарования, не должны недооцениваться, — они сыграли свою роль в окончательном крахе президента. Вильсон прибыл на конференцию, обладая мощностью, какой не располагал ни один человек на протяжении истории; он прибыл, воодушевлённый

* Ср. из «Марсельезы»: «*Quoi, ces cohortes étrangers feront la lois dans nos foyers?*» (Как, эти когорты чужеземцев будут устанавливать закон для наших очагов?). — *Прим. ред. перевода.*

идеалами, которые не вдохновляли ни одного самодержца в прошлом. А Париж, вместо того чтобы взирать на него, как на воплощение просвещённого государя-философа, увидел в нём смешного и раздражённого профессора. Общий эффект этих мелких, но неприятных булавочных уколов был значительно большим, чем тогда представлялось.

Выбор Парижа, таким образом, оказался одной из наиболее злосчастных наших неудач. Однако ни одна из тех неудач, которые я рассмотрел выше, не явилась бы решающим фактором обстановки, если бы они не были усилены нашими ошибками и не выкристаллизовались благодаря им.

В следующей главе я ставлю своей целью рассмотреть ошибки организации и метода, которыми конференция была обречена на сравнительную неудачу с самого начала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Теодор Рузвельт* — президент США в 1901—1908 гг., был сторонником вступления США в первую мировую войну в самом её начале.

² *Чёрный принц* — Эдуард, принц Уэльский (1330 — 1376); в войне с Францией наголову разбил французов в битве при Пуатье и, взяв в плен французского короля, проявил по отношению к нему рыцарское великодушие.

³ *Патриции* — аристократы в древнем Риме, которым принадлежала вся полнота государственной власти.

⁴ См. *Уинстон Черчилль*, Мировой кризис, Госвоениздат, 1932, стр. 3.

⁵ Там же.

⁶ *Генри-Вильсон Гаррис* — корреспондент «Дейли Ньюс».

⁷ «*Лузитания*» — английский пассажирский пароход, потопленный 7 мая 1915 г. германской подводной лодкой. Среди пассажиров находилось 100 граждан тогда ещё нейтральных США, что едва не привело к вступлению США в войну в 1915 г.

⁸ *Эдит Кавелл* — английская сестра милосердия. Была сестрой в госпитале в Брюсселе, когда его захватили немцы. Там она укрыла в своём доме раненых английских и французских солдат. Была арестована, приговорена к смерти и расстреляна. В Лондоне ей был воздвигнут памятник.

⁹ *Альфред лорд Мильнер* — член военного кабинета Ллойд-Джорджа. В феврале 1917 г. организовал по поручению английского правительства конференцию союзников в Петрограде.

¹⁰ *Лорд Ридинг* — посланник Англии в США в 1918 г. В 1917 г. вёл переговоры о заключении крупного займа в США. Был вице-королём Индии.

¹¹ *Генри Гайндман* — основатель и лидер английской социал-демократической федерации. Сторонник войны, Гайндман никогда не был подлинным марксистом. Его кандидатура как представителя от рабочих на Парижской конференции, выдвинутая частью прессы, провалилась.

¹² *Священный эгоизм* (sacro egoismo) — выражение, впервые употреблённое итальянским премьер-министром Саландра в октябре 1914 г. для обозначения его внешней политики, проводимой «исключительно в итальянских интересах».

¹³ Тяжёлый послевоенный экономический кризис привёл в Италии к росту революционного движения. В противовес ему буржуазия также организовала свои силы, и территориальные приобретения были не единственным средством его подавления.

¹⁴ См. «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, М. 1944.

15 *Дельфы* — город в древней Греции, где в святилище Аполлона находился дельфийский оракул, дававший от имени божества крайне неясные ответы на обращаемые к нему вопросы.

16 Никольсов перефразирует слова одного из крупнейших дипломатов Англии начала XIX века, Каннинга («Мы призвали Новый Свет к существованию, чтобы исправить равновесие сил в Старом Свете»), произнесённые им в связи с поддержкой, оказанной восстанию южноамериканских колоний против Испании.

17 *Алиби* (лат.) — в другом месте. Юридический термин — доказательство невиновности обвиняемого тем, что в момент преступления он находился в другом месте.

18 *Брюссель* — столица Бельгии, пережившая германскую оккупацию с первых дней войны.

19 *Амеронген* — город в Голландии с замком графа Бенсинека, где жил бежавший из Германии после революции Вильгельм II.

20 См. «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, М. 1944.

21 *Одеон* — драматический театр в Париже.

22 *Рю де Лилль* — одна из улиц аристократического Сен-Жерменского предместья Парижа.

23 *Пасси* — тихий буржуазный район Парижа.

24 *Отель* — см. стр. 62, примечание 25.

25 *Менильмонтан* — район, где ютится парижская беднота. Бульвар и площадь *Клиши* — район, населённый главным образом мелкой буржуазией и рабочими.

26 *Compagnie des Grands Express Européens* и *American Express Compagnie* — французское и американское туристские агентства.

27 *Ажан* — французский полицейский.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

О ШИБКИ

Необходимость в согласованной основе конференции и твёрдой программе. Причины, по которым конференция обошла обе эти насущные потребности. Дуализм цели. Конфликт принципов и компромисс в деталях. Г-н Бекер и д-р Сеймур. Неизбежность отдельных расхождений. Отказ противостоять этим расхождениям с самого начала. Оправдания репарационной комиссии и статья XIX устава. Насколько состоятельны эти оправдания. Европейские нужды противостоят американским пожеланиям. Действительные неточности. Не было решения, должен ли договор быть прелиминарным или окончательным, заключён ли путём переговоров или продиктован. Анализ этих неточностей, их сущности и результатов. Отсутствие определённой программы. Причины.

1

В той серии «настольных книг для мирной конференции», которой нас снабдил Форейн оффис, была книжка сэра Эрнста Сатоу о «Международных конгрессах»¹. В этой прекрасной монографии величайший из ныне живущих авторитетов по дипломатической практике суммировал для нас методы и процедуру, принятые на прошлых конгрессах, и обратил наше серьёзное внимание на ошибки, которые допускались в организации конгрессов. Его небольшая книжка более всего изучалась младшими участниками британской делегации и была ими передана их американским коллегам, которые в свою очередь читали её с интересом и уважением. Можно спросить себя, изучалась ли эта книжка с тем же вниманием самими полномочными представителями. Было бы полезным, например, если бы руководители британской политики, прежде чем покинуть Лондон, прочли те яркие места, в которых сэр Эрнст Сатоу настаивает на необходимости: а) какого-либо предварительного соглашения о целях конференции и б) определённой, твёрдой программы.

«Конгрессу или конференции, — писал сэр Эрнст Сатоу, — обычно предшествует заключение прелиминарных соглашений о мире между воюющими сторонами... Вступить на конгресс или

на конференцию без таких прелиминарных соглашений означало бы вступить на опасный путь, так как это может повести к попыткам вызвать разногласия между союзниками той или другой стороны... Должна быть определённая программа вопросов, подлежащих обсуждению между полномочными представителями. Следует точно придерживаться этой программы, и если возникнет какое-либо предложение выдвинуть другие вопросы, оно должно быть тщательно изучено до того, как его принять...

Опыт показывает, что для того, чтобы обеспечить успех конгресса или конференции, должна быть заранее согласована точная основа или основы, и чем больше определённость, с которой формулированы главные пункты такой основы заранее, тем более вероятно достижение общего соглашения. В прошлой истории, когда конгрессам не удавалось добиться определённых результатов, неудача в основном происходила оттого, что не было заранее проведено соответствующей подготовки».

Г-н Андрэ Тардые в своей книге «Мир»² признаёт, что неудавшиеся попытки согласовать какую-либо предварительную основу являются причиной того, что на конференции вначале прибегли к экспериментальным методам и что впоследствии были затяжки, а в конце (в марте и апреле 1919 г.) поспешно заключались компромиссы. Он защищает это упущение по двум основаниям. Во-первых, он утверждает, что было достаточно трудно сохранить единый фронт для целей войны и что эта трудность серьёзно возросла бы, если обсуждение будущей политики мира затронуло бы столь деликатное чувство, как национальная гордость, притом в сочетании с национальными интересами. В этом утверждении есть известная доля правды. Во-вторых, он доказывает, что после перемирия попытка координации фактически была сделана во время посещения Клемансо Лондона 2 и 3 декабря 1918 г. Этот аргумент ошибочен. Лондонская дискуссия касалась только четырёх пунктов, и ни один из них не содействовал существенным образом улучшению работы предстоящей конференции. Было решено: а) что должен быть немедленно назначен комитет по определению платёжеспособности Германии; б) что экс-кайзер должен предстать перед международным трибуналом; в) что представители британских доминионов могут принимать участие в заседаниях конференции, когда на обсуждение выносятся вопросы, затрагивающие их особые интересы; г) что особому комитету следует поручить изучение проблемы снабжения и помощи.

Нельзя поэтому утверждать, что дискуссия, которая имела место в Лондоне 2 и 3 декабря, сделала что-либо для установления «основы или основ» предстоящей конференции.

2

Можно с большим основанием утверждать, что эта основа в действительности была предусмотрена пунктами, принципами и условиями, которые провозгласил президент Вильсон и которые были приняты всеми воюющими сторонами в качестве основы для выработки детальных условий. И всё же, будет ли это утверждение правильным? Мне думается, что нет.

Важно с точки зрения дипломатической техники проанализировать, в какой мере на практике эти принципы устанавливали основы для переговоров между различными сторонами. Такой анализ вскроет весьма серьёзную аномалию. Ибо хотя эти основы теоретически были приняты в качестве «*tractum de contrahendo*» для переговоров между двумя группами воюющих государств, они не были приняты безоговорочно (даже с добавлением комментария полковника Хауза) в качестве согласованного базиса переговоров между союзными и присоединившимися государствами. Г-н Клемансо, например, с самого начала, повидимому, затаил в душе оговорки по поводу «безопасности» Франции. Эти оговорки, включавшие отторжение некоторой части Рейнской области от Германии, известное ограичение права Австрии на самоопределение и намерение заполучить по крайней мере экономические ресурсы Саарского бассейна, находились в прямом противоречии с принципами, которые по отношению к нашим противникам, а также по отношению к Соединённым Штатам Клемансо принял с энтузиазмом. Г-н Ллойд-Джордж со своей стороны также с самого начала должен был испытывать сомнения, которые относились не только к сделанной им публично оговорке в области права морской войны, но и к невысказанным, однако отнюдь не неожиданным, затруднениям по таким вопросам, как издержки войны и передача германских колоний Австрии и Южно-Африканскому союзу. Синьор Орландо, помимо тех оговорок, которые он пробормотал столь невнятно, должен был хорошо знать, что граница по Бреннеру, не говоря уже об адриатических захватах, не была и не могла рассматриваться как урегулирование требований Италии на основе «ясно выраженного национального признака». Каждый из главных участников драмы, таким образом, явился на конференцию с ясным сознанием, что его цели не находились в полной гармонии с тем, что он провозгласил своим символом веры. В известной степени растяжимость целей неотделима от любого международного конгресса. Но в Париже этот разрыв между провозглашёнными и действительными намерениями участников был слишком широк, чтобы могло возникнуть что-нибудь приближающееся к «принятой основе соглашения».

В моё намерение не входит дать этические оценки, определить вину или вознести хвалы. Всё моё рассуждение клонится к тому, чтобы доказать наличие известных факторов, действия которых нельзя было избежать. Мои записки не касаются того, что должно было случиться, и ещё менее того, что не должно было случиться. Я описываю то, что фактически нельзя назвать конференцией и что было весьма серьёзной болезнью. Моя задача — лишь регистрировать симптомы и записывать температуру. В рамках этих задач отмеченный мной разрыв является очень важным фактором.

Позвольте мне несколько иначе изложить эту аргументацию. Конференция изображается, особенно американскими пропагандистами вроде г. Роя-Станнарда Бекера, как конфликт между силами света (в лице президента Вильсона) и силами тьмы (в лице г. Клемансо). Такая упрощённая драматизация разногласий едва ли оправдана. Не относящимся к делу является, по моему мнению, параллель, проводимая г. Кейнсом между Карфагенским миром и миром «вильсоновским». Ни ярых контрастов, ни ясно выраженных разногласий в Париже не было. «Всё дело, — как заметил г. Бальфур, — было в конечном счёте занятием беспорядочным, и мы работали от случая к случаю».

В равной мере неправильным, хотя значительно более разумным, является утверждение обратного порядка, т. е. представление о конференции не как о столкновении двух взаимно исключających принципов, а как о согласовании запутанных практических деталей. Я признаю, что такая интерпретация фактически соответствует конференции в действии. Такой она была, хотя такой и не должна была быть, хотя такой её не рассчитывали увидеть. В этом смысле отмеченное утверждение является скорее критикой, чем толкованием конференции. Те, кто в будущем станет изучать конференцию, убедят себя в том, что они (будучи грамотными в вопросах экономики) не повторят ошибок, сделанных нами в 1919 г. Поэтому я считаю бесполезным простую констатацию непрерывных переходов от надежды к изнеможению, от соображений высшей мудрости к соображениям удобства, от потребностей народов к мелким личным устремлениям, от знания к невежеству, от справедливости к мести, от силы к малодушию, от разума к чувству, от непосредственных задач к далёким перспективам, от прошлого к будущему, от удобного к желательному, от осуществимого к трудному, от популярного к научному, — эти переходы возникали в меньшей степени из конфликта, чем из переплетения мотивов, в меньшей степени из борьбы, чем из суеты. Эти переходы, по мере того как шли недели за неделями, окутывали конференцию туманом изнеможения, пассивности, подозрения и отчаяния.

Позвольте мне привести в качестве образца такой критики прекрасный отрывок из IV тома «Дневника полковника Хауза», изданного д-ром Чарльзом Сеймуром³:

«Различные историки и особенно те, кто писал с американской точки зрения, описывали мирную конференцию как ясно выраженный конфликт между двумя идеалами, олицетворяемыми, с одной стороны, Клемансо и, с другой — Вильсоном; конфликт между злом старой системы дипломатии и добродетелью нового мирового идеализма. Такая картина является привлекательной для тех, кто не хочет понять всей сложности исторической истины. В действительности конференция отнюдь не была столь простой. Она была не столько дуэлью, сколько беспорядочным общим сражением, в котором представители каждой нации боролись за то, чтобы обеспечить поддержку их собственным методам упрочения мира. Цель у всех была одна и та же — избежать повторения четырёх лет мировых разрушений; методы, естественно, были различными, так как каждый народ стоял лицом к лицу с различными проблемами.

Каждое государство неизбежно выдвигало решения, которые отражали его интересы. Это в известном смысле так же справедливо в отношении Соединённых Штатов и в отношении Франции, Италии или Великобритании. Мы теряли немного, заявив, что мы не требуем территорий (которых мы и не хотели), ни репараций (которых мы не могли взять). Наши интересы заключались исключительно в обеспечении режима мирового спокойствия; наше географическое положение позволяло нам настаивать с полной безопасностью для себя на разоружении и арбитраже. Вильсоновский идеализм соответствовал здоровой Realpolitik⁴.

Но американские методы не так уж соответствовали особым проблемам европейских государств, над которыми довели факторы географические и исторические. Исходя из американской программы, мы сами не уступали ничего ценного, но требовали отказа европейских государств от многого такого, что казалось им весьма важным для их безопасности. Мы могли настаивать на том, что наиболее верным способом предотвращения войны является разоружение и примирение. Французы отвечали, что британцы и американцы, защищённые Ламаншем и Атлантическим океаном, могут позволить себе такую аргументацию; Франция слишком часто подвергалась вторжению, чтобы она отказалась настаивать на лучших гарантиях, чем писанные обещания. Мы могли настаивать, что было бы лучше всего списать в расход германские репарации как безнадёжный долг. Европейцы отвечали: «Должны ли мы, подвергшиеся нападению, заплатить за все издержки и дать агрессору уйти невредимым? Нет, мы не сделаем этого, пока не исчерпаем все средства заставить его заплатить».

Даже если сами союзные лидеры и были согласны с разумностью американских предложений, принять их мешало общественное мнение. Клемансо клеймили как предателя за то, что он отказался расчленить Германию. Если бы он уступил в вопросе об оккупации Рейнской области, его с шумом прогнали бы, лишив власти, и заменили более упрямым премьером. Ллойд-Джордж признавал, что широко распространённые среди английских обывателей расчёты о платёжеспособности Германии были абсурдны, но он не решался заявить об этом избирателям. Орландо с радостью принял бы компромиссное решение по адриатическому вопросу, но это было невозможно для него в силу политической обстановки в Италии. Премьер-министры отнюдь не пользовались всей полнотой власти. Возбуждая народные страсти во время войны, что само по себе было вполне допустимым военным средством, они создали чудовище, которое теперь делало их беспомощными. Они могли достигать компромисса, если обладали таким искусством, но им не разрешалось идти на уступки».

Концепция г. Станнарда Бекера и теория д-ра Чарльза Сеймура каждая по-своему даёт представление о той двойственности намерений, с которой прибыли в Париж главные участники переговоров. Первый из этих авторов утверждает, что цели, поставленные Старым и Новым Светом, были не только различны, но, как оказалось в действительности, и антагонистичны. Второй намеревается объяснить, что эти цели хотя несколько и отличались друг от друга, но не расходились по существу вопросов. Я предпочитаю анализ д-ра Чарльза Сеймура тем основанным на чувствах выводам, которыми довольствуется г. Станnard Бекер. Но я не могу не признать, что из них обоих г. Бекер стоит ближе к истине. Другими словами, неспособность Парижской конференции последовать своим первоначальным идеалам может быть понята только в том случае, если мы будем исходить из распространённого и не совсем неточного предположения, что фактически имел место конфликт принципиального характера; но этого столкновения принципов старались не допустить, причём избегали его всеми возможными способами; существование постоянного, но скрытого разногласия понуждало руководителей мира «плести» (я пользуюсь термином г. Кейнса) «ткань софизмов и иезуитских толкований, которая облекла своей неискренностью форму и содержание всего мирного договора».

Можно утверждать, что это первоначальное расхождение целей было совершенно неизбежным и поэтому должно быть отнесено к предыдущей главе, названной мною «Неудачи», а не к моему анализу «Ошибок». Я полностью согласен, что конфликт намерений был в очень большой степени неизбежен. Америка, защищённая в течение веков Атлантическим

океаном, хотела удовлетворить своё чувство справедливости, не беря на себя никакой ответственности. Америка ставила себя в исключительно неблагоприятное положение, стремясь помешать другим народам сделать то, что они хотели, и в то же время не желая ничего делать сама. Франция, добившись победы при обстоятельствах, которые — она знала — никогда не будут столь благоприятны, горячо стремилась использовать полученную ею передышку, чтобы создать для себя гарантии на то время, когда германская опасность начнёт снова угрожающе вырисовываться на востоке. Великобритания, потрясённая войной и обнищавшая, хотела пополнить свою опустевшую казну и сохранить отношения с доминионами на основе дружеского сотрудничества. Япония и Италия открыто стремились к добыче. Малые государства думали только об увеличении своей территории и ресурсов за счёт побеждённых врагов.

Такие намерения были, возможно, достойны сожаления. Но не об этом речь. Речь идёт о том, что их никак нельзя было избежать. Если бы г. Клемансо отказался от всяких попыток получить Рейнскую область и Саарский бассейн; если бы он настаивал на том, что поляки, чехи и румыны должны уменьшить свои претензии по отношению к Германии, Австрии и Венгрии до пределов, точно соответствующих 14 пунктам; если бы он не добивался того, чтобы по крайней мере на время разоружение Германии было более решительным, чем разоружение союзников, и, таким образом, новые союзники Франции получили бы возможность укрепить свои силы и свою независимость, — если бы г. Клемансо упустил всё это, его через несколько дней лишили бы власти, и его место занял бы государственный деятель, взгляды и поведение которого более соответствовали господствующим во Франции настроениям. Если бы г. Ллойд-Джордж открыто отрёкся от своих обещаний избирателям; если бы он уступил президенту Вильсону в таких вопросах, как военные пенсии и германский торговый флот; если бы прежде всего он открыто разошёлся с Австралией и Южной Африкой по поводу распределения германских колоний; если бы он озлоблял Японию слишком открытой оппозицией её притязаниям на Шаньдун, — то ему также пришлось бы предстать перед враждебной палатой общин, и его также заменили бы государственным деятелем более крайних и более мстительных (по отношению к Германии) взглядов. Если бы маркиз Сайондзи, г. Орландо, г. Братиану, г. Крамарж, г. Пашич, г. Падеревский или г. Вензелос настаивали на вильсоновском толковании требований их избирателей, они также вынуждены были бы тотчас же подать в отставку, и их места были бы заняты людьми, способными представлять националистические чувства своих народов.

Этот важный фактор следует неоднократно подчёркивать,

Полномочные представители государств-победителей в Париже были лишь представителями, избранными осведомлённым, по отнюдь не просвещённым общественным мнением. Для них было совершенно невозможно действовать в явном несогласии с этим мнением. Они никак не могли — в те первые месяцы 1919 г. — создать договор в соответствии с буквой и духом 14 пунктов. Это и было, как я уже указывал, основным несчастьем. Однако не было достаточных оснований к тому, чтобы это несчастье сопровождалось также ошибкой. Основной ошибкой конференции было то, что никто не обладал проницательностью или мужеством, чтобы совладать с её неудачами.

3

В декабре 1918 г. основную задачу конференции можно было определить следующим образом: «Мы собираемся в Париж, чтобы выработать мирный договор. Мы дали обязательство, что условия этого договора будут соответствовать 14 пунктам. Общественное мнение, однако, не позволит нам выполнять эти обещания. Ввиду этого мы должны отложить окончательный договор до тех пор, пока общественное мнение не придёт в нормальное состояние. Нашей непосредственной задачей, таким образом, является выработка условий прелиминарного мира, который позволит нам провести демобилизацию, снять блокаду и в будущем заключить с нашими недавними врагами договор в соответствии с условиями их капитуляции».

Я сознаю, что такое решение было бы исключительно непопулярным и трудно выполнимым на практике. Кроме того, следует отметить, что г. Ллойд-Джордж (по существу, если не по форме) предусматривал возможность такой отсрочки. Предоставив репарационной комиссии определить сумму, которую в конечном итоге Германия должна заплатить, он удовлетворил неотложные требования общественного мнения Англии и обеспечивал позднейшее рассмотрение репарационного вопроса специалистами в более нормальной обстановке, не нарушая тем самым текста договора. За это мудрое решение ему редко воздавалось должное. Но это не всё. Руководящие государственные деятели в Париже, не исключая президента Вильсона, ясно сознавали, что договор, который тогда составлялся, потребует пересмотра впоследствии, когда уляжется истерия войны. Такой пересмотр и был предусмотрен. В устав Лиги наций была включена статья, которую слишком редко цитируют и слишком часто забывают. Я привожу эту статью:

«Статья XIX. Собрание может от времени до времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

Циник, читая это сегодня и размышляя над тем, насколько требование «единогласных решений» в прошлом препятствовало всем подобным смелым проявлениям инициативы в Женеве, кисло улыбнётся и осудит эту статью, считая её лишь ещё одной частью той ткани «иезуитских толкований», которой Парижская конференция прикрыла неудачу мирного договора. Но я не считаю, чтобы такой циник был прав исторически или по существу, отклоняя статью XIX на основании этих мотивов, без всякого рассмотрения. С исторической точки зрения, с точки зрения того, как принимались решения в Париже, эта статья является в высшей степени важной. К концу февраля мы оставили всякую надежду заключить в 1919 г. мир в согласии с принципами Вильсона. Невозможно подсчитать, сколько было принято решений, как часто удавалось избежать обструкции, сколько ошибок было обойдено молчанием — и всё под флагом этой благословенной статьи XIX. «Пусть, — склонны были мы думать, — решение такое-то представляется нелепым и несправедливым. Но я соглашусь с ним, чтобы не откладывать договор ещё на несколько дней. Неразумность решения станет вскоре очевидной даже для тех, кто теперь его защищает. Когда настанет этот день, мы сможем обратиться к статье XIX». Я убеждён, что почти все отступления президента Вильсона от его принципов основывались на уверенности, что «устав всё уладит».

Ещё сегодня статья XIX может быть или будет применена. Даже те, кто не надеется более, что Ассамблея Лиги когда-либо захочет (или будет в состоянии) навязать свою точку зрения великим державам, должны согласиться, что удобно обладать этой статьёй в качестве инструмента для пересмотра договоров, когда на такой пересмотр согласятся заинтересованные державы. Удобно, если не более того, быть в состоянии в силу этой статьи и с помощью предусмотренных в ней средств пересмотреть определённые статьи Версальского договора, не затрагивая всего договора в целом⁵. Кроме того, статья даёт полезный аргумент в руки тех, кто стремится опровергнуть утверждение, будто договор является нераздельным целым и якобы ни одна статья его не может быть устранена без того, чтобы не уничтожить всё здание договора.

Я вполне понимаю, что известная двойственность целей была неизбежна для конференции 1918—1919 гг. Я вполне понимаю, что обнаружить эту двойственность в то время было бы трудно и неприятно. Я вполне понимаю, что г. Ллойд-Джордж и г. Вильсон в действительности считали репарационную комиссию и статью XIX прибежищем, куда они могли укрыться от постигшей их неудачи. Но даже признав всё это, я продолжаю поддерживать обвинение. Оно основывается на неопровержимом факте, что с самого начала не была установлена эта двойственность целей. В результате возникло сочетание импровизации и компромисса.

В том, что таким образом участники конференции провалились между двух стульев, американцев приходится винить менее, чем другие союзные державы. Последние заранее объявились твёрдо придерживаться принципов Вильсона. Американцы с первых же дней конференции были потрясены внутренними событиями. «Американская делегация, — отмечает полковник Хауз, — не была в состоянии действовать независимо. Выборы в Соединённых Штатах в ноябре 1918 г. стеснили свободу действия наших делегатов». В самом деле, следует помнить, что в течение всей конференции президент Вильсон и его штат не могли рассчитывать на поддержку конгресса и общественного мнения своей страны. Когда на конференции возник решающий кризис по принципиальным вопросам, президент Вильсон мог бы выйти победителем, только отстранив от власти г. Ллойд-Джорджа и г. Клемансо. Поддержала бы его в подобной непримиримой позиции его собственная страна? Безусловно, нет. Было известно, что президент фактически уже не обладал политической силой, хотя располагал ещё достаточной энергией, необходимой для того, чтобы довести до логического завершения свою собственную политику. Это разрушило его авторитет в Париже и позволило другим государственным деятелям добиться от него уступок, которых он в глубине души не одобрял. С помощью какого рычага удалось им сдвинуть с его первоначальных позиций этого поистине твердокаменного человека? Этим рычагом было сознание того, что президент Вильсон в феврале 1919 г. *не представлял* Америки. Они знали также, что он скорее умрёт (так оно в действительности и произошло), чем признаёт error. Они знали, что вера в демократию была самым глубоким убеждением его чувствительной души. Они также знали, что для решения непосредственных задач, в отличие от задач отдалённых, демократия была лишь прикрытием. Они знали, что г. Вильсон никогда не признаёт того, что его подвёл собственный американский народ. Они знали, что для сокрытия этого факта даже от самого себя он готов будет подчиниться любому унижению. Они знали, что единственным средством воздействовать на г. Вильсона было угрожать ему разоблачением его уступок, а затем отказаться от этого намерения. Конечно, следует признать тщеславие и эгоизм г. Вильсона, но в конце концов это были лишь соломинки в глубоком потоке его веры. Именно веру Вильсона использовали Ллойд-Джордж и Клемансо, его веру в Народ и в Бога. Они знали, для него будет мучительно признаться, что ни одна из этих двух мнимых сил не сыграла никакой роли на мирной конференции. Президент Вильсон был побеждён не своими ошибками, а своими добродетелями.

Однако какое отношение имеет всё это к «ошибкам» Парижской мирной конференции в отличие от её «неудач»? Ответ

таков. Трудно устоять против впечатления, что европейские государственные деятели сознавали ложное положение, в котором благодаря своему мистическому ореолу духовного владыки находился президент. Трудно устоять против впечатления, что они хотели предоставить времени обнаружить всю ложность положения президента. Трудно устоять против впечатления, что им хотелось, чтобы президент «впитал в себя атмосферу войны», прежде чем начать диктовать другим условия мира. Трудно сопротивляться впечатлению, что они добровольно откладывали схватку с президентом, пока г. Вильсон не потеряет свою первоначальную хватку.

Такое решение с их стороны не столь несправедливо, сколь неразумно. Они должны были понимать, что нет средней линии между «вильсоновским» и Карфагенским миром. Они должны были понимать, что любой из них лучше лицемерного компромисса. И понимая это, они должны были организовать всю конференцию на более реальной основе.

Разрешите мне проиллюстрировать это отсутствие реальной основы, это топкое болото неточностей, в котором увязло всё здание конференции, двумя любопытными примерами. Первый пример: до самого последнего момента уполномоченные сами не знали, должен ли быть мир, о котором они вели переговоры, прелиминарным или окончательным; должен ли он быть навязан силой или заключён на основе соглашения с вчерашним врагом. Второй пример: отсутствие и фактическое отклонение какой бы то ни было определённой программы. Обе эти ошибки покажутся будущим историкам необъяснимыми. И всё же в действительности они были допущены.

4

Можно было бы допустить, что, как ни стремились государственные деятели Европы отложить рассмотрение главных вопросов до того, как г. Вильсон акклиматизируется в туманной обстановке Старого Света, было два важных пункта распорядка дня, по которым следовало внести полную ясность и достигнуть единства с самого начала.

Первый из этих пунктов — должен ли быть договор предварительным (прелиминарным) или окончательным. Второй пункт — должен ли быть договор навязан силой или заключён на основе соглашения, иными словами, можно ли позволить противнику в последний момент участвовать и говорить на конференции, или всякое совместное с ним обсуждение должно быть исключено с начала и до конца.

Как это ни странно, но остаётся неопровержимым факт, что ни один из двух важных пунктов распорядка дня не был обсуждён или решён на начальной стадии конференции. В течение января, февраля и первой половины марта, т. е. в течение больше чем десяти недель, правители мира совершенно не знали,

будет ли договор, который они разрабатывали, заключён на основе соглашения или навязан силой. Конечно, кажется странным, что это важное обстоятельство не было рассмотрено и решено с самого начала. И всё же в действительности эта проблема откладывалась в течение начального периода как нечто слишком болезненное, чтобы быть немедленно рассмотрено, и как нечто такое, что так или иначе урегулируется само собой.

Первоначальная мысль, конечно, заключалась в том, что прежде должен быть заключён прелиминарный договор, условия которого будут заранее установлены державами-победительницами. Договор, который будет навязан побеждённому противнику силой, должен был содержать лишь условия военного и морского разоружения, а также основные линии будущего территориального соглашения. Все другие детали предполагалось тщательно разработать на последующем конгрессе, на котором будет представлен вчерашний противник и на котором ему дадут возможность выдвинуть контрпредложения.

Позже было предложено, чтобы на конференции был разработан «генеральный акт», который охватывал бы основные черты всех мирных договоров с четырьмя враждебными государствами. 19 марта президент Вильсон всё ещё не решил, следует ли ему стремиться к заключению прелиминарного или окончательного договора. Г-н Лансинг и юристы уверили его, что даже прелиминарный договор должен быть ратифицирован сенатом, и он, таким образом, опасался, что сенат схватится за это право ратификации, для того чтобы отказаться в будущем от принятия устава Лиги. «Этим именно, — пишет г. Лансинг, — президент был явно и сильно обеспокоен». Во время отсутствия президента в Соединённых Штатах была выдвинута мысль, что прелиминарный договор может быть разработан и подписан под видом «окончательного перемирия». 22 февраля было решено даже, что основные статьи такого перемирия должны быть подготовлены к возвращению президента, причём военным и морским экспертам при Совете было поручено немедленно разработать эти условия. Однако в тот момент, когда статьи были окончательно разработаны и утверждены, президент возвратился в Париж. Тогда обнаружилось, что территориальные и другие статьи за это время были разработаны до такой стадии, когда после небольшой доработки они могли быть включены в мирный договор. Затем теория прелиминарного мира как будто случайно была полностью отброшена.

Колебания между концепцией прелиминарного и окончательного договора имели прямое отношение к вопросу о представительстве противника. Немцы всё ещё и теперь убеждены, что союзники с самого начала умышленно не хотели допустить их представителей к какому бы то ни было участию в обсуждении мира. В действительности этот факт, как и другие ему подоб-

ные, был лишь маленькой соломинкой в мощном водовороте конференции. В ноябре 1918 г. полковник Хауз торжественно отвёл пять мест на предстоящем конгрессе представителям Германии. С этого времени и до марта все, кто работал в Париже, считали, что, как только союзники согласятся между собой об условиях, которые должны быть предложены Германии, конференция перестанет быть «конференцией» и станет «конгрессом», или, другими словами, наступит вторая фаза нашей работы, а именно переговоры об условиях окончательного разрешения всех спорных вопросов с нашими врагами в присутствии нейтральных держав.

Как случилось, что эта достойная уважения мысль с течением времени улетучилась из нашего сознания? Историки откажутся поверить, что мы «забыли о противнике». Они припишут нам мотивы и стремления, которых в тот момент у нас не было. Трудно объяснить недопущение наших врагов к переговорам, не указывая причин неправдоподобных или натянутых. И всё же я серьёзно верю, что вопрос консультации с нашими врагами затерялся в нашем сознании, пройдя постепенно следующие стадии.

Подсознательно мы всё время думали о конференции союзников, за которой последует конгресс всех воюющих и нейтральных государств. Первая концепция отождествлялась с прелиминарным договором, а вторая — с договором окончательным. Прелиминарный договор навязывается побеждённому врагу силой; окончательный договор должен обсуждаться в переговорах при участии и с согласия всех государств мира.

По мере того как конференция двигалась вперёд, по мере того как всё новые и новые комитеты экспертов оформляли свои пожелания в форме статей, могущих быть немедленно включёнными в окончательный текст, концепция прелиминарного договора постепенно переходила в концепцию окончательного договора, охватывающего все вопросы вообще. Принято всегда считать, что важные статьи, в частности те, которые предусматривают разоружение Германии и главные территориальные уступки, должны были фигурировать в прелиминарном договоре и не должны были ввиду этого быть предметом переговоров, а могли быть навязаны силой. Принято было также считать, что статьи, которые можно назвать второстепенными, особенно экономические и финансовые, должны быть предметом переговоров. Однако, когда от идеи прелиминарного договора отказались и её место занял договор окончательный, то последний унаследовал первоначальную идею прелиминарного договора, а именно, что он должен быть навязан силой, а не путём переговоров. Всё это произошло прежде, чем мы могли понять, что же именно случилось.

Я не утверждаю, что идея навязать договор силой, а не путём переговоров, была принята нами бессознательно. Бесспорно,

имелись определённые осознанные факторы, которые принудили нас к этому решению. Во-первых, настояния президента Вильсона на включении устава Лиги в любую форму договора оттянули обсуждение до того момента, когда предварительный договор уже потерял смысл и в нём отпала необходимость. Во-вторых, отсутствие президента и г. Ллойд-Джорджа и покушение на убийство г. Клемансо в самый важный момент прервали работу верховного руководства конференции, и во время перерыва накопилось большое количество готового материала. В-третьих, маршал Фош опасался, что заключение предварительного договора поведёт к ещё более ускоренной демобилизации армии Великобритании и Соединённых Штатов, после чего останется мало надежды, что в процессе переговоров мир вообще удастся заключить. В-четвёртых, резкие расхождения между самими союзниками, усилившиеся в течение этих недель, создали нечто похожее на ужас перед тем, как бы присутствие дезорганизаторских элементов, подобных нашим врагам, на европейском концерте не повело к ещё более тревожному конфликту.

Во всяком случае остаётся бесспорным, что на протяжении всей первоначальной стадии конференции руководящие державы никогда не давали понять, является ли подготовлявшийся договор окончательным текстом, который должен быть навязан Германии, или всего лишь основой соглашения между союзниками для окончательных переговоров на заключительном конгрессе. Это упущение с их стороны было весьма серьёзным, и до сих пор, за исключением г. Кейнса, его никто достаточно не подчёркивал. Многие статьи договора, особенно в экономической части, были включены как максимальные требования, по которым могли быть сделаны уступки Германии на заключительном конгрессе. Этот конгресс так и не воплотился в жизнь. Последние недели конференции пролетели для нас в истерическом кошмаре, эти «максимальные требования» остались неизменными и в конечном итоге были навязаны в порядке ультиматума. Если бы с самого начала было известно, что никаких переговоров с врагом не будет, несомненно, многие из менее разумных статей договора никогда не были бы включены в текст.

5

Я указал уже, каковы были те две основные ошибки, которые совершили лица, ответственные за организацию и руководство Парижской мирной конференцией. Я утверждал, что их нежелание осознать двойственность их собственных целей поставило конференцию в ложное положение с самого начала и привело к чрезмерным ошибкам в конце. Я утверждал, что их нежелание решить с самого начала вопрос, должен ли мир быть предварительным или окончательным, заключённым путём переговоров или навязанным силой, было причиной последующей

путаницы, расхождений и несправедливости. Менее важные ошибки в организации, препятствовавшие работе конференции, будут рассмотрены в следующих главах, по мере того как мы столкнёмся с ними в процессе изложения. В настоящей главе осталось рассмотреть, что же было главной и в действительности основной ошибкой в первоначальной организации. Я имею в виду рассмотреть нежелание конференции обеспечить себе заранее какую-либо определённую программу.

Я уже приводил суждение сэра Эрнста Сатоу по поводу необходимости твёрдой программы. Эта необходимость была ещё более настоятельной на конференции, руководящие делегаты которой с самого начала стояли перед двойственностью целей, если не перед фактом расхождения в намерениях. Циничный наблюдатель может заключить, что они умышленно хотели оттянуть месяц-другой бесплодным блужданием в трёх вильсоновских соснах. Я не исключаю такую возможность, но я не хотел бы признаться в ней. Я предпочитаю представлять себе дело так, что часть работы зависела от наших руководителей и что поэтому мы находились во власти импровизации. Члены Верховного военного совета приобрели привычку предоставлять инициативу немцам или маршалу Фошу. Они убедились, что ход событий или, скорее, движение немцев было более решающим фактором, чем какой-либо из предложенных ими тщательно разработанных планов. Они перестали верить в какие бы то ни было бумажные планы. Неудивительно, что когда члены Верховного военного совета в течение двух дней преобразились в Верховный мирный совет, эта привычка к импровизации, эта нелюбовь к инициативе, это предпочтение реагировать на уже совершившиеся события, вместо того чтобы предвидеть события, которые могут (или не могут) произойти в будущем, стали частью их процесса мышления. Много из того, что они ожидали, никогда не случилось. Зато произошло многое такое, о чём ни разу не предупредили их эксперты. Разве удивительно, что они должны были не доверять ожиданиям, советам и предсказаниям? Нет, это несколько не удивительно.

Определённая программа фактически была подготовлена французами. Она была вручена президенту Вильсону 29 ноября г. Жюссераном, французским послом в Вашингтоне, и предусматривала, во-первых, установление прелиминарных условий, которые должны быть навязаны Германии без обсуждения, во-вторых, последующий конгресс, на котором должны быть представлены враждебные и нейтральные государства, в-третьих, регулярное расписание во времени, в соответствии с которым Верховный совет должен был обсуждать неотложные вопросы в первую очередь и откладывать менее неотложные для последующего рассмотрения. Кроме всего прочего программа предусматривала немедленное аннулирование всех тайных договоров.

Несмотря на безусловную разумность предложений, программа, вручённая г. Жюссераном, была нетактичным документом. Она говорила о «федерализации» (т. е. расчленении) Германии, предлагала, чтобы судьба Оттоманской империи была решена самими великими державами, была составлена языком слишком реалистическим, чтобы соответствовать Лиге наций и пунктам, принципам и условиям самого г. Вильсона. «Принципы президента Вильсона, — говорится в этом документе, — являясь недостаточно определёнными по своему характеру, чтобы быть принятыми за основу конкретного соглашения... обретут полное осуществление в будущем соглашении о началах международного права, и тем будет устранена одна из трудностей, которая может воспрепятствовать союзникам... Четырнадцать предложений, — гласит далее этот откровенный, но нетактичный документ, — являющиеся принципами международного права, не могут составить конкретной основы для работы конференции». Это заявление по крайней мере было разумным, достойным и честным. Но президент остался им недоволен. Французская программа была положена им под сукно и не извлекалась более на свет божий.

«Величайшей виной политических лидеров, — пишет полковник Хауз, — явился их отказ разработать порядок дня конференции». Г-н Тардье со своей стороны возлагает эту вину на темперамент англо-саксов. Он объясняет отклонение французской программы нашим врождённым отвращением к логической точности, свойственной латинскому уму. Может быть он и прав. Я даже думаю, что он прав. Однако остаётся фактом, что г. Вильсон (из-за резкой точности меморандума Жюссерана) и г. Ллойд-Джордж (из-за его удивительного пристрастия к неожиданному) — оба отклонили, и отклонили с негодованием, всякую письменную формулу того, что, как и когда они собирались обсуждать.

Результаты были крайне плачевны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга Сатоу «Дипломатическая практика» намечена к выпуску в «Библиотеке внешней политики».

² Книга Тардье «Мир» вышла в русском переводе в серии «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, 1943.

³ См. «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, М. 1944.

⁴ *Realpolitik* (реальная политика) — термин, введённый Рахау, стремившимся приспособить политику немецкого либерализма середины XIX века к реальным задачам и возможностям. Затем этот термин применил к политике Наполеона III Бисмарк.

⁵ Книга Никольсона написана за шесть лет до начала второй мировой войны, вскоре после того, как Германия перестала добиваться пересмотра Версальского договора через Лигу наций.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ

Контакт с американской делегацией. Единство вначале и расхождение впоследствии. Дефекты в организации британской делегации. Неравномерное распределение работы. Военная секция. Внутренняя координация. Межведомственное соперничество. Отношения между полномочными представителями и составом делегации. Недостаток централизации или контроля. Отсутствие инструкций или надзора сверху. Случайное разделение функций. Дефекты в организации конференции в целом. Совет десяти как преемник Верховного военного совета. Проблема малых держав и компромиссы, посредством которых она разрешалась. Результаты этих компромиссов. Г-н Клемансо как председатель. Г-н Дютаста как генеральный секретарь. Несоответствие повесток дня. Проблема прессы. Комитеты по территориальным вопросам. Недостатки устройства, компетенции и процедуры комитетов. Обстановка, в которой принимались решения.

1

Не заботясь в тот момент ни о будущих ошибках, ни о будущих неудачах, я использовал свободное время в течение первых нескольких дней конференции, чтобы заняться разведкой по собственному усмотрению. Моя подготовительная работа была полностью закончена. Я мало мог почерпнуть из книг, карт или статистических справочников. Я решил, что промежуток во времени, образовавшийся перед тем, как потребуется моя непосредственная работа, может быть лучше всего использован для установления контакта с моими коллегами из Соединённых Штатов. С важной деловитостью, с деловитой важностью я обегал зону конференции, как борзая в поисках зайца. Никаких инструкций от своих официальных начальников я не получал. Это случалось редко. Я рыскал с увлечением, как охотничий пёс, ожидая, когда меня свистком призовут к делу.

Мне помогал и вдохновлял меня на это приятное развлечение г. Аллен Липер, мой непосредственный коллега из той секции британской делегации, на которую был возложен вопрос о Центральной и Юго-Восточной Европе. Г-н Липер в тот период ещё не был постоянным сотрудником Форейн оффис, а

был привлечён к его работе окольным путём, через Британский музей¹, Бюро печати г. Джорджа Мэра² и позже через министерство информации. Родившись в Австралии, он мог подойти к нашим проблемам с точки зрения, противоположной нашей точке зрения островитян. Получив образование в Баллиоле³, он понимал, что знания сами по себе не представляют большой ценности, пока они не изложены в понятных выражениях, что интеллект ничто, пока он не приведён в действие и не направлен на созидательный труд. Его взор, не омрачённый рутинной бюрократического учреждения, светился блеском, которого не затемнила ещё пыль канцелярской волокиты. Будучи гражданином Нового Света, он мог относиться к Старому Свету с романтическим пылом учёного, впервые посетившего Парфенон⁴. Свободный от условностей, которые накладывает образование в английской «public school»*, он никогда не думал, что пылкий интерес к возложенной на нас работе может считаться проявлением дурного вкуса. Он был человеком высоких идеалов, чистейшим вильсономцем, не лишённым филологических способностей, не очень крепкого здоровья, но неослабной энергии и откровенного любопытства. Он не делал секрета из того, что действительно хотел бы знать, что же думает Таке Ионеску о Банате. Он вполне чистосердечно хотел убедиться, так ли на самом деле ужасен черногорский король Никита (преисполненный негодования, он жил вдали от родины и на субсидии в отеле «Мэрис»), как мы все это себе представляли. Кроме того, он считал, что наиболее полезной нашей функцией в тот момент было установление отношений сердечности и взаимопонимания с экспертами американской делегации, которые выполняли функции, соответствующие нашим.

Ему содействовал в этой похвальной задаче г. Райс Карпентер, младший сотрудник американской миссии по мирным переговорам, который случайно оказался его другом по Баллиолю. Г-н Карпентер, ставший впоследствии директором американской школы в Афинах⁵, был прежде всего учёным. Греческие суффиксы были для него святыней. Он был застенчивым и очаровательным человеком. Г-н Карпентер оказал нам неоценимые услуги в установлении контакта с робкими, подозрительными, хорошо осведомлёнными, добродушными, порой взволнованными, зачастую молчаливыми, иногда медленно ображающими, но неизменно внимательными и во всех отношениях замечательными учёными браминами из Анкетной комиссии полковника Хауза. Он в самом начале представил меня д-ру Чарльзу Сеймуру, д-ру Либайеру и д-ру Клайву Дюю. М-р Аллан Даллес, с которым на более поздних стадиях работ конференции я установил сотрудничество на началах постоян-

* — английская закрытая школа. — Прим. ред. перевода.

ной гармонии, прибыл, если я не ошибаюсь, несколько позже. Мы сравнивали наши сведения. Мнения наши по вопросам нашей компетенции, казалось, совпадали. Нам представлялось, что составление мирного договора будет быстрым, дружественным и исключительно справедливым делом.

Я не был настолько наивен, чтобы предположить, что делегации Соединённых Штатов будет разрешено открыто общаться со своими британскими коллегами. На самом деле я чувствовал, что любое слишком явное совпадение точек зрения у англо-саксов вызовет раздражение у наших иностранных коллег. Я имел в виду только тайные соглашения, втайне достигнутые⁶. Наше единство было поистине замечательным. В так называемых «cabinets particuliers» * у «Максима»⁷ были разработаны англо-американские позиции, которые охватывали вопросы о границах Югославии, Чехословакии, Румынии, Австрии и Венгрии. Только в отношении Греции, Албании, Болгарии и европейской части Турции обнаружили некоторые расхождения. Но даже и в этом случае они касались только деталей, а не принципа.

Правда, в течение последующих недель мы не всегда придерживались этого молчаливого соглашения. В отдельных пунктах я расширял свои требования; в других пунктах они отказывались от своих уступок. На протяжении всей конференции мы встречались с необходимостью вновь и вновь дискутировать пункты, по которым, казалось, мы уже достигли соглашения. Однако мы никогда не отходили от принципа откровенного и прямого обсуждения, установившегося в первые дни между британской и американской делегациями. Г-н Рой-Станнард Бекер может говорить, что ему заблагорассудится. Взаимопонимание между «Крийоном» и «Асторией» было более тесным, чем между какими-либо другими двумя делегациями в Париже.

Я признаюсь, конечно, что, несмотря на оптимизм м-ра Райса Карпентера, я никогда не пользовался полным доверием американцев. В их сознании всегда жило представление о мрачной преграде между Старым и Новым Светом. По мере того как шла конференция, наши отношения омрачались спорами наших руководителей. И всё же я до сегодня сохраняю тёплые чувства к членам Анкетной комиссии полковника Хауза, чувства, которые возникли в период первоначальных дискуссий на площади Согласия⁸. Их знания были глубже, чем мои, их силы производили бесконечно большее впечатление, их взгляды были шире. Однако я был профессиональным дипломатом, а они были профессорами истории. Тем самым возникала нелепая коллизия самолюбий. Наша искренность

* — отдельных кабинетах в ресторанах. — Прим. ред. перевода.

продолжалась недолго; вскоре доверие потеряло свою первоначальную, утреннюю свежесть. Мы в отеле «Мажестик» стали нетерпеливо относиться к колебаниям американцев, которые вызывались у них добрыми намерениями; нас раздражала их чувствительность к тому ложному положению, в котором они находились. Мы барахтались в болоте тайных договоров и ожидали, что американцы нас оттуда вытащат. Они же оставались на берегу, соглашаясь с нами и сочувствуя нам, однако заявляли, что сидеть в болоте неудобно и к тому же грязно. Постоянная спешка и шум конференции привели отель «Крийон» в уныние и замешательство. Американцы настолько боялись быть обманутыми дьявольским коварством старой дипломатии, что подозревали обман там, где на него не было ни малейшего намёка. По мере того как для них (так же как и для нас) становилось ясным, что Америка требует от Европы существенных жертв во имя того идеала, от которого США первые откажутся, они и мы впадали в беспомощное замешательство. Страшное подозрение, что американский народ не одобрит подписей его собственных уполномоченных, никогда не высказывалось в наших беседах; оно незримо, как привидение, присутствовало за нашим столом. Но если бы наше первоначальное сотрудничество с американской делегацией поддерживалось постоянно и с полной сердечностью, если бы оно неизменно оставалось основой порядка дня, в мирных договорах, безусловно, было бы меньше ошибок.

Об этом, оглядываясь назад, я и сожалею более всего.

2

Я уже говорил, что внутренняя организация британской делегации была образцом точности и непринуждённости. В той мере, в какой человеческий разум может предусмотреть непредвиденные условия исключительной мобильности, аппарат, созданный г. Паркером и контролируемый сэром Морисом Хэнки, был триумфом административных способностей и предвидения. Он должен служить образцом для любой будущей организации подобного масштаба. Таким образом, отнюдь не с предвзятой критической точки зрения я указываю на те пункты, в которых эта схема, столь превосходная на бумаге, оказалась недостаточной для преодоления недостатков, свойственных человеческой природе.

Отсутствие какой-либо твёрдой программы порядка дня конференции и длительная отсрочка в назначении комитетов экспертов неизбежно сказались на том, что многие в высшей степени полезные участники делегации не были привлечены к работе на начальных стадиях конференции. Но даже сделав полную скидку в отношении этих, быть может, неизбежных

обстоятельств, остаётся признать, что вначале делегация была разделена на случайные группы, которые, по мере того как работа становилась всё более и более трудно одолжимой, превращались в своего рода водонепроницаемые отсеки. Эти группы, как я уже сказал, были организованы в большинстве своём, хотя и не всегда, случайно. Г-н Ллойд-Джордж полагался во всех этих вопросах на сэра Мориса Хэнки. Г-н Бальфур почти всегда полагался на сэра Эйра Кроу. Естественно было, что последний должен был избрать себе в качестве помощников тех сотрудников Форейн оффис, с которыми он непосредственно работал в течение войны. Слишком мало было времени и слишком велик риск, чтобы экспериментировать с личным составом. В результате группа Форейн оффис с самого начала была поставлена, быть может, на несоразмерную высоту и на неё, возможно, была возложена слишком большая доля работы. Военная группа, в которую входили такие способные люди, как генерал Твайтс, полковник Кэрнуол, полковник Мейнертцаген, полковник Хэйвуд, полковник Киш и профессор Вебстер, на первых стадиях работы конференции фактически не принимала никакого участия в нашем труде. Следует также признаться, что здесь известную роль сыграла междуведомственная и профессиональная зависть. Это обстоятельство достойно сожаления, и профессор Вебстер прав, отмечая его в своей статье, помещённой в классической истории профессора Темперлея⁹. В большой мере недостаток координации между различными секциями вызывался фактическим недостатком времени. В незначительной степени он возник из-за известного соперничества и достойного сожаления, но свойственного людям опасения, как бы слишком детальная консультация с другими экспертами не повела и к увеличению работы и к тому, что другие охотники начнут браконьерствовать в вашем собственном заповеднике.

В теории, конечно, координация поддерживалась постоянным обращением по кабинетам «Астории» протоколов и меморандумов каждого комитета и каждой группы, а также общих протоколов («procès verbaux») Верховного совета. На деле не хватало времени изучать эти трудные документы, да и не представлялось желательным, чтобы сотрудник одной группы вмешивался в сферу компетенции другой группы только потому, что он наскоро ознакомился с тем или иным документом и с ним не согласился. Подобная профессиональная ревность препятствовала нормальному взаимодействию британской делегации с британским посольством в Париже. Совершенно верно, что не хватало времени для частых консультаций, но так же верно и то, что к этому недостаточно стремились.

Я не хочу преувеличивать значение этой стороны дела. Ясно, что отношения между различными группами в «Асто-

рии» были в высшей степени дружественными и любезными. Ясно также, что во время бесконечных трапез в отеле «Мажестик» поддерживалось тесное общение. Я ссылаюсь на личное и ведомственное соперничество лишь постольку, поскольку оно в действительности препятствовало полной координации действий и поскольку оно присуще любой организации, делящейся на группы, которые представляют различные учреждения и ведомства. Участники любого будущего конгресса должны быть настороже или по крайней мере иметь в виду этот фактор.

Ошибки, которые были допущены в вопросе координации работы различных групп делегации, ничто в сравнении со случайными методами координации между полномочными представителями и делегацией в целом. Нам редко говорили, что нам делать. Нам никогда не говорили, что делают наши руководители. Это на начальной стадии конференции было полностью неизбежно. Во-первых, наши руководители не располагали временем, чтобы информировать нас относительно их собственной политики; во-вторых, они не знали сами, какова их политика; а в-третьих, если бы они и знали, то они были достаточно осторожны, чтобы не обнаружить этого раньше времени. Я не берусь также утверждать, что моя собственная работа в политической группе была в какой-либо мере затруднена неведением наших главных целей. Я считал необходимым, чтобы территориальные соглашения соответствовали национальному принципу настолько, насколько это экономически возможно. Я также считал, что это требование — в разумных пределах — подчинено необходимости избежать каких-либо серьёзных трений с Соединёнными Штатами или Францией. В этих пределах я был вполне счастлив возможностью вести мою лодочку по волнам, обходясь без инструкций. Но на работе других групп делегации этот недостаток координации между полномочными представителями и экспертами сказался крайне пагубно. Он вёл к созданию водонепроницаемых отсеков, он мешал какому бы то ни было установлению ответственности, он приводил к дублированию, в исключительных случаях он вызывал полное разногласие в стремлениях. Экономическая секция, например, работала не покладая рук над тем, чтобы Германии стало невозможно уплатить те суммы, которые репарационная секция с таким же усердием готовилась получить с Германии. В результате наши полномочные представители только в самый последний момент получили возможность прочесть весь договор в целом. И только тогда дошло до их сознания, что условия мира гораздо более карфагенские, чем они того хотели или когда-либо предполагали.

Правда, на более поздних стадиях конференции г. Бальфур созывал регулярные утренние совещания, на которых руководители различных групп или комитетов делали сообщения и по-

лучали инструкции на день. Зная по опыту ценность этих коротких собраний, я ещё более сожалею, что подобная система не была применена на более ранних стадиях конференции. Болгарский договор, например, менее неразумен, чем германский, в значительной степени потому, что его основные пункты постоянно обсуждались (под председательством г. Бальфура) теми, кто был ответствен за разработку его отдельных частей. Подобной координации и обсуждений с экспертами не проводилось при разработке Версальского договора в целом.

Столь же случайным и беспланным было распределение различных вопросов между отдельными экспертами. Я лично, например, в течение десяти лет специализировался по проблемам Балкан и Юго-Восточной Европы. Однако меня назначили в комитет по определению границ Чехословакии, хотя по этому вопросу я был совершенно не подготовлен. Позже я занимался проблемами Европейской и Азиатской Турции, причём последний вопрос безусловно следовало поручить более квалифицированному учёному г. Арнольду Тойнби. Я и до сегодняшнего дня не могу отдать себе отчёта, как случилось, что я оказался глубоко втянутым в вопросы о требованиях Италии в Адриатике или о компенсациях в Малой Азии, за счёт которых мы хотели подкупить и успокоить эту ненасытную державу. Всё это просто «случилось». Определённый чиновник случайно оказывался подходящим и признанным. Г-н Ллойд-Джордж не очень-то любил встречать «новые лица». Г-ну Бальфуру нравились люди, которые могли очень быстро набросать текст резолюций. Именно благодаря этим случайным обстоятельствам я был загружён работой, которая превосходила все мои способности, и на меня была возложена ответственность, которая совсем не соответствовала ни моему опыту, ни моему возрасту. Таких вещей допускать не следует.

3

Более важным и более разрушительным, чем любой из недостатков организации или распорядка внутри британской делегации, было несоответствие в построении конференции в целом. Я уже указывал на печальные последствия отклонения президентом Вильсоном французских предложений от 29 ноября. Г-н Клемансо, кажется, был слишком обескуражен этим отклонением и не сделал дальнейшей попытки заменить первоначальную программу другой, составленной в менее реалистических выражениях. Историк будет трудно объяснить экспериментальный характер конференции на её начальной стадии, и он неизбежно припишет преувеличенное значение тому факту (который существовал, но отнюдь не имел решающего значения), что европейские державы «интриговали» против Соединённых Штатов. Бесспорно (и я не вижу в этом ничего их

дискредитирующего), лидеры конференции стремились не связывать себя обязательствами по решающим вопросам, пока им не удалось испытать устойчивость взглядов президента Вильсона и убедиться, является ли интерпретация 14 пунктов со стороны Хауза идентичной с собственной его, Вильсона, интерпретацией. Однако действительную причину дезорганизации на конференции следует искать в других направлениях.

Во-первых, Верховный совет конференции унаследовал положение, а с ним и приёмы мышления прежнего Верховного военного совета. У последнего, как я уже указывал, вошло в привычку считать, что повестку дня определяют сами события, а не предвидение или выбор со стороны Совета. Хорошей иллюстрацией такого подхода к вещам являются отношения с малыми державами. Руководители конференции понимали, и вполне правильно, что дискуссия между всеми двадцатью семью государствами, представленными в Париже, выльется в фарс. Они с самого начала решили, что пять великих держав должны составить Совет десяти, представляющий 12 миллионов вооружённых до зубов солдат и моряков. Они понимали, что малые державы по этой причине должны быть отстранены от руководства конференцией. Они понимали, что такое устранение вызовет обиду малых держав. И они решили поэтому предпринять какие-нибудь меры с целью успокоить представителей малых держав в Париже и ослабить националистические чувства парламентам и избирателям в самих этих странах. С самого начала поэтому был избран такой метод, который позволял делегатам малых держав делать вид, будто они на самом деле играют какую-то роль в работах Верховного совета. Этот метод принял двоякие формы. Во-первых, делегатов малых стран и образовавшихся после распада Австро-Венгрии государств-наследников¹⁰ просили изложить в письменной форме их соображения по поводу территориальных и других уступок, которые они хотели бы получить по мирному договору. Во-вторых, каждый из этих делегатов по очереди приглашался устно изложить перед Верховным советом аргументы, на которых основывались его претензии. Это влекло за собой потерю времени и чувства меры. В одном лишь феврале состоялось четырнадцать таких устных «выступлений», и каждое из них поглотило массу времени. Неизбежно малые державы предъявляли требования, которые далеко превосходили их реальные надежды. Неизбежно, отстаивая эти требования устно перед Советом, они всего лишь повторяли то, что было написано в их меморандумах, и лишь ослабляли сопротивление престарелых джентльменов, которое те ещё сохранили, сидя часами в натопленном и душном кабинете. Эта первоначальная растрата попусту времени и энергии является отправным пунктом, на котором должен сосредоточить своё внимание будущий историк.

У членов Верховного совета создавалось впечатление, что они заняты ценной и созидательной работой. Фактически они только страдали, перенося эти страдания с различной степенью стойкости, и, утомляясь сами, без нужды заставляли утомляться других.

Этот особый метод, эта особая фаза импровизации влекла за собой значительно более важные последствия, чем пустая трата времени. Приняв за отправной пункт «претензии» малых и вновь образовавшихся государств, Совет десяти с самого начала направил своё внимание по ложному пути. Позволив Греции, Югославии, Чехии и другим малым державам начать конференцию заявлениями о своих требованиях, Совет на самых ранних стадиях столкнулся с проблемами Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции. По-настоящему программа должна была бы исходить из последовательного рассмотрения мирных договоров, в зависимости от значения наших врагов. Мы должны были, таким образом, сосредоточить своё внимание: 1) на договоре с Германией, 2) на договоре с Австрией, 3) на договоре с Венгрией, 4) на договоре с Турцией и 5) на договоре с Болгарией. Но ввиду этой первоначальной ошибки в вопросе о представительстве все пять договоров с самого начала переплелись между собой. Требования каждого из малых государств касались в той или иной степени территорий наших недавних врагов. Поэтому в первые недели конференция была занята бесконечными дискуссиями по вопросам, которые могли быть правильно разрешены лишь в позднейших договорах. Таким образом, вместо того чтобы сосредоточить свою энергию и подготовить материалы по основной проблеме заключения мира с Германией, Верховный совет растратил свои силы в попытке одновременно разработать статьи соглашения с нашими менее важными противниками. Эта ошибка была одной из главных причин затяжки, путаницы, дублирования работы и конечной импровизации. Это важное упущение, повторяю, возникло из-за отсутствия какой бы то ни было согласованной программы. Представление о важном и несущественном, таким образом, было неточно с самого начала конференции.

Но это ещё не всё. То случайное обстоятельство, что конференция подошла к решению стоявших перед ней проблем не в связи с заключением мира с вражескими государствами, а в соответствии с «требованиями» вновь образовавшихся малых государств, было во многом причиной дублирования и отсутствия координации, о которых я уже упоминал. Если бы были образованы центральный германский комитет, центральный венгерский комитет и центральный турецкий комитет, возможно, что они подошли бы со значительно бóльшим пониманием к разрешению проблемы, чего в совокупности должны были лишиться наши недавние враги, и в отдельных пунктах меньше

настаивали бы на удовлетворении претензий вновь образовавшихся государств.

В заключительной части этой главы мне ещё придётся вернуться к вопросу о территориальных комитетах. Я перехожу теперь к другим сторонам организации конференции в целом.

4

Как я уже сказал, было неизбежно и правильно, чтобы конференцией с самого начала руководил комитет или совет из пяти великих держав. Достоинно сожаления, что об этой существенной необходимости не было заранее заявлено и этот порядок не был принят до того, как собралась конференция. Было неизбежно также, чтобы конференция тратила много времени на чисто административные вопросы. Это обстоятельство также явилось причиной значительной затяжки конференции, но я не вижу, как его можно было бы избежать.

Во-первых, возникала русская проблема. Автор этих записок не намерен судить о том, поступал ли тогда Верховный совет разумно в отношении России или предложения, подобные проекту конференции на Принцевых островах¹¹, были неблагоприятными и возникли под влиянием внезапного импульса. Факт остаётся фактом: Россия представляла собой серьёзную проблему, которую нужно было рассмотреть в самом начале, и эта проблема могла обсуждаться лишь руководителями мира на общей конференции.

Возникали и другие вопросы общего характера, которые тем не менее легко могли быть переданы какому-нибудь второстепенному органу, такому, как Версальский межсоюзный совет. К числу их относились военные действия, которые всё ещё продолжались или угрожали возникнуть в Галиции, Тешине, Каринтии, Польше и прибалтийских государствах; пересмотр нескольких соглашений о перемирии и возобновление перемирия с Германией; репатриация армии генерала Галлера; продление блокады, обеспечение снабжением и оказание помощи странам, которые в прошлом были нашими врагами, а в тот период стали нашими союзниками¹². Время Верховного совета беспорядочно тратилось на рассмотрение этих вопросов, второстепенных по сравнению с заключением мира с Германией. И только 26 марта этот простой факт, казалось, стал очевидным для г. Клемансо и президента Вильсона. «Вместо того чтобы рисовать картину большими мазками, — пишет полковник Хауз, — они занимались гравированием». Этот процесс гравирования занял немало недель.

Тот факт, что конференция происходила в Париже, вызывал необходимость, чтобы председателем её был г. Клемансо и чтобы генеральный секретариат и центральное бюро конференции также находились под французским руководством. Часто

утверждают, что г. Клемансо в качестве председателя был недоступен для контроля и сам никого не контролировал; что он пробуждался от дремоты, в которую был погружён, только тогда, когда задевались интересы Франции или когда представлялся случай запугать представителя какой-либо малой державы. Это обвинение не обосновано. Правда, председатель конференции склонен был в течение долгих часов сидеть с закрытыми глазами, и его веки цвета слоновой кости виднелись под дугами его бровей то удивлённых, то вопрошающих, то скептических, то иронических. Однако он не спал. Правда, при случае он нападал на премьер-министров менее важных государств с ядовитой страстностью, которая вызвала краску стыда на лицах зрителей. Тем не менее на деле этот грубый, но здравомыслящий восьмидесятилетний старик показал такую способность вести дело, такое умение осуществлять контроль, которые человек с меньшими способностями, встретившись с такими же крупными людьми, выказать бы не решился. Однако Клемансо лучше умел контролировать то, что уже случилось, чем планировать и обобщать вопросы для обсуждения, с тем чтобы намеченный порядок был наиболее эффективным. Его контроль был более чем достаточен, более чем гибок. Не на высоте оказалась его способность к планированию и его инициатива.

Эта ошибка председателя конференции отразилась на подборе генерального секретаря. По несчастному случаю, на этот высокий пост был выбран г. Дютаста, слабый, возбуждённый, всегда удивлённый, но добродушный человек. Мне говорили, что он удостоился этого назначения благодаря своим близким отношениям с г. Клемансо. Было очевидно, что г. Дютаста готов перенести от г. Клемансо значительно больше оскорблений и нападок, чем другой, более независимый человек, на его месте. Тем не менее очень жаль, что такой способный человек, как г. Филипп Бертело, с самого начала не был в полном распоряжении конференции. Над г. Бертело в тот момент сгустились облака, которые время от времени закрывали солнце, светившее ему в его олимпийской карьере. Ему позволялось давать советы, но ему препятствовали принять непосредственное участие в организационной работе. Та исключительная способность к организации секретариата, которая является одной из особенностей французского гения, не была использована на конференции в Париже. Исключительную точность Бертело¹³ и Массильи¹⁴ использовали лишь впоследствии. В Париже мы страдали от беспокойной робости г. Дютаста и от вялого упрямства г. Пишона, всем своим существом напоминавшего сову.

Этот дефект в организации генерального секретариата несколько устранялся благодаря способностям его британских участников и добродушную сэра Мориса Хэнки. Однако в на-

чальных стадиях конференции этот дефект представлял серьёзное препятствие, и вот почему. Подлинно блестящий секретарь, такой, как Генц или Массильи, мог бы исправить ошибку, вызванную отсутствием согласованной программы, путём заблаговременной подготовки хороших повесток дня. Г-н Дютаста был человеком слишком сумбурным, чтобы проявить подобную проницательность или взять на себя подобную ответственность. Он рассматривал вопросы в порядке их срочности, а не в порядке их действительного значения. В итоге первые шесть недель конференции были затрачены на обсуждение «текущих вопросов» (*actualités*) и не были посвящены тем центральным проблемам, ради которых была собрана конференция.

В деталях, в вопросах «тактики» генеральный секретариат был на высоте. Но отсутствие секретарской стратегии привело к тому, что конференция не была ничем обеспечена взамен отвергнутой программы.

Парижскую конференцию осуждают сегодня за её невежество и неспособность. Я не думаю, что это осуждение будет основным в критике, которой подвергнут конференцию наши потомки. По мере того как холмы непосредственных препятствий отступят вдаль и погрузятся в туман времён, вершины фактических ошибок выступят яснее на горизонте. Мне кажется, что осуждение потомства будет направлено не столько на ошибки конференции (которые были относительно незначительными и которые уже сейчас так или иначе исправляются), сколько на её потрясающее лицемерие. Причины этой неискренности, лежащей в основе решений, были указаны в предыдущих главах; её результат будет показан в последующих главах. Однако в настоящей главе необходимо указать на в высокой степени ловкие, но зато и лицемерные средства, при помощи которых конференция уклонялась от проблемы малых стран и проблемы печати.

Я уже указывал, как желание смягчить несколько нарочитое негодование малых держав по поводу отстранения их от верховного руководства конференцией привело к искажению самого подхода к работе и к последующему смещению основных и второстепенных вопросов. Теперь я перейду к тому фарсу, который представляли собой пленарные заседания. Малым державам было дано понять, что рекомендации территориальных и других комитетов будут переданы на пленарные заседания, где им будет предоставлена возможность высказать свою точку зрения. На практике представители этих держав оказались достаточно благоразумны, чтобы не поверить серьёзно такому обещанию. Однако мы, участники комитетов, были настроены менее скептически. Мы верили, что наши рекомендации в конечном счёте в той или иной форме будут вынесены на окончательное обсуждение, в ходе которого заинтересованные стороны вы-

скажут свои соображения. Мы никогда не предполагали, что наши рекомендации будут совершенно окончательными. Именно поэтому мы и были склонны идти на компромиссы и даже иногда поддерживали решения, которые, как мы горячо надеялись, не будут одобрены при окончательном рассмотрении. Я не думаю, чтобы в самом деле можно было изменить рекомендации комитетов в Совете десяти, в Совете четырёх или на пленуме конференции. Пересмотр г-ном Ллойд-Джорджем рекомендаций Польского комитета хотя и был вполне справедлив, но вызвал сам по себе вспышку. Однако нас должны были предупредить, что наши рекомендации, возможно, будут одобряться без дальнейшей дискуссии. Малые державы также должны были знать, что комитеты представляют собой последнюю апелляционную инстанцию. В этом вопросе опять сказалась неточность организации, которая привела к столь несчастным последствиям. К ней я вернусь ещё в дальнейшем.

Отношения с прессой были также испорчены подобным робким компромиссом. Около 500 специальных корреспондентов, направленных в Париж, обходились газетам очень дорого. С самого начала они протестовали, что соглашения, по которым ведутся переговоры, заключаются втайне. Верховный совет был очень обеспокоен этим протестом. Было решено, что представители прессы должны допускаться на все пленарные заседания. Поэтому было создано только шесть пленарных заседаний. Из них все, кроме одного, на котором шла речь об уставе Лиги, носили чисто фиктивный характер. Для того чтобы умерить негодование своих собственных национальных корреспондентов, полномочные представители были, таким образом, вынуждены подкармливать их сандвичами личной информации. Это вело к взаимным обвинениям в «разглашении тайны» и горьким обидам. И в этом также проявилась неспособность считаться с фактами. До открытия конференции прессу следовало предупредить, что не стоит посылать специальных корреспондентов в Париж. Прессе нужно было сказать, что обсуждение будет проводиться втайне и что для опубликования в печати будут выпускаться только согласованные коммюнике. Есть два способа обращения с демократической печатью. Лучше всего — говорить ей всё; это значит наскучить ей до омерзения. Другой способ — не говорить ей ничего; тогда по крайней мере корреспонденты приобретают славу умеющих «проникать в тайну», что для них приятно и не безвыгодно. Самый худший метод — это говорить журналистам правду наполовину в виде потворствуемого верхами разглашения тайн. Именно этот слабохарактерный приём был избран на Парижской конференции.

Таковы, среди многих других, были ошибки в организации конференции, которых можно было избежать, если бы о них

заранее немного подумали. Я обращаю на них внимание — так как они касаются трудностей, которые возникнут на любом будущем конгрессе, — для того чтобы его секретариат мог это предвидеть и имел решимость добиться от полномочных представителей определённого мнения по таким проблемам до того, как фактически соберётся конгресс. Перейду теперь к организации комитетов, которые должны всегда составлять рабочую основу любой конференции. Я рассмотрю территориальные комитеты, поскольку я был их участником и располагаю наибольшим опытом в этой области.

5

Венский конгресс после двух с половиной месяцев назначил восемь комитетов. Парижская конференция по истечении такого же срока назначила 58. Они работали в течение шести месяцев и провели 1 646 заседаний. Их заключения проверялись 26 расследованиями на местах и обсуждались на 72 заседаниях Совета десяти, на 39 заседаниях Совета пяти и на 145 заседаниях Совета четырёх. Я взял эти данные из книги г. Тардье «Мир»¹⁵. Они весьма внушительны. Я не сомневаюсь в их точности. Однако на практике комитеты конференции были организованы не совсем так. Над ними не было такого контроля, их так не проверяли, и всё не было столь совершенно, как это представлено у Тардье.

Во-первых, было много ненужной затыжки при их создании. Правда, 25 января было назначено пять комитетов по вопросам о виновниках войны и военных преступниках, о репарациях, о портах, водных путях и железных дорогах, по вопросам труда и о Лиге наций. Территориальные комитеты не были полностью организованы до февраля, но и после того их эффективность была ослаблена характером их состава, а также неточностью и ограничениями в их компетенции.

Эти комитеты состояли из десяти делегатов, по два представителя от каждой из пяти великих держав в каждом комитете. По меньшей мере один из этих двух представителей был «техническим экспертом», или, другими словами, лицом, специализировавшимся (так предполагалось) в той области, которая поручалась рассмотрению комитета. Выражение «эксперт» часто подвергалось критике на том основании, что во многих случаях злосчастные специалисты располагали недостаточными сведениями или не имели достоверной информации из первых рук о стране, судьбу которой они были призваны решить. Я не думаю, чтобы эта критика была вполне справедлива. С одной стороны, мы имели возможность консультироваться с людьми, прожившими всю жизнь в странах, которые мы перекраивали, или проведшими годы над изучением проблем, разрешить которые мы были призваны. Аллен Липер и я, например, не делали

ни шага без предварительной консультации с такими авторитетными экспертами, как д-р Сетон Уотсон, находившийся в то время в Париже. С другой стороны, я сомневаюсь, чтобы постоянное проживание в стране всегда было преимуществом в том случае, когда приходится выносить решения, в достаточной мере общие, достаточно справедливые и лишённые предвзятости, отвечающие и соответствующие требованиям, выходящим за пределы интересов данной страны. «Решение, — пишет д-р Дэй, — по вопросам границ между двумя странами требует не только знания деталей, но и суждения об относительной важности различных людских интересов и пророческой проницательности будущего развития человечества». Эту широту предвидения не всегда можно встретить у людей, которые с детства жили в Тиране¹⁶ или вся жизнь которых была посвящена разработке проблемы куцо-валахов¹⁷. Я считаю обвинение в «невежестве» нелепостью, которая отвлекает внимание от основной вины или ошибки территориальных комитетов. Недоставало не знаний, а направления, точности, координации, принципов и широты компетенции.

«Создавать новые границы, — пишет полковник Хауз, — значит всегда создавать новые осложнения». Безусловно, новые границы Европы вызывали сильное негодование на местах и большие неудобства. И всё же границы нужно было установить. Я также не верю в то, что знающий и объективный критик, если он полностью примет во внимание трудности того времени, стал бы утверждать, что новые границы в целом были проведены людьми несведущими. Следует помнить, что мы были вынуждены оперировать организм, который всё ещё продолжал жить; было неизбежно, и мы, хирурги, это предвидели, что рубцы, которые оставались после операции, затянутся лишь спустя некоторое время. Например, вся экономическая и транспортная система Австро-Венгерской империи была направлена на то, чтобы стереть границы между национальностями. Задачей конференции было восстановить эти границы. Многие экономические связи и даже некоторые хозяйственные артерии приходилось поэтому рассекать; однако это было неизбежно, и в то время мы это достаточно ясно сознавали.

Таким образом, я лично должен критиковать создание и деятельность территориальных комитетов, исходя из других предпосылок. Во-первых, как я уже указывал, комитеты возникали *ad hoc**, или, другими словами, они создавались время от времени не затем, чтобы провести в жизнь какой-либо общий принцип, а в силу случайных обстоятельств, когда кто-либо из союзников или из новых государств представлял конференции меморандум, требуя определённой территории. Основной целью комитетов, таким образом, было не рекомендовать

* — от случая к случаю. — *Прим. ред. перевода.*

общее территориальное соглашение, а давать заключение по частным претензиям определённых государств. Этот эмпирический и совершенно случайный метод назначения комитетов повлёк за собой печальные результаты. Комитет по румынским претензиям, например, думал только о Трансильвании; комитет по чешским требованиям концентрировал своё внимание на южной границе Словакии. Только когда было уже слишком поздно, поняли, что эти два абсолютно не связанные между собой комитета вместе навязали Венгрии очень серьёзные потери территории и населения. Если бы дело было сконцентрировано в руках Венгерского комитета, то не только речь шла бы о территории, в пределах которой легче было бы прийти к компромиссному соглашению, но было бы видно, что предлагаемое отделение территорий ставит под власть других стран большее число мадьяр, чем то было созвучно с доктриной самоопределения¹⁸. Правда, в последний момент был образован Комитет координации для устранения такого рода противоречий. Однако к тому времени было трудно пересматривать решения, которые были приняты после долгих недель исчерпывающей и утомительной аргументации. Члены Комитета координации, хотя и обладали большим желанием, фактически были не в состоянии предложить какой-либо радикальный пересмотр уже достигнутых решений.

Второй ошибкой в методе организации комитетов и в определении их компетенции было отсутствие предупреждения территориальных комитетов о том, что их рекомендации фактически будут решающими и окончательными. Я уже упоминал об этом пункте, но он так важен, что требует уточнения. Разрешите мне привести следующий текст поручения, который был дан Румынскому комитету: «Было достигнуто соглашение, что вопрос, поднятый в заявлении г. Братиану... должен быть подвергнут изучению прежде всего со стороны комитета экспертов... Обязанностью комитета будет наметить минимальное число вопросов для решения, и притом в возможно узких рамках, и выработать рекомендации для справедливого соглашения... Комитет уполномочен консультироваться с представителями соответствующих народов». Подобно этой и большинство резолюций Верховного совета о компетенции комитетов отличались неопределённостью и вместе с тем ограниченностью: уловить их содержание было нелегко. Все политические вопросы, затрагивающие кого-либо из союзников (такие, например, как Клагенфурт¹⁹ и Трентино²⁰), были изъяты из компетенции комитетов, которые поэтому, естественно, приходили к заключению, что их функции носят только консультативный характер и что им ни в коем случае не принадлежит окончательное решение. Что именно таково было первоначальное намерение Верховного совета, я нисколько не сомневаюсь. Однако

за исключением польского все принятые единогласно доклады комитетов были утверждены без дальнейшей дискуссии. В случаях, когда в комитетах не достигалось единогласия, им предлагалось снова обсудить вопрос в надежде добиться единогласного решения. Я не говорю, что решения комитетов, достигнутые таким путём, были неудачными или ошибочными. Я говорю только, что нужно было это предвидеть с самого начала и что члены комитетов должны были избираться с учётом той весьма большой ответственности, которая неизбежно на них ложилась. Однако они подбирались отнюдь не по этому принципу.

Третья ошибка состояла в том, что у комитетов с самого начала постарались отбить охоту выражать какие-либо взгляды в отношении «принципов» или «политики». Греческому комитету, например, в пределах его компетенции, было поручено рассмотреть требования г. Венизелоса. Комитет просили решить, на самом ли деле территория в районе Смирны, на которую заявляет претензии Греция, является зоной преобладания греческого населения. Комитет не просили ответить, разумно или не разумно вообще отдать грекам часть Малой Азии. Более того, нам не было дано указаний по поводу неизбежного конфликта между «самоопределением» и «экономикой». Французы всегда настаивали на том, что нашей главной обязанностью было сделать новые государства «жизнеспособными» (как они говорили, «viables»), или, другими словами, обеспечить им необходимую безопасность, транспортную сеть и экономические ресурсы, без которых они не в состоянии отстоять свою независимость. Нам никогда не говорили, в какой мере мы должны считаться с этим французским аргументом. Не было никаких указаний по вопросу, должны ли признаваться «исторические» притязания (итальянцы, например, проявляли заметную слабость к императору Адриану²¹) и следует ли поддерживать принцип «святости договоров» (в основном тайных договоров). В результате все эти принципы вместе приводились в обоснование наших рекомендаций. В своих контрпредложениях от 29 мая немцы справедливо утверждали, что территориальные решения в одном случае основывались на принципе самоопределения, в другом — на экономической необходимости, в третьем — на «незапамятном историческом праве» и что «в каждом случае решение было направлено против Германии». Именно таким образом, путём последовательных мелких компромиссов, путём накопления случайных аргументов, основанных на ложных принципах, было разобрано по кирпичику всё здание вильсонизма. Здесь снова результат был следствием не столько дьявольского намерения, сколько постоянной неясности цели.

Четвёртая ошибка, которая лежит в основе всех неудач конференции, заключалась в том, что на нас не возложили обя-

знности в каждом случае давать наши рекомендации на проверку экономистам. Правда, в моменты действительных затруднений мы частным образом консультировались с отдельными экспертами по таким вопросам, как железнодорожный и водный транспорт. Я могу припомнить, как генерал Манс в одном случае доказал мне, что альтернативная железная дорога может быть построена с очень небольшими расходами в Словакии и в результате этого тысячи мадьяр могут быть сохранены в составе Венгрии. Однако в общем мы недостаточно принимали в расчёт экономические соображения. Это упущение стоило немалых страданий многим миллионам.

Я не говорю, что Верховный совет всецело виноват в этих наших недостатках. Вина в равной мере лежит на нашей собственной недостаточной проницательности и наших недостаточных умственных способностях. Я утверждаю лишь, что и здесь «отсутствие централизации» помешало правильной перспективе и исказило весь план. Во всяком мирном переустройстве предусмотреть такую «централизацию» абсолютно необходимо. Будем надеяться, что подобная ошибка впредь не повторится.

Я с ужасом оглядываюсь сегодня на бесчисленные комитеты, собиравшиеся в высоких жарко натопленных залах на Кэ д'Орсэ²². Группа людей, казавшихся маленькими на конце громадного стола; карты, переводчики, секретари и один за другим ряды незанятых золочёных стульев. Опущены громадные красные гардины. Они становятся пурпурными, по мере того как сумерки мирно сгущаются над Сеной. Сияют люстры во всём блеске, присущем латинскому вкусу. В соседнем зале для банкетов мы собрались на несколько минут за чаем, бриошами и пирожными. Это большой удобный зал. Разливают чай. Затем мы снова возвращаемся к нашему длинному столу. «Господа, итак, мы основательно обсудили границу между Шпани и Сарос-Патаж²³. Из обсуждения следует, что местом соединения железной дороги Мишколец — Кошица с линией Сен-Петер — Лозонче следует считать...»

Когда мы возвратились в «Мажестик», до нас доносились звуки танцевальной музыки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Британский музей* — национальная библиотека Англии, одна из величайших библиотек мира; научные сотрудники библиотеки были привлечены в справочный аппарат Форейн оффис в 1914 г.

² Бюро печати Мэра было создано в 1915 г. в качестве эмбриона будущего министерства информации.

³ *Баллиол* — наиболее аристократический колледж в Оксфорде, основанный ещё в 1263 г. Никольсон высоко ценит его и неоднократно о нём упоминает; он и сам учился в Баллиоле.

4 *Парфенон* — главный храм древних Афин, один из великолепнейших памятников древнего зодчества. Здесь употребляется в смысле символа древней культуры.

5 Многие страны имели в Афинах археологические школы или институты.

6 Никольсон говорит о тайных соглашениях, которые заключались европейскими великими державами, в противовес выставленному в 14 пунктах Вильсона принципу открытых переговоров и открытых договоров.

7 «*Максим*» — блестящий ресторан Парижа, в котором во время Парижской конференции было предоставлено помещение для делегации США.

8 *Площадь Согласия* — Плас де ля Конкорд — площадь Парижа, где находится ресторан «Максим».

9 *Temperley*, op. cit. Статья «Организация конференции».

10 Государства-наследники — страны, ранее входившие в состав Австро-Венгрии и образовавшиеся после её распада: Чехословакия, Австрия, Венгрия, отчасти Югославия и Польша.

11 В январе 1919 г. Совет десяти обратился по радио ко всем фактически существовавшим на русской территории правительствам и предложил им собраться на конференцию на Принцевых островах (Мраморное море). Несмотря на то что обращение было безличное и на свои запросы советское правительство ответа не получило, оно всё же 4 февраля сообщило о своём согласии на участие в конференции. Белогвардейские правительства, к которым главным образом относились обращение, отказались принять участие в конференции под влиянием Франции, выступавшей против всяких переговоров с советским правительством и обещавшей белогвардейским правительствам свою вооружённую помощь.

12 Продовольственная помощь была оказана Чехословакии, Венгрии, Австрии, Польше и другим странам капиталистической Европы.

13 Бертело был впоследствии генеральным секретарём министерства иностранных дел Франции. Вместе с Брианом был представителем Франции на Локарнской конференции, а в 1925 г. вёл переговоры с СССР.

14 Ренэ Массильи был в 1921 г. генеральным секретарём французской делегации на Вашингтонской конференции, участником Гаагской конференции 1922 г., Лозаннской 1922—1923 гг., франко-советской 1926 г., Лондонской морской конференции 1932 г., конференции по разоружению 1932 г. В 1936 г. стал заместителем директора министерства иностранных дел и медал в 1943—1944 гг. иностранными делами в Комитете национального освобождения Франции.

15 См. А. *Тардые*, Мир. Госполитиздат, М. 1943, стр. 85.

16 *Тирана* — столица Албании.

17 *Куцо-валахи* — небольшая ветвь румынского народа, живущая в Македонии. Никольсон намекает на узость интересов и провинциализм представителей малых держав.

18 Результаты решений Парижской конференции были далеки от принципа самоопределения народов, провозглашённого Вильсоном, но не потому, что около трёх четвертей миллиона венгров оказалось на территории Чехословакии (главным образом в районах Словакии и Закарпатской Украины), свыше 600 тысяч в Югославии (в Бачке и Банате) и более миллиона в Румынии. Иное решение вопроса ставило бы миллионы славян и румын под власть Венгрии. Характерной несправедливостью стала, например, передача украинской Галиции Польше.

19 *Клагенфурт* — главный город Каринтии, на который претендовали и Италия и Югославия. Здесь 10 октября 1920 г. был проведён плебисцит, в силу которого Клагенфурт отошёл к Австрии. В районе Клагенфурта жило 80 тысяч словенцев. Югославия не признала решения плебисцита и оккупировала район Клагенфурта, но по требованию союзников вывела войска.

20 *Трентино* — район Трента, округ в Южном Тироле, со смешанным

итальянским и немецким населением. Италия добивалась его по стратегическим соображениям, так как он преграждал доступ в Ломбардскую низменность с востока. На него претендовали также и югославы. Вошёл в состав Италии.

²¹ Римский император Адриан (II век н. э.) был основателем Адрианополя во Фракии, входившей тогда во владения Римской империи.

²² *Кэ д'Орсэ* — набережная в Париже, где находится министерство иностранных дел.

²³ *Шпани и Сарос-Патаж* — незначительные пункты в зоне проливов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗДОРЫ

Тайные договоры. Румынский договор 1916 г. История вступлений и выходов Румынии из войны. Г-н Таке Ионеску. Г-н Братиану. Его неудачное поведение на мирной конференции. Отступление, связанное с тайными договорами, опасность этических предпосылок и подготовка, требуемая от всех и всяких творцов мира, молодых и старых. Малые тайные договоры. Конфликт между нашими обещаниями арабам и соглашением Сайкс—Пико. Возникшие отсюда англо-французские раздоры в Париже. Сирийский и мосульский вопросы. Шаньдун. Ложное положение президента Вильсона. Прочие междусоюзнические раздоры. Случай с Черногорией. Самоопределение. Сценарий мирной конференции.

1

Тайные договоры, заключённые во время войны с нашими действительными или потенциальными союзниками, как уже я говорил выше, явились одним из главных затруднений, которое стесняло свободу действий мирной конференции. Наибольшим препятствием из всех был договор, которым в апреле 1915 г. мы подкупили Италию оставить Тройственный союз и присоединиться к западным державам. Этот документ, известный под названием Лондонского договора, будет рассмотрен в следующей главе, когда я перейду к изложению воздействия итальянского «*sacro egoismo*» * Орландо на принципы г. Вильсона. В настоящей главе я хочу рассмотреть трудности и задержки, возникшие из других, быть может, менее важных раздоров между союзными и присоединившимися державами с того момента, когда конференция начала свою работу. Для того чтобы эти раздоры могли быть оценены по их действительному значению, необходимо вкратце упомянуть о второстепенных тайных договорах, которыми мы также были связаны.

Я возьму эти договоры и вызванные ими осложнения в порядке их возрастающего значения, начав с самых незначитель-

* — священного эгоизма. — *Прим. ред. перевода.*

ных и закончив теми, которые, если исключить итальянские договоры, причинили наибольшее беспокойство.

Я поэтому начну с румынского договора от 17 августа 1916 г. История его такова: 30 октября 1883 г. между графом Андраши и г. Братиану старшим был заключён договор, по которому Румыния присоединялась к Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Хотя этот договор никогда не был ратифицирован румынским парламентом, король Карл Румынский, будучи Гогенцоллерном, пожелал, когда в Европе началась война, выполнить свои договорные обязательства и присоединиться к Германии. С этой целью он созвал Королевский совет в загородной резиденции в Синае¹. Г-н Карп, лидер консерваторов, соглашался с королём Карлом. Братиану младший, лидер либералов, занял отрицательную позицию по отношению к политике отца, утверждая, что договор с Германией следует оставить без внимания. Г-н Таке Ионеску, лидер консервативно-демократической партии, настаивал на немедленном выступлении на стороне Антанты. Ввиду этих разногласий между политическими лидерами решено было следовать политике «осторожного нейтралитета». Г-н Братиану поддерживал эту политику выжидания в течение двух лет. Успешное наступление генерала Брусилова в июне 1916 г.² убедило Братиану, что благоприятный момент для вмешательства, наконец, настал. Начались переговоры с державами Антанты, и Румыния потребовала далеко не умеренную награду. Она претендовала на всю Трансильванию и всю Буковину к югу от Днестра. Она намеревалась также получить всю тимшоарскую часть Баната до Тиссы. В соответствии со статьёй VI Румыния должна была пользоваться при переговорах и дискуссиях на будущей мирной конференции такими же правами, как и её союзники. Согласно статье V договаривающиеся стороны обязались не заключать сепаратного мира.

27 августа Румыния вступила в войну и в самонадеянной глупости двинула свои войска далеко в глубь Трансильвании. Возмездие со стороны центральных держав последовало быстро и было безжалостным. 6 декабря немцы вступили в Бухарест. Румынская армия отступила в Молдавию и под руководством генерала Бертело поддерживала оборону ещё в течение двенадцати месяцев. Затем, после русской революции, исчезла всякая дальнейшая надежда на сопротивление. Г-н Братиану, сделав напрасную попытку убедить своих союзников освободить его от обязательств, возложенных на Румынию статьёй V, был вынужден 9 декабря 1917 г. заключить перемирие и подписать мир в Бухаресте 7 мая на началах капитуляции. По этому договору Румыния была принуждена уступить фактически всю Добруджу и отдаться под экономический протекторат центральных держав.

Этот договор не был ратифицирован румынским парламентом.

9 ноября 1918 г., за два дня до окончательного перемирия, Румыния нарушила договор от 7 мая и снова объявила войну Германии. Румыния ссылалась в обоснование вторичного объявления войны Германии на нарушение Германией Бухарестского договора. Приводя этот довод, румынское правительство, таким образом, признавало, что договор, хотя ещё не ратифицированный, всё же фактически действовал. Это следует признать самой большой неудачей румын.

Возникшая отсюда ситуация была типичной для тех проблем, которые встали перед мирной конференцией. Г-н Братиану утверждал, что договор между Румынией и союзниками-победителями от августа 1916 г. оставался полностью в силе. Он, таким образом, заявлял претензии не только на Трансильванию, но и на весь Банат. Он также требовал, чтобы в соответствии со статьёй VI секретного договора ему предоставили статус, такой же как представителям великих держав. Ни одно из этих требований великим державам не нравилось. Они не особенно возражали против Трансильвании и Буковины (которые принадлежали врагу), но они категорически отклоняли притязания на Банат, на который с большим правом претендовали югославы. Кроме того, мысль о Румынии и особенно о г. Братиану, домогающемся статуса великих держав, вызывала тошноту. Они поэтому с предельной ясностью дали понять г. Братиану, что заключением сепаратного договора с Германией в мае 1918 г. Румыния нарушила статью V договора от августа 1916 г. и тем самым лишила весь договор всякого значения.

Г-н Таке Ионеску, будучи, нужно признать, человеком европейской складки, предвидел с самого начала, что именно такова и будет позиция конференции и что протестовать бесполезно, поскольку она юридически совершенно обоснована. В ноябре он поспешил в Лондон и Париж и с помощью Вензелоса успешно договорился с г. Пашичем о границе, которая разумно разделяла Банат между югославами и Румынией на основе национального принципа. Он пошёл дальше. Он наметил основы Балканского соглашения, по которому четыре балканских государства уладили бы все свои разногласия и дали бы обязательство поддерживать друг друга против ожидавшегося намерения установить диктатуру великих держав. Такой Балканский блок мог бы на деле втянуть в свою орбиту Чехословакию и, может быть, даже Польшу и был бы мощным фактором на мирной конференции. Г-н Братиану, однако, не согласился с точкой зрения г. Таке Ионеску. Последний не был включён в состав румынской делегации в Париже. Он оставался в отеле «Мёрис» и покачивал своей красивой головой по поводу глупостей,

тщеславия и упрямого безрассудства г. Братиану. Братиану так плохо вёл дела Румынии на конференции, что вызвал недовольство самых горячих друзей этой страны и в конце концов был отставлен в результате почти ультимативного настояния Верховного совета.

Этот небольшой инцидент, с точки зрения автора настоящих записок, значительно важнее, чем может показаться с первого взгляда. Часто утверждали, что члены Верховного совета были слишком чувствительны к личным качествам и что обаяние и гений г. Вензелоса (пример, безусловно, яркий) добыли для Греции уступки, которых вряд ли мог добиться человек с меньшими дипломатическими способностями. Я далёк от того, чтобы оспаривать легендарное обаяние г. Вензелоса, непревзойдённого мастера дипломатической техники, или в какой-либо мере недооценивать тот триумф, которого достиг этот государственный деятель с помощью личного обаяния. Следует заметить, однако, со всей справедливостью по отношению к Верховному совету, что его решения не диктовались столь субъективными чувствами. Инцидент с Братиану является ценным доказательством объективности Верховного совета. На конференции не было человека столь глупого, столь упрямого, столь раздражительного и вызывающего, как Ион Братиану. И всё же почти всеобщая антипатия, которую он вызывал, не мешала конференции посчитаться с претензиями страны, которую представлял Братиану. Румыния получила «всё и даже больше, чем всё». Она добилась этого отнюдь не из-за персональных симпатий.

2

Я допускаю и надеюсь, что будущий историк мирной конференции попытается заранее избавиться от всех эмоциональных и этических влияний, которые могут вызвать термин «тайные договоры». Он, я полагаю, будет достаточно разумен и поймёт, что в разгаре войны государственные деятели склонны идти на любую сделку, которая может способствовать успешному ведению войны³. Так поступали они в прошлом; так будут они поступать и в будущем. Неразумно также предположить, что любой государственный деятель обяжет свою страну присоединиться к уже существующей коалиции, не заполучив от неё ранее в письменной форме обязательства, которые обеспечили бы ему в случае победы известную долю общей добычи. Ещё менее разумно требовать, чтобы условия такого контракта были тотчас же обнародованы. В сущности возражения против договоров, заключённых с нашими союзниками во время войны, состоят не в том, что они тайные, а в том, что они не построены на научных основаниях и во многих случаях взаимно противоречивы.

Люди, изучающие прошлое с убеждением, что в результате сами автоматически будут вести себя лучше в будущем, допускают опасную ошибку. Они вносят этические представления мирного времени в эмоциональную обстановку опасности. Для исследователей международных отношений лучше вообще не сосредоточивать своё внимание на проблемах сравнительной этики, а направлять его в большей степени на проблемы человеческого поведения в периоды напряжения. Великодушие, сталкиваясь с необходимостью, редко выигрывает сражение. Когда стоит вопрос о мире, на помощь великодушию должны прийти другие силы. Государственному деятелю, руководящему судьбами своей страны, в будущем помимо великодушия потребуются: способность предвидеть и планировать будущее, твёрдая программа действий, время, настойчивость, независимость, последовательность и умение проводить точные и в высшей степени неприятные решения. Ему потребуется многочисленный штат квалифицированных помощников-экспертов. Какими качествами должны отличаться эти эксперты? Они должны обладать здоровьем, быстрой сообразительностью, терпением, относительным здравомыслием, большой физической выносливостью, обаянием, отсутствием классовых предрассудков, огромной любознательностью, превосходным знанием географической карты и умением обращаться с документами, прилежанием, аккуратностью, способностью смело задавать неподходящие вопросы в неподходящее время; они не должны иметь значительных физических недостатков и должны поддерживать интимные отношения с личными секретарями своих полномочных представителей; в то же время они должны быть достаточно хорошо воспитаны, чтобы скрывать эту интимность; им следует наладить некоторое знакомство с менее известными корреспондентами (более известные попытаются отклонить такое знакомство); им придётся усвоить привычку смотреть вверх, а не вниз, когда им неизвестно, что следует ответить, и оставаться всё время любезными; они должны уметь печатать и размножать текст на машинке и обладать некоторым, но не подчёркнутым знакомством с экономическими вопросами, сочетать чистоплотность с трезвостью во всех случаях, весёлость со знанием статистики, добытой из источников ещё менее известных и доступных, чем те, которыми располагают их заграничные коллеги; им будут полезны некоторые познания в литературе или архитектуре по крайней мере одного жестоко угнетённого народа и способность вынести долгие обеденные приёмы, честность и способность говорить быстро и хорошо на таких языках, на которых их коллеги не говорят ни быстро, ни хорошо; им нельзя верить в то, что Народ или Пресса обладают разумом, но нужно иметь хорошую память и быть правдивыми, и кроме того у них должно вовсе отсутствовать

всякое человеческое тщеславие. Обладая всеми перечисленными качествами, молодой человек может надеяться стать настоящим помощником своих начальников в переговорах о мире, основанном на правде и справедливости и рассчитанном на долготлетие.

Я возвращаюсь от этого отступления к вопросу о тайных договорах и раздорах между союзниками, вызванных этими договорами. В рамках моих записок невозможно определить точную пропорцию времени и энергии, которые были поглощены различными междоусобными распрями. Я должен сказать, что около 30% всей энергии Верховного совета было затрачено на административные задачи, около 10% — на ненужные детали, и около 40% было посвящено предотвращению разрыва с тем или другим из союзников. Только остающиеся 20% были направлены на установление мира между народами.

В числе других тайных договоров был договор, по которому мы обещали России Константинополь⁴. Его отвергло советское правительство⁵. Франко-русский договор от 11 марта 1917 г. (по которому в обмен на свободу действий в Польше Россия гарантировала Франции не только Эльзас-Лотарингию и Саарскую долину, но также отделение от Германии Рейнской области, с введением туда французского гарнизона) также стал недействителен⁶. Кроме двух итальянских договоров — Лондонского и договора в Сен-Жан де Морьен⁷ (о которых речь будет идти в следующей главе), осталось в силе наше соглашение с арабами, соглашение Сайкс — Пико с Францией и наше обязательство поддерживать притязания Японии на все права, которыми владела Германия в провинции Шаньдун.

Я не намерен вдаваться в какие-либо детали этих договоров и вызванных ими осложнений, поскольку мне лично ни в какой мере не приходилось иметь с ними дело. Необходимо, однако, упомянуть о них, поскольку именно благодаря им на конференции создалась обстановка раздоров и беспорядка и поскольку в создавшейся, таким образом, напряжённой и лихорадочной атмосфере проходили все наши позднейшие переговоры.

Наши обязательства перед арабами, поскольку они находились в противоречии с обещаниями, которые мы позднее дали Франции по соглашению Сайкс — Пико⁸, создали крайне запутанную обстановку в отношениях между французами, президентом Вильсоном и нами. Основные затруднения заключались в следующем. Между октябрём 1914 г. и ноябрём 1915 г. произошёл обмен письмами между британским верховным комиссаром в Каире и шерифом Мекки, впоследствии королём Геджаса Гуссейном. Эти послания были окутаны неясностью, присущей всей восточной переписке⁹; однако у короля Гуссейна осталось впечатление, что Великобритания заверила его в своей поддержке по вопросу о создании единой Арабской им-

перии со столицей в Дамаске. Правда, во время переписки британское правительство (которое ещё по соглашению с Францией в 1912 г. обязалось «отказаться от интересов в Сирии») сделало неясную оговорку в отношении Дамаска. Эта оговорка, однако, не была достаточно точной, и весьма показательно, что последующее соглашение Сайкс—Пико не было нами сообщено арабам, так же как и наши обязательства по отношению к королю Гуссейну до марта 1919 г. не были доведены до сведения французов.

С началом арабской революции в мае 1916 г. французское правительство стало беспокоиться, как бы права на Сирию и Киликию, которые оно считало непререкаемыми, не оказались в опасности. Чтобы успокоить французов, были проведены переговоры и 16 мая 1916 г. подписано соглашение между Жоржем Пико и сэром Марком Сайксом. Это соглашение фактически предусматривало раздел Малой Азии, а также арабских владений Оттоманской империи между Россией, Францией и нами. Мы получали Месопотамию, французы — Сирию и Россия — Армению и Курдистан. Территория между французскими и британскими владениями должна была остаться за Арабской империей, но в свою очередь подлежала разделу на французскую и британскую зоны влияния. Итальянцы были совсем исключены из этого раздела.

3 октября 1918 г. эмир Фейсал, в сопровождении полковника Т. Э. Лоуренса¹⁰, во главе 1 500 арабских кавалеристов прискакал в Дамаск и поднял над городом арабское знамя. Это вызвало крайнее замешательство. Телеграф загудел между Лондоном и Парижем; был выпущен ряд совместных коммюнике. Этот вопрос поднимался также во время посещения Лондона г. Клемансо. Однако ко времени, когда собралась конференция, французское общественное мнение уже «собралось в сирийский поход», и британское правительство стало перед альтернативой — отказаться либо от своих туманных обещаний арабам, либо от своих более точных обязательств по отношению к Франции. Вопрос фактически касался Сирии, линии Алеппо, Мосула и окончательной судьбы Палестины. Нет нужды касаться здесь этих деталей. С точки зрения нашей хроники интересно, что арабский вопрос создал для г. Ллойд-Джорджа, г. Клемансо и президента Вильсона различные и значительные затруднения. Г-н Ллойд-Джордж не видел оснований к тому, чтобы мы, захватив Сирию, передали её Франции, притом в более широких границах, чем ранее, и в нарушение наших существующих обязательств перед арабами. Г-н Клемансо не знал, как успокоить требования французской колониальной партии, не доводя дела до разрыва с Великобританией. А президент Вильсон, которому сообщили д-р Говард Блисс и другие лица, что сирийцы ни в коем случае не хотят

допустить даже французского «мандата» на Сирию, был очень озабочен, с одной стороны, как примирить это их нежелание с доктриной самоопределения и, с другой стороны, тем, что Франция и Великобритания, несомненно, обязались по договору разрешить вопрос в явном противоречии с этой доктриной.

Дискуссия назревала в течение января и февраля. Совет десяти предоставил эмиру Фейсалу «аудиенцию». «Казалось, самый его голос, — пишет г. Лансинг, — благоухал ладаном». Между тем полковник Т. Э. Лоуренс прогуливался по коридорам «Мажестика», и чувство негодования искажало его мальчишескую улыбку: он был похож на студентика, только что схватившего двойку на зачёте.

Спор достиг кульминационной точки на заседании, которое состоялось на Рю Нито 20 марта 1919 г. Г-н Ллойд-Джордж заявил, что если Дамаск, Сирия и Алеппо будут включены в сферу непосредственного французского управления, то британцы потеряют доверие арабов. Лорд Алленби, который также присутствовал на заседании, пошёл ещё дальше. Он выразил мнение, что если французская администрация будет навязана Сирии против её воли, то «возникнет волнение и даже война». Г-н Пишон заявил, что Франция не может освободить Великобританию от условий заключённого в торжественной форме соглашения только потому, что эти условия находятся в противоречии с предшествующими обязательствами, о которых Франция не была в то время информирована. Президент Вильсон (и это был едва ли не последний случай, когда он защищал свои принципы) заявил, что для него совершенно безразлично, что решили Франция и Великобритания по тайному договору; с того времени они приняли 14 пунктов; они должны, таким образом, каковы бы ни были их прежние обязательства, считаться только с желаниями народа, с которым они имеют дело. Есть сомнения в том, каковы эти желания. Если верить г. Чукри Ганем (сирийский поэт в Париже, который в течение двадцати лет не был в Сирии, но был представлен г. Пишоном в качестве представителя сирийских арабов), то сердца всей Сирии исполнены одной надежды — на французский мандат. Если верить эмиру Фейсалу, сирийцы не имеют другого желания, кроме собственной независимости. Эти разногласия могут быть примирены только проверкой на месте. С известной неохотой собравшиеся согласились назначить комиссию по расследованию. Г-н Кинг и г. Крэн были действительно отправлены в июле на Ближний Восток. Когда они, наконец, представили свой доклад, он оказался в высшей степени неудобным документом. Но к этому времени президент Вильсон покинул Париж и находился на пути к последнему падению. Доклад был похоронён под сукном в ходе последующих дипломатических переговоров.

Если президент Вильсон в данном случае мог отложить сирийскую проблему, не вызвав открытого разрыва между Францией и Великобританией и явного нарушения 14 пунктов, то в вопросе о Шаньдуне перед ним не было подобного выхода. Шаньдунский эпизод нуждается в пояснении.

В первые месяцы 1917 г. Британское адмиралтейство испытывало всё возрастающий недостаток в конвойных судах для сопровождения транспортов с войсками и продовольствием через Средиземное море. Оно обратилось к Японии с просьбой предоставить ей в помощь флотилию торпедных катеров для этой цели. Японское правительство ответило, что оно окажет такую услугу своему союзнику лишь при условии, что ему будут обещаны не только германские острова в Тихом океане к северу от экватора, но также все права, которыми владела Германия в Киао-Чао и в китайской провинции Шаньдун. Договор, по которому мы обещали Японии свою помощь в захвате этой добычи, был подписан 16 февраля 1917 г. Французы впоследствии присоединились к нему в обмен на отказ со стороны Японии от того вето, которое она до сих пор поддерживала, — вето на вступление Китая в войну на стороне союзников¹¹. Обстановка далее осложнялась 21 требованием, которые Япония навязала Китаю в январе 1915 г.¹², а также китайско-японскими соглашениями от 25 мая 1915 г. и 24 сентября 1918 г.¹³ Однако здесь будет идти речь не о деталях этого спора, а о его влиянии на мирную конференцию. Это влияние было крайне тяжёлым.

Изложим дело в самых простых выражениях. Японцы хотели получить от одного из союзников, именно от Китая, определённые привилегии, предоставить которые этот союзник решительно отказывался. Япония, настаивая на своих притязаниях, требовала поддержки Франции и Великобритании на основе тайного договора. Китай, настаивая на своём отказе, ссылаясь на тот бесспорный факт, что требования Японии являются грубым нарушением принципов президента Вильсона. Тогда Япония пригрозила уйти с конференции, в случае если её требования не будут приняты. Что было делать президенту?

Положение г. Вильсона осложнялось двумя обстоятельствами. Во-первых, на начальной стадии работы Комитета Лиги наций он столкнулся с в высшей степени неприятной дилеммой. 13 февраля японцы предложили, чтобы в статье, предусматривающей равенство религиозных исповеданий, между словами «религиозных исповеданий» и словом «равенство» были включены слова «и рас». Японцев на время убедили отказаться от этой неприятной поправки, но они снова внесли её 11 апреля¹⁴. Г-н Вильсон оказался тогда в серьёзном затруднении. С одной стороны, равенство человека с человеком, торжественно записанное в уставе, подразумевало равенство жёлтых и белых

людей и могло даже подразумевать страшную теорию равенства белого человека с чёрным. С другой стороны, было ясно, что любой состав американского сената наяву и во сне отвергнет ратификацию всякого устава, который содержит столь опасный принцип. Президент был в последний момент спасён г. Юзом, представителем Австралии, который настаивал, что такая теоретическая нелепость, как равенство рас, не должна фигурировать в уставе. Лорд Сесиль получил от британской имперской делегации инструкцию поддержать заявление г. Юза в Комитете Лиги. Японцы, однако, не собирались позволить г. Вильсону воспользоваться этим алиби, ниспосланным провидением. Они поставили вопрос на голосование. Они победили большинством одиннадцати голосов против шести. Г-н Вильсон как председатель стал перед неприятной необходимостью объявить, что японская поправка «не была принята», поскольку она не получила «единогласного одобрения». Этот инцидент оставил у него неприятное чувство.

С другой стороны, японцы выбрали время для постановки вопроса о Шаньдуне с исключительной ловкостью. Они избрали тот самый момент, когда Италия оставила конференцию из-за непреклонности президента Вильсона. Мог ли президент допустить (а враждебные голоса критиков тяжело отзывались на нём) уход с конференции ещё одной державы, когда немцы были уже на месте и настраже в Версале? Он был в меньшинстве, был один и сдался. Достигнутый компромисс фактически дал японцам всё, чего они добивались. Из всех поражений президента Вильсона Шаньдунское соглашение было самым позорным. Как горько должен был он сожалеть тогда, что отказался принять или даже прочитать порядок дня, который был вручён ему г. Жюссераном 29 ноября. Как бы сильно ни противоречила эта программа его нелогичному, но твёрдому мышлению, она содержала по крайней мере одну статью, которая, будучи принятой, оказалась бы поистине благословенной. Эта статья предусматривала, что все договоры, заключённые до перемирия, должны быть аннулированы и считаться недействительными. Однако в своё время президент даже не удостоил ответом меморандум Жюссерана.

В книге Станнарда Бекера приведены патетические выражения, в которых г. Вильсон оправдывается в своей явной капитуляции по вопросу о Шаньдуне. Он успокаивал себя теорией о том, что, если японцев принудят уйти с конференции, они немедленно заключат военный союз с Россией и Германией. «Я знаю, — говорил он, — что буду обвинён в нарушении своих собственных принципов. И тем не менее я *должен* бороться за мировой порядок и организацию против анархии и возвращения к прежнему милитаризму».

Обсуждая Шаньдунское соглашение, я предвосхитил трагедию, которую удобнее изложить в последней главе книги, где я расскажу о крахе Америки. Шаньдунский инцидент, однако, является показательным в смысле влияния непрерывных раздоров на вильсоновскую доктрину, и я чувствовал себя обязанным включить его в настоящую главу, так как в ней преимущественно идёт речь о том, как трудно не только заключить мир с врагом, но и сохранить мир между союзниками.

Кроме расхождений во мнениях по таким центральным проблемам, как французская безопасность, Рейнская область, репарации, Саарская долина, судьба германского флота, блокада, воинская повинность и границы Польши, энергию Верховного совета беспрерывно отвлекали и растрачивали на мелкие проблемы, возникавшие из-за разногласий между малыми державами. Эти меньшие трудности не все проистекали из тайных договоров. Некоторые из них рождались из давних споров; другие возникали в связи с внезапным появлением новых государств или неожиданной экспансией старых государств, из которых каждое заявляло притязания на оккупацию тех принадлежавших в своё время врагам районов, где проживало смешанное население. Такой спор возник между Румынией и Югославией по поводу Баната, между поляками и чехами по поводу Тешина. Укажу также на расхождение между румынами и чехами относительно карпато-руссов и украинцев, на зачатки весьма серьёзного спора между поляками и Литвой. Крайняя неопределённость была в позиции великих держав по вопросу о будущем Константинополя и проливов. Стояла проблема Армении, проблема распределения мандатов между различными державами и доминионами. Возникли трения между Грецией и Югославией по вопросу об Албании и Салониках. Наконец, имелись бесконечные затруднения, связанные с итальянской проблемой, которые выделены для рассмотрения в следующей главе.

В качестве иллюстрации или образца этих второстепенных проблем я приведу одну, которая является интересной сама по себе и которая уже забыта. Я имею в виду проблему Черногории. Не многие из второстепенных вопросов стоили нам стольких угрызений совести и оставили нас на такой долгий срок неудовлетворёнными.

Черногория до войны была небольшим, независимым и бедным королевством под патриархальным управлением короля Никиты из рода Петровичей¹⁵. Единственным национальным стремлением черногорцев было добиться воссоединения с сербскими братьями, от которых Черногория была отделена Австрией и Новобазарским санджаком. Когда австро-германские армии вторглись в Сербию и Черногорию, король Никита

отправился в Нейльи, где жил скромно и не жалуясь за счёт субсидий со стороны французского, русского и британского правительств. В то же время он отправил своего второго сына в Вену с намерением, как говорили, обеспечить своё положение и будущее своей династии на случай, если победят центральные государства. Король Никита хотя и был тестем короля Италии¹⁶, но как государь не пользовался уважением. Говорят, что во время первой Балканской войны он рискнул расстроить весь план Балканского союза, объявив войну Турции на 24 часа раньше, чем было условлено. Говорили, что стимулом к такой внезапности была игра на понижение на Венской бирже. Выказывали предположение, что во время мировой войны он не оказывал своим сербским братьям той энергичной поддержки, которой они были от него вправе ожидать; он охотно сдал Ловченскую крепость¹⁷ не столько по военным соображениям, сколько в силу финансовых интересов. Таков был этот «крестьянский король». Вслед за очищением от австрийских войск Сербии и Черногории было образовано черногорское правительство, которое созвало Национальное собрание в Подгорице¹⁸ и добилося вотума в пользу немедленного объединения с Сербией и свержения короля Никиты и всей династии Петровичей.

Когда собралась Парижская конференция, то от Черногории, таким образом, оказалось две делегации, каждая из которых претендовала на право представлять страну. Одна, возглавляемая г. Радовичем, заявляла, что она законным образом представляет Собрание в Подгорице. Другая, назначенная королём Никитой (который к тому времени в негодовании и волнении переехал из Нейльи в отель «Мёрис»), оспаривала эти притязания и утверждала, что Собрание в Подгорице было созвано и голосовало под угрозой сербских штыков. Г-н Радович настойчиво утверждал, что единственное, к чему теперь стремится Черногория, — это полное воссоединение с Югославией под управлением принца-регента Александра. Король Никита, с другой стороны, утверждал, что Черногория не желает быть поглощённой своими сербскими, хорватскими и словенскими братьями, а ищет свободной формы федерации, такой именно, которая дала бы ей возможность сохранить свою независимость и, что было всего важнее, династию Петровичей в лице самого короля Никиты.

Хотя мы, члены британской делегации, и не питали особой симпатии к королю Никите и хотя мы считали, что с экономической точки зрения Черногории необходимо было вступить в Югославский союз, мы, тем не менее, подозревали, что Собрание в Подгорице было действительно созвано сербскими войсками и что оно не выражало подлинных стремлений всего черногорского народа. Мы решили направить графа де Салис в

Цетинье, чтобы узнать, как обстоит дело в действительности. Он сообщил, что Собрание в Подгорице было фарсом и что хотя население Черногории действительно стремится вступить в Югославское объединение, но предпочитает это сделать не под угрозой сербских штыков, но на своих собственных условиях и как свободный народ.

Конференция вышла из этого затруднения способом, который является для неё в высшей степени характерным. Черногория, правда, была представлена на пленарных заседаниях конференции, но представлена пустым золочёным стулом и визитной карточкой без имени на пустом блокноте. «Черногория, — говорилось в коммюнике Верховного совета от 15 января, — должна быть представлена одним делегатом; порядок назначения этого делегата определится после того, как разъяснится политическая обстановка в стране».

Вопрос этот на конференции оставался, таким образом, открытым. Дело Черногории и короля Никиты было поддержано в Англии г. Рональдом Макнейлем¹⁹. Спор продолжался годы. Мы отправляли профессора Темперлея на Балканы для исследования²⁰. Мы посылали в Черногорию г. Роланда Брайса. В конце концов не без некоторых колебаний мы согласились с объединением Черногории и Югославии на основе решения избранного в Черногории Учредительного собрания²¹. А 1 марта 1921 г. король Никита умер.

История поглощения или, как сказал лорд Кешенден²², удушения Черногории — не слишком приятная история. Я рассказал о ней не только потому, что она представляет яркий пример одной из тех малых проблем, которые всё время вставали перед нами, но и потому, что она вызвала в моём сознании очень серьёзный внутренний конфликт. Я не любил короля Никиту и не доверял ему, однако считал, что он почти во всём прав. Я чувствовал симпатию к югославскому государству, но я считал, что оно плохо поступило, созвав с помощью штыков Собрание в Подгорице. Я знал, что в конечном итоге было бы лучше — по соображениям экономическим и политическим, — если бы Черногория в действительности была поглощена Сербией, или, как мы тогда предпочитали говорить, «принята в тесный союз с Сербо-хорвато-словенским государством». Однако я был далеко не уверен, хотел ли такого решения сам черногорский народ. В этом вопросе династические интересы противостояли единству прекрасного освобождённого народа. Было неловко сознавать, что формальное право на стороне династии, а правонарушения совершаются сербскими освободителями. Именно в связи с этой черногорской проблемой моя первоначальная вера в самоопределение как панацею от всех бед человеческих затуманилась сомнениями и оговорками.

4

Нелегко, пользуясь неслышным посредничеством печатного станка, изобразить беспорядок и недостаток времени, которые составляли главное препятствие к спокойному размышлению или к планированию повестки дня Парижской конференции. Можно написать фразу: «То был период неослабного напряжения». Спокойный тон этой фразы по сравнению со зловещей какофонией мирной конференции может только вызвать улыбку. Лишь звуковой фильм передал бы более или менее точно впечатление от конференции: такой фильм напоминал бы звукозапись бунта попугаев в большой клетке зоологического сада.

Я набросал текст сценария моих собственных впечатлений. Он примерно таков: за сценой раздаётся лейтмотив — гроыхание проносящейся над землёй колесницы времени. Непрерывно сменяя друг друга, наплывают мотивы беспокойства: истошно кричащие заголовки газет о «бездельниках в Париже», требования демобилизации («Возвратите домой наших мальчиков»), миллионы голодающих в Центральной Европе, несчастные военнопленные за проволочными изгородями лагерей, пламя коммунизма, озаряющее уже Мюнхен и Будапешт. Среди всего этого ропота и грохота шум колесницы времени звучит резким диссонансом. Стук миллионов пишущих машинок сливается в пулёмётную очередь, бесконечный визг телефонов, звук мотоциклов, жужжание аэропланов, спокойные голоса переводчиков («Делегат Соединённых Штатов не может определить...»), рёв труб, гром пушечных салютов со стороны здания Инвалидов²³, шелест от перелистывания папок с делами, голос женщины в чёрном, поющий «Маделон»²⁴ перед кафе, шуршание шин ролсройсов на гравии парков роскошных дворцов, и среди всех звуков — шарканье ног чиновника, спешащего по паркетному полу какого-нибудь коридора или по каменной лестнице министерства, звук шагов, внезапно замирающих на тяжёлом ковре жарко натопленного кабинета.

Эти звуковые мотивы дополняются быстрой сменой на экране нестройных картин. Усталый, презрительный взгляд Клемансо; чёрные на пуговицах ботинки Вудро Вильсона; округлые жесты любезного Ллойд-Джорджа; бесконечная медлительность г. Бальфура, с достоинством и размеренно переключивающего ногу на ногу; ряды секретарей и экспертов, наклоняющихся над картами; Фош, идущий быстрыми шагами вперёд, и едва поспевающий за ним Вейган. Серебряные цепи швейцаров на Кэ д'Орсэ. Эти сменяющие друг друга портреты прерываются снимками папок с делами, повесток дня, резолюций, протоколов и коммюнике. Последние следуют друг за другом с исключительной быстротой; время от времени они задерживают на себе внимание зрителя.

«Полномочные представители Соединённых Штатов Америки, Британской империи, Франции, Италии и Японии, с одной стороны... Решено, что с последующего одобрения конгресса и президента Соединённых Штатов Америки... Настоящие талоны принимаются в оплату завтрака; талон с датой подлежит сдаче за обедом... Г-н Венизелос говорил мне вчера вечером, что он заключил соглашение с Италией на следующих условиях: Италия поддержит греческие требования в северном Эпире... От пункта, где западная граница данной территории отходит от реки Дравы в северном направлении на расстоянии около одного километра к востоку от Родеза (св. Михаил)... По линии течения реки Дравы, затем в северо-восточном направлении и до западной оконечности Вертерзее и к югу от Влельдена. Граница идёт всецело по суше... вдоль озера, затем к востоку от реки Глан... 1) Выступление г. Дмовского, 2) Отчёт междусоюзнической комиссии по вопросу о Тешине, 3) Репатриация войск генерала Галлера, 4) Отчёт г. Гувера, 5) Военнопленные...

С вступлением настоящего договора в силу высокие договаривающиеся стороны возобновят, поскольку это касается их и в соответствии с оговорками, указанными во втором параграфе настоящей статьи, конвенции и соглашения, подписанные в Берне 14 октября 1890 г., 20 сентября 1893 г., 16 июля 1895 г., 16 июня 1898 г. и 19 сентября 1906 г. относительно перевозок товаров по железной дороге. Если в течение пяти лет со дня вступления настоящего договора в силу... Заседание британской имперской делегации состоится во вторник 14 числа текущего месяца в 11 часов 30 минут утра в отеле «Мажестик»... Сегодня утром меня посетил доктор Нансен. Он указал на настоятельную необходимость убедить Верховный совет... В следующую субботу в 9 часов 30 минут вечера в танцевальном зале отеля «Мажестик» состоится благотворительный концерт. Мисс Рут Дрэпер²⁵ любезно согласилась исполнить нам два из её хорошо известных скетчей-импровизаций. Билеты у главного портье. Барон Соннино предлагает признать представителей Финляндии. Телеграмма из Вены: граф Карольи вышел в отставку; согласно сообщению, полученному г. Кулиджем сегодня утром от своего представителя, в Будапеште сформировано коммунистическое правительство. Судьба союзных миссий неизвестна...

Мы знаем, что сила германского оружия сломлена. Нам известна ненависть, которая нам противостоит здесь, и мы слышали страстное требование победителей понудить нас к уплате как побеждённых и одновременно наказать нас как виновников войны...»

Быстрая смена заголовков, сопровождаемых звуками, которые я перечислил, даст более ясную картину мирной конференции, чем какое бы то ни было воспроизведение её в печати. Если бы

можно было в звуковом фильме передать также краски и запах и если бы фильм мог к тому же воздействовать на осязание зрителей, картина была бы почти полной. Господствующие тона — чёрный и белый; тяжёлые чёрные смокинги, белые манжеты и белая бумага; их сменяют затем голубой цвет и цвет хаки — мундиры военных. Из других цветов — тёмнокрасные ткани гардин Кэ д'Орсэ, зелёное сукно, розовая промокательная бумага и бесчисленные маленькие позолоченные стулья. Пахнет бензином, краской от ленты пишущей машинки, наждаком, дышит жаром центральное отопление, доносится запах фиалок и одеколona.

Пусть зритель осязает также кофирки, шёлк, кожаную ручку увесистого портфеля с бумагами, пушистые персидские ковры и зеркальный паркет; пусть он почувствует напряжение склонённой позы над огромной картой, разостланной на полу, пусть подгибаются под ним плетёные кресла, в которых мы проводили часы. И он узнает боль изнеможения и отчаяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Синай* — курорт в южных Карпатах (Румыния), где находится летний дворец румынского короля.

2 В течение двух недель наступления армии Брусилова (Брусилловский прорыв) большая часть Галиции была занята русскими войсками. Было взято в плен около 500 тысяч солдат и офицеров и захвачены большие трофеи. Результатом Брусилловского наступления была приостановка германского наступления на Верден и австро-венгерского на Венецианскую равнину, англо-французское наступление на Сомме, итальянское контр-наступление и, наконец, переход Румынии на сторону Антанты.

3 Никольсон исходит из опыта буржуазных политических деятелей.

4 По договору, заключённому весной 1915 г. между Англией, Францией и Россией, последней были обещаны Константинополь, западный берег Босфора, Мраморное море и Дарданеллы. Статус Малой Азии между Босфором, рекой Сакарция и заливом Эдреми должен был быть установлен позже. Кроме того, Россия должна была получить острова Мраморного моря, Имброс и Тенедос.

5 8 ноября 1917 г. советское правительство опубликовало декрет о мире, в котором заявило о безусловной и немедленной отмене тайных договоров и предложило всем воюющим народам и их правительствам начать переговоры о справедливом и демократическом мире, т. е. о мире без аннексий и контрибуций.

6 См. примечание 5.

7 По договору, заключённому 17 апреля 1917 г. в Сен-Жан де Морьен между Францией, Англией и Италией, последней были обещаны Смирна с хинтерландом и санджак Адалии. Италия не была этим удовлетворена и требовала вилайет Конии и Адана.

8 Содержание соглашения см. стр. 122.

9 Англия была весьма осторожна в своих обещаниях по поводу территорий на Востоке, так как здесь сталкивались её интересы с французскими; Никольсон имеет в виду, что осторожные обещания прикрывались цветистой фразеологией арабского классицизма.

10 *Полковник Томас-Эдвард Лоуренс* — английский агент на Ближнем Востоке. В 1916 г. был советником командующего войсками эмира Фейсала во время восстания шейха Мекки Гуссейна, поддержанного

Англией. Был экспертом по арабскому вопросу на Парижской мирной конференции, а затем советником по арабскому вопросу военного министерства. Его книга об арабской кампании «Восстание в пустыне» вышла на русском языке в 1929 г. и является сокращённым изданием большого исследования Лоуренса «Семь столпов мудрости».

¹¹ Япония не хотела участия Китая в мировой войне, так как опасалась, что Китай при заключении мира может потребовать возвращения германской концессии в Шаньдуне (Киао-Чао с портом Цзиндао), захваченной японскими войсками в 1914 г. Договор, заключённый Японией с союзниками 16—21 февраля 1917 г., устранил, казалось, это опасение Японии.

¹² 21 требование, предъявленные Японией Китаю в январе 1915 г., предоставляли Японии огромные преимущества экономического и политического порядка в Маньчжурии, Шаньдуне и фактически превращали Китай в полуколонию Японии. Большая часть этих требований была принята Китаем после ультиматума, предъявленного Японией в мае 1915 г.

¹³ Соглашение 24 сентября 1918 г. предоставляло Японии право строительства железных дорог в Шаньдуне, Маньчжурии и в северных провинциях Китая.

¹⁴ Япония таким образом добивалась уничтожения ограничений против эмиграции японцев в доминионы Англии и в США.

¹⁵ Король Никита был из рода Петровичей, наследственных владык Черногории с 1700 г. Вступив на престол как князь Черногории, он в 1910 г. объявил себя королём. Никита получал одновременно субсидии и от России и от Австрии.

¹⁶ Король Никита был тестем итальянского короля Виктора-Эммануила.

¹⁷ *Ловченская крепость* — старинная крепость неподалёку от Катарро. Сдача её 1 января 1916 г. решила исход австрийского наступления, и 14 января того же года Черногория капитулировала.

¹⁸ На Национальном собрании в Подгорице, состоявшемся в ноябре 1918 г., руководящую роль играла буржуазная оппозиция, в 1918 г. присоединившаяся к декларации южных славян на острове Корфу о создании южнославянского государства.

¹⁹ Часть английского парламента, в том числе Рональд Макнейль (будущий лорд Кешенден), поддерживала короля Никиту, считая, что Черногория должна сохранить самостоятельность.

²⁰ Профессору Темперлей одновременно с поездкой в Клагенфурт для наблюдения за проведением плебисцита было поручено присутствовать в Черногории во время выборов в Учредительное собрание.

²¹ В выборах в Учредительное собрание участвовало 67% выборщиков. Все избранные настаивали на объединении Черногории с Югославией.

²² См. примечание 19.

²³ *Дом инвалидов* — одно из самых больших зданий в Париже; здесь находится усыпальница, в которой погребён прах Наполеона I, привезённый с острова св. Елены.

²⁴ *«Маделон»* — популярная в Париже песенка. Написана французским поэтом Дезоже (1772—1827).

²⁵ *Рут Дрэпер* — знаменитая американская актриса, импровизатор-декламатор.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОМПРОМИСС

Италия до конференции. Её переговоры в 1914 г. в Вене и Лондоне. Тайный договор от 26 апреля 1915 г. Итальянское соглашение с югославами. Римский пакт. Четырнадцать пунктов и Италия. Итальянцы по прибытии в Париж. Самоопределение против империализма. Тирольцы и югославы. Орландо и Хауз. Соннино. Ошибка президента Вильсона в вопросе о Бреннере. Её последствия. Некоторые примеры итальянских требований по Лондонскому договору. Албания. Додеканез. Слабость Америки. Адриатический вопрос. Методы и принципы его разрешения. Обращение президента Вильсона к общественному мнению. Его неудача. Влияние этой неудачи на общий характер конференции.

1

Те писатели, которые отваживались дать полное описание Парижской мирной конференции, склоняются обычно к тому, другому или третьему приёму изображения, пытаются найти среди всеобщей суматохи нить единства, ключ к последовательному повествованию. Немногие из них избирают систему хронологической последовательности и стремятся передавать содержание работы конференции день за днём. Другие разбивают изложение по объектам работы конференции, рассматривая каждый вопрос как самостоятельную проблему. Третьи пытаются драматизировать изложение, описывая переговоры как некое столкновение воли разных людей, и этим самым создают интересный, но в основном неточный рассказ. Каждый из этих трёх приёмов приводит к известной фальсификации оценок. Хронологически последовательное изложение создаёт ошибочное впечатление о логическом характере работы конференции и исключает элементы совпадения, столь необходимые для понимания скачков и неравномерности в деятельности конференции. Рассмотрение по объектам, хотя и является ценным в смысле ясности, игнорирует внутреннее взаимодействие объектов и не даёт представления о том, как обструкция в одной области приводит к необходимости уступок в другой. Метод драматизации или «конфликта воли» страдает слишком большой упрощённостью; он приписывает Вильсону, Ллойд-Джорджу и Клемансо противоречивые и

действенные позиции в большей мере, чем то было на самом деле.

Есть, однако, центральная проблема мирной конференции, которая может быть описана любым из трёх методов. Это проблема Адриатики, или, в её более широком понимании, позиция Италии на мирной конференции. Вот предмет, который отличается последовательностью во времени, имеет относительную целостность и безусловно в неприкрытой форме отражает противоположность между надеждами Нового Света и стремлениями Старого. Я намерен в этой главе рассмотреть итальянский вопрос в его целом, отдельно от других, подчеркнув его разлагающее влияние на моральные и дипломатические основы Парижской конференции. Вопрос этот является убедительной и сравнительно простой иллюстрацией тех трудностей, перед которыми стояла конференция. Такие же трудности (столкновения, если можно так выразиться, между эгоизмом для себя одного из членов коалиции и эгоизмом в себе других её членов), безусловно, встретятся вновь на будущих конгрессах.

Можно изложить здесь вкратце основные факторы, предшествовавшие итальянской контроверзе в Париже.

Италия к началу войны в Европе была союзницей Германии и Австрии. С первого же момента она отказалась выполнить свои обязательства по Тройственному союзу, справедливо утверждая, что растянутасть её береговой линии отдаёт Италию на милость британского флота. Но Италия пошла дальше. В начале января 1915 г. она произвела дипломатический зондаж в Вене с целью установить, какую цену заплатит Австрия за сохранение итальянского «нейтралитета». Она требовала Триест и Трентино. Австрийское правительство отказалось пойти на эти уступки. Барон Соннино, итальянский министр иностранных дел, запросил тогда Лондон и Париж, какую цену враги Австрии предложат Италии, чтобы побудить её совсем покинуть своих союзников. Между тем Соннино продолжал свои переговоры в Вене и добился того, что Австрия неохотно согласилась уступить часть территории в районе Трента. 3 мая 1915 г. Соннино информировал австрийское правительство, что «Италия вынуждена отказаться от надежды притти к соглашению и с этого момента заявляет о полной свободе своих действий». Выражение «с этого момента» никак не соответствовало истинному положению вещей, ибо уже в течение пяти недель Италия вела переговоры с врагами Австрии; Лондонский договор, представляющий собой ту цену, которую Франция, Великобритания и Россия согласились заплатить Италии, был фактически подписан 26 апреля, т. е. за неделю до того, как барон Соннино прекратил переговоры в Вене.

Чувствительные люди из Форейн оффис вступали в эти переговоры без всякой радости. Во-первых, у них было предчувствие,

что Италия в качестве союзницы может доставить больше беспокойства, чем она того стоит. Во-вторых, они не испытывали никакого удовольствия, обещая за итальянское предательство такую громадную цену, притом за счёт тех именно, кого Италия собралась предать. Эти старомодные сомнения, однако, пришлось оставить под давлением «военной необходимости». И тем не менее Форейн оффис взялось за эту задачу с неудовольствием. Сэр Эдуард Грей был настолько недоволен поведением и требованиями Италии, что удалился к себе в имение, сославшись на болезнь. Постоянный помощник министра иностранных дел¹ в первой своей беседе с итальянским послом позволил себе выражение, которое имело оттенок несколько презрительный и отдавало, скажем, реализмом. «Вы говорите таким тоном, — сказал посол, — как будто покупаете нашу помощь». «Пожалуй, — сказал помощник министра, — так оно и есть». Маркиз Имперали был очень обижен этим ответом и пытался найти сочувствие. О деталях договора велись переговоры младшими чиновниками под общим руководством г. Асквита, который держал себя достаточно неопределённо и изображал постоянное раскаяние в том, что взялся за такое поручение.

Основные постановления тайного Лондонского договора могут быть сведены к следующему:

1. Италии было обещано не только Трентино, но также весь Южный Тироль до Бреннера. Это означало передачу 229 261 чистокровного австрийца под власть Италии.

2. Италии, далее, были обещаны территории и острова, в частности Триест, Гориция, Градиска, Луссино, Истрия, Керсо и части Карниолы и Каринтии, в которых под её властью оказывались 477 387 югославов.

3. Италии была обещана северная Далмация и большая часть Далматинских островов, что влекло за собой передачу под её власть ещё 751 571 югослава.

4. Ей был обещан полный суверенитет над албанским городом и морской базой Валонией плюс протекторат над будущим государством Албанией. Северная и южная части этого государства должны были быть соответственно присоединены Сербией и Грецией.

5. Ей был обещан полный суверенитет над островом Родос и островами Додеканез, где проживало чисто греческое население и которые Италия «временно» оккупировала в период Триполитанской войны.

6. В случае раздела Турции ей обещали справедливую долю в районе Адалии.

7. В случае, если Великобритания и Франция увеличат свои колониальные владения в Африке за счёт Германии, Италии была обещана «справедливая компенсация».

Другими словами, по Лондонскому договору Италии были обещаны территории, которые передавали под её управление около 1 300 тысяч югославов, 230 тысяч немцев, всё греческое население Додеканеза, турок и греков в Адалии, остаток албанцев и неопределённые области Африки. Этот договор, таким образом, ни в какой степени не мог считаться соответствующим принципу самоопределения или доктрине 14 пунктов.

В обмен на эти огромные и не находящие никакого оправдания уступки Италия со своей стороны брала на себя только два обязательства. Первое заключалось в передаче порта Фиуме югославам. Второе состояло в объявлении войны всем нашим врагам. Она уклонилась от выполнения обоих этих обязательств. Первое из них будет рассмотрено ниже; второе обязательство также не было выполнено. Италия, правда, объявила войну Австрии в мае 1915 г., Турции — в августе того же года и Болгарии — несколькими неделями позже. Она, однако, не объявляла войны Германии до 27 августа 1916 г.² Синьор Саландра даже хвастался этим уклонением как «важной услугой, которую он оказал родине». В Париже была сделана попытка заставить г. Бальфура привести этот акт «священного эгоизма» как достаточно серьёзное нарушение, которое делает весь Лондонский договор недействительным. Бальфур с истинным аристократизмом отказался этим воспользоваться. «Это, — сказал он, — адвокатский аргумент». Не совсем охотно и лишь значительно позже г. Ллойд-Джордж поднял об этом вопрос. Итальянцы со своей обычной непочтительностью и со столь же обычным умением приводить аргументы не к месту пробормотали нечто о «клочке бумаги»³.

Но довольно о Лондонском договоре до перемирия. Между его заключением и падением Австро-Венгрии произошли некоторые события, о которых следует упомянуть. Во-первых, большевики опубликовали Лондонский договор. Он тотчас же подвергся критике не только в Великобритании, Америке и Франции, но и в итальянской палате. Его называли документом бесстыдного империализма. На югославские части в австрийской армии он произвёл гальванизирующее действие. Они стали более враждебны к Италии, чем когда-либо ранее. Капоретто научило итальянцев, что следует кое-что предпринять, чтобы ослабить эту враждебность со стороны югославов. Синьор Орландо, который к тому времени стал премьер-министром, побудил нескольких депутатов образовать комитет для примирения. Под эгидой спокойного шотландца д-ра Сетона Уотсона, при настойчивом содействии горячего сторонника европейской солидарности г. Уикхэма Стида был установлен контакт в Лондоне между г. Торре — представителем итальянского парламента — и г. Трумбичем — представителем югославского комитета. 10 апреля 1918 г. был заключён Римский пакт между этими двумя

авторитетными, хотя и не уполномоченными официально, представителями. По этому пакту итало-югославские противоречия должны были быть разрешены на основе национального принципа. Итальянское правительство 8 сентября 1918 г. опубликовало заявление, в котором выражалось глубокое сочувствие желанию югославов образовать независимое и объединённое королевство. Такое заявление, как доказало Витторио Венето⁴, оказалось весьма выгодным для Италии. В то время полагали, что Лондонский договор заменён этими неофициальными, но единодушно одобренными заявлениями. Это впечатление усилилось, когда Италия с энтузиазмом приняла 14 пунктов президента Вильсона. Пункт девятый предусматривал, что итальянская граница должна быть определена «в соответствии с ясно выраженным национальным признаком». Правда, 1 ноября синьор Орlando пробормотал что-то неясное о своих оговорках. Когда его попросили повторить, снова послышалось невнятное бормотанье. Ему затем было указано, что девятый из 14 пунктов Вильсона не имеет отношения к перемирию с Германией, которое обсуждалось в то время. Он с радостью принял это указание. До 1 мая 1919 г. он не заявлял публично, что он сделал какую-то оговорку к девятому пункту. Это является классическим примером того, как опасна любезная неточность в международных переговорах. Синьор Орlando остался под впечатлением, что он принял 14 пунктов с оговоркой в отношении девятого пункта. Президент Вильсон и остальной мир сохранили впечатление, что он принял 14 пунктов без каких-либо оговорок. Это недоразумение усугубило дальнейшие затруднения.

2

Нужно признать, что итальянские представители, прибыв в Париж, оказались в весьма трудном положении. Италия была вовлечена в войну против своих союзников и на стороне их врагов во имя принципа «священного эгоизма». Этот принцип предусматривал, что она взамен получит скорее материальное, чем моральное удовлетворение. Великобритания и Франция обязались доставить ей это материальное удовлетворение в валюте старого империализма, т. е. в форме аннексий и протекторатов. Никакой человеческой изобретательностью, никакими статистическими или другими фокусами нельзя было добиться, чтобы этот долг был когда-либо погашен в новой валюте 14 пунктов. Ничто не могло скрыть того основного факта, что выполнение обязательств тайного договора нарушит принцип самоопределения и поставит под власть Италии около двух миллионов людей вопреки их собственной воле. Неизбежно, таким образом, возникла коллизия между тайным договором и 14 пунктами, между империализмом и самоопределением, между старым строем и новым, между дипломатическим соглашением и нагорной проповедью⁵. Франция и Великобритания были свя-

заны буквой своих обязательств. Руки президента Вильсона были скованы лишь его собственными принципами. Здесь более чем когда-либо пророку Нового Света представилась возможность добиться признания от Старого Света. Итальянская проблема, таким образом, превратилась для всех, кто это понимал, в испытание всей конференции. В зависимости от трактовки Лондонского договора Вудро Вильсоном мы решили судить о том, чего стоит сам президент. Он подвергался испытанию и пошёл на компромисс. Мы, может быть, поступили несправедливо, взяв этот оселок для испытания, но так уж случилось. Вильсон изменил. Мы были поражены его провалом и перестали верить, что президент Вильсон, за которым мы следовали, действительно пророк. С этого момента мы видели в нём не более как пресвитерианского классного наставника.

Я передаю это чувство так, как оно переживалось мной в ту пору. Я вполне понимаю, что нам было удобно выбрать именно такую неприятную операцию для проверки хирургического искусства г. Вильсона. Я не считаю, что мы были правы, бескорыстны, искренни или даже честны, поступая таким образом. Я говорю лишь о том, что фактически было сделано нами.

Требования Италии были поколеблены другими соображениями. Орландо и Соннино могли решить про себя, что принцип самоопределения не будет применён с академической строгостью в пользу Германии или даже Венгрии. Но для итальянцев было неудобно, что их требования распространялись на те части бывшей вражеской территории, население которых вызывало тёплые чувства в сердцах представителей присоединившихся и союзных государств. Тирольтцы нравились всем. Г-н Ллойд-Джордж, как сообщали, испытывал своего рода благоговение перед памятью Андреаса Гофера⁶. И затем были ещё югославы. В глазах итальянцев хорваты и словены были самыми заклятыми из всех наших врагов. Барон Соннино по приезде в Париж пришёл к печальному убеждению, что американцы, британцы и французы рассматривают этих освобождённых славян, как заблудших овец из стада истинно верующих, возвращение которых на путь истинный вызывало большую радость. Греки опять-таки могли справедливо требовать Додеканез как греческую по населению и желанию её обитателей область, стремящуюся к воссоединению с Грецией. Кроме того, состояние общественного мнения внутри страны было не очень-то здоровым; наблюдались порывы к социализму или даже к чему-то большему. Эти порывы могли быть ослаблены лишь с помощью солидных порций успешного империализма. Но как добыть эти порции у Вудро Вильсона, улыбавшегося своей евангельской (в принсетонском издании) улыбкой?

По-человечески, приходится до известной степени сочувствовать итальянцам. К тому же за всеми этими затруднениями

крылись соображения более неотложного характера. Крах Австрии был для Италии неожиданным. Итальянцы предпочитали иную комбинацию, которая сохранила бы цепь слабых и разьединённых государств на северной и восточной границах страны. Вместо этого Италия столкнулась лицом к лицу с немцами, ставшими соседями Италии на севере, и на востоке с сильным новым государством, объединившим свыше 13 миллионов югославов. Позже я возвращусь к этому важному вопросу. Пока необходимо объяснить, почему мысли итальянцев неизбежно должны были сосредоточиться на Бреннере⁷ и Монте Невозо⁸.

Я с интересом обнаружил в своём дневнике следы наивного и чистосердечного негодования по поводу дипломатической тактики гг. Орlando и Соннино. Теперь, когда мне ясны их огромные затруднения и несостоятельность выставленных против них аргументов, я не уверен, что итальянские делегаты были совершенно некомпетентными людьми. Их внешние и внутренние позиции были весьма слабы. Они знали, что их политические, военные и морские силы в состоянии обеспечить им лишь слабое уважение со стороны союзников. Они знали, что всё, чего они добивались, находилось в противоречии с принципами президента Вильсона, что эти принципы в других случаях будут так или иначе нарушены под давлением Франции, Бельгии, новых государств и других элементов, более могущественных, чем Италия, что их собственное общественное мнение, всё ещё воспламенённое военной пропагандой, ожидает славы, которая находится вне пределов их досягаемости. Они, таким образом, маневрировали, выигрывая время и усиливая свои позиции с такой тонкостью и такой настойчивостью, которые сегодня заставляют смолкнуть моё негодование и вызывают у меня уважение к их дипломатическому искусству. Мне хотелось бы верить, что Италия добилась бы большего, бросившись в девственном порыве, обливаясь слезами, на шею президента Вильсона и отдавшись с восторженным жестом на милость добра, красоты и справедливости. Я сомневаюсь, чтобы такой порыв породил Рапальский договор от 12 ноября 1920 г. Он вызвал бы коммунизм в Италии ещё в тот период, когда Муссолини был миланским журналистом. В известной степени Италия была среди нас обломком прошлого; но то был оскорблённый обломок, с которым дурно обходились. Я не думаю теперь, что поведение Соннино и Орlando вовсе не может найти оправдания. Я лишь сожалею, что неизбежное сочетание всех зол должно было фактически покончить с вильсонизмом на Парижской конференции. Попытка сочетать пятнадцатое столетие с тридцатым⁹ может в лучшем случае повести к неправильному истолкованию мотивов. А Париж 1919 г. был отнюдь не лучшим местом для подобных экспериментов.

Стадии, на которых президент Вильсон последовательно уступал Италии, и спазматические жесты, которые он время от времени делал, чтобы вернуться на исходные позиции, ещё точно не установлены. Я подозревал, что Орlando и Соннино, которые сходились не по всем вопросам, разделили функции между собой. Орlando, либерал в душе, сосредоточил свои усилия на том, чтобы завоевать одобрение полковника Хауза. В этом он определённо успел. Орlando знал, что американцы страстно стремились к двум целям. Первая цель — добиться моральной победы над Европой, такой победы, которая бы раз и навсегда удовлетворила их страсть к спасению ближних и освободила бы их от комплекса культурно-исторической неполноценности. Вторая цель заключалась в завоевании победы без малейшего самопожертвования. Эти две цели были соединены в уставе Лиги наций, включавшем в себя доктрину Монро. Г-н Орlando, умный и скептически настроенный человек, первый понял, что президент Вильсон будет смотреть сквозь пальцы на бесконечные противоречия, если только устав Лиги, притом кастрированный доктриной Монро, будет вплетён в ткань международных договоров. Когда президент возвратился из своей временной поездки в Вашингтон, он быстро сообразил, что оппозиция сената создала крайне затруднительное положение для американской делегации в Париже.

Он с готовностью предложил полковнику Хаузу помощь Италии в Комитете Лиги. Он поспешил заверить президента, что ничего не будет легче или справедливее, чем освободить американский континент и от санкций и от ответственности за аппарат Лиги и предоставить Америке радоваться победе добродетели, не испытывая при этом горестей, связанных с активным вмешательством в европейские дела. Г-н Орlando с исключительной любезностью поддерживал статью, согласно которой доктрина Монро никак не должна быть затронута уставом Лиги. Однако он допустил одну ошибку. Он не заметил, что с момента возвращения президента из Вашингтона, после того ужасного обеда, на котором сенатор Лодж был столь молчалив¹⁰, полковник Хауз более не был заодно с Вильсоном. Полковник Хауз примкнул к Клемансо. С этого времени в отеле «Крийон» было две партии. Первая, которая может быть названа партией умиротворения, была представлена полковником Хаузом и г. Генри Уайтом. Вторая была партией вильсонизма, и её представляли американские эксперты. Никто и менее всего лично г. Вильсон не имел и малейшего понятия, к которой из этих двух партий принадлежал сам президент. Предположение г. Орlando, что президент и полковник Хауз всё ещё придерживались одного мнения, побудило его занять позицию, которая без американской поддержки становилась очень глупой.

Итальянский министр иностранных дел барон Соннино стоял

на иных позициях и преследовал иные цели. Он олицетворял «непреклонную честность»; эту репутацию Соннино завоевал благодаря одному случайному (но намеренно использованному им) обстоятельству. Его мать была шотландкой по национальности. Это побудило всех нас считать, что у г. Соннино чистое сердце. На камине в своём доме Соннино выгравировал слова: «*Allis licet, tibi non licet!*» *. Сообщение об этом факте наполняло нас уверенностью, что барон Соннино независим, принципиален, правдив и образован. То были безусловные преимущества. Они позволили барону Соннино в течение долгого времени обманывать нас, пока мы не узнали его по-настоящему.

Несмотря на эти первоначальные преимущества, представленные двумя разными людьми и двумя разными методами, остаётся полной загадкой, как удалось итальянской делегации побудить президента Вильсона к согласию на передачу Италии границы по Бреннеру и Южного Тироля. Как будто эта неприятная уступка была сделана Вильсоном ещё в начале января 1919 г. Высказывались предположения, что президент всё ещё находился в возбуждении от своего римского триумфа. Говорили, что итальянцы в случае его несогласия угрожали препятствовать включению устава в мирный договор. Предполагали также, что они обещали, если эти уступки будут предоставлены, стать вильсонянцами и проявить сговорчивость во всех других вопросах, которые касались югославов, албанцев, греков и турок. Ни одно из этих предположений не базируется на каких-либо заслуживающих доверия источниках. Не найдено никаких объяснений, почему президент в самом конце конференции согласился передать 230 тысяч тирольцев под итальянское управление, в явное нарушение самого основного из 14 пунктов. Я предпочитаю согласиться с самым простым объяснением: Вудро Вильсон в то время совсем не знал, что именно означали его уступки. Он впоследствии признавался другу Чарльзу Сеймуру, что его капитуляция в этом вопросе произошла вследствие «недостаточного его изучения». Профессор Кулидж оставил нам следующее мнение: «Среди нас было распространено основательное убеждение, что Вильсон дал своё согласие необдуманно и затем искренно сожалел об этом, но чувствовал, что связан своим словом».

Каковы бы ни были мотивы, которые привели президента к решению передать Тироль в руки Италии, последствия этой передачи были губельны. В первые же дни конференции президент пожертвовал принципом национальности в случае, когда никаких оправданий для такой жертвы не существовало, кроме аргумента стратегической необходимости. Он, очевидно, сделал эту уступку безвозмездно, не требуя взамен каких-либо

* — Другим позволительно, но не тебе! — *Прим. ред. перевода.*

заверений. Поступая так, он тем самым как бы одобрял Лондонский договор. С самого начала, таким образом, он скомпрометировал свой моральный престиж и авторитет своей делегации. Если Вильсон мог проглотить Бреннер, он мог проглотить и всё остальное: моральное последствие этого впечатления едва ли может быть преувеличено. Даже в практическом отношении, независимо от моральной точки зрения, его уступка была опасным заблуждением. Когда Вильсон столкнулся с адриатическим вопросом, он обнаружил, что уже отказался от своего главного козыря. В стремлении исправить свой неудачный жест он становился по-профессорски упрям в вопросах гораздо менее важных. Он вёл теперь свою игру придирчиво и вызывающе. В результате адриатическая проблема из небольшого расхождения во мнениях выросла в мировой кризис высокого напряжения.

3

Следует отметить, что и в этом важном вопросе г. Вильсон также многое потерял оттого, что он решительно и необдуманно отклонил программу Жюссерана 29 ноября. Если бы эта программа была принята и проведена в жизнь, то не только был бы автоматически аннулирован Лондонский договор, но можно было бы избежать затраты времени и энергии на разбор всех итальянских притязаний. С другой стороны, если бы конференция на первом своём заседании решила, что первоочередной и основной её целью является заключение мира с нашим главным врагом, адриатические разногласия не возникли бы с такой неизбежной настойчивостью до более поздней и менее критической стадии работы. Здесь снова сказался недостаток научного планирования, который с самого начала создал для Верховного совета все затруднения. Напрасно, желая умиротворить малые державы, Верховный совет пригласил их заявить о своих требованиях. Именно требования Югославии, Греции и Албании принудили Верховный совет ещё в феврале рассмотреть, в какой мере они находятся в противоречии с требованиями Италии. Правда, итальянцы в любом случае упорно боролись бы за оттяжку подписания устава и договора с Германией, пока их собственные требования в отношении Австрии, Югославии, Греции и даже Турции не были приняты хотя бы в принципе. Однако отсутствие какой бы то ни было твёрдой программы позволило им достигнуть своей цели, затратив минимальные усилия. То, что должно было быть трудным и дорогостоящим маневром, они легко осуществили благодаря тому, что Верховный совет вёл себя по-дилетантски.

В основе итальянского вопроса, поскольку о Бреннере было всё уже решено, оказалась так называемая «адриатическая проблема». Другими словами, речь шла о споре между Италией и Югославией об общей границе и особенно о владении

Фиуме¹¹, Далмацией и островами¹². Адриатическая проблема слишком перегружена деталями, чтобы её легко было подвергнуть практическому рассмотрению. Я покажу позже принципы и методы, которыми пользовались при её разрешении. Но невозможно передать впечатление, которое оказал на мирную конференцию нескончаемый спор с Италией, пока не будет дано некоторое представление о том, как мы постоянно колебались между фактами и принципами, принципами и фактами. Для этого я возьму в качестве иллюстрации или отправной точки не центральную проблему Фиуме и Адриатики, а два второстепенных и значительно легче поддающихся рассмотрению производных последствия тайного Лондонского договора. Я возьму проблему Албании и проблему Додеканеза.

До Балканских войн 1912—1913 гг.¹³ Албания, хотя в ней и проживало население особой иллирийской национальности, оставалась провинцией Турецкой империи. В связи с крахом турецкого господства в Македонии и Фракии Албания оказалась независимой, но независимость эта повисла в воздухе. Её будущий статус и границы рассматривались конференцией послдов, заседавших тогда в Лондоне под председательством сэра Эдуарда Грея. 29 июля 1913 г. послы после значительных уступок друг другу и некоторых взаимных пререканий пришли к соглашению по вопросу о северных границах будущего албанского государства. Эти границы оставляли Скутари¹⁴ в пределах албанской территории, но передавали албанские города Ипек и Дьякову¹⁵ Черногории. Определить южную границу между Албанией и Грецией предполагалось после проверки её на месте особой комиссией. Решения последней не получили полного одобрения правительства к началу европейской войны. Между тем корона Албании была предложена принцу Вильгельму Виду, который высадился в Дураццо 7 мая 1914 г. и 4 сентября был изгнан из страны своим собственным военным министром Эссад-пашой. 25 ноября 1914 г. Италия, будучи в то время нейтральной страной, захватила морскую базу Валону, тогда как австрийский гарнизон был введён в северную и в центральную Албанию. Лондонский договор в апреле 1915 г. обещал Италии Валону¹⁶ и протекторат над маленьким албанским государством в центральной части страны; остальную часть Албании предполагалось разделить между Сербией и Грецией. 3 июня 1917 г. Италия, не посоветовавшись со своими союзниками, объявила, что она взяла независимость Албании под свой протекторат. Французы ответили на это образованием независимой республики Корицы в южной Албании, захватив, таким образом, господство над важной стратегической дорогой из Санти Каранта в Грецию¹⁷. Они упорно и, по моему мнению, благородно продолжали держать свой отряд в этом отдалённом районе вплоть до мая 1920 г. Сербы со своей сто-

роны перешли северную границу и оккупировали Скутари и линию Дрина. Они впоследствии были вынуждены передать Скутари межсоюзническому отряду, но всё ещё продолжали оккупировать остальную часть северной Албании. Положение Албании к открытию Парижской конференции было, таким образом, ненормальным и запутанным.

Обстановка всё более осложнялась вследствие того, что каждый из соседей и защитников Албании имел тайные поползновения на всю её территорию или на часть её границ, а также и тем, что население на юге страны было весьма и весьма смешанным, а статистика неясной. Греки претендовали на всю южную Албанию, включая Корицу, на том основании, что она представляет собой «северный Эпир» и в основном населена греками. Сербы претендовали на всю северную Албанию частью по стратегическим и частью по этнографическим основаниям. Их основной аргумент, однако, заключался в том, что главная железнодорожная линия, которая должна соединить Югославию с побережьем Адриатики, может идти на Скутари только вдоль долины Дрина.

Отношение великих держав к этой запутанной проблеме было показательным и в то же время противоречивым. Американцы и британцы сочувствовали албанцам; но в отношении юга наш энтузиазм был ослаблен сомнением, будет ли разумно дать Италии точку опоры в Албании, предоставив ей стратегическое преимущество в виде Корицы и дороги Санти Каранта, которая была единственным путём сообщения между Яниной и Салониками¹⁸. Французы склонны были принять нашу точку зрения, и именно они в конечном итоге принудили нас к тому, чтобы Корица была передана Греции. Отношение Италии к этой проблеме было нелогичным, нервным и странным.

Итальянцы с апреля 1915 г. ошутили неприязнь к албанской части Лондонского договора. Они всё ещё хотели получить полный суверенитет над морской базой Валоной, всё ещё стремились к протекторату над будущим албанским государством. Они всё ещё, как всегда, хотели выполнения Лондонского договора. Они, однако, не собирались выполнять остальные условия этой части договора и передать Сербии и Греции северную и южную Албанию. Первая уступка привела бы к увеличению территории Югославии, вторая давала Греции стратегическое господство над проливом Корфу¹⁹. Во всяком случае, раз уж Италии предоставлялся протекторат над Албанией, она хотела бы возможно большего расширения границ этой страны на север и на юг.

В результате, хотя по всем другим вопросам (кроме Фиуме) итальянцы требовали на основе «святости договоров» полного выполнения Лондонского договора, в отношении Албании они настаивали на том, что этот договор не находится в полном

согласии с принципом самоопределения. Когда им указывали, что удержание Валонии также является нарушением принципа самоопределения, они утверждали, что захват этой базы связан с «честью Италии».

Итак, день за днём мы были вынуждены, набравшись терпения, слушать изложение доктрины вильсонизма нашими итальянскими коллегами и не имели возможности выразить отвращение и даже бешенство, которое вызывала в нас их софистика. На меня лично терпимость, обнаруженная американцами и конференцией в целом к такому искажению этой доктрины, произвела самое деморализующее впечатление. Международная вежливость воспрещала нам выражать наше справедливое негодование иным образом, как только в форме тягостного молчания. Однако в любой момент представители Соединённых Штатов могли бы задать вопрос: «Вы же только что ссылались в этой связи на доктрину самоопределения, которая имеет большее значение, чем Лондонский договор. Могу ли я уведомить президента, что Италия будет применять этот принцип ко всем вопросам, которые касаются итальянских интересов?» На эти вопросы итальянцы не смогли бы ответить. Но такие вопросы и не задавались. Мы молчаливо терпели. И день за днём таяла наша уверенность в вильсонизме как доктрине действенной и решительной.

Необходимо добавить, что албанский вопрос так и не был окончательно разрешён на Парижской конференции. Итальянцы продолжили военную оккупацию этой страны вплоть до августа 1920 г., пока албанцы не восстали и не сбросили их в море. Тогда наскоро были закончены переговоры о перемирии, и итальянцы ретировались, не проявив никакого собственного достоинства. Италия затем стала придерживаться политики финансового проникновения. Она была исключительно успешной. Значительное время спустя после Парижской конференции границы Албании и положение Италии в этой стране были урегулированы дипломатическим соглашением²⁰.

Вопрос о Родосе и других греческих островах Додеканеза может быть изложен вкратце. Итальянцы не имели ни морального, ни малейшего юридического права на эти острова. Барон Соннино пытался договориться с Венизелосом о непосредственном соглашении по поводу греко-итальянских споров в этой области. Американцев и британцев всё время отстраняли заверениями, что соглашение, приемлемое для обеих сторон, уже достигнуто. Такое соглашение в действительности и было заключено между г. Венизелосом и г. Титтони, преемником барона Соннино. Но когда для греков наступили тяжёлые дни²¹, соглашение было аннулировано итальянским правительством в новом составе, и итальянский флаг продолжал развеваться над Додеканезом.

Я привёл эти две проблемы не только в качестве иллюстраций тех ухищрений, того лицемерия и тех претензий, которые мы должны были переносить с вежливым молчанием, но и в качестве примера того, до каких пределов, к несчастью, доходили президент Вильсон и его помощники в своих колебаниях между принципами и деталями. В этом смысле я считаю, что профессорская подготовка американской делегации была истинным несчастьем. Наши собственные руки были связаны Лондонским договором, и мы не могли ничего сказать. Мы страстно желали, чтобы американцы призвали на помощь небесный огонь и направили свои принципы против какого бы то ни было рода деталей. Они колебались отчасти от преувеличенного страха перед «провалом мирной конференции», отчасти из-за своей крайней неуверенности. Но поскольку они покинули неприступную крепость своих собственных принципов, чтобы увязнуть в болоте деталей, они немедленно были обойдены, взяты в плен и обезоружены. Трагедия мирной конференции была в том, что Новый Свет согласился встретиться со Старым на основе, которую избрал последний.

4

Легко, но не вполне согласно с исторической истиной изображать итальянцев злодеями на протяжении всей драмы. Объективно я теперь понимаю, что многое можно было привести тогда и многое можно сказать теперь в их защиту. Я признаю (и я уже признавал) их затруднения. Эмоции итальянской палаты были ещё более беспорядочны, чем эмоции палаты общин. Итальянцы приходили в бешенство от сознания того, что 14 пунктов нарушаются в пользу Франции и Великобритании, но в то же время сурово применяются против Италии. Настроение Италии было ещё ближе к истерии, чем настроение «Дейли Мейл». Рабочий вопрос стал ещё более угрожающим, чем в Глазго²². Аппетиты Италии были велики, а её способность к пищеварению была значительно меньше, чем у любой другой страны. Она стремилась стать великой державой, не располагая внутренней силой, чтобы оправдать это честолюбивое намерение. Италия в январе 1919 г. явно вела себя хуже, чем когда-либо.

Имелись и другие обстоятельства, которые создавали особые затруднения для Орландо и Соннино. Я уже говорил, что полнейший крах Австро-Венгрии захватил итальянцев врасплох. Следует уточнить это положение, исходя из нужд Италии. Лондонский договор был заключён в предположении, что от старой Австро-Венгерской империи кое-что уцелеет, что установится некоторое равновесие сил между тевтонами и славянами, которое будет оказывать прежнее влияние на безопасность северной и восточной границ Италии. События не оправ-

дали этих предположений. Правда, против германской опасности итальянцы были защищены границей у Бреннера. Но на востоке Италия была открыта не только с моря и островов, но (этого они не ожидали) и с сухопутной границы. Здесь им угрожала опасность со стороны 13 миллионов югославов. Другими словами, Лондонский договор был построен в расчёте на Австро-Венгрию. Но её более не существовало. Для такой слабой страны, как Италия, было важно достигнуть стратегической и экономической безопасности в связи с этой новой угрозой. Эта безопасность могла быть обеспечена разрешением двух задач: во-первых, захватом Монте Невозо как стратегического оплота против югославской армии и, во-вторых, Фиуме как гарантии экономического процветания Триеста, которому он приносился в жертву. Ни один из этих двух городов не был обещан Италии по Лондонскому договору. Захват обоих нарушал принцип президента Вильсона.

Только приняв во внимание эти жизненные итальянские интересы, можем мы надеяться понять очевидную ошибку г. Орlando (после того как он заполучил Бреннер) — выбор в качестве главных объектов именно тех двух пунктов (Фиуме и Монте Невозо), по которым державы, подписавшие Лондонский договор, имели право объединиться с президентом Вильсоном. Многие утверждают (в том числе и г. Лансинг), что в вопросе о Фиуме г. Орlando сам возбудил итальянское общественное мнение, а затем был бессилён его обуздать. В этом утверждении есть известная доля истины. Я сомневаюсь, однако, была ли итальянская делегация в какой-либо значительной мере жертвой своей собственной пропаганды. Они знали, конечно, что Лондонский договор обещал им Далмацию и отказывал в Фиуме. Но они знали также, что согласно 14 пунктам Далмация не могла быть ими приобретена, а Фиуме могло быть получено с помощью только лишь небольшого статистического кунштштюка. Они, быть может, сознавали, что если Великий Дух итальянского народа возбудить криками о Фиуме, то Великоё Сердце итальянского народа согласится затем на отказ от Далмации. В известной степени таково могло быть их намерение, и отсюда проистекала их неудача. Однако они сознавали основное: обстоятельства изменились, и овладение Фиуме и Монте Невозо было для Италии значительно более настоятельной необходимостью, чем любые блистательные успехи в Далмации или на островах.

В моём кратком изложении я касаюсь лишь самых основных сторон адриатической проблемы. Я не упоминаю о перемирии в вилле «Джусти» от 3 ноября 1918 г., об отказе итальянцев сидеть за столом в Париже рядом с хорватами и словенцами, о попытке югославов добиться арбитражного решения президента Вильсона обо всех нотах и о переговорах, происходивших

10*

между 13 и 23 апреля, о разногласиях между группой Хауза и группой Боумэна в американской делегации, о последующей «линии Вильсона», о нашем собственном отношении («Шейлоку его фунт мяса»²³) к Лондонскому договору или о бескорыстном порхании г. Ллойд-Джорджа между отелом «Крийон» и отелом Эдуарда VII. Основные спорные вопросы кратко могут быть выражены следующим образом:

1. Лондонский договор обещал Италии Далмацию и некоторые другие адриатические острова. Он не предназначал ей ни Фиуме, ни Монте Невозо.

2. Франция и Великобритания были связаны Лондонским договором. Вильсон отказывался даже принимать его во внимание.

3. Крах Австро-Венгрии и неожиданное возникновение крепкого и сильного югославского государства привели к тому, что для Италии стало важным получить Фиуме по экономическим соображениям и Монте Невозо — по соображениям стратегическим.

4. Если бы Италия отступилась от Лондонского договора, она освободила бы Великобританию и Францию от каких бы то ни было договорных обязательств вообще. Если бы Италия стала настаивать на применении Лондонского договора, она потерпела бы поражение от вето президента Вильсона.

5. Политика Италии заключалась, таким образом, в том, чтобы, удерживая одной рукой Великобританию и Францию в рамках Лондонского договора, в то же время вести переговоры с президентом Вильсоном относительно Фиуме и Монте Невозо. Как только эти уступки были бы достигнуты, с Францией и Великобританией мог бы быть заключён новый договор, который, освободив их от европейских статей Лондонского договора, обязал бы их выполнить его азиатские и африканские статьи.

Неудивительно поэтому, что итальянская делегация должна была пытаться вести двойную игру. Удивительно, что президент Вильсон (у которого на руках были все карты, за исключением бреннерского туза) также стал вести эту игру. В начале (14 апреля) он указал синьору Орландо, что готов пойти на компромисс в отношении Фиуме, а затем (23 апреля) он опубликовал в прессе заявление, в котором обращался к итальянскому народу через головы избранных им представителей. Он, таким образом, сочетал таинственность старой дипломатии с открытой невежливостью дипломатии новой.

Можно предположить, что двойственность в действиях президента Вильсона была вызвана противоречивым влиянием полковника Хауза и группы американских экспертов, во главе которых стоял г. Исая Боумэн. Первый справедливо опасался затяжки переговоров и верил, что любой договор, если только

он заключён быстро, лучше любого договора, который отложен. Полковник Хауз — это нужно запомнить — был очень умным, хотя несколько молчаливым человеком. Эксперты полагали, что президент должен в последний момент стать на защиту своих собственных принципов. Они поэтому обратились к нему с такого сорта посланием, которое скорее всего могло разбудить в нём чувства духовного владыки. «Никогда, — писали они, — президент не имел такой возможности нанести смертельный удар дискредитированным методам старой дипломатии... Президенту предоставляется редкая привилегия войти в историю в качестве государственного деятеля, который своим ясно выраженным решением уничтожил бесчестный компромисс, ставший последним памятником старого порядка».

В действительности это был не последний памятник. Шаньдун стал последним падением президента. Конечно, у президента не было ясно выраженного мнения. Но, получив такое духовное одобрение, Вильсон оживился. 23 апреля он опубликовал в прессе заявление о своей собственной точке зрения по вопросу о Фиуме, и в нём он обращался, в стиле своего бывшего красноречия, к Сердцу Италии против Духа итальянской делегации в Париже. На следующий день г. Орландо покинул Париж в драматическом, хотя и несколько наигранном негодовании. Эмоции итальянского народа вылились в страстные обвинения по адресу президента Вильсона. «Фиуме, — кричали они, — или смерть!» Президент обращался к Принципам и к Народу. Последний в ярости оскалил на него зубы. Вильсон был сильно обескуражен. С этого момента он, казалось, оставил всякую надежду навязать свою доктрину ложным демократиям Европы.

Подробности последующей суматохи менее важны, чем поражение принципа. 5 мая итальянцы возвратились в Париж. Г-н Ллойд-Джордж после этого пытался (и, как я полагаю теперь, правильно) осуществить соглашение на базе широких компенсаций в Малой Азии. Г-н Тардьё предложил 30 мая свой собственный компромисс. В июне и июле в Фиуме произошли беспорядки, и несколько французских солдат было убито. 12 сентября д'Аннунцио оккупировал город. В декабре г. Нитти попытался найти компромисс. В январе 1920 г. этот компромисс уступил место другому, который также был отвергнут Трумбичем и Вильсоном (больным в Вашингтоне). Президент предложил переговоры между двумя спорящими сторонами, и проблема ещё раз обсуждалась в Сан-Ремо в мае 1920 г. между Трумбичем и Нитти. Соглашение было почти достигнуто, когда пал Нитти. В ноябре 1920 г. югославы потеряли терпение. Президент к тому времени был уже прикован к постели. Надеяться на его помощь не приходилось. Союзным державам надоел этот спор. Югославы были вынуждены

сдаться графу Сфорца в Рапалло и отдать Италии Фиуме и Монте Невозо. Итак, спустя восемнадцать месяцев после конференции в Париже, когда Вильсон умирал в Вашингтоне, итальянцы добились того, чего хотели.

Меня здесь не интересует окончательное решение адриатической проблемы. Я лишь рассказываю о том, что происходило в Париже между 18 января и 28 июня 1919 г. Как случилось, что президент Вильсон, сдавшись по вопросу о границе у Бреннера, не был в состоянии принудить Италию к справедливому разрешению адриатического вопроса и вопроса о Додеканезе? Можно утверждать, что президент до самой смерти никогда не соглашался ни на одну уступку по этим пунктам и что его мнение в отношении этого спора было, по меньшей мере, не столь нелогичным, как его отношение к Шаньдуну, Польше, мандатам или включению военных пенсий в состав репарационных платежей. В холодном свете истории может выясниться, что по отношению к Италии Вудро Вильсон, за исключением ошибки в вопросе о Южном Тироле, не допустил других нарушений своих принципов. Однако не таково было впечатление, вынесенное современниками в накалённой атмосфере парижских салонов. Мы видели в методах, скорее чем в целях, итальянской делегации воплощение всех пороков, свойственных старой дипломатии. Мы считали, что президент также сознаёт опасность и поразит итальянцев тем сильным оружием, которое находилось в его руках. Увидев Вудро Вильсона нежно воркующим и обнимающим Орландо, мы пришли в отчаяние. Наше отчаяние было вызвано не тем, что он вёл переговоры неискусно, а тем, что он вообще согласился их вести. Если бы президент с самого начала дал жёсткий отпор итальянским требованиям, он мог бы позднее выйти победителем в борьбе против Великобритании, Франции и Японии. Именно его неуклюжее поведение в итальянском вопросе убедило нас, что Вудро Вильсон не является великим или могущественным человеком. Это убеждение вызвало глубочайшее разочарование. Разочарование породило деморализацию, которая с быстротой эпидемического заболевания распространилась по всему Парижу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постоянным товарищем министра иностранных дел был Артур Никольсон лорд Карнок, отец автора данной книги, занимавший этот пост с 1910 до 1916 г. См. стр. 42, примечание 1.

² Война Болгарии была объявлена государствами Антанты 14—19 октября 1915 г. Войну Австро-Венгрии Италия объявила 23 мая 1915 г., а Турции — 21 августа 1915 г. Германский посол Бюлов оставался в Италии до 25 мая 1915 г.

3 *Клочок бумаги* — выражение германского канцлера Бетман-Гольвега во время первой мировой войны, назвавшего так договор о международной гарантии бельгийского нейтралитета.

4 *Витторио Бенето* — город в 25 километрах от Тревизо, где итальянцы в битве, длившейся с 24 октября по 3 ноября 1918 г., нанесли решающее поражение австрийским войскам. В результате этой битвы 4 ноября было заключено перемирие.

5 *Нагорная проповедь* — приводимая в евангелии проповедь Иисуса Христа, в которой изложены основы христианского учения.

6 *Андреас Гофер* в 1809 г. возглавлял национально-освободительную борьбу тирольцев против иноземного ига. Гофер был казнён в Мантуе, преданный австрийским императором Францем I.

7 *Бреннер* (Бреннеро — итал.) — горный перевал в Альпах. Италия требовала обладания им, ссылаясь на необходимость установления «естественных границ», т. е. по стратегическим соображениям.

8 *Монте Невозо* — горная вершина в восточной части Истрийского полуострова — являлась стратегически важным пунктом для страны, обладающей Истрией. Линия Вильсона проходила значительно западнее, но по Рапалльскому договору Италия получила Монте Невозо. Поэт д'Аннунцио, возглавлявший националистические банды, овладевшие Фиуме, получил титул князя Монте Невозо.

9 Никольсон видит в Италии остатки феодального строя, а в вильсоновских проектах, очевидно, — прообраз будущего устройства мира.

10 Речь идёт об обеде, данном президентом в марте 1919 г. сенатской комиссии по иностранным делам; на обеде сенаторы Лодж и Нокс демонстративно не задали Вильсону ни одного вопроса о его переговорах в Париже.

11 Проблема Фиуме вызвала на мирной конференции ожесточённые споры. По Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. Фиуме предназначался Югославии. В апреле 1919 г. Вильсон представил проект итальянской границы на условиях интернационализации Фиуме (линия Вильсона), но 10 сентября 1919 г., ссылаясь на то, что при заключении Лондонского договора нельзя было предвидеть распад Австро-Венгрии, который значительно менял ситуацию, Италия оккупировала Фиуме, Югославия немедленно прекратила железнодорожное сообщение с портом. Итальянцы вынуждены были под давлением Верховного совета конференции эвакуировать Фиуме, а 12 ноября 1920 г. в Рапалло был заключён договор, по которому Фиуме был объявлен вольным городом. Окончательно эта проблема была решена Римским пактом в январе 1924 г. Фиуме (город и порт) отошёл к Италии, а пригород Сушак с дельтой и Далматинское побережье — к Югославии.

12 Далмация нужна была Италии по стратегическим соображениям, так как обладание ею открывало путь к превращению Адриатического моря в закрытое итальянское море. Италия ссылаясь на исторические мотивы (насаждение латинской культуры на Далматинском побережье во времена древнего Рима и на принадлежность Далмации к владениям Венецианской республики).

13 Балканские войны 1912—1913 гг. велись народами Балканского полуострова против Турции за своё национальное освобождение. В результате этих войн, по мирному договору 30 мая 1913 г., Румыния, Сербия, Греция и Болгария получили значительные территории, принадлежавшие ранее Турции, вплоть до линии Энос — Мидия. Было создано независимое албанское государство, но вопрос о его границах должна была решить конференция послов в Лондоне. См. примечание 20.

14 Вопрос о Скутари едва не привёл к новой балканской войне. Черногория начала осаду Скутари с первых дней войны и не прекращала её, несмотря на морскую демонстрацию держав. Против передачи Скутари Черногории особенно возражали Австрия и Италия; Австрия рассчитывала, усилив Албанию, преградить путь к влиянию России на Балканах.

15 Постановление Парижской конференции послов в 1925 г. подтвердило

решение конференции 1913 г., по которому Ипек и Дьякова (города на севере Албании, преимущественно с албанским населением) вошли в состав Черногории.

¹⁶ *Валона* — порт в южной части Албании в Отрантском проливе. Обладание им позволяет Италии затруднить доступ в Адриатическое море с юга.

¹⁷ *Санги Каранга* — один из портов Албании, соединённый шоссеиной дорогой с греческим портом Тревезо и дорогой на Корицу.

¹⁸ Дорога, соединяющая побережье Ионического и Эгейского морей и перерезающая всю северную часть Греции.

¹⁹ Пролив между островом Корфу и принадлежащим Албании побережьем Эпира. Обладание им предоставляет значительное стратегическое преимущество Греции, так как даёт возможность закрывать выход из Адриатического моря, и потому вызывает протест Италии.

²⁰ Границы Албании были установлены постановлением конференции послов в Лондоне в 1921 г., а затем протоколом, подписанным в Лондоне в августе 1926 г.

²¹ Никольсон подразумевает поражение Греции в войне с Турцией в 1919—1922 гг.

²² *Глазгс* — порт и крупный промышленный центр на реке Клайде. В 1917—1918 гг. там происходили значительные забастовки, причём от экономических требований рабочие, возглавляемые фабрично-заводскими старостами, перешли к требованиям контроля над производством и т. д.

²³ Никольсон имеет в виду то упорство, с которым Италия, подобно шекспировскому ростовщику Шейлоку, настаивала на выполнении буквы Лондонского договора. Шейлок требовал фунт мяса из тела венецианского купца и слышать не хотел об изменении буквы договора, который ему давал на это право. См. стр. 43, примечание 28.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРОВАЛ

Утрата идеализма. Существо этой утраты. Лицемерие конференции. В какой мере это лицемерие было сознательным. Результат ложного положения. Рассмотрение этого ложного положения и его причин. Вильсонизм против равновесия сил. Англо-саксы и романские народы. Опасение, что Америка не поддержит политики Вильсона. Личные недостатки Вильсона. Его замкнутость и отказ от советов. Его духовное высокомерие. Его интеллектуальная ограниченность. Результат этого — его слепота. Примеры. Его окончательная капитуляция. В какой мере он верил в то, что Америка его поддержит? Ввёл ли он своих коллег в заблуждение по этому вопросу? Трагедия Вильсона. Опасность неточной дипломатии для всякой конференции. Чему я лично научился в Париже. Бальфур, Смэтс, Венизелос, Бенеш, Эйр Кроу.

1

Задача этой книги, повторяю, состоит не столько в том, чтобы рассказать о событиях, сколько описать (пока она не испарилась ещё из сознания) нездоровую и грустную обстановку мирной конференции; передать некоторое впечатление от постепенного сползания с вершин наших стремлений, на которых мы находились вначале, в болото, где мы увязли в конце и из которого пытались безуспешно выбраться. Я предчувствую, что до тех пор, пока неизбежное давление этой атмосферы не будет понято в качестве решающего фактора, историк подойдёт к изучению конференции будучи крепок задним умом и, возможно, в критическом спокойствии сосредоточит своё внимание на том, чтобы определить заслуги и установить вину современников. Я не думаю, однако, чтобы можно было дать сколько-нибудь полезное описание Парижской конференции, исходя из этических оценок и без внимания к её технике.

Конференция, может быть, как сказал г. Уинстон Черчилль, и была «бурным столкновением запутавшихся демагогов». Я уже указывал на некоторые случаи, которые вызывали брью, столкновение и демагогию. Однако, несмотря на всё,

были достигнуты многие прочные и некоторые полезные результаты¹. Удалось избежать многих вредных последствий. Тем не менее мало кто из нас не испытал разочарования. У некоторых конференция надолго оставила скептическое убеждение в том, что человечество, подобно глетчеру, может продвинуться лишь на шаг или два в течение тысячелетия.

Я хотел бы в заключительной главе суммировать по крайней мере некоторые из тех причин (или симптомов) провала, которые можно назвать психологическими, объяснить постепенное ухудшение нашего состояния, указать на «смену наших настроений» и объяснить, если возможно, эту смену мыслей и чувств некоторыми реальными причинами. Историк с полным основанием придёт к заключению, что мы были людьми очень глупыми. Я думаю, что это соответствует действительности. Однако я считаю также, что глупые поступки присущи всем людям. Этот фактор, неизбежно сопутствующий человеческому поведению, незаслуженно игнорируется. Мы слишком часто пользуемся им лишь для нанесения личных оскорблений.

Что явилось первопричиной нашего морального и интеллектуального распада? Я могу с уверенностью говорить только об изменении моих собственных чувств; однако я полагаю, что перемена, которая произошла во мне, явилась уделом многих других и что я утратил идеализм, подобно другим (имена их суть мнози), кто прибыл на конференцию, восдушевлённый той же уверенностью, что и я. Перемена в наших чувствах может быть определена следующим образом. Мы прибыли в Париж уверенные, что новый строй жизни вот-вот будет установлен; мы покинули Париж убеждённые, что новый строй только слегка исказил старый. Мы приехали в Париж пламенными учениками школы президента Вильсона; мы уехали ренегатами. В этой главе мне хотелось бы указать (и без всякой горечи), что это печальное снижение духовного уровня было в большой мере виной (или, справедливее было бы сказать, несчастьем) демократической дипломатии.

Мы прибыли с твёрдым убеждением, что должен быть заключён справедливый и разумный мир. Мы уехали с сознанием, что договоры, которые мы навязали нашим врагам, были несправедливы и неразумны. Для тех, кто пожелал бы уяснить себе широту пропасти, отделявшей цель от действительности, я бы рекомендовал прочесть несколько нот, адресованных Верховному совету германской делегацией в Версале. Прекрасное краткое изложение и сопоставление этих нот дано профессором Газельтейном во втором томе «Истории мирной конференции» под редакцией Темперлея². Парижская мирная конференция облекала империалистический мир в ризы вильсонизма, причём редко в истории человечества возмездие прикрывалось столь елейной софистикой. Неизбеж-

но лицемерие явилось преобладающим результатом. Однако было ли это лицемерие всегда сознательным, всегда преднамеренным? Я не думаю. Я безусловно согласен, что ханжеское фарисейство договоров было их серьёзнейшим недостатком. Но сознательно ли они вводили в заблуждение? В некоторых статьях (таких, как статья, запрещавшая воссоединение Австрии с Германией) сознательно допускались уклончивые выражения. Однако чаще всего лицемерие было случайным. Как же возникала такая случайность? В ходе конференции мы едва ли сознавали, что начали лгать, и это само по себе указывает на известное ухудшение нашего морального состояния. Мы не понимали того, что делали. Мы не сознавали того, как далеко мы отошли от нашей первоначальной основы. Мы измучились и устали. Мы продолжали бормотать наши прежние формулы, предполагая, что они всё ещё имеют какое-то отношение к нашим поступкам. В немногих случаях мы говорили себе: «Это несправедливо». Часто мы убеждали себя: «Лучше плохой договор сегодня, чем хороший договор на четыре месяца позже». В пылу противоречий, подгоняемые временем, мы потеряли наши путеводные звёзды. В антрактах конференции, когда оседала пыль и останавливался механизм, мы замечали с сожалением, что эти звёзды бледнея исчезали на небосклоне. «Нужно кончать», — слышали мы их голос, и мы возвращались к нашим многоразовым и мало ясным компромиссам. Мы всё ещё настоятельно стремились сохранить девственность наших принципов. Только впоследствии мы поняли, что принципы остались для нас пустыми словами. Тогда и только тогда стали мы перед фактом, что ложность нашего положения сделала нас лгунами. Но было уже слишком поздно.

Сказанное выше не ставит цели оправдать наше настроение. Я лишь исследователь, а не адвокат. Моё убеждение состоит в том, что потеря ясности нашего сознания была достойна сожаления, но в то же время интересна для того, кто хочет уяснить себе весь ход событий. Я хотел бы объяснить, как в пылу бесчисленных аргументов, среди бесконечных деталей мы сбились с пути и как затем, скорее бессознательно, чем сознательно, мы стали хвастаться, что пришли к цели, которую якобы имели в виду с самого начала.

Этот аргумент, мне думается, важен. Если случится, что деятели будущего поколения придут к убеждению, якобы Парижская конференция во всех отношениях была намеренно и необычайно лицемерной, то пусть они (прибыв в свою очередь на конференцию) будут менее осторожны и не боятся лжи, которая неотделима от любой попытки согласовать высокие общие принципы с низменными практическими деталями. В каждой дискуссии между суверенными государствами, претендующими на равенство друг с другом, решение может быть

принято только единогласно, а не большинством голосов. Это неизбежное и проклятое единогласие ведёт к столь же неизбежным и столь же проклятым компромиссам. Все компромиссы заключают в себе ложный элемент, но когда их основывают на каких-то руководящих принципах или обобщениях, элемент лжи удваивается. Я не отрицаю ужасного лицемерия парижских договоров. Я лишь утверждаю, что это лицемерие не было всегда сознательным или преднамеренным и что избежать его в каждом отдельном случае было свыше сил человеческого; подобного лицемерия нельзя будет избежать и в будущем.

Любой интеллигентный читатель станет, возможно, утверждать, что приведённый выше анализ причин нашего лицемерия является в конце концов не объяснением, а лишь неудачной и пустой попыткой оправдания. Однако объяснение всё же содержится в моей аргументации. Оно состоит в следующем: участники парижских переговоров были с самого начала в ложном положении. Это ложное положение усиливалось на всём протяжении переговоров, когда обсуждался договор с Германией. Оно лежало в основе всего провала и быстрого ухудшения морального состояния конференции. Рассмотрим теперь этот вопрос по частям.

2

В предыдущих главах я уже указывал на многие порочные элементы, от которых с самого начала страдала Парижская конференция. Я обращал внимание на противоречия между условиями, предложенными в момент, когда победа всё ещё не определилась, и интерпретацией этих условий, когда победа, полная и ненасытная, была уже в наших руках. Я высказывал соображение, что идеализм, необходимый для смягчения острой боли возможного поражения, коренным образом преобразуется, когда его применяют при удовлетворении appetitов, возбуждённых победоносными захватами. Я также указывал на чрезвычайные трудности, которые испытывали участники переговоров в Париже, пытаюсь примирить бурные стремления собственных демократий с более спокойными соображениями о желательности достигнуть прочного мира. Такие контрасты могут быть сведены к одной проблеме, которая навсегда останется главной для демократической дипломатии, — проблеме согласования чувств народных масс с мыслями их вождей. Новая дипломатия будет, возможно, невосприимчива к той бацилле обмана, которой столь подвержена старая дипломатия. Однако она слишком подвержена заражению своей бациллой — бациллой неточности. То, что государственные деятели думают сегодня, массы могут почувствовать лишь завтра. Однако в условиях, подобных тем, в которых находилась мирная конференция, когда решения должны приниматься быстро,

разрыв между эмоциями масс и намерениями государственных деятелей является крайне отрицательным фактором. Попытка быстро перебросить мост между эмоциями масс и благоразумием экспертов ведёт в худшем случае к фактическому обману и в лучшем случае — к серьёзной неточности. Парижская мирная конференция не была лучшим образцом демократической дипломатии. Мост был поэтому переброшен с помощью искажения фактического положения вещей.

Это общее искажение, неразрывно связанное со всеми усилиями демократической дипломатии, осложнялось и росло в Париже благодаря особым обстоятельствам, которые в свою очередь требуют изложения и анализа с нашей стороны. Противоречия между эмоциями масс и благоразумием экспертов встали перед нами в самой резкой и трудно преодолимой форме. Они облеклись в ненужную и запутанную форму контраста не только между новой и старой дипломатией, но и между Старым Светом и Новым, между Европой и Америкой. Я не хочу сказать, что эти противоречия во всех их проявлениях были полностью осознаны в то время. Я лишь утверждаю, что они были определяющими на протяжении всей конференции, что они фактически были и реальными и нереальными одновременно, что нереальная попытка согласовать противоположности была существенным недоразумением конференции и основой её конечного лицемерия. Позвольте мне изложить это в самых простых словах.

С одной стороны, был налицо вильсонизм — доктрина, которую очень легко было провозгласить, но очень трудно применить. Г-н Вильсон не изобрёл какой-либо новой политической философии и не открыл какой-либо доктрины, о которых не мечтали бы и которых не оценили бы за много веков до него. Одно только сообщало вильсонизму такой исключительный интерес в тот момент — это то обстоятельство, что столетняя мечта получила неожиданную поддержку несметных ресурсов самой сильной державы мира. Нашёлся человек, который представлял величайшую материальную силу из всех когда-либо существовавших и который дал публичное обещание придерживаться самой высокой морали, когда-либо провозглашавшейся государственными деятелями. Дело не в том, что идеи Вудро Вильсона были взяты напрокат из Апокалипсиса³, а в том, что впервые в истории явился человек, который обладал не только желанием, не только силой, но и несомненной возможностью заставить весь мир принять эти идеи. Мы были бы бесчувственными, если бы не поддались тогда воодушевлению, прористекающему от сознания всей важности этого обстоятельства.

С другой стороны, была налицо Европа, продукт совершенно иной цивилизации, наследница неизменных традиций,

обладательница более длительного и более практического опыта. Из вековых конфликтов европейцы научились тому, что почти в каждом случае войну начинают в надежде на победу и что такая надежда уменьшается вследствие системы равновесия сил, которая делает победу трудной, если не совсем неопределённой. Что стоит вооружение, насколько пригодны стратегические границы, насколько прочны союзы и выдержит ли нейтралитет — всё это может быть подсчитано с приблизительной точностью. Но чего стоит и к чему пригодна «всеобщая добродетель» — этого подсчитать нельзя. Если бы вильсонизм действительно мог быть применён полностью и повсеместно и если бы Европа действительно могла положиться на силы Америки для его проведения, тогда, несомненно, возникла бы альтернатива, бесконечно более предпочтительная по сравнению с опасным и вызывающим равновесием европейской системы. Поддерживаемые уверенностью в немедленной и бесспорной американской помощи, государственные деятели Европы могли бы отказаться от своей старой системы безопасности в пользу той более широкой безопасности, которую обещали теории Вудро Вильсона. Но были ли они уверены, что Америка будет настолько альтруистичной, настолько донкихотской, чтобы обеспечить вильсонизм Европе? Были ли они уверены даже в том, что сами европейские державы, когда дойдёт до дела, будут применять вильсонизм? Все приветствовали 14 пунктов как прекрасное средство для извлечения соринок из чужих глаз. Но станет ли какая-либо из победивших держав пользоваться им для извлечения бревна из своих собственных очей? Самые пылкие британские сторонники принципа самоопределения рано или поздно оказывались в ложном положении. Сколь бы горячо ни было наше негодование по поводу итальянских притязаний на Далмацию и Додеканез, оно могло быть охлаждено ссылкой не только на Кипр, но и на Ирландию, Египет и Индию. Мы принимали систему Вильсона для других, однако с течением времени должны были отказаться применить её к себе.

Не только этот элемент с самого начала дискредитировал евангелие Вудро Вильсона. Англо-саксы одарены безграничной способностью обосновывать свои собственные практические потребности так, чтобы это не мешало навязывать их идеалистические теории другим. Не таковы романские народы. Логическая точность, присущая французам и немного менее итальянцам, не позволяет применять такой метод. Англо-саксы склонны обвинять латинян в цинизме потому, что они не решаются усвоить религию, которой не будут руководствоваться в своём поведении, лишь требуя её соблюдения от других. Латинянин обвиняет англо-сакса в лицемерии потому, что тот хочет заставить других следовать этике, от которой отказы-

вается сам. Разница между ними — это не контраст между цинизмом и лицемерием, а контраст между двумя противоречивыми привычками мышления. Англо-сакс склонен чувствовать прежде, чем думать. Латинский ум мыслит прежде, чем чувствует. Именно эта разница в привычках, эта брешь между благоразумием и эмоциями заставила романские народы проверить апокалипсис Вудро Вильсона более научным методом и тем самым более критически, чем это сделали мы сами. Так они достигли определённых результатов, которые сокрушили их веру. Они, например, заметили, что Соединённые Штаты в течение всей своей короткой, но изобилующей захватами истории постоянно ратовали за самую высокую добродетель и в то же время постоянно нарушали свой символ веры, проявляя самый грубый материализм. Они заметили, что американцы любят чувствовать по Джефферсону⁴, а действовать по Гамильтону⁵. Они заметили, что такие принципы, как равенство между людьми, не были применены ни к жёлтым, ни к неграм. Они заметили, что доктрина самоопределения не распространялась ни на индейцев, ни даже на Южные Штаты. Они склонны были рассматривать «американские принципы и тенденции» не в свете Филадельфийской декларации⁶, а в свете Мексиканской войны⁷, Луизианы⁸, в свете бесчисленных договоров с индейцами, которые бесстыдно нарушались до того, как на них успевали высухнуть чернила⁹. Они заметили, что даже на памяти современного поколения великая американская империя завоёвывалась грубой силой. Можем ли мы обвинять их, если они усомнились не столько в искренности, сколько в действительной применимости апокалипсиса Вудро Вильсона? Можем ли мы обвинять их, если они опасались, как бы американский реализм, когда настанет время, не отверг ответственности за безопасность американского идеализма для Европы? Можем ли мы удивляться тому, что они предпочли точность своей прежней системы следованию неясной новой системе, которую Америка может отказаться применить даже к своему собственному континенту?

Справедливо лишь отметить, что эта несчастная двойственность породила у самой американской делегации чувство беспомощности. Лично президент был способен вытеснить из своего сознания все соображения, которые могли бы поколебать основания его мистической веры. Полковник Хауз, будучи человеком ясного ума, возможно, оказался бы в состоянии, если бы верховный контроль был в его руках, перебросить с помощью научного мышления мост через эту пропасть, и это явилось бы честной победой дипломатической техники. Однако у других членов делегации, людей пылких и искренних, самое подозрение в том, что Америка требует от Европы принесения жертвы во имя той справедливости, которой Америка никогда

не следовала и никогда следовать не будет, такое подозрение вызывало неуверенность, колебания и растущее отчаяние. Если бы президент Вильсон был человеком, обладающим исключительной силой предвидения и сверхчеловеческой решимостью, он мог бы восторжествовать над всеми этими трудностями. Но, к несчастью, ни сила воли, ни сила мышления президента Вильсона отнюдь не были сверхчеловеческими.

3

Провал президента Вильсона на Парижской мирной конференции является одной из главных трагедий современной теории. В большой мере этот провал может быть приписан дефектам его интеллекта и характера. Необходимо рассмотреть эти дефекты и установить их связь с совершёнными им ошибками стратегического и тактического характера.

«Он обладал, — пишет полковник Хауз, — самым трудным и сложным характером из всех, с кем я когда-либо встречался». Замешательство, в которое приводили в Париже его слепота и нерешительность самых близких к нему людей, отразилось на тех странных объяснениях его поведения, которые они старались изобрести. Г-н Станнард Бекер, например, пускается в подробные доказательства того, что Вудро Вильсон пал жертвой заговора со стороны старой дипломатии. Г-н Лансинг, более уравновешенный в своих суждениях, намекает, что апофеоз президента при его появлении в Европе отравляюще подействовал на его сознание. Другие заходят ещё дальше, выдвигая то соображение, что постоянное подёргивание левой стороны лица и болезнь, которая была последствием инфлуэнцы, перенесённой в апреле 1919 г., были ранними симптомами паралича, поразившего президента в октябре. Как бы там ни было, дефекты характера президента Вильсона, его непреклонность и его духовное высокомерие патологически возросли после его прибытия в Европу. Они маячили над Парижской конференцией, превращаясь чуть ли не в физическое явление, и давили на всех.

Нельзя сказать, чтобы Вудро Вильсон недооценивал важности своей миссии в Европе или той решающей роли, которую ему лично надлежало играть. Возможно, что, как полагает полковник Хауз, он видел в конференции «интеллектуальное удовольствие». Однако он вполне сознавал огромную ответственность, ложащуюся на него, полностью понимал, с какими чудовищными трудностями ему предстояло встретиться. Он, несомненно, считал себя (и тогда это не было иллюзией) пророком и послом, аккредитованным от имени мира к справедливости. «Если мы откажемся от мандата человечества, — заявил он по прибытии, — мы станем самыми страшными и заслуженными неудачниками в мировой истории».

Было бы неточным, несмотря на всю его эмоциональность, считать Вудро Вильсона демагогом-мистиком, который действительно верил, что несколько фраз английской прозы могут разрушить древние крепости Европы. Я уже подчёркивал мистические стороны его характера и даже присущее ему суеверие. Его детская вера в тайную связь между ним и числом 13 была столь же тривиальна, как и представление о «глазе Народа — глазе божьем», являясь важным показателем мистицизма. Однако у него были свои практические соображения. Он предостерегал членов делегации, обращаясь к ним в салоне на борту корабля «Георг Вашингтон», что предстоящая борьба будет нелёгкой. Он предостерегал их словами Джосая Куинси, что им предстоит бороться за новый строй «любезно, если удастся, и нелюбезно, если это не удастся». Г-н Лансинг, правда, осуждает президента за его неделовые методы, за отсутствие программы или координации. «С самого начала и до самого конца, — пишет он, — не было согласованной работы, не было общего совета, не было согласованных действий». Такая критика, я позволю себе сказать, могла бы относиться и к другим полномочным представителям. По сравнению со своими коллегами за столом Совета г. Вильсон был очень практичен, изумительно информирован и исключительно точен. Г-н Бальфур часто заверял нас, что во внешнем поведении президента никаких недостатков нет. На конференции он был неизменно терпелив, примирительно настроен и спокоен. Временами он был немного медлителен, тогда именно, когда ему приходилось иметь дело с быстрым, как стрела, полётом романского интеллекта Клемансо или со взрывом интуиции г. Ллойд-Джорджа. Провал Вудро Вильсона должен быть объяснён причинами гораздо более глубокими, чем недостаток дипломатической выучки или подготовки к конференции.

Президент, следует помнить, был потомком тех, кто в Америке создавал основы сектантства, наследником пресвитерианских традиций¹⁰. Духовное высокомерие, которое кажется неотделимым от пуританских форм религии, глубоко въелось в его душу. Оно было усилено многолетними диспутами на факультете в Принсетоне. Его кругозор был сужен его этическим воспитанием. Он обладал, как он сам же признавал, «односторонним мышлением». Интеллектуальная ущемлённость сделала его глухим не только к голосу человеческой природы, но и к оттенкам разногласий. Он не обладал даром нюансирования, способностью приспосабливаться к обстоятельствам. Эта его духовная и интеллектуальная негибкость и погубила его. Она сделала его неспособным противостоять критике и воспринимать советы. Она сделала его слепым ко всем тем реальным фактам, которые не находятся в согласии с его предвзятой теорией, даже к реальностям своих собственных решений. Он и

его совесть были постоянно в таких интимных отношениях, что любое небольшое разногласие между ними могло быть легко устранено. Глубокое, твёрдое, вполне оправдываемое убеждение в собственной духовной честности, действительная вера в то, что Бог, Вильсон и Народ выйдут в конце концов победителями, привели его к мысли, что всякая его непоследовательность есть лишь преходящий элемент в великом стремлении к праву и справедливости. Он отождествлял устав Лиги наций с этим центральным импульсом и ради устава принёс в жертву один за другим все свои 14 пунктов. Надеюсь, что окончательное помутнение рассудка избавило его от ужасного сознания того, что он сделал с Европой и что американские политики сделали с ним.

Его духовное высокомерие, его твёрдый, но ограниченный ум ярко проявились в отсутствии представления о политической реальности и непонимании реальности партийной¹¹. С одной стороны, он по партийным соображениям отказался связать себя с кем-либо из своих выдающихся оппонентов. Г-н Генри Уайт, хотя и республиканец, не являлся представителем, которого избрала сама республиканская партия. Исключительное озлобление, с которым Вудро Вильсон относился ко всем политическим оппонентам, было одной из самых неприятных, грубых черт его характера. С другой стороны, будучи горячим сторонником партии, он, кажется, находился в глубоком заблуждении относительно своего собственного политического положения. Он информировал членов своей делегации в торжественном обращении, произнесённом на борту «Георга Вашингтона», что не только Америка выступит на конференции незаинтересованным государством, но и он сам явится единственным уполномоченным, который обладает безусловным мандатом Народа. «Люди, — сказал он, — с которыми мы собираемся иметь дело, не представляют свой собственный народ». Однако в этот самый момент выборы в английский парламент были в самом разгаре, и английские избиратели послали Ллойд-Джорджа в Париж, наделив его народным мандатом более полным, чем когда-либо ранее. Г-н Клемансо несколькими днями позже получил во французской палате вотум доверия большинством четырёх к одному. Между тем Вильсон в результате выборов за месяц перед тем¹² стал лицом к лицу с оппозиционным большинством в обеих палатах конгресса. Его отказ признать эти факты указывает на такую узость ума, которая исключает всякое проникновение в него мысли извне. Он подтверждает (можно привести также и другие, более наглядные примеры), что его рассудок был насыщен одним лишь фимиа-мом преклонения перед самим собой, перед Богом и Народом.

Как это случается с большинством духовных владык, Вудро Вильсон был человеком одиноким и замкнутым. Подобно мно-

гим людям, обладающим активным пресвитерианским сознанием, он был скрытен даже с самим собой. «Он никогда, — так пишет его наиболее ярый сторонник, — не ценил, казалось, простое человеческое общение». «Он расценивал оппозицию как личное оскорбление», — говорит г. Лансинг. Он охотно обращался к своим замечательным экспертам за информацией, но очень редко прислушивался, когда они осмеливались осторожно давать ему советы. В этой склонности считаться с информацией, а не со взглядами экспертов, президент Вильсон был не одинок среди полномочных представителей на конференции. Мы не можем и винить их в этом. Было слишком много идей и так мало информации! Полномочные представители, всегда неизбежно занятые, предпочитали делать те выводы из информации, которые больше соответствовали их собственной концепции. Такая общая тенденция полномочных представителей объясняет разногласие во мнениях, выраженных экспертами Соединённых Штатов при перекрёстном допросе в американском сенате по этому самому пункту. Г-н Ламонт, один из наиболее подготовленных людей на мирной конференции, заявлял, что президент консультировался достаточно. Однако г. Ламонт был финансовым и экономическим экспертом, а именно в этих вопросах президент и не стремился разбираться. Г-н Лансинг, с другой стороны, человек юридически и политически образованный, утверждает, что президент вообще не советовался ни с кем. «Это было исключительно его личным делом», — пишет он. В этом по крайней мере Вильсон вполне уподобился своим коллегам. Напрасно критики настаивают на его неспособности консультироваться со своими экспертами. Но нас интересует не то, чем президент Вильсон походил на своих коллег в Совете; интерес представляют те особенности, которые его отличали. Это я и стремлюсь установить.

Свет на характер президента проливает его чувствительность к критике прессы и особенно к её насмешкам. Этот факт, хотя я уже и упоминал о нём ранее, заслуживает рассмотрения. Ллойд-Джордж и Клемансо в этом отношении были людьми удивительно толстокожими. Г-н Вильсон сохранил чувствительность девочки-школьницы. 10 февраля г. Капюс написал статью в «Фигаро», в которой было сказано следующее: «Президент Вильсон легко принял на себя такую ответственность, какую немногие когда-либо выдерживали. Успех его идеалистических усилий, несомненно, поставит его среди величайших людей в истории. Но нужно смело сказать, что если бы он провалился, то он погрузил бы мир в такой хаос, о каком русский большевизм даёт лишь слабое представление. Его ответственность перед человеческой совестью превзошла бы всё, что может вынести простой смертный».

Президент Вильсон отвечает на эти неприятные, но ясные

замечания Капюса угрозой перенести конференцию в Женеву. Он сильно страдает. В дни апрельского кризиса твёрдость его позиции ослаблялась остротой этих переживаний. Французская пресса к тому времени открыла, что президент Вильсон был не только верующим и беспокойным человеком, но и что он был просто смешон. Она позволяла себе легкомысленные шутки на его счёт. Г-н Клемансо мог добиться многих уступок у президента взамен обещания положить конец этим остротам. Чувство юмора, таким образом, отнюдь не при всех обстоятельствах является причиной слабости. Невосприимчивость Клемансо к насмешкам поставила его в преимущественное положение перед Вудро Вильсоном в Париже. Г-н Лансинг говорит о несколько сдержанном смехе, которым президент прикрывал медленность процесса своего мышления. «Он звучал почти извинительно», — говорит он. Г-н Лансинг часами просиживал с Вильсоном в экстравагантном салоне, являвшемся центром Верховного совета, и молча слушал сухой смешок, которым его президент пытался скрыть трагедию неполного понимания происходящих событий. Своё ценное время г. Лансинг тратил на рисование чертенят в блокноте. Многое простится г. Лансингу за его молчаливую выносливость в те бесконечные часы, когда он наблюдал, как резолюции, подобно песку в песочных часах, проскальзывали между пальцами президента.

«Мир, — так обращался президент к своим будущим помощникам в салоне на борту «Георга Вашингтона», — будет невыносимым, если последуют только компромиссы. Это такая мирная конференция, на которой не могут быть заключены соглашения в старом стиле». Сделав это заявление, Вудро Вильсон погряз в соглашениях, как агент туристского бюро в составлении маршрутов. Он быстро принял соглашение относительно Бреннера. Он поддался уговорам, что военные пенсии могут быть классифицированы «как убытки гражданского населения». Он позволил уверить себя, что мандатная система является фактически чем-то отличным от аннексии. Он допустил, что вопрос о разоружении был «подменён» односторонним разоружением Германии. Он сдался по вопросу о Шаньдуне и сдался по польскому вопросу. Он сдался по вопросу о Рейнской области и сдался по вопросу о Сааре. На репарационные, финансовые и экономические статьи Вильсон вообще не оказывал умеряющего влияния, будучи, как он был убеждён, «не слишком заинтересованным в экономических вопросах». Он позволил, чтобы самоопределение Австрии было запрещено под самым благовидным предлогом, каким когда-либо пользовались юристы. Он позволил, чтобы границы Германии, Австрии и Венгрии были определены таким способом, который явно противоречил его собственной доктрине. Он сказал своим противникам: «Я должен придерживаться своих принципов, я

прошу вас только показать мне, как ваши желания могут быть согласованы с моими заявлениями». И под конец, после всех этих отступлений он продолжал настаивать, что его первоначальные намерения фактически не были нарушены и что в уставе Лиги может быть найдено, как в роге изобилия, всё, чем он заранее обязался облагодетельствовать человечество.

Ему никогда не приходило в голову, что, подписывая с Францией договор о гарантиях, он нанёс удар престижу собственного устава, удар, от которого его мессианская доктрина больше так и не оправилась. Беспомощно хватался он за любые оправдания своей собственной слабости. Шаньдунское соглашение было принято для того, чтобы спасти мир от новой формы милитаризма. Соглашение о Рейнской области было принято для того, чтобы спасти мир от распада. «Важнее всего, — говорил он по этому поводу, — достичь соглашения, ибо хуже всего, что может случиться в мире, — это раздор и разлад между союзниками и присоединившимися державами»¹³. «Лично я думаю, — добавлял он, — что всё разрешится само собой после допущения Германии в Лигу наций».

Устав фактически превратился для него в кладовую, куда он складывал всю неудобную обстановку. «В его умственных способностях, — говорит Лансинг, — имеется странная смесь самоуверенности и нерешительности... Неожиданность скорее, чем быстрота, всегда оставляла отпечаток на его решениях». Это, безусловно, является показателем существенной слабости характера. Снижение символа веры от 14 пунктов до устава является другим симптомом этой внутренней ненадёжности. Вильсон, капитулировавший так много раз перед лицом действительности, пытался компенсировать себя за эти поражения в области теории. Но и здесь ему нехватало реализма.

4

Наименее извинительной из всех ошибок президента Вильсона часто считают то, что он не предостерёг своих союзников о возможном нежелании Соединённых Штатов принять на себя обязательства по поддержанию системы, во имя которой от тех же союзников требовалось принести тяжёлые жертвы в виде отказа от территориальных приобретений и требований безопасности. Такая ссылка не является ни абсолютно точной, ни вполне справедливой.

С одной стороны, европейские государства полностью признавали, что президент Вильсон в действительности не представлял американского мнения, каким оно было в тот момент. В начале января Ллойд-Джордж объяснил на секретном заседании британской делегации затруднительное положение, в котором оказался президент. Выборы в конгресс в ноябре, заявления экс-президента Рузвельта, отношение сената — всё указывало

на то, что Америка не оплатит чек, который Вильсон стремился вручить Европе вместо прежней валюты. Однако что можно было сделать? Согласно конституции президент — всё ещё государственный представитель и глава исполнительной власти в своей стране. Можно ли было сказать ему в глаза, что мы не доверяем его полномочиям? Безусловно, нет. Единственно, что могла сделать Европа, это спасти лицо президента. Единственно, что мог сделать президент, это спасти лицо Европы. Здесь снова создавалось ложное положение, но это важное по своему значению обстоятельство никогда достаточно не подчёркивалось. Подобно большинству ложных положений, оно казалось слишком деликатным для научных или непосредственных исследований.

С другой стороны, президент Вильсон сам не вполне представлял, в какой мере он будет отвергнут своим собственным народом. Г-н Клемансо пишет, что когда президента спрашивали относительно возможности сдвигов в американском общественном мнении, он неизменно отвечал с невозмутимой уверенностью: «Америка, — говорил он, — многое от меня приняла. Она примет также и это». «Я признаю, — информировал он Верховный совет 20 марта, — что Соединённые Штаты должны принять на себя ответственность за Лигу наций и выгоды от Лиги. Тем не менее в Соединённых Штатах очень не хотят этой ответственности». Его оптимизм, когда он утверждал с полной серьёзностью, что Соединённые Штаты примут мандат на Армению или даже на Константинополь, наполнял нас тревогой. Однако это происходило не только от его личной самоуверенности. Следует вспомнить, что в марте 1919 г. 34 из 36 законодательных палат штатов и 33 губернатора поддерживали Лигу. Даже такой враждебный критик, как г. Лансинг, признаёт, что ещё в июне 1919 г. «было общим убеждением, что президент уладит свои разногласия с достаточным числом республиканских сенаторов». Тогда нельзя было предвидеть, что г. Лоджу удастся перенести вопрос об ответственности перед миром в область фракционных разногласий. Тем не менее, посетив Вашингтон в феврале, Вильсон должен был знать, что если даже доктрина Монро будет внесена в устав и, таким образом, освободит Америку от ответственности за Европу, сомнительно, чтобы сенат ратифицировал плод его творчества. Можно даже утверждать, что сознание этого ужасного факта заставило его принести свои принципы в жертву желаниям Европы. Так ли это, пока не доказано. Ни метод, ни поведение президента Вильсона до и после его февральского визита не отличались друг от друга в такой мере, которая бы оправдывала это предположение. Действительность была слишком ужасна, чтобы он её осознал. Весь договор был построен на предположении, что Соединённые Штаты выступят в нём не только стороной, но и ак-

тивно действующим участником. Франция была принуждена отказаться от своих требований на создание буферного государства между ней и Германией в обмен на обещание военной помощи Соединённых Штатов. Выполнение всего соглашения о репарациях в целом зависело от участия в репарационной комиссии представителя главного кредитора Европы. Весь договор намеренно и чистосердечно построен лично Вильсоном так, чтобы сделать американскую помощь жизненно необходимой. Ясно, как отмечал г. Капюс в январе, принятие такой ответственности и последующий отказ от неё были тяжёстью, которую не в силах вынести ни один человек. Г-н Вильсон не вынес её.

5

Некоторый опыт и значительное изучение международных переговоров оставили во мне одно твёрдое убеждение. Я принимал участие во многих конференциях и из каждой извлекал вновь и вновь определённую уверенность, которая состоит в следующем: важнее всего для хорошей дипломатии является точность; главным врагом хорошей дипломатии является неточность.

Именно с этой целью я старался в своей книге передать впечатление ужаса, порождённого неопределённостью. Старая дипломатия, возможно, допускала серьёзные ошибки. Однако они были простительными в сравнении с опасностью тех ошибок, перед которыми стоит новая дипломатия; это опасность заменить тайные договоры открытыми противоречиями. Другими словами, демократия противостоит тому, чтобы международными делами руководили специалисты. Дилетантство в любом деле приводит к импровизации. Гласность во всём также ведёт к импровизации. Никто из государственных деятелей не может заранее обязать себя к открытой политике. Неточная политика означает отсутствие политики вообще. Она означает только одни стремления. Но они имеются у каждого человека. Я предпочитаю возврат к старой дипломатии.

Бальфур учил меня, что эмоциональность в политике всегда вредна, что есть нечто среднее и трудно уловимое между эмоциональностью и цинизмом, но что это среднее может быть частично и временно установлено. Г-н Ллойд-Джордж учил меня, что только очевидный оппортунизм не согласовывается с предвидением, что непостоянство метода не всегда указывает на непостоянство намерения. В своём меморандуме от 25 марта, в своём великом сражении 4 мая он показал, что политический деятель способен мыслить лучше, чем теократ. Моё преклонение перед Вильсоном исчезло, когда один из членов его делегации сообщил мне, как президент реагирует на стремления Ллойд-Джорджа сделать договор более справедливым и разум-

ным. Г-н Вильсон информировал свой штат, что он «устал от этих стремлений». Я был испуган этим откровением.

Генерал Смэтс учил меня, что, каковы бы ни были ошибки, допущенные нами в Париже, единственным поражением, которое имеет действительное значение, является признание длительности поражения. Смэтс — всегда настороже, всегда мягкий, всегда всё понимающий — учил меня умению отказываться, умению никогда не забывать о своём отказе и, однако, не давать отказу ожесточить свою душу.

Роберт Сесиль, с которым я имел некоторый контакт, научил меня одной вещи. В своей речи на банкете, в результате которой был создан Королевский институт международных дел, он сказал, что доказательством того, чего мы стоим, является то, как мало мы довольны сами собой. Это замечание было для меня откровением.

Кроме этих практических идеалистов есть идеалисты-практики. Несомненно, Венизелос был империалистом, и, я полагаю, он был неправ, когда проявлял такую уверенность в своей стране. Однако это был человек более гуманный, чем все другие, с интеллектом, всегда готовым отразить нападение, и мягкостью донельзя опасной. Бенеш учил меня, что равновесие сил не всегда постыдно, а иногда и необходимо. Он показал мне, что только на прочную основу такого равновесия может опираться дружба европейских народов.

И, наконец, Эйр Кроу. Откровенный со мной, постоянно дисциплинированный, этот человек исключительной силы и исключительной доброты стал для меня почти кумиром. Он был так человечен! Он был так сверхчеловечен! Иногда, бывало, мы с тревогой замечали, в какое неистовство он приходил, сталкиваясь лицом к лицу с Клемансо или другим человеком, склонным к угрозам. «Кроу, — сказал Клемансо (который мог его оценить), — это человек особенный». На следующий день после яростной схватки можно было наблюдать, с какой исключительной заботой относился Кроу к машинистке, у которой заболела голова от простуды. Трудно говорить о Кроу, не впадая в сентиментальность. Однако он, как никто другой, был человеком правды и энергии. Мне думается, что на меня лично Эйр Кроу оказал решительное влияние.

Я чувствую, однако, что я слишком ничтожен, чтобы вместить столько поучений. Однако одно из них по крайней мере я действительно прочно усвоил. Эмоциональную нечестность можно простить, поскольку тот, кто ею страдает, не ведает, что творит. Интеллектуальная нечестность не простится никогда.

Именно по этой причине и усвоив этот урок, я посвящаю настоящую книгу памяти Эйра Кроу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Современный читатель может лучше оценить прочность и полезность результатов мирной конференции в свете событий второй мировой войны.

² *Tempertley, History of the peace conference of Paris, v. II.*

³ *Апокалипсис* — одна из священных книг христианской традиции; в мистической форме в Апокалипсисе изображены страшный суд, гибель грешников, торжество праведников и т. д.

⁴ *Томас Джефферсон* в 1790—1794 гг. был государственным секретарём, а затем, в 1801—1809 гг., президентом США.

⁵ *Александр Гамильтон* — участник борьбы Соединённых Штатов Америки за независимость, решительный сторонник центральной федеральной власти.

⁶ Филадельфийская декларация о независимости Северных Штатов Америки была опубликована 4 июля 1776 г. конгрессом 13 бывших колоний Англии.

⁷ Война с Мексикой (1846—1848) закончилась присоединением к США Техаса, провинции Новой Мексики и Калифорнии.

⁸ Луизиана была куплена США в 1803 г. у Франции за 15 миллионов долларов.

⁹ Индейцы в начале XIX века неоднократно восставали против захвата их территории США; нарушение торжественно подписанных с ними договоров вошло в пословицу.

¹⁰ См. стр. 62, примечание 19.

¹¹ Отношение Вильсона к политическим партиям охарактеризовано в книге Сеймура «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, М. 1944.

¹² На выборах в ноябре 1918 г. большинство голосов получили республиканцы, возглавляемые Лоджем.

¹³ См. «Архив полковника Хауза», т. IV, Госполитиздат, М. 1944.

Книга вторая

КАК ЭТО
КАЗАЛОСЬ ТОГДА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К КНИГЕ ВТОРОЙ

Выдержки из моего дневника 1919 г., которые печатаются здесь, нуждаются в некоторых объяснениях. Я дам их по возможности короче.

С самого начала я хочу, чтобы было ясно, что дневник, который здесь напечатан, не является точной копией писанного дневника. Прежде всего я счёл возможным удалить те места, которые могут задеть или стеснить некоторых лиц, всё ещё активно участвующих в общественной жизни. Во-вторых, я считал необходимым вставить отдельные слова и абзацы там, где первоначальный текст был недостаточен или записан в телеграфном стиле. Пропуски никого не должны огорчить; вставки, я боюсь, могут вызвать сомнения. Поэтому я обязан оправдать и объяснить их.

Дневник не был написан для публикации. Записи должны были служить заметками для памяти. Они делались второпях, порой стенографически. Поэтому я прежде всего вставил предлоги и союзы. Я даже пошёл дальше. В некоторых местах я переделал целые абзацы. Я опасаясь, что такое отступление может дискредитировать весь дневник. Я не хотел бы, чтобы мои читатели вообразили, что дневник хоть в каком-нибудь смысле — подделка.

Позвольте мне привести пример того «редактирования», которое я допустил. Я возьму на выдержку сравнительно короткие абзацы. В субботу, 10 мая, я обедал с графом Потоцким. В моём дневнике я нахожу такую запись: «Обедаю с Иосифом П.: Риц: анахронизм: говорю ему о П.; его ответ абсурд: Шепетовка: как равный». Такая запись, конечно, ничего не даст рядовому читателю. Мне же ясно всё. Моё восприятие времени к тому же, в отличие от моей зрительной памяти, очень хорошее. Этот же самый абзац отредактирован в книге так: «Обедаю с Иосифом Потоцким в Рице. Приятный обломок прошлого. Я рассказываю ему, как глубоко потрясла меня речь Падеревского в Верховном совете. Он отвечает:

«Да, замечательный человек, поистине замечательный человек. И подумайте только, он родился в одной из моих деревень. Кажется, в Шепетовке. Но, несмотря на это, когда я с ним беседую, у меня впечатление, что я говорю с равным себе».

Вот полная, точная расшифровка той стенографической записи, которая первоначально фигурировала в дневнике. Я уверен, что все мои другие дополнения так же оправданы и так же законны. Временами, например в записях политических разговоров или интервью с руководящими государственными деятелями, я записывал тотчас же в мой дневник точный текст беседы; только в абзацах, подобных вышеприведённому, есть часто большие расхождения между рукописью и печатным текстом. Между тем мой отчёт о подписании Версальского договора нуждается лишь в незначительной редакции. Так же обстояло дело с моими записями о Совете десяти или четырёх либо разговорами с г. Ллойд-Джорджем или с г. Бальфуrom.

Не приписывал я себе нигде ни мыслей, ни предвидений, которых не было бы в моём дневнике. Тем, кто ищет новых видов искушения, я рекомендую лютый соблазн опубликовать дневник, написанный четырнадцать лет тому назад. Желание убрать одно словечко там, заменить другое здесь, прибавить третье тут, это желание — более сильное и коварное искушение, чем все другие соблазны, с которыми мне приходилось сталкиваться и которым я поддавался без сопротивления. Но в данном случае я сохранил полную невинность. Читателю нет нужды мне верить. И всё же, я надеюсь, он поверит. Я думаю, что, читая мой дневник, он увидит, каким соблазном, нет, каким мучительным соблазном было для меня устранить некоторые выражения или мнения, которые в 1933 г., на взгляд холодного критика, кажутся в высшей степени постыдными. Я надеюсь, что интеллигентный читатель в общем примет дневник на веру. А в одной вещи я абсолютно уверен. Я уверен, что дневник в том виде, как он напечатан, фактически отобразит невежество и тщеславие, разочарования и надежды, а также и действительно хорошие намерения, которые одушевляли тех, кто вслепую преодолевал все тревоги Парижской конференции. Текст дневника кое-где подвергся, как музыкальная партитура, «аранжировке», но всё же в меньшей степени, чем можно было бы предположить. Дух дневника в самой его основе точен, и он правдив по существу. Все, кто были со мной в Париже, подтвердят, что впечатление от конференции воспроизведено точно и правдиво.

Есть ещё одно пояснение, которое мне хочется сделать. Этот дневник ни в какой степени не является историческим документом. Он не является также связным рассказом о том, что произошло в Париже в 1919 г. Мне бы хотелось, чтобы его читали так, как читали бы воспоминания сержанта, находив-

шегося в окопах. У него то же недоверие к штабу; то же раздражение против штабных, которые мешают делу; то же убеждение, что его сектор — центр всего фронта; та же уверенность, что ему с его благородной душой приходится выигрывать войну без всякой посторонней помощи. Легко смеяться над такими вещами. Я был молод и, как всякий молодой человек, был преувеличенного мнения о себе. Однако, если бы, отправляясь на Парижскую конференцию, я имел возможность прочесть дневник, который передавал бы подобный опыт участника Венского конгресса, то, может быть, я был бы поскромнее в Париже, более предприимчив, более устойчив в существенных вопросах и менее склонен обвинять вышестоящих. Повторяю, что этот дневник публикуется только для молодых людей из Форейн оффис, которым, может быть, придётся участвовать в будущих мировых конгрессах. Я уверен, что эти молодые люди прочтут мой дневник со вниманием. И пусть они не будут слишком уверены, что, когда начнутся стремительные и ошеломляющие события, люди нового поколения смогут избежать суетности, предрассудков, чрезмерной усталости, ослабления моральной устойчивости, т. е. того, чему поддался я. У них может создаться — по этому дневнику — неважное представление обо мне. Они будут полностью правы. Но пусть они по крайней мере подготовятся к тому, чтобы столкнуться со столь же сложными и неосознанными соблазнами, которые, без сомнения, повторятся.

Я должен просить обыкновенного, менее подготовленного читателя не слишком серьёзно подходить к моему дневнику. Я намеревался только воссоздать атмосферу, я не хотел давать информации и, ещё менее того, стремился к изложению исторических событий. Чтобы не преувеличивать важности этих записей, я тщательно избегал примечаний и указателей¹. Вопросы, которые часто ставили меня втупик, были совсем мало важными, поэтому не столь существенно, чтобы читатель полностью понимал то, чем мне приходилось интересоваться. Пусть он не знает, кто такой Братиану, что такое Банат, где находится Мишкольц. Всё это ничего не значит. Я хотел показать лишь смешение, переплетение, постоянное чередование принципов и деталей, деталей и принципов. Мне хотелось бы, чтобы рядовой читатель пробежал мой дневник с величайшей быстротой, не пытаясь вдумываться в то, что происходило в действительности. Я хотел бы, чтобы он читал его так, как смотрят современный фильм, — думая только о целом, об общем, об эффекте, а не о деталях. Кадр заводского цеха сменяется кадром безлюдной улицы, по которой предрассветный ветер гонит обрывки газет. Ожесточённое лицо человека, выпускающего дикий крик, сменяется на экране ландшафтом бесчанных холмов; спокойно и симметрично кружатся крылья

ветряных мельниц. Здесь нет ничего связного, всё непоследовательно; изложение передаёт вовсе не установившиеся взгляды и знания, а глупость и неопытность автора. С этой точки зрения я и настаиваю совершенно серьёзно, что нарисованная мной картина соответствует действительности.

Наконец, последнее замечание. Кое-где вместо инициалов я вставил полные имена: вместо Лл. Дж. — Ллойд-Джордж, великий труд которого я тогда не вполне смог, разумеется, оценить; П. В. означает президент Вильсон. Странно, что в моём дневнике я редко отмечал постоянно бывшее у нас подозрение, что американцы так-таки и не выполняют своих обязательств. А ведь, если моя память мне не изменяет, это было одним из наших постоянных опасений. С каким трудом я выдержался от соблазна включить это позднее!

А. Д. Б. — это г. Бальфур, который в ту пору был министром иностранных дел. Я благодарен своему дневнику за места, посвящённые г. Бальфуру. Я думаю, что они по крайней мере соответствуют истине. Кроу — это сэр Эйр Кроу, мой дорогой начальник. Других сокращений я не считал нужным раскрывать.

ПРИМЕЧАНИЕ

! В советском издании мы сочли необходимым, не следуя примеру автора, поместить указатели и примечания, дающие пояснения к тексту.

I. 1 января — 12 января 1919 г.

СВЯЗИ

1 января 1919 г., среда.

Весь день в министерстве; укладывал бумаги и карты в оцинкованные чемоданы. Вечером обедал с Джеральдом Тайрвитом, затем вместе на спектакль. Оттуда — к Генри Черчиллю; у него — встреча с Холмсделем, Праттом Барлоу, Ронни Гриффином и Горским — польским офицером в небесно-голубой форме; был также неизвестный молчаливый американец.

2 января, четверг.

Убрал стол в Форейн оффис, расстаюсь после четырёх с половиной перегружённых лет с работой в военном отделе. Прощаться жаль — привычка. Завтракал в клубе у Мальборо. Обедал в Сент-Джемском клубе с Семом Сент Обеном.

3 января, пятница.

Покинул Лондон в 11 утра с Чаринг-Кросс¹; еду в Париж. На вокзале встретил Юстаса Перси и его невесту. На пароходе — Тальяни, маленький итальянец, приятель константинопольских дней. Поезд за Булонью задержался из-за несчастного случая на линии. Близ Амьена всё ещё следы разрушений. В поезде обедал с Тальяни, Казати (мужем маркизы Казати) и де Мартино, главой итальянского министерства иностранных дел: ворчливый, аккуратный человек. Он будет одним из членов итальянской делегации на конференции. Он настаивает на уплате за мой обед и говорит, что в первый раз я должен поехать во Францию за счёт Италии. Говорит о Лондонском договоре 1915 г., указывая, что он обеспечивает «равновесие в Средиземном море». Я соглашаюсь с ним. Он также сообщает, что уполномоченными от Италии будут, вероятно, Орландо, Соннино, Диац и, может быть, Боздари. Прибываю на Гар-дю-Нор в 11 ночи и еду прямо в «Маже-

стик». В вестибюле отеля нахожу Рекса и Аллена Липер. Поднимаемся ко мне в № 89. Париж отлично освещён.

4 января, суббота.

Распорядился о получении багажа и ящиков для дипломатической почты с Гар-дю-Нор. В настоящий момент нет никого из состава делегации, кроме Юстаса Перси, обоих Липер и меня. Молодожёны Юстас поселились в отдельной квартире, на Авеню д'Иена (№ 72, первый этаж, налево). Зашёл на квартиру Эдди Ноблока в Пале-Рояль. Он собирался в путь. Мы вместе позавтракали. Затем — к Уолтеру Берри. В их дворе упала немецкая бомба и разрушила дом напротив. У них были выбиты все окна, но не было другого серьёзного ущерба. Обедаю с обоими Липер: они знакомят меня с их американским приятелем Райсом Карпендером, который учился с ними в Баллиоле. Он занимает какую-то должность в американской делегации. Карпендер производит впечатление образованного и скромного человека.

5 января, воскресенье.

Провёл день с Эдди Ноблоком; вечером проверяю свои бумаги и карты. Всё в порядке.

6 января, понедельник.

Прибыли Кроу и Ванситтарт. У меня состоялся продолжительный «военный совет» с Алленом Липером. Позавтракав в «Мажестике», мы идём знакомиться с американской делегацией на Пляс де-ля-Конкорд. У них ветхое помещение, расположенное над рестораном «Максим». Матросы американского флота распаковывают ящики. В дальней комнате, которая должно быть была отдельным кабинетом у «Максима», мы застали трёх человек, которые, по словам Райса Карпендера, несут наши обязанности в американской делегации. Они были членами Анкетной комиссии² полковника Хауза; всё это университетские работники. Один из них — профессор Клайв Дэй из Иеля³ — среднего возраста, бледный, стройный, суховатый и приличный. Второй — профессор Чарльз Сеймур, также из Иеля — молодой, брюнет, может сойти за майора подрывных частей. Третий — профессор Либайер — молчаливый, несколько замкнутый. Они показали нам свои карты. Огромная рельефная карта Адриатики превосходна. Они, очевидно, знают своё дело досконально. Приятные люди; но мы не вступали в беседу о деталях.

Всё же у меня чувство, что наши общие взгляды совпадают. Оттуда — с визитом к Таке Ионеску⁴ в отель «Мёрис». Жаркая, душная спальня, в коридоре перед ней — черногорская охрана короля Никиты в тёмной форме. Солдаты развалились на турецком ковре. Экзотика.

Таке — краснолицый весёлый человек европейского континента⁵. Пробует говорить по-английски и снова возвращается к французскому. Он с большой горечью говорит об отношении к нему Братиану. Последний предлагал ему пять мест в коалиционном кабинете, а именно, финансов (уже скомпрометирован соглашением с французами), торговли, земледелия и два других портфеля. На этих условиях он мог бы стать одним из румынских уполномоченных. Но он с негодованием отверг предложение и заявил о своём намерении уехать в Канны. Почему Канны? Таким образом, румынскими делегатами будут Мизу, Антонеску (их посланник в Париже, которого Таке ненавидит) и, возможно, сам Братиану. Таке передаёт, что кабинет Братиану очень непопулярен в стране; включение Константинеску («Порко») ⁶ враждебно настроило высшие классы; низшие классы заражены большевизмом в результате общего экономического положения. Трансильванцы также против Братиану, хотя и связаны с ним обещанием, что по договору 1916 г. он получит весь Банат. Таке пришёл к какой-то договорённости с Трумбичем, по которой Банат предполагалось полюбовно поделить между Румынией и С. Х. С.*; государства-наследники (Австро-Венгрии. — *Прим. ред. перевода.*) составят единый блок в Париже в противовес великим державам. Узнав это, Братиану использовал сведения, чтобы дискредитировать Таке в патриотических кругах Бухареста.

Таке пространно рассказывает о позиции короля, о его импульсивности, подчинении королеве, о том, как он и она обращались с лидером аграриев Авереску. Он рассказывает, что королева публично оскорбила Авереску и затем призналась Таке, что она сделала ошибку. *J'ai eu tort* **. Он также относится критически к отмене свадьбы принца Кароля, указывая, что принц очень повредил себе.

Совершенно очевидно, что Таке полон горечи и желания мстить. Это отразилось на его сдержанности и суждениях. В конечном счёте он подходит к вопросам с точки зрения партийной, парламентской. Очень жаль, потому что он единственный человек, который понимает: 1) как ошибочно для Румынии настаивать на договоре 1916 г.; 2) что Трансильвания может войти в состав Румынии только на основе «свободного воссоединения», а не на основе аннексии; 3) что спор с С. Х. С. из-за Баната ослабит позицию всего блока государств-наследников в борьбе против великих держав. Его уход со сцены серьёзно отразится на всём блоке; от этого выиграет одна Италия.

* Первоначально на конференции Югославию называли С. Х. С.—Сербохорватско-словенское королевство (название С.Х.С. существовало вплоть до 1929 г. — *Прим. ред. перевода.*)

** Я была не права. — *Прим. ред. перевода.*

Обедал в «Мажестик». Был Эрик Маклаган. У него контора неподалёку от посольства; он занят чем-то по прессе. После обеда был на квартире у Юстаса Перси. Он говорил мне о Лиге наций — о различных проектах, которые стоят в порядке дня.

7 января, вторник.

Иду к Эрику Маклагану и получаю у него разные сведения о школах, языке и т. п. французских канадцев в Канаде. Это может пригодиться в связи с культурной автономией меньшинств в новых государствах.

Завтрак с американской делегацией в отеле «Крийон». Весь отель напоминает американский броненосец и странно пахнет. За завтраком — Дэй, Сеймур и Либайер, а также секретарь Беер. Мои впечатления следующие: 1) Албания⁷. Американцы настроены не столь проалбански, как я ожидал. Они готовы возражать против итальянского мандата, но в конце концов его примут. Склоняются к переходу Ипека и Дьяковы к Албании и ограниченным уступкам грекам в северном Эпире. Однако не Корица. В общем те же взгляды, что у нас. 2) Греция⁸. Уступка Дойрана и Чевгали. Пожалуй, хотят отдать Каваллу болгарам. Чтобы разведать вопрос, закинули удочку насчёт Кипра⁹, но рыбка не пошла на приманку. 3) Сербия¹⁰. Они, конечно, за югославов, но без большой страстности. Равнодушные к претензиям сербов на Пирот и Видин¹¹. 4) Болгария¹². Похоже, что у них те же соображения, что и у нас, о передаче Иштиба и Коханы, но они полагаются больше на водоразделы, чем на границы по реке, исходя из разумных соображений, что первые менее населены, чем долины рек. Очень против передачи грекам западной Фракии; в этом я полностью с ними. Очень хотят отдать Болгарии линию Энос — Мидия в восточной Фракии, но с тем, чтобы продвинуть Энос на юг (к болотам Марицы) и Мидию на север (к источнику воды Деркоса)¹³. 5) Турция. Очень хотят изгнать турок из Константинополя. Похоже, что у них бродит мысль о передаче образовавшейся, таким образом, зоны проливов малым державам — Дании и Бельгии. Но как-то неясно, что это за зона (Галлиполи?). Готовы были бы признать наш мандат на Константинополь, но не хотели бы взять этого на себя: общественное мнение Соединённых Штатов ещё не готово к тому, чтобы взять на себя за это ответственность, но, может быть, возьмут на себя ответственность за Армению. Решительны в вопросе о греческой зоне в Смирне¹⁴. Подробнее узнаю в четверг.

Вновь обедаю с Эдди Ноблоком в ресторане у Прюнье. Иду обратно пешком. Длинный разговор с Кроу. Он реалист, хочет только фактов, а не идей, как бы прекрасны они ни были. Говорим о разоружении, о Лиге наций. Будут ли у неё вооружённые силы? Если так, кто же будет командовать ими. Будет ли

у неё постоянный состав сотрудников? Как насчёт малых держав? Войдут ли они в Лигу на равных основаниях? Это будет «совсем не реально». Если не на равных основаниях, то как будут защищены их интересы? Принудительным арбитражем? Как насчёт «национальной чести и интересов»?

Он передаёт мне, что Ллойд-Джордж не хочет, чтобы американцы получили Константинополь. Президент Вильсон вернулся из Рима.

8 января, среда.

Иду в «Асторию», где на пятом этаже находятся наше официальное помещение. Из окна вид на Триумфальную арку, вокруг голые стены и запах лизола и иодоформа. До этого помещение было занято японским госпиталем и только что освобождено. Разговариваю с Мансом — железнодорожным экспертом из военного министерства, о транзите и коммуникациях в нашей части новой карты Европы. Он очень понятлив и уступчив. Карты показывают, что этнические границы и здравый смысл, воплощённый в железнодорожных коммуникациях, никогда не сходятся между собой; между ними всегда глубокий разрыв. Особенно в Трансильвании; все её важнейшие линии связаны с австрийскими магистралями и не имеют никакого отношения к румынским. Это создаст большие трудности.

После завтрака отправляюсь с Алленом повидать Гога, трансильванского поэта и политика. Там встречаем молодого трансильванца Виргилия Тилеа. Они говорят, что им «слишком стыдно касаться вопросов внутренней политики». Зато по вопросам внешним они совсем не проявляют стыда; они требуют себе большую часть Венгрии. Обещают прислать нам меморандум о Буковине. Румынские войска заняли Арад и Нагиварад¹⁵, но дальше не пошли. Пока мы у Гога, заходит молодой буковинец, который служил во французском иностранном легионе; он мало знает и не очень много может сообщить.

Обедаю в отеле. Прибывают Гардинг, Маллет, Хорст, Рони Кемпбел и Эрмитедж Смит.

9 января, четверг.

К нам в «Асторию» приходят Либайер и Дэй. Обращаемся к деталям: 1) Болгария. Суровая справедливость. Македония, Иштиб и Кохана — с альтернативной железной дорогой. Трудности с линией Гостивар — Монастир. Сербо-болгарская граница без больших перемен. Они совершенно не верят в ерунду о Пироте и Видине. Очень возражают против передачи западной Фракии Греции, склоняются даже к границе Болгарии по Струме, компенсируя (sic!) Грецию в Малой Азии. Оставить в Добрудже границу 1913 г.¹⁶ без Силистрии, с некоторыми небольшими исправлениями. 2) Албания. По всему видно, что в этом вопросе они не очень уверены. Должна ли северная

железная дорога отойти к Сербии? Как решить вопрос об Ипекке и Дьякове? Склоняются к включению их в Албанию. С восточной границей то же. В вопросе о южной границе мнения разделились: одни хотят отдать Греции Корицу¹⁷, другие за линию Воюссы, указывая, что дорога на Корицу не так важна для Греции, раз можно будет построить другую. Готовы дать мандат Италии, если она откажется от своих притязаний на непосредственное овладение Валонией. Внутреннее управление должно быть построено на основе кантонов. 3) Греция. Настаивают на отказе Италии от Додеканеза; тверды в отношении Смирны и против передачи Фракии. 4) Турция. Они явно готовы решительно выставить Турцию из Европы, но неясно представляют себе, кто будет её наследником в зоне Константинополя¹⁸. В отношении границы этой зоны выдвигают два варианта: а) Ограниченная зона, т. е. по линии Чаталджа — Галлиполи — острова Мраморного моря, и, в Азии, от Шиле до Гебзе¹⁹. б) Расширенная зона. К востоку от Эноса до области к северу от Мидии. В Азии линия от Эдремиды до Сакарии²⁰. Первая зона предполагает установление суверенитета трёх различных государств по берегам Мраморного моря; поэтому вторая предпочтительнее. Я полагаю, что президент Вильсон стремится привлечь какую-либо малую державу или группу малых держав к управлению зоной проливов. Его эксперты возражают против этого (опасность совладения и т. д.) и хотят, чтобы или Соединённые Штаты или Великобритания взяли на себя мандат. Однако они сомневаются, позволит ли американское общественное мнение взять на себя этот мандат Соединённым Штатам.

В отношении Азиатской Турции они, видимо, ожидают, что им придётся взять Армению, остальное для них неясно²¹.

В общем дискуссия прошла очень хорошо. Это люди интеллигентные, не слишком недоверчивые, восприимчивые. Вечером — разговор с Кроу и Валентином Чиролем на следующую тему: «В случае, если бы на основе самоопределения какой-нибудь народ выбрал мандатарием Соединённые Штаты, а последние не захотели бы взять на себя ответственность, будет ли нарушением принципа самоопределения передать мандат другой стране, например Италии?» Этот вопрос остаётся без ответа. Всякое решение должно повести к скрытому разделу и лицемерию.

До нас дошли сведения, что русские составляют комитет, или «конференцию», послов во главе с князем Львовым, в которую входят Сазонов, Гирс, Маклаков, Бахметьев и, кажется, Набоков. Это очень неприятно для тех, кто намерен вовсе игнорировать Россию! Я в восторге. В конце концов мы занимаемся интересами России за её спиной. Наши правители, кажется, за большевизмом не видят России.

10 января, пятница.

Длинный разговор с Кроу по общим вопросам. Как приятно работать под руководством такого острого и точного человека. С ним мне всегда легко. Я надеюсь, что аргументы Аллена Липера произвели на него сильное впечатление. Эти аргументы были, как всегда, превосходны.

После разговора он и я завтракаем с Тилеа в отеле «Гриффон». Я ставлю перед Тилеа вопрос о культурной автономии для меньшинств, которые придётся включить в новые границы Румынии. Он имеет в виду схему, по которой сельские общины выберут трёх представителей (мадьяр); в согласии с тремя представителями от центрального правительства они назначат учителей и решат вопрос о языке и программе школ. Всё очень просто, если удастся осуществить.

Создан Совет помощи с Гувером во главе ²².

Обедаю наедине с лордом Гардингом. Он говорит о реформе дипломатии. Так как он реформировал центральный аппарат Форейн оффис, то ему же надлежит реформировать и дипломатию ²³. Я указал, что после десяти лет работы моё жалование за вычетом подоходного налога составляет 86 фунтов стерлингов в год. Разве можно обеспечить наиболее способных людей при такой системе? Он охотно соглашается со мной. Кроу никогда не возражает против прогресса, если к нему правильно подойти, но он не переносит обиженных. «Я, — говорит он, — сам завоевал своё место. Почему же нынешние молодые люди просят, чтобы им всё дали?» Он совсем забыл тот факт, что в моём возрасте он давно уже был вторым секретарём и его не затирали в бесконечной очереди, задерживающей всякое продвижение.

Отчасти я с ним согласен. Хотя нас не повышают так быстро в чинах и жалование, но любой энергичный человек с самого начала получает ответственную работу.

11 января, суббота.

Вчера было покушение на чешского премьер-министра Крамаржа. Утром приходит Сетон Уотсон. Говоря о Фиуме, он указывает: 1) что этот город нельзя отделять от предместья Сушак и что в обоих городах, взятых вместе, славянское население составляет большинство; 2) что холмы за городом господствуют над ним, и тому, кто владеет Фиуме, должен принадлежать «хинтерланд». «Хинтерланд» Фиуме полностью славянский. В это время входит Пангаль, редактор «Румынии». Началась длинная дискуссия о Шеклере, о Банате, об украинцах * и т. д. Ни один румынский государственный дея-

* Никольсон называет украинцев Буковины «русинами». — Прим. ред. перевода.

тель, за исключением Таке, не решается предложить разумное решение этих проблем. Мы должны сами решить дело.

На завтрак приходят американцы. Мы говорим о том, как трудно наметить границу, которая была бы окончательной и, следовательно, давала бы уверенность владельцу территории, но в то же время оставляла бы возможность для будущего пересмотра. Он (sic!) соглашается со мной, что на Балканах главное — вбить в их крепкие головы мысль, что решение принято окончательно (чтобы не было больше резни, чтобы не было комитаджей²⁴), но что право последующего пересмотра остаётся за Лигей наций.

После завтрака Кроу сообщает мне, что колониальное и другие министерства заявили протест против передачи Кипра Греции. Эти протесты, на мой взгляд, кажутся одновременно и существенными и не существенными. На Кроу они производят сильное впечатление.

Прибыл Ллойд-Джордж и премьеры доминионов.

12 января, воскресенье.

Всё утро работаю над албанскими железными дорогами. Совершенно очевидно, что только линия Ниш — Пристина — Скутари — Сан-Дживовани даёт действительное преимущество по сравнению с выходом на Салоники (400 километров против 450 километров).

Предварительное, хотя и неофициальное, заседание уполномоченных для обсуждения порядка заседаний. Это их первая встреча.

Завтракаю с Райсом Карпентером из американской делегации. Умница, филолог и археолог, образованный человек. Говорю с Эдвином Монтегю. Хотел повидать Пьера де Лякаретеля, но не застал его дома. Затем на квартиру к Юстасу Перси.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Чаринг-Кросс* — один из центральных вокзалов Лондона.

2 Об Анкетной комиссии полковника Хауза см. стр. 40.

3 Йельский университет в Нью-Хэвен — один из старейших университетов США.

4 *Таке, Ионеску* — см. стр. 117—118.

5 Никольсон часто даёт психологическую характеристику политических деятелей по признаку происхождения; он делит их на людей европейского континента, представителей островной Англии, американцев и т. д. Таке Ионеску он считает человеком с европейским кругозором. Так же расценивал Ионеску тогда Клемансо, называвший его «великим европейцем».

6 *Порко* — по-румынски свинья.

7 См. стр. 142—143.

8 Греция должна была получить западную и восточную Фракию, европейский берег Дарданелл, Галлиполи, Родосто (граница была намечена в 30 километрах от Константинополя). Кроме того, Греция получала острова

у входа в проливы и Смирну с хинтерландом. Но после неудачной войны с Турцией и занятия Смирны Греция по договору, заключённому в Лозанне 24 июля 1923 г., потеряла восточную Фракию и все приобретения в Малой Азии. Граница прошла по Марице до Эноса и была демилитаризована на 30 километров по обе стороны. С Албанией сохранилась граница 1913 г.

⁹ Кипр был обещан англичанами Греции в числе компенсаций за вступление в войну на стороне Антанты, но Греция его не получила.

¹⁰ В результате мировой войны Югославия сложилась из ранее самостоятельных Сербии и Черногории, а также из австро-венгерских земель — Боснии и Герцеговины, Далмации, Хорватии, Славонии, Словении, Бачки и Воеводины (часть Баната). По договору, заключённому в Рапалло 12 ноября 1920 г., Югославия вынуждена была отказаться от своих притязаний на район Клагенфурта (см. стр. 114, примечание 19), отдать Италии Истрию, включая Монте Невозо (см. примечание 9 к главе VII первой части), Фиуме (см. стр. 15, примечание 11).

¹¹ *Видин* — крепость на Дунае, на которую претендовала Югославия, так как там преобладало сербское население. На основании решения Парижской конференции Видин достался Болгарии. Пирот, или Ниш, обладание которым давало возможность контролировать значительную часть железных дорог этого района, был передан Югославии, которая, таким образом, получила серьёзное стратегическое преимущество.

¹² В результате мировой войны Болгария по договору, заключённому в Нейи 27 ноября 1919 г., потеряла западную Фракию, т. е. доступ к Эгейскому морю, долину Струмицы, Царьброд. В целом она потеряла 9 тысяч квадратных километров территории и 400 тысяч жителей.

¹³ Фактически Мидия значительно севернее Деркоса.

¹⁴ Смирна входила в число обещанных Греции компенсаций в Малой Азии. Ещё до окончания Парижской конференции державы, встревоженные высадкой Италии в Айвалы, разрешили грекам занять Смирну, что привело затем к войне с Турцией, в которой греки потерпели поражение.

¹⁵ *Арад* и *Нагиварад* — города в Трансильвании на венгерско-румынской границе. Находятся на железной дороге, соединяющей северо-восточную и юго-западную части Трансильвании, на которую претендовали румыны.

¹⁶ В 1913 г. южную Добруджу захватила Румыния. Во время первой мировой войны германо-болгарские войска в свою очередь захватили Добруджу, которую Румыния по условиям сепаратного мира с Германией 1918 г. должна была вернуть Болгарии. Договор в Нейи подтвердил границу 1913 г.

¹⁷ Греки претендовали на Корицу, так как через неё идёт единственная дорога, соединяющая греческую Македонию с северным Эпиром; однако Корица вошла в пределы Албании.

¹⁸ В зоне Константинополя был установлен по Севрскому договору 1920 г. иной режим: Константинополь (Стамбул) оставался столицей Турции, которая сохраняла суверенитет над зоной проливов под контролем Англии, Франции и Италии. Предусматривалась демилитаризация зоны. В комиссии проливов США, Англия, Франция, Италия, Япония и Россия должны были иметь по два голоса; Греция, Румыния, Болгария и Турция — по одному.

¹⁹ *Шиле* — порт на Чёрном море в 50 км к востоку от Босфора. *Гебзе* — порт у входа в залив Исмет (Мраморное море).

²⁰ *Эдремид* — порт на берегу Эдремидского залива (у острова Лесбос). *Сакария* — река, впадающая в Чёрное море в 75 км от Босфора.

²¹ Армяне в Турции подвергались жестоким гонениям, особенно после того, как внешняя им Англией на Берлинском конгрессе надежда на создание национального государства рухнула. Национально-освободительное движение, развивавшееся в конце XIX и начале XX века, жестоко преследовалось. Турция стремилась к полному уничтожению армян.

²² Верховный военный совет создал Верховный совет снабжения и помощи, состоявший из представителей США, Англии, Франции и Бельгии. Совет впервые заседал 11 января 1919 г. Генеральным директором его был назначен Гувер. Совет должен был выяснить размеры необходимой помощи продовольствием и организовать его доставку нуждающимся странам.

²³ См. *Г. Никольсон*, *Дипломатия*, «Библиотека внешней политики», Госполитиздат, 1941, стр. 103—104.

²⁴ *Комитаты* — административные округа, обладавшие известной автономией. *Комитаджи* — правители округов, которые вели постоянную междоусобную войну.

II. 13 января — 20 января

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

13 января, понедельник.

Первое официальное заседание конференции, хотя его так не называют; собрания именуются пока Верховным военным советом. Первое открыто признанное заседание будет только в следующую субботу.

Всё утро работал над нашим проектом.

Завтракаю с Сетоном Уотсоном в ресторане «Кастильоне», там Мариану, Пангаль и Уолтер Липпман. Интересного мало.

Заседание делегации Британской империи.

Разговор с Эдвином Монтегю о будущем Константинополя¹. Как будто если Константинополь возьмут американцы, то он не будет против того, чтобы турок оттуда выставили.

Получаем проект распорядка заседаний от французов; составлен Бертело; не очень убедительно.

Обедаю с Эдди Ноблоком в отеле «Гриффон». Там сэр Вильям Уайзмен. Он «друг Хауза», так же как Хауз «друг Вильсона», Arcades ambo². Пьём великолепное Пуйи 1906 г. Уайзмен сообщил мне, что после длинного разговора президента Вильсона и Хауза с Соннино об итальянских притязаниях в Адриатике Хауз сказал: «Этот человек убеждён: может быть в этом и есть что-нибудь». На что П. В.: «Пусть он бросит семя своих убеждений в открытую почву под ярким солнцем гласности. Если в нём что-нибудь да есть, семя вырастет и даст великий плод. Ну, а если в нём ничего нет, оно зачахнет». Я не представляю себе, чтобы Сидней Соннино сделал что-либо подобное.

14 января, вторник.

Кроу говорит, что принято решение, чтобы каждая держава представила свои взгляды в письменном виде по всем вопросам. Такое решение нам с Кроу кажется невозможным, поскольку оно не облегчит переговоров, а, наоборот, заставит каждого с самого начала предъявить максимальные претензии.

Во всяком случае нам ещё предстоит узнать, что такое решение фактически означает.

Приходит Либайер, и мы знакомим его с Арнольдом Тойнби. Обсуждаем границы константинопольской зоны, и он показывает нам на карте американский проект этой линии. Проект много лучше нашего.

Завтракаю с Юстасом Перси и его женой. От них — в «Крийон» к Эмсу Хоуарду и Э. Х. Карру. На всякий случай я беру с собой материалы по итальянскому договору (тайный договор от 15 апреля 1915 г.³), так как мы предполагаем, что Ллойд-Джордж и Бальфур будут обсуждать его на заседании с американцами. Когда мы пришли в «Крийон», возникли затруднения. Никто не знает ничего о заседании, никто не уверен, можем ли мы уйти или должны оставаться. А моряки из охраны американской делегации вообще даже сомневались, разрешить ли нам ждать. И вот в самый разгар замешательства входят Бальфур и Эрик Друммонд. Мы поднимаемся на лифте в комнаты, отведённые для полковника Хауза, на четвёртом этаже.

Тут мы узнаём, что заседание будет в доме президента Вильсона, близ парка Монсо. Мы втискиваемся в машину и мчимся по улицам вслед за Бальфуром. Подъезжаем. Наряды полиции, войска, все отдают честь. Вильсона здорово охраняют. Нас везут на самый верх, на галерею под стеклянной крышей; на галерее — статуя Наполеона в Египте. Дом этот — вилла Мюрата — и в самом деле относится к наполеоновским временам. Бальфура вводят в комнату направо, а мы ждём два с половиной часа у двери; из зала до нас доносится жужжание голосов. Проходит, постукивая высокими каблуками по паркету, с огромным букетом мимоз в руках, г-жа Вильсон. Входит старый дворецкий и зажигает один за другим огни. Я читаю «Айриш Таймс»⁴.

Вдруг в 4.45 отворяется дверь, и выходит Ллойд-Джордж в сопровождении Бонара Лоу, Бальфура и П. В.

— Ах, боже мой! — восклицает А. Д. Б. — Неужели вы всё время ждёте? Вот уж никак не предполагал! У меня было несколько вопросов к вам. Например...

И повернувшись к президенту:

— Это мой молодой друг, который мог бы дать нам все справки, которые нам нужны. Что же это такое, что нам было нужно спросить? Ах, да, Фиуме...

П. В.: Нет, не Фиуме. О Фиуме у нас всё есть. Что нам действительно было нужно, это точная цифра немцев, которые отойдут к Италии, если итальянцы получают Бреннер (sic!)⁵. Можете ли вы нам это сказать?

Г. Н.: Да, приблизительно, г. президент. Точных цифр у меня нет, но это, должно быть, что-нибудь около 240 тысяч...

П. В.: А не 250 тысяч?

Г. Н.: Пожалуй, г. президент, 245 тысяч.

П. В.: Так, значит, несколькими тысячами больше или меньше.

Г. Н.: Да, несколькими антиитальянскими тысячами.

П. В.: Вы считаете их пронемецкими, проавстрийскими?

Г. Н.: Если угодно, протирольскими, в особенности в Боцене⁶.

П. В.: Так, ещё один вопрос. Ах да! Фиуме. Можете вы дать мне цифры?

Г. Н. (с надеждой): О, да! Вам нужны данные с пригородами или без них?

П. В.: Да, там есть пригород, что-то вроде Ашак.

Г. Н.: Сушак. Так цифровые данные... Они были у меня вот здесь... (роюсь в моём портфеле, нахожу и с выражением читаю мои подсчёты).

П. В.: Так я и думал; граница между Фиуме и Ашаком незначительна.

Г. Н.: Крошечная речушка, г. президент; их никак нельзя разделить надвое.

П. В.: Так мне тоже казалось. Но итальянцы мне передавали, что всякий, кто вздумает перейти из Фиуме в Ашак, рискует быть убитым.

Г. Н.: Но, г. президент...

П. В.: Ах, я догадался, что это ерунда. Итáк, до свидания, господа. До свидания, г. Бальфур.

Мы удаляемся. Это называется экспертизой.

П. В. моложе, чем на фотографиях: гладкое лицо, зубы видны только когда он улыбается; улыбка безобразна, широк в плечах и тонок в талии; плечи непропорциональны росту, также и лицо (не череп, а лицо от ушей до подбородка). Одет с иголки: в чёрном, очень аккуратно; полосатые брюки, стоячий воротник, булавка с розовым бриллиантом. Южный акцент. Спускаясь со мной вниз, А. Д. Б., как всегда, любезен.

— Я не могу слов найти для извинений, что так долго задержал вас. Сказать по правде, последние полчаса мы потратили, собственно, на спор о том, можно ли назвать Наполеона и Фридриха Великого незаинтересованными (лично) патриотами.

— К какому же выводу пришли?

— Вывод-то я и забыл.

Итак, назад в «Мажестик».

Обедаем с Эрмитеджем Смитом и Луи Маллетом. Последний сообщает мне, что зачитал Бальфуру письмо, которое он адресовал Соннино. Он отказывается считать себя связанным Лондонским договором. Ну, и к лучшему. Его также посетил сионист Вайцман. Вайцман приготовил длинный ряд аргументов, почему мандат на Палестину должен быть передан Великобритании. Президент прервал его словами:

— Да, всё это мне известно. Я хотел бы только, чтобы британцы готовы были взять всё то, что мы хотели бы им поручить.

После этого Вайцман стал говорить о том, как трудно найти общую почву с французами.

П. В.: Вполне согласен с вами. У нас также нет с ними общих взглядов.

15 января, среда.

Пришёл д-р Мэдж, маленький умный человек, английский врач при румынском дворе. Он интересуется политикой. Рассказывает, что Таке Ионеску на самом деле очень рад, что он не делегат; он понимает, куда ведут румынские шовинисты, и ему легче быть в стороне и критиковать ошибки других. Заходит ещё один англичанин, который только что вернулся из Клосвара (Трансильвания). Он передаёт, что Будапешт во главе с Карольи быстро несётся к большевизму. По его мнению, большевизм, когда он наступит, долго не проживёт и будет сменён белой реакцией. Венгрия настроена очень проанглийски и хотела бы иметь принца Генриха в качестве короля⁷. Осенью крестьяне ничего не засевали.

Завтрак в «Гриффоне» с Тилеа и Пангалем. Снова Банат. Сообщение о переходе Добруджи к Болгарии вызвало потрясающее возмущение в Трансильвании.

Возвращаюсь на работу. Готовим для Бальфура меморандум о том, почему Фиуме не должно быть передано Италии, даже если бы она объявила его свободным портом. В 5 часов иду в «Мерседес» повидать греков. Т... говорит со мной о Корице как о центре греческой культуры. Первые печатные работы греков печатались в Мошополисе⁸. По его мнению, не следует давать итальянцам мандат на Албанию; они не будут иметь успеха: всё равно албанцы вскоре против них восстанут, и это обойдётся очень дорого. Он же объяснил о соглашении с сербами, которое касается выхода Сербии к Эгейскому морю у Салоник. У сербов будут свои причалы, конторы, склады, своя полиция и свои рабочие. Он убеждён, что такие же условия могли бы быть эффективными в Кавалле для болгар и в Смирне для турок⁹.

Потом захожу к Венизелосу. Несмотря на жару в комнате, у него на голове всегдaшняя чёрная шёлковая ермолка. В коридоре — два солдата-грека. Венизелос показал мне свою статистику населения — *Je me suis fait un point d'honneur de gréger une statistique exacte* *. В подтверждение своих цифр он цитирует Дитриха о том, что всё побережье Малой Азии к

* Для меня дело чести подготовить точный статистический материал. — *Грим. ред. перевода.*

западу от константинопольского меридиана является греческим по своим физическим и климатическим условиям.

По поводу западной и восточной Фракии указываю ему, что если Греция получит всё, что она просит, то она будет не в состоянии защищать свои границы. Он отвечает:

— Но в наши дни не ведут географических войн. Германия сделала опыт, и результат налицо.

Я указываю ему на опасность ирредентизма и столкновений между греками Константинополя и греками восточной Фракии. Он отвечает:

— Ну и что же? Думаете ли вы, что мы должны атаковать Лигу наций? Ведь для вас лучше иметь в Константинополе друзей, чем чужаков.

Я говорю ему, что Болгария должна иметь экономические базы в Эгейском море. Он отвечает, что Варна и Бургас при условии открытых проливов становятся гораздо ценнее. Румыния имеет выход только в Чёрное море; почему же Болгария должна иметь больше? Затем он обращает внимание на опасность от подводных лодок в Порто-Лагос¹⁰. Я признаю эту опасность, но остаюсь к ней равнодушен.

Очевидно, у него имеются заверения президента Вильсона о Додеканезе, у нас же связаны руки договором 1915 г. Он это понимает. Ни слова о Кипре.

Обедаю в отеле. Ллойд-Джордж обедает там же. После обеда ещё долго работаю.

16 января, четверг.

Всё утро работаю. Завтракаем с Бенешем, делегатом и министром иностранных дел Чехословакии. Он высказывает следующие точки зрения: 1) Чехия хотела бы реконструкции Средней Европы на базисе, который бы не был ни немецким, ни русским. Поэтому она основывается не столько на национальных, сколько на международных соображениях. Хотя национальное единство прежде всего, а затем национальное процветание, всё же главная цель — стабилизация Центральной Европы. Для этого Чехии нужны территориальные связи с Югославией и Румынией. С последней граница должна проходить в Галиции: галицийские украинцы, по преимуществу евреи¹¹, не хотели бы оказаться в России и ещё менее того в Румынии. 2) Дружеские отношения с Венгрией в конце концов последуют из экономической необходимости. Венгрия всегда была прогерманской, даже тогда, когда была антиавстрийской. Мы, люди запада, заблуждались, принимая её антивенскую политику за антиберлинскую¹². Он чувствует, что между ним и его коллегами, например Крамаржем, который всю войну оставался в Праге, — пропасть. Они мыслят понятиями сугубо национальными, и это затрудняет его положение.

Его цель — сохранить в Париже тот моральный престиж, который чехи заработали во время войны. Я говорю:

— Так точно, ваше превосходительство.

В общем, интеллигентный, молодой, правдивый маленький человек с широкими взглядами.

После завтрака Кроу, Хоуард и я ведём утомительную беседу с Вильямом Бевериджем, который только что вернулся из Праги, Вены и Будапешта. Он ездил туда с миссией помощи. Симпатизирует мадьярам и ничего не понимает в происходящих событиях, о чём я очень сожалею, так как он намеревается повидать Ллойд-Джорджа.

По каким-то глупым соображениям Верховный совет предоставил Бразилии три места; это взбесит других и особенно Португалию. Наши доминионы получили отдельное представительство как независимые страны. Это решение было принято спокойнее, чем мы ожидали: думают, что это немного събьёт с нас спесь. Французы возмущены, что английский язык принят в качестве официального дипломатического языка¹³.

17 января, пятница.

Венизелос посылает своего торгового эксперта, чтобы рассказать мне, как будет действовать сербо-греческое соглашение о сербской зоне в Салониках. Подхожу к вопросу со всей тщательностью, ибо это решение может послужить образцом для Фиуме и Смирны.

Журналисты возмущены установленными ограничениями, настаивают на допущении их на все заседания¹⁴. Прессой затрачено так много средств на посылку сюда лучших представителей, а от них никакой информации нет.

Мы должны добиться самой широкой огласки в печати, во всяком случае в отношении результатов. Освещение самих переговоров много труднее, чем кажется. Но в то же время если пресса будет допущена на все пленарные заседания, то последние превратятся в фарс: все речи делегатов будут произноситься в расчёте на общественное мнение своей страны. Настоящая работа будет, конечно, только за кулисами, что создаст путаницу и задержку.

К обеду приходит Уолтер Липпман. Он возвращается в Америку. Как жаль! И почему?

Разговор с Уикхэмом Стидом. Рассказывает, что из парламентских кругов получил сведения о том, что П. В. готов был обратиться к Соннино с просьбой отказаться от договора 1915 г., но что Бальфур ему помешал. Сомневаюсь. Во вторник А. Д. Бальфур дал ясно понять П. В., что нам этот договор совсем не нравится, но что мы им связаны.

Мэдж передаёт, что второй делегат Румынии, Мизу, невероятно возмущён, что мне поручена Балканская секция

(«Приятный юноша, но он ведь только третий секретарь!»). Я прошу Мэджа заверить Мизу, что мне ничего не поручено и что я только лишь и во всём помощник Кроу.

18 января, суббота.

Пуанкаре официально открывает конференцию. Пленарное заседание в 3.15 на Кэ д'Орсэ. Клемансо резковат с малыми странами. «Есть возражения? Нет... Принято». Как пулемёт. Жюль Камбон сказал Яну Малкольму, когда они выходили: «Друг мой, знаете ли вы, чем кончится эта конференция? Импровизацией». Циничный старик.

19 января, воскресенье.

Занят почти всё утро почтой из Форейн оффис. Еду завтракать с Чарльзом Секвиллем Вестом в Версаль. Там Деви и Бсб Сесиль, также генерал Спирс. Последний передаёт, что Клемансо на-днях ему сказал: «Англичане лезут мне на голову». Не очень хорошо для начала. Спирс боится французских финансовых кругов. Сообщает, что Бертело находится в трудном положении, так как ему приходится действовать через Пишона, а тот упрям. Он хочет оставить немцам что-нибудь в Африке: было бы невыгодно, если бы Германия оказалась единственной державой, свободной от ответственности, когда возникнут негритянские восстания. Я согласен с ним, но следует ли заглядывать вперёд так далеко. И какой смысл беспокоиться и волноваться о таких вещах, когда весь конгресс — лишь «импровизация».

Боже! Как всё это правильно и как это огорчительно! Я разочарован делом Кипра. Британская имперская делегация решила сохранить Кипр по стратегическим и другим соображениям. Делегация кругом неправа; удержание Кипра компрометирует нас в моральном отношении в глазах итальянцев.

Вечером увижу Жанну де Эно. Она очень изменилась.

20 января, понедельник.

Аллен Липер долго беседовал с Мизу. Мизу — человек умеренных и западных взглядов, но считает безнадёжным перевоспитать Братиану.

Ко мне с визитом приходит Люсьен Вольф от Лиги британских евреев. Приходит А. Ф. Уайт и остаётся завтракать. Там же Фостер Фрэзер. Работаю до вечера. Вечером в кино с Марией Мюрат.

В Верховном совете будет обсуждаться русский вопрос; слушаем, что Нуленс собирается об этом сказать. Формально назначен Продовольственный совет¹⁵. Главой нашего секретариата будет Хэнки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. стр. 185 примечание 18.
- ² *Arcades ambo* (оба аркадийцы) — два друга, аркадийские пастухи, певцы в эклогах Виргилия. Это выражение применяется к двум людям с одинаковыми вкусами и характерами, оказавшимся в одинаковом положении.
- ³ См. стр. 135.
- ⁴ *Айриш Таймс* — крупнейшая газета, выходящая в Дублине (Ирландия).
- ⁵ См. стр. 151, примечание 7.
- ⁶ *Боцен* (итальянское Больцано) — город в Южном Тироле, на который наряду с Бреннером претендовала и который получила Италия.
- ⁷ *Принц Генрих* — третий сын короля Георга V, принц Глостерский.
- ⁸ *Мошополис* — небольшой город в центре Албании, к северо-западу от Корини.
- ⁹ *Кавалла* — греческий порт на Эгейском море, получения которого Болгария добивалась для экспорта сельскохозяйственных продуктов через Средиземное море. По Севрскому договору, впоследствии не вступившему в силу, ей была вместо Каваллы обещана свободная зона в Дедеагаче. Смирна с прилежавшим к ней районом должна была отойти, как было обещано Венизелосу, к Греции, так что Турция лишалась важнейшего порта на Эгейском море, через который шёл её экспорт из Малой Азии. Обладание Смирной отдавало бы Греции всю торговлю через Эгейское море; создание для турок свободной зоны в Смирне до некоторой степени облегчило бы их положение.
- ¹⁰ *Порто-Лагос* — порт на Эгейском море между Каваллой и Салониками.
- ¹¹ В Галиции было всего 5,7% евреев; сведения, сообщённые автору, таким образом, не точны.
- ¹² Венгерские политические деятели в XIX веке не раз использовали австро-германские противоречия для укрепления своих позиций в Австро-Венгрии с помощью Пруссии (Германия).
- ¹³ Вопрос об официальном языке конференции вызвал дискуссию. Клемансо требовал, чтобы официальным языком был признан французский как по традиции, так и «из уважения к страданиям, перенесённым французами во время войны». Ллойд-Джордж настаивал на английском языке, мотивируя своё требование тем, что на нём говорит полмира. Соннино заявлял, что предложение французов оскорбляет итальянцев, которые страдали не меньше. В результате официальными языками протоколов были признаны английский и французский.
- ¹⁴ Представители прессы, ссылаясь на принцип, провозглашённый в первом пункте 14 пунктов Вильсона, добивались присутствия на всех заседаниях конференции. После длительных обсуждений и колебаний Совета десяти их требование не было удовлетворено.
- ¹⁵ Продовольственный совет был создан при Верховном экономическом совете. Задача его заключалась в том, чтобы координировать действия производителей и потребителей продовольствия в различных странах мира.

III. 21 января — 5 февраля

СОВЕТ ДЕСЯТИ

21 января, вторник.

Идём вместе с Кроу на заседание по вопросам помощи и питания Австрии, которое будет происходить в комнате лорда Ридинга. Присутствуют: Ридинг, Тиррель, Кроу, Беверидж, Ливеллин Смит, сэр Дж. Билль. Лорд Ридинг — превосходный председатель: он настаивает на исключении всякой политики из работы предполагаемого комитета помощи. Он предлагает ограничить полномочия комитета предоставлением питания и его перевозкой. Комитет не должен касаться даже таких связанных с этим вопросов, как безработица и коммерческие взаимоотношения между Австрией и государствами-наследниками: если в комитете они начнут заниматься такими вещами, его немедленно обвинят во вмешательстве в политические вопросы, и тогда чорт ногу сломит. Штаб комитета помощи будет находиться в Триесте, с отделениями в других городах¹.

Завтракаю у Фуке с Мэдж и Гога. Опять разговоры об «условиях», на которых Трансильвания «согласилась» бы присоединиться к Румынии. Всё весьма туманно.

Обедаю с А. Д. Б. Он, как всегда, очарователен. Говорит мне, что со времени его посещения Америки у него навсегда сохранилось глубокое уважение к президенту Вильсону, как к человеку и учёному, но он никогда не видал его за работой. Удивительно, что за круглым столом он так же хорош, как и за книгой. Он держит себя на заседаниях большой пятёрки всегда твёрдо, скромно, сдержанно. Он красноречив, осведомлён и способен убеждать.

Я ставлю вопрос об итальянском договоре.

А. Д. Б. говорил с П. В. «Во время войны, — сказал А. Д. Б., — когда нам было плохо, мы договорились с итальянцами, чтобы они вступили в союз с нами за определённую цену. Они выполнили свои обязательства; если Италия у нас потребует, мы обязаны уплатить сполна по счёту, но, с другой

стороны, и мы и итальянцы обязались принять вильсоновские принципы; эти принципы придают новое значение прежней цене. Если итальянцы захотят, чтобы мы платили по новым принципам, — хорошо, но если они потребуют, чтобы им было уплачено по старому счёту, мы должны полностью сдерживать своё слово».

Спрашиваю, нет ли опасности, что французы, которые контролируют весь аппарат конференции, спешно протащат, что им нужно, прежде чем уполномоченные сообразят, в чём дело. Он соглашается, что такой опасности можно избежать только скорейшим назначением комитетов экспертов для разработки деталей.

Его беспокоит, что П. В. должен вернуться в Соединённые Штаты, чтобы распустить конгресс. Он относится к Хаузу с уважением, но его тревожит, выдержит ли здоровье Хауза такое напряжение². Если Хауз заболит, у нас останутся только Лансинг, Таскер Блисс и Генри Уайт, а они никуда не годятся.

Он мне рассказал, что в субботу, после официального открытия конференции, он и Клемансо спускались вместе по лестнице. На А. Д. Б. был цилиндр; на Клемансо — котелок. Бальфур извинился за свой цилиндр:

— Мне сказали, что все обязаны быть в цилиндрах.

— Да, — ответил Клемансо, — мне тоже.

22 января, среда.

Работаю всё утро. Кроу невменяем по поводу Кипра и не позволяет мне даже упомянуть о нём. Я объясняю: 1) что мы захватили Кипр столь же непозволительным образом, как итальянцы подцепили Додеканез³; 2) что он полностью греческий и при всякой интерпретации принципа самоопределения вотировал бы за Грецию; 3) что он нам не нужен ни стратегически, ни экономически; 4) что мы ставим себя в фальшивое положение с точки зрения морали, когда требуем от всех уступок в интересах самоопределения, а сами ничем не хотим поступиться. Как можем мы сохранить Кипр и выражать наше возмущение итальянцами, захватившими Родос? Он отвечает: «Ерунда, мой дорогой Никольсон. У вас не очень ясная голова. Вы воображаете, что вы искренни и последовательны. На самом деле этого нет. Можете ли вы применить самоопределение к Индии, Египту, Мальте, Гибралтару? А если вы не готовы идти так далеко, то вы не вправе претендовать на последовательность. А если вы на это готовы, то вам лучше немедленно вернуться в Лондон». Милый Кроу, из всех людей, кого я знаю, он правдивее всех.

«Друг Венизелоса» Джеральд Тальбот приходит сообщить мне под строгим секретом, что Соннино предложил грекам сделку, по которой итальянцы поддержат греческие претензии на Смирну и Додеканез, если греки откажутся от северного

Эпира и, таким образом, передадут Албании (т. е. Италии) побережье напротив Корфу. За Грецией останется Корица. Полагаю, что Соннино, зная, что П. В. намерен отдать грекам и Смирну и Родос, хочет получить «компенсацию» за уступку, которую он должен сделать при любых условиях. Не лучше ли будет для Венизелоса ответить, что он «принял с благодарностью» согласие Соннино на уступку грекам Смирны и Додеканеза, и прибавить, что вопрос о северном Эпире он охотно поставит на решение Совета десяти.

23 января, четверг.

Утром был А. Ф. Уайт. Печать в тревоге перед очевидной неспособностью конференции заняться, наконец, установлением мира. Газеты обвиняют Ллойд-Джорджа в том, что он с самого начала не дал поручений комитетам экспертов. Решение о Принцевых островах⁴ рассматривается как внезапное и плохо продуманное. Подозревают французов в желании затянуть время, пока президент Вильсон не покинет Парижа: до тех пор, пока он здесь, он представляет подавляющую моральную силу, но как только он уедет, французы смогут подтолкнуть других на решения. Впрочем, Ллойд-Джордж в последние дни справляется довольно быстро с Верховным советом. Они обсуждали Россию, кайзера и германские колонии.

За завтраком был Венизелос. Так как он ещё не установил личного контакта с американскими экспертами, то я пригласил Дэя, Карпентера и Либайера для встречи с ним. У него был горячий спор с болгарофилом Либайером о болгарской Фракии. Венизелос — уравновешенный, обаятельный, воспитанный и способный человек. Очень удачный завтрак.

Вечером обедал с американской делегацией в «Крийоне» и встретил Виктора Берара. «Ich bin kein kolonial»*, — говорит он и затем развивает проект раздела Турции на пять кусков, по куску на каждую великую державу.

23 января, четверг.

(ИЗ ПИСЬМА К ОТЦУ)

Здесь много бессистемной работы, и я не уверен, много ли в ней проку. Чувствуется, что все вопросы будут решаться наспех большими людьми, которые даже и не взглянут на наши планы и схемы.

24 января, пятница.

Пустой день. Утром был Восняк, словен. Отчаянный империалист. Требуется Истрию, Клагенфурт, Тимишоару. Никуда не

* Я не империалист. — Прим. ред. перевода.

годится. Тальбот рассказал, что сделка Венизелоса с Соннино провалилась. Встречаю в коридоре Уинстона Черчилля.

— Здравствуйте, — говорю ему, — не прибыли ли вы нас поторопить?

— Нет, — отвечает он, — я приехал, чтобы заполучить для себя армию.

Обедал со Спирсом. Верховный совет сделал строгое предупреждение малым державам, которые стремятся разрешить вопрос о своих притязаниях путём военной оккупации спорных территорий.

25 января, суббота.

Опять завтрак со Спирсом в честь Братиану и Диаманди, только что прибывшими для решения судеб Румынии. На завтраке присутствуют Чарльз Секвилль Вест, Бродрик, Сесиль Хиггинс. Удивительно, что все говорят прекрасно по-французски; это так редко среди британских офицеров. Братиану — бородатая баба, страшный лицемер, провинциальный интеллигент из Бухареста, исключительно неприятный субъект. Смазливый и болтливый, он закидывает голову и ловит отображение своего изящного профиля в зеркале. Произносит надуманные каламбуры, воображая себя почти парижанином по остроумию. Весь завтрак он ругал русских и Саррайля, что они не могли спасти Румынию в 1916 г. Я долго говорил с Диаманди. Это спокойный маленький человек, воркует, как голубок. Говорил ему о том, что не следует настаивать на договоре 1916 г.⁵ после подписания сепаратного мира между Румынией и Германией. Настаивать на нём значило бы раздражать Совет десяти и возмущать югославов. Диаманди продолжал нежно ворковать по-своему.

Верховный совет заседает регулярно. Создано пять комитетов экспертов: Лиги наций, труда, репараций за причинённый ущерб, международного транзита и преступников войны.

26 января, воскресенье.

Всё утро работал над запиской и примечаниями к Программе греческих требований, которую Венизелос представил конференции. Я полностью поддерживаю её, хотя в части, касающейся Малой Азии, она преувеличена.

Настроение в Париже оборачивается против Вильсона и американцев. Пока это ещё смутная неприязнь, нисколько не отражённая в документах. Французы в бешенстве, что П. В. только теперь посетил разрушенные районы Франции.

Вечером у Этьена де Бомона, где Жан Кокто⁶ читал «*Car de Volpe Espérance*» («Мыс Доброй Надежды»). Не очень убедительно. Там были Пенлеве, Поль Адам. Обратились с Жаном Кокто по улицам, запорошённым снегом, Мы прошли

мимо особняка принцессы Роган с его белой крышей. «Браво, принцесса!» — закричал Кокто и заплодировал своими изящными руками.

26 января, воскресенье.

(ИЗ ПИСЬМА К ОТЦУ)

Масса работы, по большей части взятой на себя по собственному желанию, но до отвращения зряшной и нелепой. Большая десятка, или большая пятёрка (их называют так или этак), разрешает важнейшие вопросы при закрытых дверях, не считаясь с принципами и безответственно. Они редко обращаются к фактам и аргументам, специально приготовленным для них сотрудниками. Рано или поздно это пренебрежение к мнению специалистов приведёт к катастрофе. До настоящего времени, за исключением водевиля с Принцевыми островами, большого вреда ещё не было. Но какая мука готовить меморандумы, которые никем не читаются, не проводятся в жизнь, не рассматриваются, не используются и даже не отклоняются. Мы ещё не дошли до дела, и вся эта задержка есть попросту отражение легкомыслия и ревности к своим полномочиям со стороны Совета. Когда практические вопросы всё-таки всплывают, они разрешаются наспех, а между тем если бы комитеты экспертов действовали в течение истекших недель, они могли бы без труда подготовить нужные вопросы для рассмотрения большой пятёрки. Чорт их возьми совсем! Решение о Принцевых островах было принято без консультации с самими русскими; удивительно, что они его отвергли.

27 января, понедельник.

Закончил мою записку и примечания к программе Венизелоса. Я прихожу к выводу, что их притязания на северный Эпир оправданы, за исключением Корицы. Обе Фракии — восточная и западная — оправданы. Также и в Малой Азии, за исключением части Айдинского вилайета и долины Меандера.

Заходил К. Б. Томсон, который, видимо, пишет такую же докладную записку для Генри Вильсона.

Был на завтраке представителей французской прессы в «Мэзон Дюфайель»; присутствовало 300 человек. Выступали Пишон, Тардьё, Джордж Риддель. Не очень интересно. Яркое впечатление растущей ненависти французов к американцам. Последние, несомненно, раздражают парижан. Было несколько неприятных инцидентов. Американские власти чувствуют себя неважно и ввозят своих вооружённых полицейских. Вильсон разделяет эту растущую непопулярность. Единство Франции и Америки едва скреплено памятью Лафайета.

28 января, вторник.

Утром заглянул Обри Херберт; он прихрамывает и неряшлив. По его словам, он представляет американских албанцев. Огорчён моим мнением, что Греция должна получить Аргирокастро, но рад, что, по-моему, Корица должна остаться за Албанией. Я направил его в отель «Крийон» к американцам. Приятный человек.

Целый день работал. Неприятная работа. Обедал у Венизелоса. Хорошо натопленная гостиная; на столе — мимозы и розы; Венизелос — в роли гостеприимного хозяина. Он в отличной форме. Рассказывает о короле Константине, о его лжи и его уловках. Говорит об ушедших временах восстания на Крите, когда он бежал в горы и изучал там английский язык, читая «Таймс» и держа винтовку на коленях. Говорит о греческой культуре и о связи современной Греции с Грецией классической; мы уговариваем его продекламировать нам Гомера. Странное, волнующее впечатление. Говорит о короле Фердинанде и о Даневе, о Лондонской конференции после Балканских войн. Всё вместе представляет странное смешение: личное обаяние плюс разбой, плюс мировая политика, плюс патриотизм и мужество, и литература, а надо всем — большой, крепкий, улыбающийся человек с поблескивающими через очки глазами и в квадратной чёрной шёлковой ермолке.

В Верховном совете произошёл скандал между японцами и китайцами из-за Шаньдуна.

29 января, среда.

С утра на Кэ д'Орсэ. Я был вызван, так как чехи должны были делать доклад Совету десяти, и по каким-то странным соображениям предполагалось, что я эксперт по чешским делам. В передней на золочёных стульях, как в приёмной у зубного врача, сидели Крамарж и Бенеш. Крамарж — большой, грузный, волосы ёжиком, разговорчивый, походит на приятного немца. Бенеш — маленький, жёлтый, немного резковат и заносчив, с интеллигентными глазами, как у Кейнса, большой лоб. Мы говорили о Тешине и его угле, об Одерберге, его железнодорожных коммуникациях, о венгерских украинцах, карпато-руссах. В разгаре разговора врывается Пишон; он суетлив и напоминает слепую сову, которая во всё тычется носом. Он говорит, что нам незачем оставаться здесь. Уходим.

Завтракал с Тойнби и встретил майора Джонсона, географического эксперта американской делегации. Он хорошо осведомлён, и я хочу просмотреть с ним ряд вещей и заодно ознакомиться с картами. После этого усиленно занимаюсь чехословацким вопросом, который уже представлен в Верховный совет. Выводы: Чехия и Моравия, историческая граница оправдана, несмотря на то что в пределах этой границы много немцев. Те-

шин, Силезия, Одерберг оправданы; Словакия, граница Дуная не оправданы, во всяком случае в требуемых пределах; включение угро-русов оправдано и желательно; сербы-лужичане — просто нелепость⁷; «коридор» для связи с Югославией никак не находит оправдания.

Французская пресса начала издеваться над П. В. и американцами.

30 января, четверг.

Заседание делегации в «Астории» для обсуждения вопроса о Константинополе. Председательствует Гардинг. Представители — военного министерства, адмиралтейства, министерства торговли и министерства по делам Индии. Военные протестуют против передачи Константинополя какой-либо первоклассной державе. Они хотели бы, чтобы он был оставлен Турции под международным контролем. Кроу возражает против «половинчатых решений». Он всегда за *ясные ситуации*. В конце концов было принято решение, что турки должны уйти и на их место должна быть поставлена какая-либо международная администрация. Завтрак с Трумбичем, делегатом Югославии. Это сумрачный человек. Говорит, что столицей нового государства будет, по всей вероятности, Сараево, а не Белград или Загреб. Он предлагает назвать государство Далмацией вместо С. Х. С. — глупого и провокационного названия.

31 января, пятница.

Опять заседание делегации по вопросу о будущем Малой Азии. Гардинг защищает оставление Смирны за Турцией. Его поддерживают военные. Кроу против. В конце концов решено, что она должна отойти к Греции с зоной, указанной на моей карте. Вскликаю и, не дожидаясь конца завтрака, лечу на заседание Совета десяти. Вновь ожидание в передней. Напротив растянулся солдат личной охраны П. В. Он читает «Постель из роз». Хэнки берёт меня на заседание. Пишон вызывает туда же Братиану, Мизу, Пашича и Трумбича. Ну и компания!

Высокий зал; потолок, как купол храма; тяжёлые канделябры; гобелены Екатерины Медичи вдоль всех стен комнаты; колонны из современного дуба в дорическом стиле; электрический свет; роскошный обюссоновский ковёр; стол времён Регентства, за которым сидит Клемансо; напротив — два стула для румын; секретари и эксперты — на маленьких золочёных стульях; всего двадцать два человека. За зелёными шёлковыми занавесками сгущаются сумерки и зажигаются один за другим огни. Большая десятка сидит в нестройном ряду справа от Клемансо; рядом с ним, согнувшись в три погибели, — Пишон. Позади — Дютаста. Тишина, очень жарко, люди ходят неслышными шагами, секретари расторопно подносят и относят карты.

Братиану по-шутовски встаёт, начинает речь. Он, несомненно, мнит себя величайшим государственным человеком из всех присутствующих. Время от времени на его губах появляется улыбка иронии и превосходства. Он вскидывает голову, чтобы показать красивый профиль. Он производит отвратительное впечатление.

Поднимается Бальфур, слегка зевая обходит свой стул и спрашивает меня о нашей линии раздела Баната. Это область компетенции Липера, и он тут же даёт справку. Бальфур показывает её с подчёркнутым безразличием Соннино. Румынам отвечает Веснич, хорошо и скромно. Нападает на тайный договор. Потом опять Братиану. Затем Трумбич и старый Пашич. У президента Вильсона затекла нога; он встаёт и прогуливается взад и вперёд по мягкому ковру, постукивая чёрными начищенными ботинками, чтобы размять ноги. На мгновение он подсаживается к югославам. Затем мы все снова исчезаем за двойной дверью⁸. Общее впечатление, что Братиану провалился. Вечером Мизу обедает с нами.

1 февраля, суббота.

Всё утро работал в «Астории». Во второй половине дня — продолжение доклада Братиану на заседании Верховного совета. Братиану говорит, что ему во второй раз приходится держать устный экзамен в Париже. В первый раз он получил диплом адвоката. «Тогда ещё экзаминаторы знали больше, чем я». Глупый осёл. На этот раз он многословен, необедителен и по-балкански провинциален. Вдруг Клемансо просит нас спешно покинуть зал. Я прихожу в ужас, так как все мои карты находятся у Бальфура, а он обладает свойством терять официальные документы. К счастью, Хэнки извлекает их у него. Вечером — на обеде румынской колонии в Париже. Прекрасная речь Таке Ионеску. Ненавижу званые обеды.

2 февраля, воскресенье.

Отправился на вокзал Сен-Лазар, чтобы встретить Неда Лютенса, но тот не явился. Обедал с Антуаном Бибеску, Жаном Кокто и Елизаветой Асквит. Антуан и Елизавета помолвлены. Оставляю их на вокзале встречать Лютенса, который, наконец, приезжает.

3 февраля, понедельник.

Утром — на заседании Верховного совета; Венизелос произносит речь на тему о своих притязаниях.

Это выступление совершенно не походит на вчерашнюю комедию Братиану. Он начинает с показа чудесных фотографий — ловля губок в Додеканезе. Поскольку все уже имеют его письменный доклад, то повторяться нет необходимости, и он

рассказывает несколько анекдотов для иллюстрации своих положений. Венизелос говорит просто и легко. Присутствующие смотрят его альбом с фотографиями, которые приводят всех в хорошее настроение. Начинает он ловкими комплиментами итальянцам, что тоже создаёт хорошее впечатление. Переходя к северному Эпиру, он говорит, что вопрос о языке не имеет большого значения. «Например, — продолжает он, — многие выдающиеся греки, такие, как адмирал Кондуриотис или мои коллеги гг. Данглис и Репулис, говорят дома по-албански, точно так же как г. Ллойд-Джордж разговаривает по-валлийски со своими детьми». Ллойд-Джордж при этом сияет. «Самый лучший показатель, — продолжает Венизелос, — это посещаемость школ. Вот данные о тех, кто посещает греческие школы, а вот данные об албанских школах. Вы видите, что процент посещаемости греческих школ гораздо выше. Это не потому, что греческие школы дают лучшее образование, чем албанские. Отнюдь нет, ибо албанские школы, в главных центрах, имеют преимущество в лице американских учителей». Теперь сияет Вильсон. После этого нас выставляют за дверь. В передней встречаю Орпена⁹ в сопровождении вестового, который несёт его расписные вазы в Зал часов. Завтракаю с Недом Льютенсом. Присутствует Огюстус Джон; он пишет «аллегорическую» картину конференции. О, боже!

Обедляю с Братиану. Отвратительный вечер. Заседание Комитета Лиги наций.

4 февраля, вторник.

На заседании Верховного совета; заключительная часть речи Венизелоса. Он говорит о притязаниях греков в Малой Азии. Опять он очень хорош, но не так логичен и не достигает такого эффекта, как вчера. Итальянцы произнесли в заключение несколько приятных слов. П. В. им аплодирует: «Браво! Браво!» — говорит он, ударяя почти бесшумно ладонями. Клемансо, как всегда, едва улыбается улыбкой раздражённого, скептического и склонного к неврастении гориллы.

Я стою немного поодаль, пока обсуждают вопрос о создании Комитета экспертов для разбора греческих притязаний. Предложение выдвигает Ллойд-Джордж, П. В. его поддерживает. Клемансо коротко суммирует. Кто против? Нет. Принято... Итальянцы вздыхают, так как они менее всего желали создания такого комитета.

Снаружи, в передней, куда мы пролезаем бочком через толстые двойные двери с нашими книгами, картами и папками, мы застаём атташе печати, который диктует только что утверждённое коммюнике маленькой застенчивой девушке. Она похожа на склонившуюся над книгой мышку. Через несколько мгновений коммюнике будет достоянием всего мира, а через

час оно появится на зелёной доске объявлений в Казино. Возвращаюсь с Хэнки. Неизвестно, буду ли я включён в Греческий комитет. Знаю, что Ллойд-Джордж выдвигал мою кандидатуру. За эти дни конференция проделала большую работу. Также и мы. Мы поддерживаем тесный контакт с американцами, хотя до настоящего момента у нас не было общего фронта, главным образом потому, что французы и итальянцы на нас обижаются (совершенно очевидно, что мы должны координировать наши точки зрения). Мои постоянные дискуссии с американцами должны этому помочь. Мы установили взаимное доверие.

Рабочий вопрос в Англии вызывает опасение. На Клайде были серьёзные волнения.

5 февраля, среда.

На заседании Совета десяти слышал выступление чехов. Докладывал Бенеш, а Крамарж сидел с решительным видом позади. Последний разделяет возмущение Братиану по поводу того, что их третируют, как если бы они не имели никакого значения. Должен сказать, что Клемансо отчаянно груб с малыми державами; но он отчаянно груб и с великими державами.

Своё выступление Бенеш начал в 3.00 и закончил в 6.30. Длинная и утомительная речь. Он слишком задерживался на мелочах; между тем все устные выступления — комедии. Когда всё кончилось, к Крамаржу подошёл Клемансо. «Как долго говорил этот ваш Бенеш!» Хуже всего у Клемансо то, что он говорит так громко. Я сидел позади Лл. Дж. и Бальфура, которые поставили меня в затруднительное положение, начав обсуждение моей кандидатуры в Чешский комитет. Обедаю с Грантом и Ноксом из «Морнинг Пост». Пью слишком много бургундского. Узнаю, что назначен в Греческий комитет в качестве технического советника; честное слово, не знаю, что сие означает. Кроу и Роберт Борден назначены нашими официальными представителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. стр. 186, примечание 22. Отделения Комитета были в Бухаресте, Константинополе, Варшаве, Вене, Праге, Будапеште, Белграде и Загребе.

² В ноябре 1918 г. Хауз был болен настолько тяжёлой инфлуэнзой, что возникли опасения за его жизнь. Распространились даже слухи о его смерти, и в прессе помещались некрологи.

³ Острова Додеканеза с преимущественно греческим населением были оккупированы Италией в 1912 г., во время войны с Турцией. По Лозаннскому мирному договору 15 октября 1912 г. Италия сохранила Додеканез, оговорив, что оккупация его является временной, залогом выполнения Турцией условий договора. При заключении Бухарестского мира Италия, ссылаясь на невыполнение Турцией Лозаннского договора, добилась у держав

санкции на продолжение оккупации. Договором 26 апреля 1915 г. Италии было обещано признание её суверенитета над Додеканезом, и Лозаннский договор 24 июля 1923 г., несмотря на возражения греков, закрепил Додеканез за Италией.

⁴ *Принцезы острова* — см. стр. 114, примечание 11.

⁵ Договор о вступлении в войну на стороне союзников 17 августа 1916 г. См. стр. 117.

⁶ *Жан Кокто* — французский писатель, примыкавший в период Парижской конференции к так называемым дадаистам и сюрреалистам. Впоследствии стал мистиком и перешёл в католичество.

⁷ *Лужичане* — славянский народ, в V веке поселившийся в верховьях реки Шпрее. При Карле Великом были покорены немцами. С 1815 г. лужичане входили в состав Пруссии. С сербами их связывает совместная борьба в VII веке против франков и аваров под предводительством князя Само. Несмотря на жестокие репрессии, неоднократно восставали против немецких поработителей и сохранили до нашего времени свой язык и культуру.

⁸ В кабинетах министерства иностранных дел были двойные двери, обитые толстым сукном, не пропускавшие внешних звуков.

⁹ *Вильям Орпен* — известный английский художник-портретист; написал большой групповой портрет участников Парижской конференции.

IV. 6 февраля — 9 марта

КОМИТЕТЫ

6 февраля, четверг.

Утром с Чарльзом Сеймуром и американским географом майором Джонсоном занимаемся просмотром румынских и чешских притязаний. Наши мнения в основном сходятся. За завтраком — итальянский делегат Кастольди; в 1913 г. он был членом пограничной комиссии, отправившейся вместе с Дафти Уили на юг Албании¹. Кастольди отлично знает местные условия. Это приятный, но лукавый старик. Во второй половине дня вместе с Кроу идём к сэру Роберту Бордену ввести его в курс дела о притязаниях Греции. Он умён, с ним легко иметь дело, и он, несомненно, будет хорошим представителем.

7 февраля, пятница.

Я и Чарльз Сеймур из американской делегации потратили большую часть дня на проведение румынской и чешской границ. Большая работа и приятная тем, что действительно что-то нами сделано. Было всего несколько пунктов, по которым мы разошлись. Наш Греческий комитет должен был начать работу сегодня. Затем его отложили до понедельника, а теперь, как мне стало известно, и до четверга. Борден негодует и собирается устроить скандал. Я думаю, что отсрочка произошла по вине итальянцев, страстно желающих сепаратного соглашения с греками об Албании.

8 февраля, суббота.

Снова весь день работал с американцами. Закончили почти всё. Первое заседание Румынской комиссии (Кроу и Аллен Липер). Основная работа проделана вместе с американцами; это очень важно. Вечером иду на приём к Бони де Кастелани.

9 февраля, воскресенье.

Подавлен и измучен. Иду в отель «Крийон», где вместе с американцами ещё раз рассматриваю греческие притязания. Итальянцы в самом деле решили заключить самостоятельно сделку с греками и рассчитывают получить для своего протектората — Албании — греческие районы на юге страны, включая, таким образом, и пролив Корфу. Американцы ни за что не согласятся на это решение, которое напоминает им о Венском конгрессе². В вопросе о Фракии они всё ещё за болгар. Обедал с Титулеску в «Кафе де Пари»; там была Елена Вакареску; вот умница!

10 февраля, понедельник.

Работал целый день и трижды говорил с Лондоном по телефону. Обедал с Бродриком в Жокей-клубе. Там было много французов. Их недовольство Вильсоном и Америкой нарастает. Они не хотят Лиги и говорят, что Вильсон, настаивая на обсуждении устава, затягивает заключение мира. Это чепуха. Уставом комитет занимается в вечерние часы вплоть до полуночи, так что весь день остаётся в полном распоряжении Совета десяти, чтобы продвигать другие вопросы. Лл. Дж. отбыл в Лондон в связи со стачкой.

11 февраля, вторник.

Верховный совет обеспокоен позицией Веймара³ и германского народа при новом строе. Они решают при возобновлении перемирия выдвинуть такие условия, которые в случае их принятия создадут реальную базу для «прелиминарного» или, скорее, военного мира. И тогда демобилизация может быть проведена так быстро, как им хочется. Французы всегда ругают Ллойд-Джорджа за слишком поспешную демобилизацию, а наши газеты проклинаят его за то, что он демобилизует войска недостаточно быстро. Между тем вооружённые силы союзников тают. Ходят слухи о волнениях среди французских и британских войск.

Во вчерашнем «Фигаро» отчаянные нападки на Вильсона. Мне передавали, что он в ярости и угрожает перевести конференцию в Женеву. Было бы хорошо, если бы он так поступил.

12 февраля, среда.

Завтракаю в ресторане «Матюрен» с Венизелосом и Тальботом. Первому очень хочется узнать о Греческом комитете (не «комиссии»; Кроу — человек, точный в выражениях, не позволяет мне называть его «комиссией»... «Дорогой Никольсон, комиссия — это организация, которую направили в определённое место, а комитет — это организация, заседающая в центре»). Как бы там ни было, наш комитет собирается во второй поло-

вине дня в столовой на Кэ д'Орсэ в 4.00, под председательством Жюля Камбона. Остальные члены комитета — Ларош, де Мартино, Кастольди, Дэй, Чарльз Сеймур, Борден, Кроу и я — «технический делегат». Обсуждали северный Эпир. Никто не хочет раскрыть свои карты; Камбон отправляет нас всех домой; мы должны вернуться с какими-нибудь определёнными наметками на карте.

Жаркое заседание Верховного совета по вопросу о продлении перемирия.

13 февраля, четверг.

Сильно простудился; возможно — инфлуэнца. За завтраком — Мартино и Кастольди. Всю вторую половину дня провёл за изучением карт северного Эпира. Меня назначили также и в Чешский комитет. Здесь моим шефом — сэр Джозеф Кук, премьер Нового Южного Уэльса.

14 февраля, пятница.

Утром разъясняю сэру Джозефу Куку, каковы его функции. Третье пленарное заседание конференции. Вильсон зачитывает свой набросок устава Лиги. Вслед за тем он должен уехать из Парижа в Вашингтон, чтобы распустить конгресс на каникулы. Льёт дождь.

15 февраля, суббота.

По болезни де Мартино отложен Греческий комитет. Борден в негодовании и посылает решительное письмо Жюлю Камбону. За завтраком у Кроу встреча с де Мартино. Как это по-итальянски! Имел длинный и неприятный разговор со стариком Бурше из «Таймса». Он тяжело переживает поражение Болгарии; сам он стар, глух и беспомощен. Обедал с Льютенсом в ресторане «Мёрис», а оттуда в «Мажестик», где танцевали. Там был принц Уэльский; он попрежнему застенчив и печален.

16 февраля, воскресенье.

Перемирие возобновлено. Иду завтракать в клуб «Дюфайсль». Пересекая Елисейские Поля, встречаю британского сержанта; его лицо кажется мне странным. Подойдя ближе, я вижу, что он плачет; огромные слёзы катятся по его щекам. Оказывается, это Уолтер Вильсон, ординарец, секретарь, спутник Марка Сайкса. Подходит ко мне рыдая. Он говорит, что Марк Сайкс умирает; не могу ли я телефонировать в Лондон или, ещё лучше, дать знать в Следмер, чтобы предупредить семью и нотариуса. Леди Сайкс здесь.

17 февраля, понедельник.

Вчера в отеле «Лотти» умер Марк Сайкс. Его очень жаль. Это большая потеря. Благодаря его настойчивости и последо-

вательности, его энтузиазму и убеждённости арабский национализм и сионизм оказались двумя картами, на которые мы успешно ставили во время войны. За свои убеждения ему приходилось бороться с невежеством Форейн оффис, с подозрительностью Интеллидженс Сервис⁴, со скупостью казначейства, с обструкцией военного министерства и с глупостью адмиралтейства. И всё это он преодолел силой своего динамического темперамента. Были у него и ошибки, такие, например, как договор Сайкс — Пико, но он отстаивал свои мысли со всей страстью гения. Потерять его, бурного, остроумного, неряшливого, толстого, милого, легко возбуждающегося человека, радующегося собственным шуткам и рисункам (не забыть его вечного пера, набрасывающего карикатуры, и Марка, который при этом смеялся, как ребёнок). Я угрюм и грустен. Он пользовался влиянием в палате общин; он мог бы принести много пользы теперь, когда в палате господствуют истерия и неврастения.

Обедал с Латемом из австралийской делегации. Он секретарь Юза. Мне жаль его. Способный и пытливый ум.

18 февраля, вторник.

С утра — Греческий комитет. Мы обсуждаем северный Эпир. Наша линия южнее Воюссы совпадает с американской. Французы хотят отдать Корицу грекам. Кроу склонен согласиться, но я прошу его резервировать решение.

Во второй половине дня на заседание Совета десяти явились югославы. Они требуют Триест. Под конец скандал по вопросу, нужно ли передавать требования югославы в комитет, подобный другим комитетам. Итальянцы заявили, что они не позволят никакому комитету вмешиваться в вопросы, связанные с «границами, прямо или косвенно относящимися к интересам Италии». Они также не желают допустить, чтобы П. В. играл в этих вопросах роль арбитра. В конце концов решено, что Югославский комитет будет создан, но в нём будут разрешаться только те вопросы о границах Югославии, которые не задевают интересов Италии. На подобных условиях работает Румынский комитет.

19 февраля, среда.

Греческий комитет в 10.00. Мы ждем Жюля Камбона, который всё не появляется. Вдруг в дверь просовывается его голова. Камбон говорит, что на Клемансо произведено покушение; просит Бордена вести заседание, пока сам он отправится на улицу Франклина, где живёт Клемансо, и узнает, как обстоит дело. Мы начали довольно бессвязное обсуждение северного Эпира. Возвращается Жюль Камбон. Старик жив, пуля попала в лёгкое. «Врач, — сказал он, — запретил ему говорить, а ста-

ричина всё время бодтает». Выражаем сочувствие. Кроу в волнении говорит, что у его зятя сидит пуля в лёгком с войны 1870 г. «А! — говорит Камбон, — тоже пуля боша?» Кроу одобрительно улыбается. Затем мы возвращаемся к обсуждению вопроса о северном Эпире. На обратном пути в «Мажестик» Кроу говорит, что пуля в лёгком его зятя, собственно, французского происхождения, так как его зять немец. Мы обсуждаем вопрос о моральном мужестве. Следовало ли Кроу возразить Камбону и сказать: «Нет, это была французская пуля!» Кроу считает, что следовало; у него угрызения совести, что он этого не сделал. Я возражаю: ведь это значило бы не понять настроения в тот момент. «Лицемерие», — говорит Кроу. Милый Кроу!

Тем временем мы продолжаем в комитете обсуждение северного Эпира. Итальянцы выпускают забавного адмирала, который пространно объясняет, как важен для будущего Италии пролив Корфу. Мартино поручает старику Кастольди рассказать нам о пограничной комиссии 1913 г. К счастью, я принёс с собой протоколы этой комиссии. Кастольди говорит, что тогда единогласно было принято решение о переходе Аргирокастро к Албании. Я быстро нахожу это место в протоколах. Там говорится, что итальянский делегат (т. е. сам Кастольди) выразил такое мнение, но оно было отклонено всеми остальными. Кроу зачитывает это место. Кастольди делается пурпурным от гнева. Пробует разбушеваться. «Lascia stare» («Оставьте»), — рычит на него Мартино. Всем очень неловко. Но Кастольди хороший парень; он попросту говорит мне: «Ну, и чертёнок же вы». Мы решили не идти дальше, пока не заслушаем мнения представителей от населения.

Был затем у Бальфура. Дал ему пояснения по албанскому вопросу. Затем усиленно работал по делам Чехословакии.

20 февраля, четверг.

Утром — Греческий комитет. Обсуждаем Фракию. Соглашаемся считать греческие притязания в принципе принятыми и поручить трём делегациям (т. е. нам, французам и янки) наметить линию границы. Итальянцы, как всегда, упираются и недовольны.

Опять приходил старик Буршье. Он хотел бы автономии Македонии, включая Салоники и Ускюб, но исключая всю болгарскую территорию. Мне кажется, он немного сумасшедший. Он трогателен, и мне страшно больно видеть моего старого друга софийских времён и детства в таком тяжёлом состоянии.

Обед с леди Мюриель Пэджет. Она едет в Прагу для участия в Комиссии помощи. Это женщина потрясающей энергии. Премьер-министры у неё на побегушках.

21 февраля, пятница.

Греческий комитет. Малая Азия. Американцы высказываются против греческих притязаний. Мы высказываемся за. Итальянцы, когда их спросили, прежде всего заявляют, что вопрос этот не в их компетенции; когда это их утверждение опровергается, говорят, что у них нет инструкций и они не знают, когда их получают. Французы придерживаются мнения, более или менее сходного с нашим. Решаем ждать итальянских «инструкций» (в чём бы они ни заключались); тем временем возвращаемся к Европе.

Не понимаю поведения итальянцев. Они ведут себя, как дети, и при этом обиженные дети. Они мешают всему, всё откладывают и, очевидно, полагают, что, делая неприятности по всякому поводу, они заставят конференцию дать им лучшие куски пирога, чтобы они успокоились.

За завтраком — Таке Ионеску; завтрак — в честь трансильванского лидера Вайды: человек достойный и понятливый. Хотел бы, чтобы все румыны были на него похожи.

Спешу на заседание Совета десяти. Сегодня приглашены албанцы. Их представляет Турхан-паша, который был турецким послом в Петрограде, когда там был мой отец. Он очень, очень стар и всем недоволен. Его сопровождает молодой, весёлый и остроумный Мехмед бей Коница.

Обедаю с Норманом⁵. Очень взволнован предстоящим банкротством Австрии. Занимаюсь этим до часу ночи.

22 февраля, суббота.

Утром не было заседания. Занимаюсь австрийским долгом и границей Фракии. Кроу, который занят в других комитетах, склонен возложить на меня подготовку докладов. Борден доверяет Кроу; комитеты обычно принимают мнения нашей делегации. Поэтому на мне лежит большая ответственность. Провожу всю вторую половину дня в передней на Кэ д'Орсэ, так как считается, что Комитет десяти, может быть, поставит вопрос об Албании. Но они застряли на вопросе о будущем порядке мира, и албанский вопрос так и не всплывает на поверхность. Потерял драгоценное время. Мы получаем распоряжение представить доклады всех комитетов не позднее 8 марта.

23 февраля, воскресенье.

Отдыхаю на прогулке с Алленом Липером и Райсом Карпентером в Сен-Жерменском лесу. Чувствуется первое дыхание весны в запахе чёрных стволов деревьев.

24 февраля, понедельник.

Утром — Греческий комитет. Венизелос вызван для объяснений. Мы застаём его в большой столовой, где происходят засе-

дания. Он сидит одиноко на золочёном стуле, в чёрной ермолке. В это время прибывает Жюль Камбон, и Венизелоса просят оставить зал, чтобы без него обсудить, какие же вопросы мы должны ему задать. Со стороны нас, англичан, вопросов нет. Несколько вопросов выдвигают итальянцы. Очевидно, они ознакомились с докладом Венизелоса десятке и составили список, выбрав наиболее острые вопросы. Некоторые из них были сняты Камбоном как умышленно направленные против Венизелоса. После такой предварительной стычки Венизелоса вызывают из соседней комнаты. Похоже на детскую игру. Вот-вот, казалось мне, Венизелос начнёт с вопроса: «Вы загадали живое, растение или минерал?» Но он начал не так. Венизелос удивительно искренен, полон жизни и изящества. Его обаяние озаряет всю комнату. Как всегда, оно восторжествовало, но лёд всё же не был пробит. Такие речи даже в так называемом собрании экспертов — фарс. Завтракаю с Осуским и Мюриель Пэджет. Осуский — чешский представитель в Лондоне; он говорит по-английски с лёгким чикагским акцентом. Кажется человеком весьма умеренным.

Затем назад на Кэ д'Орсэ. Совет десяти знакомит старого Турхан-пашу с мнением по албанскому вопросу, или, точнее, знакомит албанский вопрос с Турхан-пашой. Перед Турханом — кучка напечатанных на машинке страниц, и он бубнит в свою окрашенную хной бороду. Десятеро болтают и смеются. За него делается больно. В конце концов весь албанский вопрос передан в наш Греческий комитет; это значит, что работы прибавляется. Идём обратно с Дзем в «Крийон» и рассматриваем возможные границы Фракии. Тяжёлый труд. Как неуверенно чувствует себя каждый из нас! Карта, карандаш и копирка. Меня покидает мужество при мысли о людях, судьба которых зависит от наших карандашей; мы играем судьбой нескольких тысяч человек. Как несовместима спешка с исследованием подлинных нужд!.. Ни в книгах, ни в статистике, ни на картах, ни в сообщениях мы не найдём *ничего* для нас нового; но ведь за всем этим кроются где-то живые люди с живыми человеческими желаниями, скрытыми за этой бесконечной ложью. За пять коротких лет нельзя выяснить, за кем большинство и чего оно действительно хочет. Наши взгляды, наши решения остаются по необходимости эмпирическими, мы можем руководствоваться лишь благородством цели.

Дэй говорит, что французы пытаются уговорить Вильсона отдать им Рейн. «Нет, не владеть им...»⁶

25 февраля, вторник.

«Свободный» день. Утром иду к Венизелосу в отель «Мерседес»; разговор о границах Фракии. Затем работаю целый день.

Британская делегация

Париж

25 февраля 1919 г.

Дорогой отец!

Леди Мюриель Пэджет надеется, что ты согласишься участвовать в чехословацком фонде помощи, который организован под руководством г. Сэмюэля Хора. Я надеюсь, что ты выразишь согласие не только потому, что я вхожу в состав Чехословацкой комиссии, но и потому, что наш долг — сделать всё, что мы в силах, и ослабить последствия блокады для тех подвластных немцам народов, которые рисковали собой, действуя совместно с нами. Положение в Чехии ужасное; там вовсе нет ни молока, ни жиров. До 20% детей рождаются мёртвыми и около 40% умирают в течение первого месяца со дня их появления на свет. Я искренно уверен, что ты войдёшь в комитет этого фонда и окажешь влияние на Форейн оффис, чтобы чем-либо помочь; это единственное средство ослабить моральную ответственность за нашу блокаду.

Что же касается самой конференции, то её работа продолжает идти по тому же безответственному и неясному пути. Потеряли шесть недель, прежде чем были созданы необходимые комиссии, а теперь заявили несчастным комитетам, что их доклады должны быть представлены не позже 8 марта! Это значит, конечно, что детали по большей части придётся опустить; я признаю необходимость установить определённый срок, но всё же думаю, что на нас чересчур нажимают во имя политических соображений.

Сами комитеты, которые состоят из восьми членов каждый, продуктивны и действительно ценны, вся подлинная работа конференции проделана ими. Совет десяти должен был бы быть таким же ценным и обладать всей полнотой власти; но, как это всегда случается с такими «олимпийскими» собраниями, Совет десяти так плохо разбирается в том, что важно и что неважно, что тратит время и энергию на совершенно второстепенные вещи.

Что касается американцев, то в общем я нахожу, что они нам очень помогают, прежде всего потому, что хорошо осведомлены, обладают широким кругозором и отличаются исключительной честностью. Французы ведут себя лучше, чем я ожидал, и достаточно умны, чтобы понять, что единственный путь, которому надо следовать, это путь чести и разума. Наибольшие затруднения создают итальянцы, в частности Соннино. Это злой гений конференции. Судя по всему, его пароль для всей делегации — это тактика затяжек и обструкция; в результате единство действий на каждом шагу расстраивается вследствие сознательного противодействия со стороны итальянцев. Всё это приведёт к настоящей драке, и я боюсь, как бы итальянцы скорее не принялись саботировать во всём, чем уступить в чём-

либо. Упрямство и недоброжелательство Соннино не поддаются описанию.

Что касается нашей делегации, то, как и следовало ожидать, центром всего является Кроу. Я должен признать, что премьер-министр исключительно хорошо относится к Форейн оффис. Почти всё, кроме вопросов по существу неполитических и экономических, находится в наших руках. В результате большие военные и морские миссии, находящиеся здесь, чрезвычайно раздражены, а кое-кто из военных уже в негодовании уехал.

Работа настолько интересна, что нет времени подумать об усталости, но я чувствую, что ещё месяц-другой, и мы все свалимся с ног. Помимо напряжения, вызываемого непрерывной работой, гнетёт моральная ответственность: понимаешь, насколько самому легко допустить ошибку и как трудно получить правильное решение о том, что действительно нужно странам и народам, когда базой служит только окружающая нас ложь. За то время, которое отводится нам, мы можем притти только к более или менее эмпирическим решениям; оправданием таких решений может быть только благородство наших целей. К каким бы результатам мы ни пришли, всё равно будут нападки со стороны тех, кто возьмёт на себя защиту обиженных. Но я должен сказать, что это мне уж вовсе безразлично.

Я не могу даже описать, какой замечательной репутацией пользуется здесь Венизелос.

26 февраля, среда.

Утром — Греческий комитет. Мы продолжаем допрос Венизелоса. Мы задаём ему навязчивые вопросы — о защите мусульманских меньшинств, о греческих обязательствах по уплате Оттоманского долга⁷. Завтракаю с Кастольди в ресторане Эдуарда VII. После — у Дзя. Выдерживаю бой по вопросу о Фракии. Дэй хочет лишить греков побережья Чёрного моря. Но он принимает выработанную мной линию Арда. По возвращении хорошо поработал, но чувствую усталость. Последние две недели были очень тяжёлыми, и я предвижу, что следующие две будут не легче. Напряжение велико.

Вечером мы с Тиррелем даём обед в «Мажестик». На обеде — Венизелос и Таке Ионеску. Рассказы о Балканах. Говорят с любовью и уважением о старом Буршье, хотя он помогает их врагам. После обеда идём с Венизелосом на вечер к Бони де Кастелани, в его особнячок на Рю де Лилль. Весь дом освещён восковыми свечами. Очень напоминает Венский конгресс. До французов дошли сведения, что некоторые греческие анархисты охотятся за Венизелосом: весь путь нас охраняют детективы и сопровождают мотоциклисты. Со времени покушения на Клемансо весь Париж наводнён детективами. Странная вече-

ринка у Бони. Сазонов, Гирс, Борис Савинков, Бертело и архиепископ Сплита. Я говорю с ним о том, как глупо со стороны хорватов и словен требовать Горицию и Триест. Он глубоко вздыхает. «Кому вы это говорите?» — ещё раз вздыхает он.

27 февраля, четверг.

Первое заседание Чешского комитета. Иду туда с г. Джозефом Куком. Он принял позу добродушного, но скучающего человека, иногда на его устах появляется улыбка презрения. Это должно означать, что хотя Кук не знает ни географии, ни французского языка, он представляет молодую прогрессивную страну, тогда как все другие — «вырожденцы». И всё же Кук — приятный и толковый человек; у него ангельское послушание. Обсуждаем границы Чехословакии в Чехии и Моравии. Полное соглашение. Затем — Силезия. Я указываю, что мы не можем обсуждать этого вопроса, пока не будем знать решения Польского комитета. Заседание откладывается. Во второй половине дня — Греческий комитет. Заслушиваются «показания» Турхан-паши, Мехмеда бей Коницы и Туртулиса от Албании, Карапаноса и Адамидиса от северного Эпира. Малоприятная и никого не способная воодушевить церемония. Тяжко видеть, как людям, прибывшим из Дедеагача или из Адрианополя⁸, даётся только десять минут для выступления в этой большой, жарко натопленной комнате, перед лицом восьми скучающих людей. Особенно жалок Турхан. Обедаю с Бенешом и Крамаржем, обсуждаем границы Чехии. У Бенеша много контурных карт для детей, пригодных поэтому и для Совета десяти. Крамарж говорит о коридоре, который должен связать Чехословакию с Югославией. Я чувствую себя измученным и ослабевшим и теряю терпение. «Прошу вас, — вырывается у меня, — не говорите об этом. Это глупость». Он ужасно удивлён, а леди Мюриель Пэджет, которая присутствует за обедом, смотрит на меня с упреком своими глубокими синими глазами. Возвращаюсь домой недовольный всем. Нет, этого не перенести.

28 февраля, пятница.

Всё утро — чехи. В Совете выступал сионист Вайцман. Завтракали у г-жи де Жувенель. Там был Борис Савинков, тот самый, который застрелил Плеве и бросил бомбу в великого князя Сергея. Он изображает из себя спасителя России и говорит, что если бы ему дали 150 тысяч человек и шесть недель времени, он бы это доказал.

Во второй половине дня — снова чехи. Присутствует генерал Ле-Рон. Замечательный человек; интеллигентные военные вообще лучше всех. Мы обсуждаем границу Словакии и приходим к соглашению о соединении чехов и румын украинским коридором⁹. Для точного определения границы мы создали подкомис-

сию. Иду к врачу; он прописывает мне сильное укрепляющее средство. Обедаю со стариком Жюлем Камбоном в «Юньоне». Я отдохнул, проведя час с таким остроумным, скептически настроенным, но благородным стариком. Он сообщил мне, что старик Клемансо, вопреки запрещению всех врачей, явился сегодня на Кэ д'Орсэ.

1 марта, суббота.

Всё утро — чехи. Всю вторую половину дня — греки. Снова Малая Азия. Американцы против греческих притязаний. Мы и французы поддерживаем их в несколько иной форме. Итальянцы загораются, заявляя, что они отказываются обсуждать в комитете какие бы то ни было вопросы, связанные с тайными договорами 1915 и 1917 гг. Янки, да благословит их бог, торжественно заявляют, что они не участвовали ни в каких тайных договорах и поэтому не могут их признать. Тогда итальянцы угрожают покинуть конференцию. Вот сцена! Я даю Бордену текст, в котором сказано, что греков нельзя поставить под европейский мандат. Борден читает его вслух; это производит успокаивающее действие, и шум утихает. Я убегаю в Чешский комитет, откуда — из соседней комнаты — доносится гул. Вопрос о границах не очень-то продвинулся. Всё безнадежно и туманно. У кого нет опыта настоящей комитетской работы, тот не может понять, как трудно заставить француза, итальянца, американца и англичанина притти к какому бы то ни было соглашению. Согласие большинства — вещь довольно лёгкая; единогласие — невозможно, а если оно достигается, то лишь в форме неуклюжего компромисса.

2 марта, воскресенье.

Всё утро работал. Завтракал в «Крийоне» с Алланом Даллесом и майором Джонсоном. Во второй половине дня набросал вчерне для Верховного совета доклад о работе Греческого комитета. Доклад полон оговорок и сопровождается содокладами меньшинств по отдельным темам. Мне помогает французский докладчик Краевский. Приятный старик. В 5.00 на Кэ д'Орсэ заседание Подкомиссии о словацких границах. Председателем избран Ле-Рон, и это хорошо. Начали с Братиславы¹⁰ и достигли соглашения. Затем перешли к Гроссе Шютт¹¹. Французы хотели отдать Г. Ш. чехам, американцы — мадярам. Я резервировал наше решение, заявив, что оно будет зависеть от другого и в частности от того, будут ли немецкие округа¹² Венгрии переданы Австрии. Потом разбирали границу от Комарно до Юнга. Чёртовский труд! Янки хотели вести границу на север, вдоль этнической линии, и этим отрезали все железные дороги. Мы хотим вести её на юг, сохраняя рокадную коммуникацию Касса — Комарно, несмотря на то, что при этом 70 тысяч

мадьяр подпадают под власть чехов. В конце концов — компромисс. Янки уступают в вопросе об Эйпеле, а мы в вопросе о Мишкольце. С остальными решили подождать и послушать Бенеша. Обедал с принцессой Сутцов в «Рице». Поистине шикарный обед! На обеде — Пенлеве, Клотц, Братиану, а также Марсель Пруст и Абель Боннар. Пруст — седой, небритый, неряшливый, с одутловатым лицом. После обеда он накинул на себя меховое пальто, сидел сгорбившись; руками в белых замшевых перчатках он взял две чашки кофе, одну за другой, и бросал в кофе кучу сахара. Говорит Пруст без аффектации. Он задаёт мне вопросы. Не могу ли я рассказать ему, как работают комитеты? Я начинаю: «Обычно мы собираемся в 10.00; секретари сидят позади...» — «Нет, не так; вы рассказываете слишком быстро. Начните сначала. Вы садитесь в машину делегации. Подъезжаете к Кэ д'Орсэ. Подымаетесь по лестнице. Входите в зал. А потом? Точнее, друг мой, точнее». И я рассказываю ему всё: о притворной сердечности, о рукопожатиях, о картах, о шуршании бумаг, о чае в соседней комнате, о миндальных пирожных. Он слушает, как зачарованный, прерывая меня по временам: «Пожалуйста, точнее, дорогой мой, не торопитесь, ничего не пропустите».

3 марта, понедельник.

Краевский приходит рано, и мы принимаемся за черновик нашего доклада. Итальянцы прислали доклад меньшинства с оговорками по каждому пункту. Я предлагаю отнести его в приложение. Это опять скандал. Завтрак с Ларошем. Он почти убедил меня, что Корица должна отойти к грекам, потому что там проходит очень важная соединительная дорога с Фессалией. Он объясняет мне, что утверждение Италии на единственной линии связи между Монастир и Санти Каранта вобьёт постоянный клин между Сербией и Грецией. Несчастливая Албания, её поставили под мандат Италии, и затем её урезают в границах, так как никто из нас не доверяет Италии на Балканах. Во второй половине дня — Чешский комитет. Неопределённо и утомительно.

4 марта, вторник.

Снова Краевский. Последняя шлифовка нашего доклада. Чешский подкомитет. Вызываем Бенеша и задаём ему бесконечные вопросы. Я не знаю человека более разговорчивого, чем он. В 4.00 предпоследнее заседание Греческого комитета. 1) Граница Албании. Присоединяемся к французам в вопросе о Корице. Американцы настаивают на изменённой границе южнее Воюссы. Итальянцы требуют границы 1913 г. 2) Болгария и Турция. Мы соглашаемся отдать Венизелосу то, чего он просит, т. е. обе Фракии — восточную и западную. Возможно,

что Совет десяти и отрежет Грецию от Чёрного моря, отведя несколько севернее линию Энос — Мидия. 3) Малая Азия. Принимаем французский вариант с резервированием вопроса о долине Меандера. Янки отказались наотрез. Итальянцы отказываются даже обсуждать этот вопрос. 4) Острова. Полное единодушие.

Решение о Корице тяжёстью лежит на сердце. Я уверен, что Корица должна отойти к Албании, каковы бы ни были итальянцы.

5 марта, среда.

Всё утро усердно работал. Карты, планы, разделы, водоразделы, водопроводы — весь этот сложный механизм вызывает смятение и уныние в мозгу. Напряжённость моральная и интеллектуальная свыше всякой меры; даже лужи на мостовой представляются мне в виде границ, выступов, коридоров, нейтральных путей, демилитаризованных зон, островов, «анклав» и т. д.

В 4.00 пленум Чешского комитета. Мы согласились, по-моему, на вполне подходящую границу в Силезии, а именно: Тешин, Карвин и Одербергская железная дорога (без города) — чехам; остальное полякам.

Всё вместе будет ещё доработано в моей подкомиссии в пятницу. Ночью работаю над моим докладом по Греческому комитету.

6 марта, четверг.

Вернулся Лл. Дж. Он собирается выступить против обязательной военной службы. Всё к лучшему.

Всё утро — беспокойство по поводу контурных карт для греческого доклада. Но наша географическая секция превосходна. Редко видел, чтобы изящество и ловкость сочетались так хорошо. Завтракаю вдвоём с Венизелосом. Я подозреваю, что если бы Албания действительно могла остаться независимой, Венизелос не стал бы требовать северного Эпира, и единственный стимул для такого требования — стремление не допустить Италию расположиться вдоль дороги Санти Каранта. Это настоящий аргумент, и разве можно против него возражать, если мир удастся сохранить улучшением греко-сербских отношений, а не удовлетворением жителей Корицы? Но ведь и это нехорошо. Венизелос старается облегчить мои муки. «Но, мой дорогой зэр, видите ли, мой зэр», — говорит он, зюзякая по-французски с греческим акцентом. Он тяжело переживает возражения американцев по поводу его претензий на Смирну. Я говорю ему, что лучше всего терпеливо дожидаться возвращения президента Вильсона и обратиться непосредственно к нему. Он говорит, что пока мы и французы его поддерживаем, он не особенно обеспокоен. Венизелос зачитывает мне

телеграмму из Янины, в которой говорится, что итальянцы готовят «демонстрацию» в северном Эпире на случай, если когда-либо этот район будет передан Греции.

Иду к Роберту Бордену; вместе с ним просматриваем мой греческий доклад. Он одобряет доклад в принципе. После него — на Кэ д'Орсэ. Заключительное заседание Греческого комитета. Мой доклад зачитывается и принимается в принципе, хотя американцы настаивают на некоторых важных изменениях. По-моему, это был хороший доклад, поскольку вообще возможно изложить ясно такие противоречивые принципы. Этот взгляд не разделяют мои коллеги по комитету. В их отношении ощущался некоторый «холодок».

Спешу обратно и отсылаю доклад в «Imprimerie Nationale»¹³. Конечно, итальянцы попробуют подправить его снова, когда вернутся к себе в отель. Опять хлопоты, заботы, злость и муки для меня.

После обеда — назад, в «Асторию». Кипы документов из Форейн оффис. Толстые папки дел. Работа! Работа! Работа! Работа!

В Верховном совете — потасовка из-за военных статей договора. Лл. Дж. дерётся, как лвьёнок.

7 марта, пятница.

С утра приходит Аллан Даллес из американской делегации, и мы работаем над границами Словакии. Положение таково. Соглашаемся во всём, за исключением секции между Братиславой и Саторальей. Кроу и сэр Джозеф Кук настаивают на передаче Гроссе Шютт чехам. У меня нет сил настоять на обратном. Я *уверен*, что они не правы, и с болью в сердце вынужден поддерживать притязания, с которыми не согласен. Меня волнует будущее политическое состояние чешского государства: удастся ли ему переварить блок враждебных избирателей плюс своего рода ирландцев в лице словаков, плюс своего рода красных в лице украинцев, не говоря уже о своих собственных и крайних социалистах? Однако раз я связан на одном конце Гроссе Шютт, а на другом Саторальей, то единственная уступка, на которую я могу итти, это сектор Саторалья — Комарно. Во второй половине дня — заседание на Кэ д'Орсэ. Ле-Рон и я уступаем в этом секторе и принимаем американскую линию границы. Возвращаюсь, как теперь бывает часто, удручённый, грустный, чувствуя себя клубком расстроенных нервов.

Обедаю с Жюлем Камбоном в «Юньоне». Там поляки и чехи. О, боже!

8 марта, суббота.

День, когда, по распоряжению Верховного совета, должны быть готовы доклады всех комитетов. Мой доклад Греческого

комитета готов, и я несу его, с материнской гордостью, к Хэнки. Ни один из других докладов не готов.

Чешский комитет. Одобряют линию нашей подкомиссии. Коридор с Югославией исключён. Спорят о Чехии. В конце концов соглашение: Джозефа Кука, который до сих пор держался как наблюдатель и хлопал глазами постороннего австралийца, Камбон застал врасплох просьбой высказать официальную точку зрения британской делегации. «Хм... — начал Кук, — всё, что я могу сказать, это... что мы все — одна счастливая семья, не правда ли?» Страдальческое выражение появилось на лице переводчика. «Первый британский делегат, — честно переводит он с английского на французский, — констатирует, что между нами царит согласие, как в счастливой семье». Тягостное молчание. Но старик Кук не глуп. Он обладает здравым смыслом. На-днях французы затеяли бесконечный спор о законах Дельбрюка о национальных меньшинствах¹⁴. Когда весь спор был переведён на английский язык и старого Кука спросили о его взглядах, он сказал: «К чорту Дельбрюка!» Вот и всё. Но как верно, как справедливо! Для бедного переводчика сэра Джозеф, как заноза в теле.

Обедаю с Жаном де Геньероном. Усталый и удручённый, он неловок. Добьёмся ли мы хорошего мира! Скажите же. Добьёмся ли!

Мрачная телеграмма от Плюмера. Он просит нас накормить немцев. Говорит, что наши войска не выносят вида голодающих детей.

(ПИСЬМО К ОТЦУ)

*Британская делегация
Париж*

Воскресенье, 9 марта.

Я предполагал, что сегодня я покончу с очень неприятной работой, так как доклады Греческого и Чехословацкого комитетов уже готовы. Но вдруг пришло распоряжение Совета Х облечь доклады в форму договоров; и вот снова у меня в перспективе тяжёлая неделя; опять комитеты, черновики, пункты, предложения, контрпредложения, статистические данные, компасы, линейки, копирки, цветные чернила и бесконечные досье. Я чувствую, что до смерти устал от всего этого — и подавлен. Кажется, что четыре архитектора представили проекты четырёх совершенно различных домов и, после совместного обсуждения, пришли к соглашению (которое, несомненно, означает компромисс) создать на основе всех четырёх проектов один дом-конгломерат, в котором нет общей идеи и целостности. Даже самый плохой индивидуальный проект был бы лучше плана, составленного из четырёх разных частей.

Но, может быть, я напрасно смотрю на вещи так мрачно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. стр. 143.

² На Венском конгрессе державы не обсуждали ни вопроса о Корфу, ни вообще восточного вопроса, не желая запутывать при его разрешении своих и без того сложных взаимоотношений. Судьба Ионических островов, и в том числе острова Корфу, была решена вне конгресса соглашением между Англией и Россией. Автор имеет в виду, что решение это, оставившее острова за Англией, было принято вопреки стремлениям греческого населения островов.

³ Речь идёт о так называемом «веймарском правительстве» Германии, созданном после революции 1918 г. Германское национальное собрание ратифицировало Версальский мир, внесённый правительством на утверждение.

⁴ *Интеллидженс Сервис* — разведывательная служба в Англии. В её обязанности входят разведка и контрразведка.

⁵ *Норман Монтегю* — крупный английский финансист, впоследствии директор Английского банка.

⁶ Известная песня немецкого поэта Никласа Беккера (1810—1845), написанная в 1840 г., в период подготовки франко-прусской войны, в которой ставился вопрос об обладании Рейном.

⁷ *Оттоманский долг* — внешние займы Турции, размещённые в Европе в конце XIX и начале XX века, перешедшие в управление Международного совета сттоманского долга. Уплата части долга возложена была на государства, получившие в результате балканских войн турецкие территории.

⁸ *«Из Дедеагача или Адрианополя»* — здесь употреблено символически, т. е. издали, чтобы защищать свои интересы.

⁹ Имеется в виду включение в границы Чехословакии Закарпатской Украины.

¹⁰ *Братислава* — крупный чехословацкий порт на Дунае. Была объектом венгерских притязаний. Город тесно связан со своим хингерландом в Словакии.

¹¹ *Гроссе Шютт* — остров на Дунае, на 7 километров восточнее Брагиславы, против бывшей крепости Комарно. Остров отошёл по решению конференции к Чехословакии.

¹² Имеется в виду, очевидно, город Оденбург и его район, в котором должен был быть проведён плебисцит. Оденбург вошёл в состав Венгрии, в которой осталось около полумиллиона немцев.

¹³ Типография в Париже, в которой печатаются главным образом официальные издания.

¹⁴ *Ганс Дельбрюк* — германский политический деятель. Был составителем изданных в Германии накануне мировой войны законов о положении поляков — германских подданных.

V. 10 марта — 1 апреля

СОГЛАСОВАНИЕ

10 марта, понедельник.

День, свободный от конференции и комитетов. Встречи с американцем из Праги и англичанином из Фиуме. Завтрак с Майкелом Садлером и писателем Френсисом Карко. Болтливый человек.

11 марта, вторник.

Занятой день. Чешская подкомиссия с 9.30 до 1.00. Подробности границы Чехии — Глац, Шмитберг, Фрейштадт, Румберг, Эгер, Фурт, Фельдсберг. Соглашение во всём, кроме Эгера и Румберга. Опять чехи во второй половине дня. Пленум комитета одобрил нашу утреннюю работу. Обед в «Рице» и разговор с д-ром Прейсом, чешским министром финансов. Он говорит только по-немецки, а я чувствую, что за последние пять лет мои знания этого языка несколько ослабели. Он говорит о золотых кредитах.

12 марта, среда.

Пустой день. Приходил Осуский, и мы говорили с ним о Румберге и Эгере; ничего существенного. Перед отъездом в Албанию ко мне заглянул генерал Филлипс. Неприятная беседа; он всё время хотел добиться от меня информации. Мне стыдно признаться, что мы жертвуем Корицу грекам только из стратегических соображений. Я крепко боролся, и только военным удалось одолеть меня. Если бы только не Корица и не Гроссе Шютт, я был бы вполне доволен нашими границами. Оба эти места будут выгравированы в моём сердце.

Т... приходит повидаться со мной и показывает телеграмму, из которой видно, что итальянцы интригуют всюду — в Эпире, Фракии, Турции, Венгрии. Они организуют в этих местах комитаджи для «демонстраций». Они в тесном контакте с Ну-

ри-беем, новым вали¹ в Смирне. Я отправил Бальфуру записочку, что нам следовало бы послать свои корабли в Смирну и Айвали. Возможно, что итальянцы затевают какую-нибудь высадку.

Разговариваю с Уайтом и Гертрудой Белл, возвратившейся из Месопотамии, которой она управляла². Она, как всегда, умна и очаровательна. Пошёл обедать к Карнеги, чтобы встретить Свупа, новую звезду на американском газетном небосклоне. А потом к Бони де Каstellани. Там встречают Марго и Елизавету Асквит.

13 марта, четверг.

Утром — Чешская подкомиссия. Мы обсуждаем вопрос об «анклавах» Румберга и Эгера. Янки хотят отнять их у чехов. Мы и французы против янки. Чтобы достичь единогласия, я соглашаюсь уступить янки Румберг, с тем чтобы они дали мне Эгер. Они на это не идут. Итак, нам не добиться единогласного доклада. Это дальнейшая отсрочка. Чорт возьми!

14 марта, пятница.

Чешский комитет. Мы зачитываем и получаем одобрение нашего доклада со стороны Верховного совета. Завтракаю в солдатской столовой газеты «Журналь». Молодой французский сержант лет девятнадцати подходит к нашему столу. Он небрит, грязен и покрыт пятнами, как этнографическая карта. Рассказывает нам с величайшей точностью о своих приключениях в домах терпимости Марселя, нарочито хвастаясь своими физическими доблестями. Наконец, он оставляет нас. «А всё-таки, — воскликнул Карко, — какие молодцы наши юноши...» Неужели!

П. В. возвращается в Париж. Он не будет больше жить в вилле Мюрат, а снимет другой особняк, неподалёку от резиденции Ллойд-Джорджа.

15 марта, суббота.

Всё утро работал. Работал также всю вторую половину дня. Вечером — обед для членов нашей делегации, окончивших колледж Баллиоля. Не менее 60% наших штатских сотрудников делегации из Баллиоля. Мы гордимся этим³. Кажется, возникнут большие осложнения между Фошем и Верховным советом по поводу рейнской границы.

16 марта, воскресенье.

Завтрак с Марго Асквит. Затем мы отправляемся в Лувр посмотреть картины Жана Геньерона и Огестуса Джона. Возвращаюсь и нахожу записку от Венизелоса. Могу ли я немедленно притти к нему? Он читает мне письмо, которое отправ-

ляет президенту Вильсону по поводу греческих притязаний на Смирну. Письмо замечательно написано, с цитатами из речей самого президента. Он готов удовольствоваться небольшим куском территории, с тем чтобы остальная была под мандатом Лиги наций.

Создан Комитет согласования для координации выводов нескольких территориальных комитетов. Недовольны отсутствием единства в нашем греческом докладе. Не могли ли бы мы встретиться снова, чтобы достичь единогласного решения? Американский представитель в Комитете Мизес особенно хлопотет о согласовании. Я предлагаю схему, по которой могли бы быть применены мандаты взамен территориальных уступок. Пишу письмо Уайзмену для передачи Хаузу.

Обедал с Ведельсом на улице Сюрэн. Замечательно готовят! Печать шумит по поводу задержки мира. Французские газеты обвиняют Вильсона в «задержке мирного договора из-за особого внимания к уставу Лиги наций». Как это несправедливо!

17 марта, понедельник.

Утром — чехи. Мы обсуждаем юридические вопросы и начинаем вчерне составлять текст договора. Затем заседаем в Комитете согласования, где обсуждается наш греческий доклад. Совет десяти настаивает, чтобы мы достигли «согласия». Но это безнадежно. Каждый из нас связан оговорками, сделанными в докладе от 8 марта. К тому же всё ещё более усложняется нашим неведением, что же думает предпринять Верховный совет в отношении самого Константинополя. Очевидно, протяжённость греческой зоны будет зависеть от зоны проливов, а также от характера администрации, которая там будет установлена.

18 марта, вторник.

Продолжаем далее работать над текстом договора. Эксперты юристы Херст и Фромажо просто великолепны. Они спокойны и решительны. Похожи на монтеров, исправляющих электрическое освещение.

19 марта, среда.

С головой ухожу в работу по подготовке договоров. Слишком занят, чтобы писать дневник.

20 марта, четверг.

За завтраком встречаю Стефаника. Молодой главнокомандующий и военный министр Чехии, — худощавый, бледный, нервный, энергичный и властный; жёлтый цвет лица, нос с горбинкой; таращит широкие глаза: или болезнь щитовидной железы, или болезнь сердца, или, может быть, просто

немного не в себе. Да, да, он так вращает глазами, что можно принять это за безумие или признак гениальности. Говорит по-французски быстро и плохо. Конференцию находит скучной. Думает только о положении в Сибири, где застряла его армия, о безнадёжной политике Совета X, который обжётся о русскую крапиву.

Приходит Смодлака с визитом. Он депутат от Сплита. Ведёт беседы всё на одну и ту же тему.

Обедал с Т. Э. Лоуренсом. Он рассказывает о своих приключениях в Аравии, живых и волнующих. Не могу его раскусить как следует.

Верховный совет отклонил сегодня польский доклад. Ллойд-Джордж напал на доклад, исходя из XIV пунктов. Вильсон защищал его в противовес этим пунктам⁴. Было принято решение послать Анкетную комиссию в Малую Азию для расследования, поручив ей «собрать сведения о стремлениях народов». Это отлично, но как же насчёт мирного договора с Турцией! Наши отношения с французами по вопросу о Сирии становятся всё более напряжёнными.

21 марта, пятница.

Утром — Греческий комитет для обсуждения предварительного текста статей мирного договора, подготовленного Комитетом юристов. Короткое заседание. Всю вторую половину дня работаю с Алланом Даллесом по чешскому докладу. Кажется, совершенно невозможно ускорить дело.

22 марта, суббота.

Утром — текущая работа. Длинный и скучный визит П..., который претендует на то, чтобы быть представителем Черногории. Говорит ерунду. К вечеру пришло сообщение о революции в Венгрии. Всё это предвидели, но, тем не менее, дело очень серьёзно. Перед нами подлинная опасность, что мира не будет вовсе. Что же делать? Мы все демобилизовались с такой быстротой, что не можем подкрепить наших требований ничем другим, кроме блокады, — а это ад!

(ПИСЬМО к В. С. В.)

*Британская делегация
Париж*

22 марта.

Я озабочен тем, как медленно идёт конференция. Всё шло хорошо, пока дело было за комитетами, но теперь, когда действует Совет X и придирается к докладам, всё под ударом. По существу, всё дело слишком сложно, чтобы обобщить его, а Совет X, состоя из людей без настоящего кругозора, ревниво относится к машине экспертов, которая произвела на свет текст мира и оставила им только место для подписи и печати.

Поэтому они мешают этой машине, рассматривают механизм, пробуют переставить рычаги и вообще ставят палки в колёса. Всё это трата времени.

(ПИСЬМО к ОТЦУ)

23 марта, воскресенье.

Качество работы конференции быстро ухудшается, и я в подавленном настроении. Всё, казалось, шло хорошо до тех пор, пока работали комитеты, а теперь Совет X погряз в массе свалившихся на него деталей. Неприятна революция в Венгрии; из-за этого, может быть, нам придётся вновь отказаться от Румынии. Мы быстро проигрываем мир, и вся наша тяжёлая работа оказывается впустую. Десятка, по существу, ничего не закончила, за исключением Лиги наций, но что даёт Лига голодающим Кишинёва, Германштадта и Праги? Всё кажется безнадежным.

24 марта, понедельник.

Гардинг посылает за мной и просит повести непосредственно с американцами переговоры по всем неразрешённым вопросам, касающимся Юго-Восточной Европы и Турции. Иду с визитом к Мизесу, официальному главе их делегации. Договариваемся по вопросу о Малой Азии: граница полукругом от Айвалы на север от Скала Нова. Это уже кое-что... Совет X, в сущности, разбился на две части. Первая — Совет IV (Клемансо, П. В., Лл. Дж. и Орландо) и вторая — Совет V, состоящий из министров иностранных дел. Это единственная возможность двигаться вперёд. Я в восторге.

(ПИСЬМО к В. С. В.)

Мне тяжело видеть, как работает конференция. Как будто всё шло хорошо, пока работали комитеты, но теперь, когда Совет X якобы утверждает работу комитетов, всё оказывается впустую. Работа эта техническая, специальная, и наши руководители мало в ней понимают; так или иначе, они задерживают её утверждение. Всё это удручает; уходит время. С каждым днём немцы будут всё менее склонны принять наши условия. Единственная надежда на то, чтобы дать им продовольствие и немедленный мир, а если мы станем задерживать дело и спорить, что это даст, на что надеяться? Будет ужасно, если, выиграв войну, мы проиграем мир. Много шансов за то, что именно так и случится. Право, я очень этим озабочен. Европе нужен кто-то, кто сможет ей продиктовать мир, а у нас нет такого человека.

И у нас его никогда не будет.

25 марта, вторник.

Утром — Комитет согласования. Наш чешский доклад утверждён. Во второй половине дня продолжаю обсуждение с д-ром Мизесом. Занимаемся северным Эпиром. Я предлагаю автономию под контролем Лиги наций с мандатом Греции. Это его сильно пугает.

Лл. Дж. так возмущён просачиванием информации в печать, что настаивает на том, чтобы заседания Верховного совета вчетвером шли при закрытых дверях.

26 марта, среда.

Вырабатываю подробную схему раздела Турции. Завтрак с г-жой де Жувенель, Брианом и Бальфуром. Бриан ругает французские банки и капиталистов. У него голос, напоминающий трубу из оркестра. Он и Бальфур ни в чём не похожи друг на друга.

27 марта, четверг.

Разрабатываю схему автономного Эпира.

Приходит Венизелос. Говорит, что полковник Хауз ему намекнул о согласии Соединённых Штатов принять франко-британскую границу в Малой Азии. Он очень рад. Говорит также о северном Эпире. Ему нравится схема автономии.

Завтракаю с Алленом Липером, Поповичем и Восняком. Югославы не боятся большевизма в С. Х. С. Революцию в Будапеште они считают путчем. Но это не уменьшает опасности. К сожалению, наше правительство из предвыборных соображений позволяет стране рассматривать перемирие как подлинный мир. Я совершенно уверен, что это не так, что после подписания его мы должны были бы стать только сильнее, а не слабее. Во всяком случае, мы не можем напасть на большевиков вооружённой силой.

После завтрака зашёл к Бальфурю на улицу Нито. Рассказал ему о Турции. От него нельзя получить ни ответа, ни решения. Он лежал на диване со скучающим видом. Всё-таки я добился указаний, как дальше разрабатывать схему раздела.

Обедал с Борисом Савинковым. Там же встретил Нансена. Оба сходятся на одном, что мы безумцы, если берёмся разделиться с Россией за её спиной. Но ведь у Совета X нет ни умения предвидеть, ни воли, ни руководства.

28 марта, пятница.

С Арнольдом Тойнби — в американской делегации. Обсуждаем будущее Турции. Договариваемся о границах будущего армянского государства. В конце концов согласились по поводу границы греческой зоны в Малой Азии, которая подлежит некоторому изменению, если Италия получит мандат в том же

районе. Что касается Константинопольской зоны, то мы хотим допустить турок в Мраморное море у Пандермы, а янки за то, чтобы изгнать их оттуда совсем.

29 марта, суббота.

Работа уменьшилась. Всё сосредоточено в двух Советах — IV и V. Я рад тому, что получил свободный день для текущей переписки; необходимо ответить на запросы несчастного Форейн оффис; их скопилось огромное количество.

30 марта, воскресенье.

Приятная прогулка в Val de Chevgeuse. Завтракаю у Дампера. Снег и сияющее солнце.

31 марта, понедельник.

Объединённая сессия Польского и Чешского комитетов. Работаем до вечера. Вечером — обед в «Рице». Румынская королева, Фош, Бриан и т. д. Ничего хорошего. Узнал, что в течение всей недели был серьёзный кризис в отношениях между Лл. Дж. и Клемансо. Французы требуют рейнскую границу в качестве оплота против Германии. Мы отказываемся им её предоставить. Атмосфера подавленности и напряжения; это заметно для всех.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Вали — управитель вилайета в Турции.

² Гертруда Белл была английским агентом на Ближнем Востоке. Во время первой мировой войны работала в Арабском бюро — собирала в Месопотамии сведения об арабских племенах. В марте 1917 г. работала в Багдаде с Перси Коксом в качестве неофициального политического секретаря и принимала большое участие в разработке плана послевоенного управления Месопотамией. Во время восстания в Месопотамии играла руководящую роль в назначенном Англией временном правительстве. В 1921 г. в Каире добилась утверждения Фейсала на иракском престоле.

³ См. стр. 113, примечание 3.

⁴ См. стр. 51. Пункт 13 Вильсона предполагал создание независимого польского государства, включающего бесспорно польское население. Ему должен быть предоставлен выход к морю. Экономическая независимость и территориальная целостность его должны быть гарантированы международным договором. Расхождения между Ллойд-Джорджем и Вильсоном возникли по вопросу о Данциге и Польском коридоре, на включении которых в состав Польши настаивал Вильсон.

VI. 1 апреля — 9 апреля

ВЕНГЕРСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

1 апреля, вторник.

Ещё одно короткое заседание комитета с утра. Вернулся в 12.00. Аллен Липер сообщил мне, что мы оба немедленно отправляемся в Будапешт. Оказывается, Верховный совет отказался от мысли послать генерала Манжена для наведения в Венгрии порядка силами румынской армии. Вместо этого посылают генерала Смэтса с мирной миссией. Его инструкции крайне расплывчаты: он должен выяснить, примут ли венгерские большевики мир. Иду прямо в «Мажестик» и начинаю укладываться. Уезжаем сегодня вечером, особым поездом. После завтрака пришёл Гардинг и говорит, что Бальфур не хочет меня отпускать. Я огорчён, так как мне хотелось посмотреть на живых большевиков. Но, слава богу, Смэтс настаивает, и Бальфур уступает. Уезжаю в 7.15 с Восточного вокзала, в длинном спальном вагоне, который прицепили к составу нового поезда Париж — Бухарест. Наша группа состоит из генерала Смэтса, Аллена Липера, полковника Хэйвуда из военной разведки, Кирилла Бэтлера из Комиссии продовольственного контроля, Лейна — личного адъютанта Смэтса, одного адъютанта Фоша (имени его я не знаю) и итальянского адъютанта. Двое последних больше для «парада», чтобы придать миссии международный характер. Кроме того, с нами едут шифровальщик Лоу, два клерка и четыре ординарца. Мы прихватили с собой дорожные пищевые мешки. Спалось хорошо.

2 апреля, среда.

Проснулся в Базеле. Всюду снег. Продолжительная беседа со Смэтсом и Алленом Липером. У нас обоих сложилось впечатление, что хотя официальная цель нашей миссии — установление перемирия между венграми и румынами, главная наша задача — это использовать венгров для связи с Москвой. Ни мне, ни Аллену это не нравится. Нам не хотелось бы повторения

ошибки Принцевых островов. Смэтс очень сдержан. Я не могу понять, каковы его собственные взгляды. У меня сложилось впечатление, да и у Аллена также, что Смэтс хотел бы эту часть дела переложить на нас, освобождая *себя* от ответственности. Если я прав, то мы будем притворяться дурачками, делая вид, что не понимаем, чего от нас ожидают.

К нашему поезду присоединился Кулидж из американской миссии. Красивый человек с голосом ребёнка. Также сел на поезд архиепископ Сплитский; он шелестит упругим шёлком рясы в коридоре спального вагона.

3 апреля, четверг.

Проснулся в Австрии. Впервые вижу вражескую страну. Поезд движется медленно, останавливаясь на всех станциях. Дачные поезда переполнены народом; почти все окна выбиты. Эти поезда из-за недостатка топлива ходят только четыре раза в день. Все выглядят голодными и жёлтыми: четыре года без жиров. Вот она, оборотная сторона блокады!

В Вену прибыли в 10.00 утра. Аллен и я направились в здание посольства, где находится наша миссия. Город не убран: валяется бумага, зелень вокруг статуй покрыта мусором. Много окон разбито, и рамы заколочены досками. На улицах унылые, плохо одетые люди; они с удивлением на нас смотрят. И верно, мы выглядим забавно — со стороны. Хорош букет! Смэтс в своей генеральской форме, французский и итальянский адъютанты в своих мундирах, Хэйвуд и Лейн в британской военной форме хаки с красными фуражками и штатские в хороших сшитых английских костюмах. Мне стыдно за мою пухлую розовую физиономию; она оскорбительна для этих несчастных.

В посольстве — сэр Томас Кеннингем, глава нашей военной миссии, и Филпотс из консульского отдела. С первого момента очевидно, что сэр Томас Кеннингем не понравился Смэтсу. Ясно также, что, напротив того, Филпотс привлёк его симпатии. Они сообщили, что нам заказан завтрак в ресторане Закера и приняты меры, чтобы заказать нам поезд в Будапешт. Но мы сами должны предупредить венгров о нашем прибытии и просить пропуск. Я телефонировал в главную квартиру венгерских большевиков и просил свидания с их главой. Нам сообщили, что его нет, но что он будет в три. Завтрак у Закера. Нас сопровождает толпа удивлённых изголодавшихся людей. Полицейская охрана. Смэтс молчалив, величествен, сдержан. У Закера — роскошный завтрак стоимостью в 1200 крон. Смэтс в бешенстве. Он делает резкое замечание Кеннингеу. Он говорит, что это «бестактно». Он объявляет, что отныне мы будем питаться только нашим военным пайком и не возьмём ничего у этих умирающих с голоду стран. Когда Смэтс вспы-

лит, его глаза приобретают стальной оттенок. Как бы то ни было, завтрак был хорош.

Возвращаюсь со Смэтсом назад. Он успокаивается. Вернувшись в посольство, мы с Алленом показываем Смэтсу по карте границы и линию перемирия. Он заставляет Кеннингема уйти из его собственной комнаты, и тот блуждает по зданию, нервный и недовольный.

Иду в большевистское представительство. Нелегко им объяснить, кто я и чего хочу. Помещение переполнено мужчинами, женщинами и детьми; ждут паспортов на въезд. Картина напоминает лагери беженцев во время Балканской войны. Наконец, меня ведут наверх, в кабинет комиссара. Это галицийский еврей, учившийся в Америке и великолепно говорящий по-английски. Я объясняю ему, что генерал Смэтс прибыл со специальной миссией по распоряжению Верховного совета в Париже и что мы хотели бы сегодня же отправиться в Будапешт. Он тарашит глаза. Я редко видел на чьем-либо лице столь яркое выражение удивления. «Итак, — говорит он, — вы признаёте венгерское советское правительство?» Я отвечаю: ничего подобного. Мы только направляемся в Будапешт для обсуждения с теми, кто находится у власти в столице, условий, при которых можно было бы заключить перемирие между ними и Румынией. Нам будет дан поезд в Вене, и мы предполагаем отправиться сегодня в Будапешт. Я прошу комиссара немедленно телефонировать туда, связаться лично с главой власти, рассказать ему о нашем предстоящем прибытии и получить от него заверение, что нам будут обеспечены пропуск, безопасность пребывания и культурное обращение. Дрожаящими от волнения пальцами он перебирает бумаги, выигрывая время для размышления. Потом покидает меня, и я слышу, как он разговаривает по телефону из соседней комнаты. Я читаю газету. Приблизительно через полчаса комиссар возвращается весь сияющий. Всё в порядке. Нас будут рады видеть. Он заверяет, что нам обеспечены и вежливый приём и полная безопасность. Я встаю и прощаюсь. Он спрашивает, не может ли он поехать с нами. Найдётся ли для него место в поезде? Он может пригодиться в качестве переводчика. Я соглашаюсь. Он снова сияет. Всё ещё сияя и изображая радушного хозяина, он провожает меня через переполненные людьми передние к выходу.

Обедаем у Капельсов; муж — агент Шенкера и самый деятельный сотрудник продовольственной миссии. Хорошие картины и ковры, безобразная мебель. Славные испуганные люди. Смэтс сдержан и вежлив. В 10.00 автомобиль доставляет нас на станцию, где стоит наш состав. Два спальных вагона, вагон-ресторан, товарный вагон с припасами и жёсткий для ординарцев. Во время обеда Болгар (так зовут этого большевист-

ского комиссара из Чикаго) звонит по телефону и просит сообщить, когда и откуда уходит поезд. Он спрашивает также, не может ли он взять с собой своего секретаря. Я отвечаю согласием, но при условии, что они поместятся в одном купе. Когда мы прибываем на станцию, оказывается, что этот секретарь — очаровательная женщина с огненными волосами.

4 апреля, пятница.

Проснувшись, обнаружили, что поезд стоит на запасном пути Восточного вокзала в Будапеште. Вдоль пути — почётный караул со штыками наголо и алыми повязками. На платформах — толпа, собравшаяся поглазеть на наш поезд. Из города — неясный гул и резкие заводские гудки. Мы завтракаем и прогуливаемся взад и вперёд по платформе. Болгар уходит в город на розыски.

С первым визитом приходит полковник (?) Доморный, в своё время прикомандированный к союзной военной миссии. Теперь он будет нашим офицером связи. Он в штатском; с ним два лейтенанта. Обращаясь к Смэтсу, Доморный держит руки по швам, как будто он всё ещё в военной форме. Выглядит смущённым и несчастным. Видимо, боится сказать нам что-нибудь о положении в городе. Понимая это, Смэтс перестаёт задавать ему вопросы.

Наш следующий посетитель — профессор Браун из «Анкетной комиссии» президента Вильсона, который находится сейчас в Будапеште. Он придерживается вильсоновских, т. е. абстрактных, взглядов на вещи. Он говорит о «естественной социальной эволюции», о замечательном порядке, который установился в Венгрии, и о том, что Совет поддерживает союз металлистов с 40 тысячами членов. И всё-таки он совсем не уверен в том, о чём говорит; этот растерявшийся идеалист бормочет что-то о «некоторых нелепых эксцессах», говорит, что венгерская Красная армия насчитывает только 7 тысяч, что Венгрия не способна драться, что есть опасность большого притока посторонних людей в Будапешт, что вчера ночью из Вены прибыло 1 500 человек, намеревающихся вступить в Красную гвардию.

Насколько я могу понять, здесь произошло следующее: 1) При известии о перемирии — общее чувство облегчения и доверия к Антанте. 2) Проволочки в Париже и продолжающееся ухудшение условий перемирия повели к общему разочарованию, неуверенности и волнениям. 3) Это чувство усилилось благодаря грубому и бестактному поведению полковника Викса — главы французской военной миссии, а также благодаря дошедшим в Будапешт сообщениям о поведении чехов, румын и югославов в оккупированных областях. 4) Общая ситуация ещё усугублена экономическими барьерами, которые установлены новыми государствами, потерей рынков и сырья.

5) Правящий класс, и в особенности Карольи, был обескуражен отказом Парижа их выслушать. Карольи считается в Венгрии верным другом западных демократий; мадьяры предполагали, что республика под его руководством будет считаться почти что членом Антанты; вместо этого на него смотрели сверху вниз или вовсе не обращали внимания; неизбежно следовали разочарование и безнадёжность. 6) Затем произошли два события: а) письмо полковника Викаса о линии перемирия¹, б) инцидент с навигацией по Дунаю. В полной безнадёжности Карольи подал в отставку, и путь для коммунистов оказался открытым².

Уже есть некоторая реакция. Мадьяры рассчитывали на Вальми³, а нашли коммуну.

Во время нашего разговора с Брауном в вагон-ресторан, который служит нам кабинетом, входит Лейн, чтобы сообщить, что прибыл комиссар.

Смэтс рассказывает мне о беседе с ним. Комиссар готов пойти на соглашение с великими державами, но боится, что, придя к власти на гребне националистической волны, он может уронить достоинство страны, если нам уступит. Красной армией командуют прежние офицеры; они работают с большевиками потому, что хотя они и большевики, но ведут борьбу за Венгрию. Комиссар советует Смэтсу организовать конференцию из представителей Венгрии и государств-наследников Австрии в Вене или Праге. Смэтс предлагает ему приехать в Париж.

Завтрак из нашего военного рациона. Бобы и сыр. Для нас реквизирован ресторан «Венгрия» в Будапеште. Это местный «Риц». Висят огромные флаги Англии и Франции. Цель — показать, что мы здесь, и оповестить всех, что Париж признал Советы и прислал покорных представителей в венгерскую столицу. Смэтс отказывается оставить вагон. Мы здесь остаемся. Смэтс не хочет также, чтобы мы отлучались в город и покидали вокзал. Наши прогулки ограничены — от мокрой платформы под открытым небом до сухой платформы под крышей вокзала.

В 3.00 возвращается комиссар. Мы сидим втроем: он, Смэтс и я. Болгар переводит. Нельзя сказать, чтобы спальный вагон был идеальным местом для дипломатической конференции. Приходится сидеть всё время боком; ощущение не из приятных, да к тому же потом не повернёшь шеи. Комиссар уходит на заседание правительства, но обещает вернуться.

Внезапно на нашей платформе появляется Эшмид Бартлет. Он здесь с начала революции и имел смелость оставаться всё время, хотя все корреспонденты уже удрали. Он рассказывает, что за стенами столицы у большевиков влияния очень мало.

В 3.30, уговорив Смэтса, Аллен и я покидаем (наконец-то) вокзал. Офицер для связи достаёт автомобиль и едет с нами.

В Будапеште я был в 1912 г. по дороге в Константинополь; с тех пор я его не видел. Большинство магазинов закрыто, и улицы ещё более грустные, чем в Вене. Грязные и ободранные здания. Дождь поливает прохожих в лохмотьях.

Около 6.00 к нам в поезд приходит капитан Фриман. Он был в Дунайской флотилии; просит взять у него 4 500 фунтов стерлингов и переслать из Парижа на родину. Бойтся, что может их потерять. Он спокоен, к политике безразличен, интересуется только работой и хотел бы одного — пробыть здесь как можно дольше. Я не знаю, что у него за работа, но спросить воздерживаюсь. Обедаем при свете двух свечей за отсутствием электричества в поезде. Снова приходит комиссар. Он подписывает бумагу с обязательством отпустить всех арестованных британских граждан. Дождь всё ещё стучит по крыше и блестит золотыми каплями вдоль окна при свете наших свечей. Как всё тоскливо! Похоже, что комиссар получает мало удовольствия от своей власти. Смэтс говорит с ним так же, как с герцогом Аберкорн: дружелюбно, вежливо, но без малейшей уступки, сохраняя всё своё величественное достоинство.

Пришли с визитом испанский и швейцарский консулы, оставив мокрые зонты снаружи полуосвещённых спальных вагонов. Они советуют не верить большевикам. Консулы испуганы и вместе с тем говорят, что революция — просто случайность.

5 апреля, суббота.

Комиссар приходит в 10.00. Смэтс вручает ему проект соглашения, по которому великие державы занимают центральную зону между Венгрией и Румынией. Если он согласен с этим, то мы снимаем блокаду. Ясно, что комиссар хочет принять проект. Подписание такого соглашения означает официальное признание. Но он не доверяет нам и боится. Взяв документ, он покидает нас, говоря, что ему нужно посоветоваться со своим правительством. Обещает дать ответ к семи часам вечера. Смэтс даёт распоряжение: быть готовыми к отъезду в 7.15. Лейн начинает нужные приготовления.

Ещё раз консервированная говядина и бобы на завтрак. Смэтс возглавляет нашу окопную трапезу с таким видом, словно он даёт нам банкет в «Савойе»⁴.

Погода разгулялась, и наш офицер связи предлагает поехать на площадку для игры в гольф. Достают автомобиль. Смэтс даёт разрешение. И мы едем, пыхтя и шумя, через грязную столицу, которая выглядит при свете солнца ещё хуже, чем в дождь. Через некоторое время автомобиль портится, его исправляют, и мы возвращаемся назад. Вдруг, по пути, останавливаемся около ресторана «Венгрия». Наш офицер от имени комиссара приглашает нас пить чай. Возникает неловкость: мы

не знаем, будет ли доволен генерал этим посещением ресторана. Но наш отказ вызывает у офицера такой испуг, что мы соглашаемся. С первого же момента видно, что нас хотят поразить. Фойе отеля переполнено; за маленькими столиками пьют лимонад и кофе. Оркестр играет венгерские мелодии. Даже во время большевизма Будапешт должен остаться самым весёлым городом Центральной Европы.

Возвращаемся в 6.30. Ровно в семь приходят большевики. Их четверо. В полуосвещённом вагоне их принимает Смэтс. Они вручают ему бумагу, которую он дважды перечитывает и затем передаёт мне. Наши условия принимаются, но к ним прибавляется оговорка. В оговорке сказано, что румынские войска должны отступить за линию Марос. Я возвращаю бумагу Смэтсу. Он вручает её большевикам. «Нет, господа, — говорит он, — я не могу принять этого документа. Не может быть никаких оговорок». Они смотрят молча и враждебно. Смэтс в последний раз просит принять, в их же собственных интересах, наши предложения без всяких оговорок. Он очень откровенен. Говорит, что конференция не согласится отослать румын обратно за Марос. Повидимому, большевики рассчитывают, что Смэтс пойдёт на компромисс и выдвинет третью линию, поэтому они предлагают отложить встречу на завтра. Однако Смэтс решает, что эти люди не располагают достаточными силами, оправдывающими заключение с ними какого бы то ни было договора. Он решает прервать переговоры сегодня ночью. Они об этом не знают. «Итак, господа, — говорит он, — я должен с вами попрощаться». Они его не понимают. Он провожает их с исключительной любезностью до платформы. Пожимает им руки. Становится на ступеньку вагона и даёт знак адъютанту. Они стоят в ряд на платформе, ожидая, что он назначит им следующее свидание. Но поезд вдруг трогается. Смэтс делает под козырёк. Мы ускользаем в ночь; перед нами картина: четверо растерянных людей, которые смотрят нам вслед с неопределимым изумлением.

Затем мы обедаем. Смэтс восхитителен; он рассказывает нам сказки бурских фермеров, и в его голосе слышна тоска по родине. Милый старик. Наш рацион стал ещё более спартанским, так как мы отдали наш шоколад и сгущённое молоко офицерам связи.

Эшмид Бартлет возвращается с нами. Смелый парень. Но и его нервы начали сдавать.

6 апреля, воскресенье.

Просыпаемся в Вене. Идём в посольство. К. Б. Томсон был послан Генри Вильсоном нас встретить, но не нашёл. Смэтс с ним не очень вежлив. Он не любит Генри Вильсона. Бедняга Томсон: его постигла неудача.

Смэтс весь день занят беседой с посетителями, а я сижу в канцелярии посольства и пишу доклад. Странно доставать бумагу из ящика, запечатанного в августе 1914 г. и с тех пор не раскрытого. Наш поезд с исправленным электричеством уходит в Прагу в 5.00. Я продолжаю диктовать стенографисту свой доклад. Ему он кажется интересным. Очень редко, чтобы стенографисты интересовались тем, что им говорят. Но это умный парень. Прибыли в Прагу около десяти вечера. Нас встречают Каульсон и Гослинг. Продолжительный разговор в полуосвещённом купе, так как электричество снова погасло. Они сообщают, что чехи ведут себя жестоко в оккупированных районах.

7 апреля, понедельник.

Всё ещё на пражском вокзале. Просыпаемся в 7.00, а в 8.00 уже идём вместе с генералом к Масарику. Чудное утро, всё покрыто лёгкой дымкой, поблёскивают готические шпили. Мы едем в автомобиле к старому дворцу. Резкий запах воска, бесконечные коридоры с белыми креслами и портретами эрцгерцогини XVIII века. Обстановка Марии-Терезии. Масарик принимает нас в своём кабинете. Сухощавый бодрый старик, я уже встречался с ним в Лондоне. В его комнате, несмотря на большой камин, холодно. Смэтс просит нас оставить его с Масариком наедине. Мы удаляемся в холодную приёмную, а Смэтс и Масарик остаются целый час за закрытой дверью. Затем мы садимся в наш огромный автомобиль; гудок гудит во-всю, когда мы мчимся через мост. Дымка рассеялась. Прага великолепна. Снова в поезде, и тотчас же отправляемся в Вену.

Чудесное весеннее утро. Всё время диктую. Прошу остановить поезд в Гмюнде, так как хочу проверить, правда ли, что город находится на известном расстоянии от станции, как утверждал Бенеш на заседании подкомиссии. Действительно, между ними расстояние порядочное.

В Вену прибываем в 5.00 вечера. Аллен Липер и я решаем пройти пешком до посольства. По дороге покупаем книги. При размене франк стоит 4½ кроны. Народ рад нас видеть. Венцы надеются, что это означает ввоз продовольствия. Они ходят группами за нами. «Gib uns zu essen»*, — говорит какой-то старик. Несчастные!

Обедаем в дешёвом ресторане, — Смэтс решительно придерживается мнения, что мы должны вести себя, как в походе. Отправляемся с вокзала Хюттельдорф. Приятная прогулка в автомобиле на вокзал, где нас ожидает поезд.

* Дай нам поесть. — Прим. ред. перевода.

8 апреля, вторник.

Просыпаюсь около самого Инсбрука. К нашему составу прицеплен вагон эрцгерцога Максимилиана; он удирает в страхе, что Австрия станет большевистской. Целый день работаю. Чувствую себя ослабевшим; вероятно потому, что вагон-ресторан отцепили, и мы питаемся одними бисквитами. Прибываем в Базель в 9.15.

9 апреля, среда.

В 8.00 утра прибываем в Париж. Скорее в «Мажестик» и в ванну, в которой я так нуждаюсь. Сообщают, что десятки телеграмм были посланы нам в Вену, Прагу и Будапешт. В них нам давали распоряжения отправиться в Бухарест, Белград и Константинополь. Телеграммы пришли через несколько минут *после* нашего отъезда.

Газеты сообщают, что миссия Смэтса потерпела «фиаско». Я думаю, что отчасти они правы; но и самая цель поездки была неясна. Всё же имеются результаты: 1) мы убедились что венгерская революция несерьёзна и непродолжительна; 2) состоялась важная беседа между Масариком и Смэтсом; 3) пришли к выводу, что бывшая Австро-Венгрия остзётся экономическим целым и установление торговых преград между её бывшими частями окажется роковым; 4) в отрицательном смысле — связи с Москвой установлено не было. Здравый смысл и достоинство Смэтса всё время были превыше всяких похвал.

Целый день редактирую наш доклад. Обедаю с Кроу. Он рассказывает, что за эту неделю атмосфера на конференции сильно накалилась. Французы настаивают на Рейнской области. Президент Вильсон и Ллойд-Джордж им не уступают. Оба слегли в постель. Президент Вильсон дал распоряжение прислать в Брест корабль «Джордж Вашингтон». Это напугало французов. Тардые и Хедлэм Марлей вырабатывают компромиссный проект на основе демилитаризации Рейна и оккупации Рейнской области на известный период. За это время французы натравили Нортклиффа выступить в парламенте против Ллойд-Джорджа⁵, обвиняя его в прогерманских настроениях и трусости. Кроу очень не любит немцев, но его чувство к ним далеко не так сильно, как его презрение к нынешнему составу палаты. Он называет его «стадом болванов». Кроу не сторонник Ллойд-Джорджа, но он возмущён интригами против него со стороны, как он выражается, «союза шарлатанов, негодяев и невежд». Я редко видел его в таком негодовании.

Между тем все вопросы рассматриваются с лихорадочной быстротой. Саар, репарации и пр. — всё кипит, как в котле.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Антанта в ноте, переданной полковником Виксом, требовала проведения демаркационной линии, отделяющей исконные венгерские области от областей, населённых национальными меньшинствами.

² Начавшееся в Венгрии революционное движение, требования рабочих об освобождении вождей компартии из тюрьмы и угроза вооружённого восстания привели к отставке Карольи; на следующий день после неё было сформировано советское правительство Венгрии.

³ Битва при Вальми (1792), в которой французская революционная армия одержала победу над пруссаками, имела большое значение для торжества революции.

⁴ «Савой» — один из самых дорогих ресторанов в Лондоне.

⁵ Поводом для обвинения Ллойд-Джорджа в прогерманских настроениях был его протест против включения в состав Польши Данцига и Польского коридора.

VII. 10 апреля—6 мая

СПОР С ИТАЛИЕЙ

10 апреля, четверг.

Возобновляю работу, прерванную нашим отъездом.

Удивительно, как мало было принято решений за время нашего отсутствия. Действительно, я совсем не вижу успеха, а разногласий — океан, и общее угнетённое состояние ужасно. Мы становимся с каждым днём всё слабее, и враги знают об этом. Вершина за вершиной возникают на нашем пути, а мы идём и идём через Альпы.

У французов припадок истерии. «Контузия»,—говорит Смэтс. В результате Ллойд-Джордж (он очень возмущён нападками французской прессы, которые едва ли могли иметь место без официального поощрения) всё более нервничает и вместе с президентом Вильсоном начинает бряцать оружием. Действительно, общее положение полно опасностей, неопределённости, напряжения, горечи и недовольства.

Обедаю с Алленом Липером и Райсом Карпентером. После обеда составляю резолюцию для Верховного совета на основании доклада миссии Смэтса. Бессмысленно писать меморандумы, даже самые короткие. Их внимание привлекает только то, что начинается словом «решено». Такое слово заставляет их, по крайней мере, хоть взглянуть на документ. Слово «резолюция», не в пример Месопотамии¹, в Париже самое популярное.

11 апреля, пятница.

Звоню утром по телефону домой и договариваюсь, что на пасху прибуду на самолёте. Мне нужно отдохнуть. Не работа, а забота создаёт усталость. Четвёртое пленарное заседание. Обсуждают рабочую хартию. Завтракаю со Свулом, американским корреспондентом в отеле «Мёрис». Любит рекламу. Вульгарен, но милый малый. Моя любовь к американцам становится пороком. Мне нравятся их учёные, такие люди, как

Кулидж, Сеймур, Дэй и Аллан Даллес за то, что они спокойные и образованные, и за то, что они любят правду. Но мне нравятся также и шумливые американцы, такие, как Свуп, так как они не похожи на меня. Чувствую себя мышонком, поражённым видом ягуара.

В «Мёрисе» встречаю Жака Бланша. Он говорит: «Дорогой мой, мы проиграли всё». Он пораженец по темпераменту. Может быть, он рисует плохие картины, но он пишет зато чёртовски хорошие книги.

Там же и Б. Он также был в Анкетной комиссии Хауза. Это принципиальный молодой человек. Был послан президентом в Россию и привёз пробольшевистский доклад. Б. рассказывает о них. Я вежливо молчу. Он, видимо, принимает меня за человека в футляре, чиновника. Но в вопросах большевизма я, собственно, агностик, — я не знаю о нём и не претендую ни на какие знания. Нам говорят только о зверствах большевиков. Может быть, есть другая сторона, есть какая-то сила, которая создала такое крепкое и преуспевающее правительство в России. Б. говорит, что белые не опасны Ленину.

Чудесный весенний день. Совсем жарко. Приезжают Даллес и Дэй. Я рассказываю о нашей миссии.

Кстати, утром перед завтраком я говорил со Смэтсом. Он уезжает в Лондон. Показал ему черновик резолюции; он одобрил его. Какой человек! Он глубоко вникает во всё; его взгляды уносят меня далеко от Парижа и его цыганского табора — конференции жадных и мелких людей.

Обедаю с Ноксом и Грантом из «Морнинг Пост» в ресторане «Буживаль». Потом возвращение при полном лунном освещении. Очень красиво! Приятные люди.

12 апреля, суббота.

Рони Кемпбел уезжает на несколько дней в отпуск. В его отсутствие я исполняю обязанности личного секретаря Гардинга. Это несколько увеличивает работу. Честное слово, я и так достаточно занят моими собственными обязанностями.

За завтраком в «Мажестик» А. Ф. Уайт и Ларош. У Аллена Липера болят зубы, флюс, но он терпеливо переносит боль.

13 апреля, воскресенье.

В «Petit Palais»² — выставка испанцев. Гобелены Гойя. Картины мёртвые и выцветшие. Зулоага — плохой художник.

После разговариваю с Джорджем Грэхемом о реформе дипломатии. Соглашается с моими радикальными взглядами. Обедаю с Вильямом Гудом. Ллойд-Джордж едет в Лондон.

14 апреля, понедельник.

Зову Дэя притти в «Асторию». Мы долго обсуждаем вопрос о северном Эпире. Он объясняет, почему его делегация «не

проявила настойчивости». Я не вполне понимаю его путаных объяснений; нужно, чтобы он усвоил, однако, что, по нашему мнению, американская делегация завела привычку отступать от уговора с нами. Я надеюсь, что он не уступит в вопросе о Корице; ему, однако, этого прямо не сказал. Есть опасность итальянского протектората, притом в таком важном железнодорожном узле.

Тойнби и я намечаем общую линию поведения в отношении Константинополя и проливов. Мы соглашаемся в следующем: 1) Ни одна мандатная держава не будет в состоянии удержать Константинополь без более или менее широкой зоны хинтерланда. Широкая зона, отрезая, с одной стороны, будущую Турцию от всяких связей с Мраморным морем, с другой стороны, включит в себя всё греческое население³. 2) Так как мы демобилизовались столь быстро и так как широкие массы в нашей стране отнюдь не интересуются будущим миром, то мы не сможем предоставить Смирну грекам. Но я хочу помочь им в этом отношении. Без союзной поддержки они сами не смогут удержаться в Смирне, если только союзные державы не поделят всю остальную Турцию между собой. В то же время, если греки не получают Смирны, Венизелос потеряет власть. 3) Поэтому мы решаем разрубить гордиев узел. Пусть Анатолия остаётся за турками; пусть греки получают только Европейскую Турцию; пусть проливы будут открытыми и управляются смешанной международной комиссией, аналогичной Дунайской.

Такое решение по крайней мере будет иметь законченный характер. Всякие другие решения создадут только трудности в будущем. Всё это мы заносим на бумагу, подписываем на документе наши имена и отправляем его. Документ, конечно, не будет даже рассмотрен.

Немцам предложено прислать делегацию для вручения ей мирных предложений.

15 апреля, вторник.

Требую от главы делегации американских экспертов решения о северном Эпире, которое затянулось слишком долго. Или они принимают нашу схему автономии, или передают вопрос на решение четвёрки. Интересно, каков будет результат.

За завтраком — Эдди Секвилл Вест и Давид Сесиль.

Нас всех волнует, с чем Ллойд-Джордж завтра выступит в парламенте.

Опять П... с визитом. Он снова говорит благоглупости о Черногории. Он обманщик. Звоню в Форейн оффис о посылке де Салис в Черногорию с осведомительной целью. Мы просто не знаем настоящего положения вещей и не можем доверять тому, что нам скажут.

Приходит с визитом Валентин Вильямс из «Дейли Мейл»⁴. Право, он слишком умён, чтобы работать в такой газете. Он резко враждебен Ллойд-Джорджу. Я пробую наставить его так или иначе на путь истины.

16 апреля, среда.

В помощь нам присылают Джима Барнса. Я попрошу поручить ему Албанию, так как он ещё больший албанофил, чем я. Завтракаю с сербом Весничем. Он передаёт мне, что сербы посылают одну пехотную дивизию и две кавалерийские бригады для оккупации Будапешта и изгнания оттуда моего друга комиссара. Я этому не верю. Если это так, то это внезапный удар со стороны Франше д'Эсперэ.

Кроу хорошо принимает схему разрешения турецкого вопроса, составленную Тойнби. Он посылает нашу докладную записку Бальфуру со своим благословением. С ним приятно работать.

Иду на оперу с Эрмиттом. В театре с особой помпой обставляется появление Падеревского в президентской ложе. Польский национальный гимн; мелькают в воздухе носовые платки зрителей; аплодисменты; весь зал встаёт: «Браво! Браво!» Я встаю неохотно. Падеревский кланяется и улыбается. Это поклон не президента, а скорее артиста эстрады. Его жене орхидеи не к лицу: она уродлива. Его ложа набита адьютантами.

17 апреля, вторник.

Целый день работаю над поручениями Форейн оффис. Как там должны нас ненавидеть. Мы их никогда не информируем о том, что у нас происходит, и никогда не отвечаем на их письма. Обедаю с американцами. Они отказываются принять мою схему автономии северного Эпира. Втайне я восхищён. Я чувствую отвращение к этой схеме. Читаю нападки Ллойд-Джорджа на Нортклиффа. Жестоко, но по заслугам. Он возвратится позже, чем рассчитывал.

18 апреля, пятница.

Завтракаю с А. Ф. Уайтом у Дюфайеля. Говорим о реформе дипломатии. Я хочу слить её с консульской службой. Это означает больше работы для способных людей на любой службе и больше возможностей сбыть дураков с рук.

19 апреля, суббота — 22 апреля, вторник.

Улетаю домой на пасху.

23 апреля, среда.

Майкел Садлер хочет организовать литературную газету. Вита обещает сотрудничать. Мы просим Кейнса давать статьи

по вопросам кино. Он спрашивает: «А будет ли это хорошая газета?» Ушат холодной воды на наши восторженные головы.

Во время моего пребывания в Англии на повестку дня всплывает адриатический вопрос. Вильсон даёт интервью прессе о притязаниях Италии. Итальянцы говорят, что они покинут Париж. И бог с ними. Семнадцать главных комитетов разбиты на тридцать подкомиссий. Это ускорит дело.

24 апреля, четверг.

Уезжает Орlando. Японцы угрожают тем же.

25 апреля, пятница.

Для моряков нашей главной эскадры был устроен приём муниципалитетом Парижа. Моряки отлично вели себя.

Отъезд Орlando вызвал волнение. Японцы также пугают ухсдом. Передовая «Тан» озаглавлена: «Поездка г. Орlando». Конечно, он вернётся. Итальянцы сделали ошибку: они слишком долго лгали и мешали. Они надеялись, что, находясь всё время и ко всему в оппозиции, они в самом конце вырвут внезапное и выгодное им решение. Внезапности они добились, только не той, на которую рассчитывали. Теперь они должны либо подчиниться и уступить, т. е. возвратиться в Париж, либо же порвать со своими союзниками. Вся эта история в конце концов поднимет престиж конференции и Вильсона в частности. Конечно, враждебность итальянцев к последнему доходит почти до истерики, и мне передавали, что на Лионском вокзале, когда уезжал Орlando, раздавались крики: «Abasso Wilson!» *

Липер разрабатывает компромиссный адриатический проект на случай их возвращения. Фиуме должен быть интернационализован, точно так же как и Далмация. Острова отойдут к Италии. В глубине души я чувствую известную симпатию к итальянцам. Во время войны они пострадали ужасно, да и теперь бегство отсюда доставило им мало удовольствия. Однако их фокусы на конференции расхолодили всех. Мне кажется, что было бы ошибкой позволить славянам слишком укрепиться в Адриатике. Что бы мы стали делать с блоком славян от Владивостока до Фиуме, от Данцига до Самарканда? Скифы могут завоевать мир. Возможно, это будет серьёзнейшая проблема к тому времени, когда я достигну среднего возраста **. Какое дело новой России до Лиги наций? Русские будут доказывать, что это жульническая организация держав-победительниц.

* Долой Вильсона! — *Прим. ред. перевода.*

** Книга издана в 1933 г. Никольсон в 1944 г. достиг среднего возраста, и «скифы» спасли Европу от современных гуннов. — *Прим. ред. перевода.*

Визиты 1) двух членов «Общества друзей» (квакеров)⁵ из Лондона; их направил Смэтс; они хотят работать по организации помощи в Вене; содействую им, чем могу; 2) депутации из Константинополя от греческой школы риторов. Они хотят, чтобы Ллойд-Джордж и Бальфур стали её почётными членами. Я не содействую им. Советую обратиться с этим к Рамзю Макдональду⁶. Они тщательно записывают его имя. Плохая шутка.

26 апреля, суббота.

Обсуждаем с американцами компромиссную схему Липера по Адриатике. В заседании принимает участие Сетон Уотсон. Договариваемся о «минимальной схеме». 1) Граница Лондонского договора в Тироле, Гориция, Градиска и Каринтия плюс Тарвис и долина Секстерн⁷. 2) Изменённая линия в Истрии, которая скатывается к центру. 3) Фиуме в виде *corpus separatum* (особой единицы) в составе Югославии. 4) Далмацию — югославам. 5) Лисса и Луссино — итальянцам. 6) Личный мандат герцога Аbruцского над Албанией. Блестящая идея. Он хороший человек, и к тому же его выставят албанцы через несколько месяцев. 7) Мандат на Кавказе⁸. К этому мы прибавляем три категории дальнейших уступок на случай надобности. Категория А. 1) Идрия. 2) Фиуме — *corpus separatum* — под началом Лиги наций. 3) Керсо — итальянцам. 4) Зара — порто-франко. 5) Албания — итальянский мандат вместо личного мандата герцога Аbruцского. Категория Б. 1) Фиуме — порто-франко под объединённым флагом (итальянцев и югославов. — *Прим. ред. перевода*). 2) Пелагоза, Кацца — итальянцам. 3) Стампалия как морская база в Додеканезе. 4) Уступки в отношении африканских колоний. Категория В. 1) Полный суверенитет над Валоной. 2) Мандат на Анатолию, исключая греческую зону.

По крайней мере четвёрке будет над чем поработать.

27 апреля, воскресенье.

Появляется Джонсон и говорит, что американская делегация не может поддержать вчерашнюю компромиссную схему, так как П. В. твёрдо стоит на позиции «*non possumus*» (никаких уступок). Если он заупрямится, всё будет хорошо. Мы в восторге.

28 апреля, понедельник.

Чтобы накрутить хвост итальянцам, Совет четырёх, или, лучше, трёх, решает официально признать Югославию. Поздно. Аллен занимается формулой признания и спешит на Кэ д'Орсэ, чтобы посоветоваться с Ларошем.

Пленарная сессия конференции. Принимается устав Лиги наций. Генеральным секретарём будет Эрик Друммонд. Льёт дождь.

Обедаю со Сметсом, который только что вернулся. Говорим о религии, антропологии (о пигмеях, бушменах, готтентотах, золотой ветви⁹), т. е. о том, о чём генерал знает так много интересного и красочного. Он прост и в то же время сложен.

29 апреля, вторник.

Снег и холод. Работаю над нашим компромиссным меморандумом по Адриатике. Подготавливаю восхитительную карту.

Иду надоедать Герману Норману по поводу прав меньшинств в уступленных территориях. Составляю черновик резолюции. А. Д. Бальфур увиливает от неё. Какая тоска, эта нерешительность! Просто несправедливо по отношению к нам.

Приходит А. Ф. Уайт. Он всегда попадает в точку. Обсуждаем положение с Италией. Немцы (Брокдорф-Ранцау и К⁰) прибывают в Версаль сегодня вечером.

30 апреля, среда.

Холод и буря. Растапливаю камин, хотя трубы центрального отопления накалены.

Готовлю нашу адриатическую схему для печати. Я не думаю, что она увидит свет, так как Филипп Керр и премьер-министр имеют свой собственный проект, о котором мы, конечно, ничего не знаем.

Завтракаю с этим противным П... Он утомительный человек, которому совершенно нельзя доверять. Он представляет Черногорию не более, чем я сам. Не могу побороть в себе чувства, что за всем этим скрываются какие-то тёмные делишки.

Узнаю, что Совет трёх решил не признавать югославского государства, считая, что это было бы слишком мелочным уколom (для итальянского самолюбия). Обедаю с Жаном де Геньероном в «Рице». Там встречаю Глэдис Дикон. Очень изящна. Там также Марсель Пруст. Сажу рядом с ним. Он снова задаёт вопросы. Меня это забавляет. Я замечаю, что страсть к деталям, видимо, признак литературного темперамента. Это его задевает. Он отрывисто говорит: «О, нет!» — и, обрывая разговор, посылает воздушные поцелуи через стол Глэдис Дикон. Через некоторое время он смягчается, и мы продолжаем наш разговор. Мария Мюрат заразительно смеётся. Карло Пляччи с тоской говорит об Адриатике. «Дорогой Никольсон, вы не понимаете моих соотечественников...» Может быть, он и прав. Но если он призывает меня восхищаться нервным высокомерием, то я готов рассердиться даже на Карло Пляччи с его славным лицом Савонаролы¹⁰. Это не мешает мне постараться выведать у него точку зрения итальянцев. Он говорит, что французы и мы получили всё, чего хотели от войны, а Италия отстранена и не получила ничего. Это абсурд, но абсурд опасный. И далее, говорит он, впечат-

ление такое, что П. В. нарушил свои XIV пунктов в пользу Франции и Британии (проклятая свобода морей и вонючие мандаты), а теперь старается «восстановить свою девственность» за счёт Италии. Его возмущение было бы ещё сильнее, если бы он знал решение о Шаньдуне. В-третьих, говорит он, итальянцы относятся к хорватам так же, как я отношусь к немцам. Я говорю, что я считаю немцев хорошим народом, с большой культурой, народом, который пострадал от плохого правительства. «Вы не серьёзны, — говорит он, вздыхая глубоко. — В этом виноваты ваши школы и ваше воспитание. Вы, англичане, никогда не бываете серьёзны». Я боюсь, что я обидел его. Я стал очень вежливым и внимательным до конца вечера.

1 мая, четверг.

Французские социалисты пользуются днём 1 мая, чтобы мобилизовать свой пролетариат. В результате Париж стал похожим на Эдинбург в воскресный день¹¹. Отчего это социализм приносит всегда тоску и пуританское благочестие? Ни такси, ни метро, ни театров, ни ресторанов и, слава богу, нет газет. Целый день идёт дождь, и этим Париж сегодня ещё больше напоминает Эдинбург. Передавали, что около здания Оперы были столкновения. Один убитый.

Посылаю наш доклад по Адриатике в типографию. Вечером залетает Жан де Геньерон. Его отношение к Вильсону и миру типично для общей атмосферы Парижа. В нём соединены подлинный страх перед Германией и глубокое раздражение тем, что не дают применить к ней принцип *vae victis**. Нужно заставить себя понять французов: забота о безопасности Франции тяготеет над их умами. Они стремятся вырыть ров между собой и внешним миром; это народ, который думает только об обороне. Однако это никак нельзя назвать милитаризмом.

Заходит Вейс из Британской школы в Афинах. Он только что приехал из Греции. Рассказывает, что наша миссия нуждается в помощи. Я подозреваю, что они хотят моего приезда к ним, когда всё кончится.

Приходит Смэтс. Беседуем с ним после обеда. Он жалуется на влияние французской «контузии» на мир. Он говорит, что всё это не более как шовинизм, разрушающий тот великий дух, с которым мы приехали в Париж. Много правильного в том, что он говорит. Париж оказался неудачным местом для конференции.

Вся обстановка слишком нарочитая и слишком сильно отражается на ходе переговоров. Он соглашается, что вся затяжка работы происходит от необходимости найти среднюю между фран-

* — горе побеждённым. — Прим. ред. перевода.

цузским реализмом и американским идеализмом. Несомненно. Я вполне допускаю, что французы не видят дальше *своего* носа; но в конце концов это *их* нос; и, честное слово, то, что они *видят*, они видят чётковски ясно.

Герман Норман рассказывает, что он сегодня присутствовал в трианонском «Палас отеле» при предъявлении немецкой делегацией своих полномочий. Жюль Камбон, который проводил всю церемонию, был вежлив, но холоден, как лёд. Брокдорф-Ранцау был бледен и нервничал; он весь дрожал. Норман не думает, что он дрожал от ярости.

2 мая, пятница.

Поток работы, который всё время не прекращался и превращался по временам в водопад, сегодня вдруг иссяк. Мне нечего делать. Я иду на выставку картин. Фантэн Латур и Сизли. Вечером обедаю с Венизелосом. Продолжительная беседа.

1. Я сообщаю ему о моём назначении в состав миссии, направляющейся в Афины. «Вот, — сказал он, — хорошая новость». И прибавил, что у него была мысль просить за меня, но он решил, что лучше будет не делать этого. Говорит, что мы должны совершить вместе поездку в Спарту и забыть обо всём, что было здесь.

2. Обсуждаем влияние итальянского кризиса на греческие притязания. Я выражаю опасение, что Италия получит «компенсации» в Анатолии за то, что она должна уступить в Адриатике. Он глубоко вздыхает. «Но, — говорит он, — я получил заверения и поддержку со стороны Ллойд-Джорджа и Вильсона». Действительно, последний, услышав, что итальянцы послали два военных корабля в Смирну, дал инструкцию послать туда британский дредноут и греческий крейсер. Итальянцы, пытаясь опередить всех на побережье Малой Азии, помогли грекам больше, чем можно было рассчитывать.

В общем он придерживается того взгляда, что если Италия получит протекторат в Азиатской Турции, то Греция должна получить зону Смирны плюс Айвали и остальную территорию, на которую претендуют греки, по такому же «мандату».

3. Я сказал ему, что выдвигается мысль о передаче Греции Константинополя, чтобы побудить её отказаться от Смирны. Венизелос страшно возмутился. Он отказывается от всякой ответственности за подобные заявления, бранит «Eleutheros Tyros» за публикацию намёков такого рода и говорит, что воспользуется первым подходящим моментом и опровергнет такие намерения Греции. «Видите, дорогой мой, — я единственный грек, который может отказаться от Константинополя».

4. Потом я спросил его о Военной лиге, организованной в Греции для его поддержки. Ему она не нравится. Он сказал, что его намерением было опубликовать собственную программу

после выборов в Учредительное собрание и обратиться к стране независимо от политических партий. Он даже хотел бы отказаться от лидерства либеральной партии. Я пробормотал, что это похоже на диктатуру. Он засмеялся. «Избирательная диктатура... Но знаете ли, — добавил он, — я не тщеславен, однако я нахожусь в исключительных условиях. Ни один политический деятель не обладает таким престижем, как я».

Он объяснил, что король Константин прибег к старым партийным методам; что он повытаскивал из мусорного ящика истории каких-то тёмных политиканов, относящихся ко всеми забытому и опороченному периоду; но политическая «честность», которую с таким трудом вводил он, Венизелос, несколько забылась. А потому по возвращении ему предстоит серьёзная чистка политических авгиевых конюшен. Возможно, что ему придётся наказывать своих последователей, точно так же как и своих врагов. И вот для этого-то ему нужна свобода рук и независимость от партийной принадлежности. Он говорит, что выступал против республики только из боязни военных переворотов, возглавляемых генералами.

6. Что касается Болгарии, то он и Пашич имели длинную беседу со стариком Клемансо. Хотя Клемансо не соглашается на расширение границы, установленной по перемирию, зато он согласен на отправку в Салоники болгарских военных материалов, собранных генералом Кретьеном в Софии. Это «предупредительная мера».

3 мая, суббота.

Стало теплее. Завтракаю с Майкелом Садлером. Во второй половине дня иду на заседание Совета пяти, т. е. подсобного Верховного совета — из министров иностранных дел. Заседание происходит в кабинете Пишона, где раньше заседал Совет десяти. Это мелкотравчатое дело по сравнению с прошедшими днями борьбы Клемансо — Лл. Дж. — Вильсона. Чувствуется, что решения выносятся не здесь. Пустота комнаты подчёркивается отсутствием итальянцев. И действительно, на месте только Лансинг, Пишон, Гардинг и японцы. Секретари и эксперты чувствуют себя свободнее и отваживаются на вольности, которые они бы никогда не позволили себе в напряжённой тишине бывшего Совета десяти. Переводчик уже не Манту, а некто мрачный и робкий в пенсне.

Согласились на признание Финляндии. Затем переходят к вопросу о Гроссе Шютт. Когда мы были в Праге, я умолял Смэтса о том, чтобы он уговорил Масарика не настаивать на этом злополучном острове Дуная. Он это сделал. Масарик согласился отказаться от Гроссе Шютт при условии, если взамен его чехи получают мост через реку у Братиславы. Я просил Гардинга выдвинуть такое предложение перед Советом. Он очень

ловко сделал это. Я даже заготовил черновик резолюции (я убедился в ценности «резолюций»). К моему ужасу, однако, Пишон заставляет Лароша заявить, что он слышал от Бенеша, будто Смэтс «не полностью понял» Масарика. Масарик сказал лишь, что *некоторые круги* в Чехословакии считают такое положение приемлемым, однако правительство его отклоняет.

Я боюсь, что всё это ложь. Это ещё более увеличивает мою неприязнь к Крамаржу, который всегда оказывается вдохновителем всего дурного, что исходит от Бенеша. Оба они в кармане у французов. Французы теперь станут говорить, что они разоблачили античешскую интригу, затеянную мной. Это была последняя попытка устранить явную несправедливость.

Всё равно, дело будет передано в комиссию.

Со мной обедает Половцев, директор «Эрмитажа». В области искусства большевики ведут себя замечательно. Они сохранили частные собрания тем, что их «национализировали».

4 мая, воскресенье.

Венгерские комиссары, видимо, бежали; будет создано промежуточное правительство. Несколько бывших венгерских офицеров устроили налёт на венгерскую миссию в Вене, арестовали моего друга Болгара и его очаровательную секретаршу и удрали, захватив все деньги.

У Жака Бланша. Обедаю с Мэгги Гревиль.

5 мая, понедельник.

Утром — Чешский комитет. Обсуждаем разговор Смэтса с Масариком о Гроссе Шютт. Мне пришлось признаться, что я тогда находился только в соседней комнате. Ларош подкрепляет своё заявление представлением письма, подписанного Бенешем. Мы вынуждены уступить. Чехи получают-таки и венгров и остров. Я не считаю это решение разумным, но я сделал всё, что мог. Очевидно, Масарик допустил ошибку и под давлением своего правительства вынужден был отказаться.

Итальянцы возвращаются в Париж! Обсуждаем дальнейшие шаги с Юстасом Перси, который теперь является личным секретарём Бальфура.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раздел Месопотамии и раньше и позже приводил к максимальным затруднениям.

² *Petit Palais* — малый Трианонский дворец в Версале, отчасти превращённый в обширную картинную галерею.

³ Даже та «широкая зона», которая намечалась на Версальской конференции (см. стр. 182), не включала всё греческое население Малоазиатского побережья; большее количество греков проживало южнее этой зоны.

⁴ См. стр. 43, примечание 26.

5 «Общество друзей» — община протестантской секты квакеров, отвергающей обычную церковную организацию. Квакеры — пацифисты, благотворители — принимают деятельное участие в политической жизни Англии, поддерживая преимущественно либералов.

6 Намёк на риторику, которую развивал Макдональд в своих речах в годы войны, выступая с пацифистскими лозунгами.

7 Приобретение Тарвиса и долины реки Секстерн расширяло итальянскую территорию в Тироле.

8 Вопрос о предоставлении Италии мандата на Кавказе стоял, по заявлению Ллойд-Джорджа, альтернативно: в случае, если англичане не захотят там остаться. Проект этот встретил одобрение Клемансо.

9 «Золотая ветвь» — основной труд крупного английского антрополога и этнолога Фрезера, дающий обширный материал по истории религий.

10 Савонарола — итальянский монах, фанатический религиозно-политический проповедник и реформатор. В 1494 г. стал главой Флоренции и провёл ряд реформ. После поражения в политической борьбе был казнён.

11 Никольсон подразумевает пуританскую скуку воскресного дня в английской провинции.

VIII. 6 мая — 20 мая

КОМПЕНСАЦИИ

6 мая, вторник.

Стефаник, чешский военный министр, у которого осталась только половина желудка, — погиб на самолёте в результате катастрофы под Братиславой. Хорошая смерть в момент окончательного возвращения на освобождённую и торжествующую родину. Конечно, менее способные люди смогут продолжать теперь его работу; но это существенная потеря, так как темперамент Стефаника придавал искристость шампанского тяжеловатому, как пиво, чешскому духу.

От обоих послов в Риме¹ поступают бесконечные телеграммы с предложением различных компромиссов по адриатическому вопросу. Их предложения мало полезны. Все они в конце концов подразумевают установление итальянского суверенитета над Фиуме. Этого югославы никогда не примут; не примет это также и П. В. Повидимому, Лл. Дж. и П. В. стали ещё более решительными в этом вопросе, чем прежде. Это результат итальянских дипломатических методов: если бы они придерживались западных, а не средиземноморских или даже неаполитанских методов, нам пришлось бы пойти им навстречу. Благодаря их обструкции на конференции и жестокому обращению итальянских властей с населением в Фиуме, Далмации, Сплите, Албании и Родосе, не говоря уже о Малой Азии, отношение к ним испортилось. Они могли положиться только на симпатии своим непрерывным неумением себя держать, своей недейяльностью и мелким жульничеством.

Узнаю, что Ллойд-Джордж и Клемансо позволяют Венизелосу высадить греческую дивизию в Смирне. Это уж означает во всяком случае, что вопрос о Смирне разрешён. Это личный триумф Венизелоса.

Иду с Т. Э. Лоуренсом в цирк «Медрано». Не могу его раскусить. Его внешность так отлична от его внутреннего содержания; и взгляд на него меняется по мере того, как переходишь от первого ко второму.

Шестое пленарное заседание для принятия условий договора с Германией. Встаёт Фош для протеста против военных пунктов договора. Вилли де Грюнн рассказывает, что после заседания он стоял около Фоша, к которому в гневе подбежал Клемансо. «Почему, господин маршал, вы позволили себе публично устроить подобную сцену?» Фош вытянулся и, покручивая ус, сказал: «Чтобы облегчить свою совесть». Эти слова он произнёс совершенно спокойно.

7 мая, среда.

Чудесный день! Высокие каштаны напоены солнечным светом.

Опять шум, из-за того, что пригласили австрийцев и не пригласили венгров. Французы заявляют, что Совет трёх решил послать такое приглашение, а англичане его отменили. Это, собственно, была моя вина; ведь мы знали, что венгерские комиссары пали. Впрочем, это ерунда.

Вечером получаю записку от Хэнки о том, что Совет пяти поставил на окончательное рассмотрение вопрос о границах Австрии и Венгрии. До поздней ночи готовлю записку и замечания для Бальфура. Немцам вручён мирный договор в трианонском «Палас отеле».

8 мая, четверг.

Ещё один безоблачный день. Около 11 часов приходит Эрик Друммонд и просит меня «выйти к нему». В коридоре он говорит: «Послушайте, хотели бы вы работать со мной в Лиге?» Я говорю, конечно, что очень хотел бы, если Форейн оффис не будет возражать, если я не потеряю на разнице в окладе и т. п. Это значит, что я не еду в Афины. Это означает также, что я должен работать с Друммондом по организации секретариата Лиги, в аппарате, значение которого должно возрасти. Не могу выразить словами, как я счастлив. Я не могу представить такой задачи, такой работы, такого руководителя, которых я предпочёл бы этим. Вечером — дальнейший разговор на ту же тему с Друммондом. Первые месяцы мы проведём в Лондоне, где будем создавать фундамент для секретариата Лиги. В сентябре и октябре мы отправимся в Америку для подбора кандидатов на должности и для того, чтобы зондировать общественное мнение. Раньше осени не будем устраиваться в Женеве.

Вторая половина дня была посвящена окончательному пересмотру границ Австрии. Еду завтракать на улицу Нито к Баль-

фуру и натаскиваю его в этом вопросе. От него вместе — на Кэ д'Орсэ. Там (в комнате, завешенной тяжёлыми коврами, под взглядом улыбающейся на портрете Марии Медичи, с окнами, открытыми в сад, откуда доносится журчание воды — в фонтане при поливке сада) судьба Австро-Венгерской империи решается окончательно. Венгрия поделена этими пятью уважаемыми джентльменами, поделена беспечно и безответственно, в момент, когда за окном капли воды поблёскивают на сирени; когда эксперты напряжённо молчат; когда Бальфур, поспорив по второстепенным пунктам, дремлет; когда Лансинг рисует на своём блокноте мелкие карикатуры; когда Пишон, притаившись, как сова, в огромном кресле, бросает на всех хищный взгляд; когда записывается решение за решением; когда Соннино, вернувшийся в Каноссу², отменно вежлив; когда Макино, непроницаемый и молчаливый, наблюдает, наблюдает, наблюдает за всем и про себя...

Они начинают с Трансильвании, и, после нескольких перебранок (подобных перебрасыванию теннисного мяча) между Тардые и Лансингом, Венгрия теряет свою южную часть. Затем Чехословакия, и, пока две-три мухи вылетают за окно и влетают вновь в зал, Венгрия успевает потерять свой север и свой восток. Затем идёт граница с Австрией; её не трогают. Затем граница с Югославией; принята без изменений по докладу комитета. Затем чай с миндальным печеньем.

Вечером — пьеса Боба Ванситтарта.

Большой скандал вызван вчерашней церемонией, когда Брокдорф-Ранцау, отвечая Клемансо, отказался встать. «Дейли Мейл» называет его поведение «дерзким и нераскаянным». Герман Норман, который стоял рядом с Ранцау, говорит, что тот был в состоянии, близком к обмороку, и если бы даже он и хотел встать, то не смог бы. Я спрашиваю Бальфура, разделяет ли он всеобщий ужас и негодование.

— Какое негодование? — говорит он.

— А по поводу вчерашнего поведения Брокдорф-Ранцау.

— Какого же поведения?

— Он не встал, отвечая Клемансо.

— Разве он не встал? А я и не заметил. У меня правило: никогда не смотреть на людей, когда они в таком тяжёлом положении.

Это замечание Бальфура подчёркивает, как вульгарен Париж.

9 мая, пятница.

Утром составляю записку для Бальфура о границе Австрии. Что ему сказать и в каком духе? Иду снова на Совет пяти. Границы Австрии. Начинают с чешской границы и через минуту принимают доклад комитета без обсуждения. Потом пере-

ходят к границе Югославии и вдруг попадают в тупик из-за Клагенфурта. Итальянцы не хотели допустить экспертов к данному вопросу, и доклад комитета по этому району не состоялся. Соннино (его череп становится огненнокрасным под белой гривой волос) пытается заставить Совет принять решение тут же, надеясь в спешке лишить Югославию Аслингского треугольника³. Лансинг с озлоблением отражает этот маневр, заявляя, что не может решать без экспертов, и настаивает на создании технического комитета. Тардые, у которого изумительное чувство момента, говорит: «Отлично, господа. Я вижу, что большинство членов Югославского комитета собрались здесь. Мы выйдем в другую комнату и предоставим вам наше мнение немедленно». Череп Соннино становится пурпурного цвета. Он ворчит о том, что не согласен. Но он не может больше мешать. Члены комитета поднимаются с позолоченных стульев и покидают нас. Я остаюсь, так как на повестке дня Эссад-паша⁴.

Между тем они обсуждают вопрос о помощи, или, лучше сказать, о питании балтийских государств. Приглашён Гувер. Он произносит прекрасную речь. Решения не принято. Заседание откладывается до 6.30.

10 мая, суббота.

Совет пяти снова обсуждает границу между Австрией и Югославией. Комитет заседал всё утро и подготовил доклад, принятый тремя против одного (т. е. против Италии. — *Прим. ред. перевода*): это работа Аллена Липера. С самого начала обсуждение носит напряжённый характер, затем становится затяжным и, наконец, доходит до своей кульминационной точки и превращается в резкий спор между Лансингом и Соннино, должны или не должны словены считаться «врагами». Лансинг, без сомнения, груб. Соннино едва не лопаётся от сдавленного гнева. Тогда поднимается Бальфур. Он начинает блестящий анализ наших руководящих принципов. Он подавляет своей логикой. Когда он снисходит до вмешательства, то сразу видно, что он — кит среди миног. У Соннино так трясутся руки, что маленький стол, который стоит перед ним, дрожит, как лист. Он отвечает. Он взывает к чувству. «Я потрясён, — говорит он, — той атмосферой враждебности, которую встречает Италия в этой комнате». Возгласы: «О, нет! Уверю вас, нет!» — со стороны Бальфура. Переводчик переводит Соннино на французский язык. «Барон Соннино отмечает, что он потрясён враждебностью». — «О, нет! О, нет!» — со стороны Пишона. Наконец, старик Соннино выдыхается, и ко всеобщему удовольствию доклад большинства принят.

Бальфур вяло оборачивается ко мне. «Я уже отрезал себе, — говорит он, — возможность когда-либо вернуться в Германию

и в Австрию. Меня печалит, что отныне и Италия будет для меня закрыта».

Обедаю с Иосифом Потоцким в «Рице». Приятный обломок прошлого. Я рассказываю ему, как глубоко потрясла меня речь Падеревского в Верховном совете. Он отвечает: «Да, замечательный человек, поистине замечательный человек. И подумайте только, он родился в одной из моих деревень. Кажется, в Шепетовке. Но несмотря на это, когда я с ним беседую, у меня впечатление, что я говорю с равным себе».

11 мая, воскресенье.

Завтракаю с Жаком Бланшем. Встречаю Рене Буалэва. Остаток дня отдыхаю.

12 мая, понедельник.

Совет пяти, или скорее десяти, так как большая тройка спустилась со своего Олимпа и присоединилась к Совету пяти. Решение о разделе Австро-Венгрии утверждено без возражений.

13 мая, вторник.

Ллойд-Джордж пытается достичь соглашения с итальянцами по Адриатическому договору. Повидимому, они пригрозили, что вернутся в Рим или по крайней мере не станут подписывать договора, пока не получат удовлетворения по вопросу о Фиуме. Как я и ожидал, идея о «компенсации» в Малой Азии стоит в порядке дня. Отправляюсь с Луи Маллетом на улицу Нито. Вначале идём на квартиру Бальфура, а затем к Ллойд-Джорджу. Там же Барнс, министр труда, прикомандированный к нашей делегации. По каким-то непонятным соображениям он интересуется вопросами Адриатики. Затем переходим в столовую. Я раскладываю свою большую карту на обеденном столе, и все собираются вокруг стола: Ллойд-Джордж, Бальфур, Мильнер, Генри Вильсон, Маллет и я. Ллойд-Джордж сообщает, что Орlando и Соннино должны сию минуту притти и он хотел бы знать, что он может им предложить. Я предлагаю зону Адалии, с тем чтобы остальную часть Малой Азии отдать Франции. Мильнер, Маллет и Генри Вильсон возражают. Бальфур нейтрален.

Мы всё ещё спорим, когда в комнате показываются рыхлый Орlando и крепкий Соннино. Они также подсаживаются к карте. Усиливается впечатление — вот-вот начнётся раздача пирога. Ллойд-Джордж отмечает на карте то, что он предлагает. Они, кроме того, требуют ещё и Скала Нова. «О нет, — говорит Ллойд-Джордж, — вы не можете получить этого, здесь полно греков». Он упускает из виду, что и в Макри есть греки и греческий клин тянется вдоль побережья до Александретты.

«Да, нет, — шепчу я ему, — там не так много греков». — «Нет, всё греки, — отвечает он. — Разве вы не видите, что это место закрашено зелёным?» Я только тогда сообразил, что он спутал мою физическую карту с этнической, и зелёный цвет долин принял за обозначение греков, а коричневый цвет гор — за турок. Ллойд-Джордж принимает мою поправку хорошо и с большим юмором. Как он быстро всё усваивает! Орlando и Соннино в это время переговариваются между собой по-итальянски. Они хотят получить угольные копи в Эрегли. И Ллойд-Джордж, который теперь только усвоил дело, говорит: «Но ведь это же негодный уголь, и к тому же его там так мало». Соннино переводит это замечание Орlando. «Да, да, — отвечает последний. — Но речь идёт о моральном эффекте!»

Наконец, они, видимо, готовы принять мандат над районом Адалии, но всё ещё неясно, откажутся ли они за это от Фиуме и Родоса. Мы вытаскиваем устав Лиги, находим статью о мандатах. Обнаруживаем (кажется, это обнаруживает Мильнер), что в этой статье говорится о «согласии и желании местного населения». Они находят эту фразу очень забавной. Как они все смеются! Белые щёки Орlando трясутся, а его подслеповатые глазки от смеха наполняются слезами.

Мы соглашаемся занести наше решение на бумагу. Возвращаясь с Бальфуром. Вместо того чтобы идти наверх в свою квартиру, он посылает за своей большой чёрной шляпой. «Я иду с вами, — говорит он, — к вам, в ваш кабинет». Мы едем в «Асторию». Бальфур задумчив и грустен. Я чувствую, что он глубоко потрясён. Мы поднимаемся в мой пустой кабинет, и я посылаю за мисс Стаффорд. Она появляется с блокнотом и карандашом, готовая стенографировать. Бальфур обращается с ней, как будто бы она была голландской королевой. Затем он, тощий и огромный, широко шагает по моей маленькой комнате, вдруг превращается в совершенно другого человека и диктует меморандум, которым уничтожается всё, что было только что решено в столовой Ллойд-Джорджа. Он предлагает: а) Греческую зону. б) Независимую Турцию, охватывающую всю Анатолию, но поставленную под интернациональный контроль в виде иностранных советников в наиболее важных министерствах. в) Зону коммерческих и иммиграционных интересов для Италии в районе Адалии.

Затем завтрак. В 4.00 обратно на улицу Нито. Вместе с Ллойд-Джорджем и Бальфуром переходим напротив, в дом президента Вильсона. Ллойд-Джордж отсылает Бальфура, а я жду в прихожей, читая «Портрет Дориана Грея» в редком издании, с примечаниями Франсиса Круассе. Со мной молодой Эсмонд Хармсворт. Он работает в качестве адъютанта у Ллойд-Джорджа. Высокий и красивый человек, он растянулся в кресле. Открывается дверь, и Хэнки просит меня зайти. Об-

ставленный громоздкой мебелью кабинет, на полу на ковре лежит моя карта. Склонившись над ней (как три ведьмы в «Макбете») — Клемансо, Лл. Дж. и П. В. Они подтащили кресла к коврику и нагнулись низко-низко над картой. Ллойд-Джордж говорит, как всегда, весело: «Теперь, Никольсон, слушайте особенно внимательно». Затем он начинает излагать соглашение, достигнутое ими. Я делаю некоторые мелкие замечания и предостережение по поводу того, что Кония включена в итальянскую зону. Также указываю, что они перерезают Багдадскую железную дорогу. Но это не принимается во внимание. П. В. говорит:

— А как насчёт островов?

— Это, — отвечаю я твёрдо, — греческие острова, господин президент.

— Тогда они должны отойти к Греции?

Никольсон: — Скорее к Греции!

Вильсон: — Итак, к Греции!

Мне дают распоряжение немедленно составить резолюцию. За всё это время Клемансо не произносит ни слова. Он сидит на кончике своего стула, и обе руки его в синих перчатках склонились над картой. Более чем когда-либо он походит на гориллу, выточенную из жёлтой слоновой кости.

Я лечу в «Асторию» и диктую резолюцию. Получилось следующее: 1) Турцию удаляют из Европы и из Армении. 2) Греция получает зону Смирна—Айвалы и мандат на большую часть провинции Айдин. 3) Италия получает мандат на юг Малой Азии от Мармариса до Мерсины плюс Кония. 4) Франция берёт остальное.

Это преступно и непрактично. Но я подчиняюсь приказам. Греки получают *слишком* много.

Я передаю это Хэнки; он одобряет и просит составить дальнейшие резолюции, по которым Соединённые Штаты получают мандат на Армению и Константинополь.

Это я делаю после обеда.

Полумёртв от усталости и негодования.

14 мая, среда.

Австрийцы прибыли в Сен-Жермен.

Встаю рано и исправляю пункты, предусматривающие передачу Америке мандата над Константинополем и Арменией. Как это всё до ужаса нереально. Посылаю резолюции Хэнки.

Диктую записку о чешских железных дорогах для Бальфура.

Завтракаю со Смэтсом. Он очень пессимистически настроен. По его мнению, мировой кризис заключается в борьбе между правительством и беспорядком. Правительства, по его мнению, показали, что они не способны к конструктивной мысли, не

способны дать направление. Они плетутся в хвосте общественного мнения, вместо того чтобы подчинить его и влить в правильное русло. И его ощущение, что содеянное нами в Париже хуже, много хуже Венского конгресса. Государственные люди 1815 г. по крайней мере знали, к чему стремились. Современники не знают и этого.

В Совете пяти на заседании — вопрос о чешских железных дорогах. Прежде чем приступаем к делу, курьер передаёт мне телефонограмму, могу ли я немедленно явиться в дом президента Вильсона. Беру автомобиль и лечу через залитые солнцем улицы на площадь Соединённых Штатов. Не успел я войти в переднюю, как из внутренних покоев вышел Ллойд-Джордж и сразу повёл меня в кабинет. П. В. растянулся на коврик перед камином; Клемансо на четвереньках — позади него. Они всё ещё рассматривают мою чортову карту Малой Азии. Они просят меня исправить её, выделив Мармарис из итальянской зоны. В этом месте президент даже обвёл линию карандашом. Оба они приняли мою черновую резолюцию.

Обратно в «Асторию». Обсуждаю случившееся с Юстасом Перси. Настаиваю на том, чтобы известить обо всём Бальфура, пока не поздно. Ллойд-Джордж отправляется в армию на Рейн⁵.

(ПИСЬМО к В. С. В.)

14 мая 1919 г.

Я написал вам вчера, сидя в прихожей у президента Вильсона, в тот момент, когда за окном человек поливал из кишки лужайку на глазах у американского часового. Только я кончил, как влетает порывисто, как всегда, Ллойд-Джордж. «Никольсон, идите сюда и весь обратитесь во внимание».

Я вхожу. Там были Вильсон, Лл. Дж. и Клемансо; они придвинули кресла к моей карте, разложенной на коврик у камина. Я провёл с ними полчаса, уговаривая и споря. Президент был очень мил, так же как и Ллойд-Джордж. Клемансо — брюзглив, в стиле: «Но, помилуйте, молодой человек!»

Просто ужасает, что эти невежественные и безответственные люди делят Малую Азию, как сладкий пирог. И около них никого, кроме меня, которому, между прочим, в Малой Азии тоже ни до чего нет дела. Разве не ужасно, что счастье миллионов решается таким путём, а между тем в течение двух месяцев мы умоляем и просим Совет дать нам время на разработку определённой схемы?

Их решения аморальны и непрактичны. «Но, помилуйте, молодой человек, что же делать, нужно притти к окончательному решению».

Странная вещь, в вопросе, которым я действительно занят, — в вопросе о Греции — они пошли дальше, гораздо дальше, чем я полагал даже в самых безумных мечтаниях.

Ллойд-Джордж просил меня составить резолюции немедленно, и я ловко проделал следующее: я разбавил их решения, или во всяком случае попробовал оздоровить их. Ещё не знаю, примет ли Ллойд-Джордж мой проект резолюции.

Всё это сложно и ставит меня в неудобное положение перед Луи Маллетом, Кроу, Гардингом и Бальфуrom, которых я обхожу.

Мне крайне неприятно оказаться в таком положении, но что поделаешь? Я знаю, что если я откажусь, никто не обратит на это внимания. Не лучше ли попытаться спасти их от самих себя? Какой разразится скандал, когда всё это всплывёт наружу.

15 мая, четверг.

Утром на заседании Чешский комитет заслушивает выступление Бенеша об автономии Украины (Закарпатской. — *Прим. ред. перевода*). Мало пользы. По возвращении, прочитав полный текст протоколов Совета трёх, продолжаю разговор с Юстасом. Они разбирают каждую «зону компенсации» отдельно и, похоже, кончат выделением Италии в каждой зоне того, чего добиваются итальянцы. Помимо всего полковник Хауз, который разрабатывает отдельно компромиссное решение о Фиуме, полностью удовлетворит их требования в Адриатике. А потом, чтобы заставить итальянцев отказаться от притязаний в Адриатике, придётся за это компенсировать их огромным куском турецкой территории; далее Хауз уступит им в вопросе о Фиуме. Вот и получится, что итальянская дипломатия в конце концов восторжествует.

После завтрака возвращаюсь с Бальфуrom. Целый час говорю с ним на эту тему. Я нападаю на нравственную сторону раздела Малой Азии. Всё это ему надоело. «Пусть, — говорит он, — вы совершенно правы. Но, мой дорогой юноша, вы забываете, что мы на Парижской конференции. Всё, о чем вы говорите, чистая эстетика». Беда всех этих опытных государственных деятелей в том, что они слишком привыкли без нужды оправдываться моральными соображениями и потому не способны стыдиться аморальных поступков, если даже они совсем не являются необходимостью.

Всё же он обещал кое-что сделать. Тем временем Ллойд-Джордж уехал посетить место недавних боёв во Франции.

Обедаю с г-жой Лидс. За обедом — Бальфур и Хауз. Надеюсь, что они познакомят друг друга с тем, что известно каждому из них. В общем дело безнадежно: заварилась каша, которую не расхлебать. Моё личное положение становится всё

более трудным. Я никогда не знаю, насколько Бальфур осведомлён о том, что происходит в Совете трёх. Мне всё кажется, что я совершаю какую-то подлость. Между тем официально я обязан по долгу службы обо всём сообщать Бальфуру. В конце концов он мой начальник. Я спросил Бальфура, как мне поступить в таком критическом положении. Его ведь интересуют этические проблемы. Он говорит: «Хорошо, я обещаю переговорить с Ллойд-Джорджем о нашем разговоре». Он мил, замкнут и заметно забавляется создавшимся положением. Возможно, я преувеличиваю свои затруднения и высказываю слишком личную точку зрения; ведь я только юноша при карте, умеющий изрядно составлять проекты резолюций.

16 мая, пятница.

Утром иду к Бальфуру. Делаю последнее усилие убедить его в вопросе о Малой Азии. Я стараюсь быть менее «эстетом», чем вчера, и сосредоточиваюсь только на практической стороне дела. Я указываю, что интернациональный контроль, проводимый через специальных советников в турецких министерствах, не будет означать «кондоминиума»⁶. Султан останется фактически независимым. В этом случае Италия могла бы получить что-нибудь вроде соглашения о признании особых интересов на юге.

Бальфур зачитывает Гардингу и Кроу протоколы заседания Совета трёх, происходившего в среду. Бальфур настроен весьма критически. «Трое невежд, — восклицает он, — руководимые дитятей!» Предполагаю, что дитя — это я. Как бы то ни было, дитя довольно спокойное, и оно было бы счастливо не руководить этим делом.

Бальфур в конце концов соглашается написать ещё один меморандум. Я не могу его понять. По уверению Гардинга, он так же огорчён, как и все мы. Но он считает необходимым противопоставить себя тем, кто излишне нервничает. Очевидно, нервничаю я.

В это время к Липеру приходит Смодлака и рассказывает, что югославская делегация после заседания, которое продолжалось всю ночь, решила просить президента Вильсона быть посредником между нею и итальянцами. Если бы итальянцы согласились (а в этом я сомневаюсь), то это чрезвычайно упростило бы обстановку и освободило бы нас от этой чудовищной системы компенсаций.

Правительство в Англии начинает подавать признаки жизни. До него дошли слухи о разделе Турции. Монтегю, Синха, Биканир и даже Керзон грозят отставкой⁷. Бедный Лл.-Дж.! Так легко нам, безответственным людям, его критиковать; но он пробует запаковать живого петуха в папиросную бумагу. Это чудо, что он всё-таки добивается успехов.

Во второй половине дня Совет пяти обсуждает границы Болгарии. Я не иду, так как за последние дни уже намозолил глаза Бальфуру. В Совете пяти не решён вопрос ни о границе с Румынией, ни о границе с Грецией, но зато решена граница Сербии и Болгарии, причём сербы получают лучшие оборонительные позиции для Вардарской железной дороги и Струмицы. Хорошее решение.

Греки высадились в Смирне. Большая радость в отеле «Мерседес».

17 мая, суббота.

Ллойд-Джордж возвращается из своей поездки.

Утром Чешский комитет обсуждает схему украинской автономии, предложенную Бенешем. Мы её принимаем. Мне поручается написать доклад для Совета пяти. Вот скука!

Возвращаюсь и немедленно пишу доклад.

К вечеру ко мне приходит Криссантос, епископ Трапезунда; его прислал Венизелос для разговора о понтийских греках. Я стараюсь утешить его, но безуспешно. Он великолепен, когда волнуется. Его широкую грудь украшает распятие из аметистов и топазов.

Обедаю с Бони де Каstellани на улице де Лилль, 71. Присутствуют Бальфур, Венизелос, Поль Клодель, Бертело, Жак Бланш, Анна де Ноайль. Она похожа на ястреба из какой-нибудь египетской надписи в Луксорском храме. После обеда Ив Фрэнсис декламирует стихи Клоделя. А прямо перед ней сидит он сам, ещё крепкий мужчина, стараясь своими аплодисментами показать, что восторги относятся только к талантливому чтению актрисы и не распространяются на его стихи, которые она декламирует.

Еду обратно с Венизелосом. Он очень доволен высадкой в Смирне. «Греция найдёт своё будущее только тогда, когда овладеет Эгейским морем». Он выглядит больным и усталым, но счастливым.

Узнал, что Бальфур написал меморандум Лл. Дж. и Совету трёх в том плане, в каком я с ним говорил. Ага, значит на него всё-таки повлияла моя «эстетика».

Лл. Дж. возвращается и, как всегда, всех успокаивает.

(ПИСЬМО к В. С. В.)

Суббота, 17 мая 1919 г.

Здесь нависает гроза над Ллойд-Джорджем. Всё это по поводу Малой Азии. Чувствую, что мне на моей маленькой дочке всё труднее среди этих сталкивающихся между собой дредноутов.

Даже Бальфур раздражён. «Трое всемогущих невежд сидят за столом, кроют на части континент, а дитя руководит ими».

У меня веское подозрение, что в данном случае под «дитятей» разумеют меня самого. Но, может быть, Хэнки. Надеюсь, что Хэнки. Ведь Хэнки на 35 лет моложе Бальфура, а чтобы стать моим ровесником, ему нужно будет отнять ещё три года. Да, давайте считать, что это Хэнки.

Премьер-министр послал за индийскими делегатами. Они, как полагается раджам, заказали целый поезд только для того, чтобы выяснить, что вопрос уже решён тремя плюс дитятей и что Ллойд-Джордж уехал на автомобиле путешествовать по Франции. Нависает угроза отставки Керзона, Монтегю, Биканира и даже Бальфура. Но держите всё это в секрете.

Я хотел бы сделаться на время совсем незаметным. Мне кажется, что я достиг уже своего. Но я не люблю играть огнём других и предпочитаю свой.

18 мая, воскресенье.

Утром на Кэ д'Орсэ исправляю гранки и перевод моего доклада об автономии Закарпатской Украины.

Говорю с Джимом Батлером о Лиге. Он говорит, что мы должны создать «патриотизм Лиги», который пересилил бы национальный. Конечно, мы должны. Но какой энтузиазм, какой такт нужны для этой задачи! Я уверен, что для мира знание, твёрдое, как алмаз, лучше, чем весь идеализм, вместе взятый. Американизм⁸, когда сталкивается с действительностью, никогда не имеет успеха. Секретариат Лиги прежде всего должен быть построен на деловой основе. Пусть «патриотизм Лиги» опирается на гранитный фундамент здравого смысла. Пусть не будет ни истерии, ни эстетики.

(ПИСЬМО к В. С. В.)

18 мая 1919 г.

Кажется, безумная азиатская схема Совета трёх устранена. Я рад.

Я ужасно занят. Всё время с тех пор, как вы уехали, и сегодня для меня нет воскресенья. Грозит опасность, что мне придётся провести целый день на Кэ д'Орсэ.

Вчера вечером обедал у Бони де Кастелани... Затем там была чтица, которая декламировала поэмы Клоделя; он сам также присутствовал. Поэмы хороши, очень хороши. Но с его лица всё время не сходила циничная усмешка, казалось, говорившая, что только ему известно, как вот на этой самой строчке сломалось перо и как следующий абзац был списан из такой-то газеты. Ни один поэт не может оставаться героем в собственных глазах.

19 мая, понедельник.

Большинство членов кабинета прибыло из Лондона для обсуждения будущего Турции. Меня вызывают на улицу Нито, но не допускают на заседание. Я нахожусь в смежной комнате, но, поскольку нас разделяет только стеклянная перегородка, слышу каждое слово. Керзон настаивает на удалении турок из Европы и — с большим сожалением — принимает греческую зону в Смирне. Монтегю и Мильнер против того, чтобы и далее мешать туркам. Уинстон хочет, чтобы турок оставили в покое, но просит дать мандат американцам на проливы и Константинополь, а также на Армению с Трапезундом. Бальфур хочет отдать Константинополь под мандат американцев, Смирну — Греции, а остальное — Турции как независимому государству, под наблюдением иностранных советников. Ллойд-Джордж уклоняется от того, чтобы связать себя определёнными обязательствами. Насколько я могу судить через стекло, решение не было принято.

Вечером совместно с Хэнки составляем текст телеграммы с приказом грекам не выходить за пределы санджака Смирны и казы Айвали⁹.

(ПИСЬМО к В. С. В.)

19 мая, понедельник.

Если вам *нечего* делать, не можете ли вы подумать иногда о Лиге? Вам надлежит выработать в себе «характер Лиги» и помочь мне, если я стану проявлять чрезмерный национализм и антиитальянские чувства. Если Лига должна действительно представлять собой известную ценность, то нужно начать с новой концепции, с привычки мыслить по-новому у её организаторов и руководителей. Иначе это будет продолжение конференции, где каждая делегация считается только со *своей* точкой зрения и где единство может быть обеспечено только уступками всех всем. Мы должны утратить всё это и мыслить только с точки зрения Лиги, где *право* будет лежать в основе всего и где компромисс превратится в преступление. Там мы должны будем стать антиангличанами, когда это будет необходимо, а также, когда понадобится, и проитальянцами. В тот момент, когда вы увидите, что я становлюсь нетерпимым в отношении латинян, вы должны одёрнуть меня. Это для меня нелегко, так как я люблю решительную, отнюдь не просвещённую, не умную и дурную британскую манеру смотреть на вещи. Я боюсь, что «женевский характер» окажется чем-то вроде настроения «Хэмпстедского пригорода»¹⁰, но он может быть и чем-то *грандиозным*. Стоит поработать для этого.

Серьёзно, вы можете сделать не меньше, чем я, осторожно вербуя прозелитов. Вообразите, что вы — член Армии спасе-

ния, и когда вы слышите, что Лигу оскорбляют и над ней насмеются, скажите с ласковой, терпеливой улыбкой: «В чём её вина?» *Нет* оснований ненавидеть Лигу, и вы сможете так пристыдить их: «Несомненно, Лига погибнет, если невежественные люди нападут на неё ещё до её появления на свет, не дав себе труда даже на минутное размышление».

Я чувствую, что Лига — величайший эксперимент, и я хотел бы, чтобы вы были на его стороне,

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Англия имеет в Риме двух послов: одного при итальянском правительстве, другого — при Ватикане.

² *Каносса* — древний замок в Италии, резиденция папы римского, к которому должен был в 1077 г. явиться с покаянием король Генрих IV. Впрочем, хождение Генриха IV в Каноссу было лишь дипломатическим шагом, давшим ему передышку в его борьбе с папой, которую он потом возобновил. Выражение «хождение в Каноссу» стало нарицательным.

³ *Аслингский треугольник* вызвал много споров, так как через него осуществлялась прямая железнодорожная связь Италии с Австрией. Дорога шла через Триест — Аслинг — тоннель Розенбаха. По Рапалльскому договору отошёл к Югославии.

⁴ *Эссад-паша* — албанский авантюрист, бывший турецкий генерал. В начале мировой войны, после бегства принца Виду, организовал военное правительство в Дураццо с намерением после войны отдать север страны сербам, юг — грекам, а остальную часть возглавить под протекторатом Италии. Был представителем Албании на Парижской конференции. В 1920 г., во время пребывания в Париже, был убит.

⁵ Ллойд-Джордж был на Рейне 15—17 мая. В это время на Рейне стояла английская оккупационная армия.

⁶ *Кондоминиум* (лат.) — совместное управление (и владение) какой-либо областью, осуществляемое двумя или несколькими государствами.

⁷ Разногласия по вопросу о разделе Турции заключались в том, что Эдвин Монтегю и представители Индии лорд Синха и Биканир считали, что изгнание турок из Константинополя вызовет стихийные симпатии к ним во всём мусульманском мире, и поэтому возражали против него, тогда как лорд Керзон, с которым был солидарен Ллойд-Джордж, полагал, что эта опасность нереальна.

⁸ Под американизмом Никольсон подразумевает не обоснованный реальными возможностями вильсонизм.

⁹ Санджак и каза — административные единицы в Турции.

¹⁰ *Хэмлестед* — квартал Лондона, населённый мелкой буржуазией, с однообразными небольшими домиками, окрашенными большей частью в один цвет.

IX. 20 мая — 28 июня

ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

20 мая, вторник.

Возвращается из Германии Тата Берти, который работал в Комиссии по перемирию. Ему пришлось часто встречаться с Эрцберггером и Носке. Он говорит, что они подавили спартаковцев, применив самое современное оружие войны. Он думает, что германское правительство согласится подписать договор, но мысленно сделает оговорку по поводу его выполнения. К концу дня мы получаем телеграмму от генерала Малькольма из Берлина с сообщением, что правительство готово подписать, но что общественное мнение не позволяет ему идти на это без ощутимых уступок со стороны союзников. Гардинг думает, что немцы откажутся подписать. Бертело полагает, что они подпишут. Наконец, Крамарж, которого я увидел, когда шёл спать, говорит, что они готовы подписать. Всё это показывает, как мало нам (или, лучше сказать, им) известно.

Утром—Чешский комитет. Мой доклад принят с благодарностью.

21 мая, среда.

Все чувствуют себя выжатыми, как лимон, и бесполезными. Я просто не дожидусь момента, когда мне удастся вырваться из этого отвратительного водоворота и начать серьёзную работу в Лиге наций.

Пустой день. Делаю выборки из протокола для Филиппа Керра по вопросу об обращении Буршье и Бакстона к Болгарии. Помогаю Юстасу в подготовке меморандума для Бальфура по нескончаемому вопросу о Малой Азии. В итоге теперь как будто бы намечается тенденция оставить турок в Константинополе. Я уверен, что это ошибка, если только оставить в стороне русский вопрос. Наше министерство по делам Индии нервничает сверх меры по поводу калифата. Я не верю, чтобы наши мусульмане в Индии хоть сколько-нибудь интересовались калифатом. Они хотят воспользоваться случаем и нажать на

британское правительство якобы от имени мусульманских войск.

Обедаю с Венизелосом, Филиппом Керром, Мейнардом Кейнсом, Политисом, Джеральдом Тальботом.

Венизелос очень взволнован дошедшими до него сведениями о недостаточной дисциплинированности греческой дивизии, высадившейся в Смирне. Кажется, она действительно вела себя очень плохо; по слухам, были убийства гражданского населения, поджоги и грабежи. Возможно, это преувеличено. Венизелос надеется, что критские мусульмане, обосновавшиеся в Смирне, помогут заверить своих единоверцев, что греки всё-таки не дьяволы. Но я по всему вижу, что он взволнован и подавлен.

Венизелос говорит, что он в понедельник был вызван на заседание Совета четырёх. Соннино прибыл последним и, войдя в комнату, сказал подчёркнуто: «А я-то думал, что мы будем одни». Венизелос немедленно предложил, что он уйдёт. П. В. просил его остаться. Но в конце концов Венизелос настоял на том, чтобы уйти. Через несколько мгновений вышел сам президент, уговорил его вернуться и разбил Соннино за неумение вести себя.

22 мая, четверг.

Сегодня немцы должны были сообщить нам, согласны они или не согласны подписать. По их просьбе им на неделю дана отсрочка для ответа.

Эрик Друммонд просит меня присоединиться к нему 18 июня. На это у меня нет никакой надежды. Греческий комитет возобновит свои заседания, и, конечно, нет надежды на то, что я буду освобождён.

23 мая, пятница.

Совет пяти. Буковина, Банат, Закарпатская Украина. Границы Баната и Буковины одобрены, но Лансинг упорствует по поводу Добруджи. Он выдвигает ту точку зрения, что поскольку Соединённые Штаты не были в войне с Болгарией, постольку они должны более или менее представлять интересы Болгарии на конференции. Почему же тогда и Германии не иметь своего нейтрального представителя? Странная доктрина, которой и сами янки до сей поры уделяли ничтожное внимание.

Затем обсуждают мой доклад о Закарпатской Украине и принимают его. Благодарение богу! Наконец, всё же кое-что сделано. А в общем я устал от работы. Жажду мира и несчастен.

24 мая, суббота.

Утром иду к Венизелосу для переговоров о британских акционерах железной дороги Смирна — Айдин. Он обещает, что

турецкая концессия не только будет признана греческим правительством, но и будет расширена. Он обещает принять лорда Ратмора и полковника Корбетта.

Он просит меня сообщить Лл. Дж., что у него имеется письмо от П. В. с согласием президента дать Греции мандат на весь Айдинский вилайет плюс суверенитет над санджаком Смирны и казы Айвали.

Настроение падает. Уезжаю с Алленом Липером провести конец недели в Фонтенебло.

(ПИСЬМО К ОТЦУ)

Суббота, 24 мая.

Надеюсь, завтра мне удастся уехать в Фонтенебло, поэтому пишу сегодня. Чувствую переутомление и удручён этим лицемерным миром, основанным на стремлении собрать голоса избирателей. Как мне хочется уйти от всего этого и начать мою новую работу. Эрик Друммонд хочет, чтобы я приехал 18 июня, но я не вижу никакой возможности сделать это. *Какая* тоска работать и ждать, не имея инструкций. Если бы на то моя воля, я выполнил бы всю работу за неделю.

Любопытно, что будет писать пресса, если немцы откажутся подписать? Она не захочет признаться в такой чести, что этот мир продиктован ею, и опять будет упрекать Англию.

Но мне всё равно!

25 мая, воскресенье.

В Фонтенебло. Лежу под деревьями. Вечером уезжаю. Поглощаю свежий воздух и гоню от себя мысли о конференции.

26 мая, понедельник.

Говорю с Алленом Липером о его албанской схеме, т. е. о создании из северной Албании, Ипека и Дьяковы автономной зоны под управлением Югославии. Вначале мне неприятна эта идея, но в конечном счёте я принимаю её.

Сравнительно свободный день. Как странно, что переутомление, накопленное за четыре месяца, даёт себя знать в первый свободный момент. К тому же я тороплюсь освободиться от этой безнадежной работы, чтобы сосредоточиться на новой, которая означает истинное созидание, а не нереальное разрушение. Австрийцы в отеле «Сен-Жермен» начинают терять терпение. Меня это не удивляет.

27 мая, вторник.

Пишу докладную записку для Филиппа Керра об общем положении на Среднем Востоке. Указываю, что переговоры с Италией, в особенности переговоры по частям, могут повести только к неудовлетворительным решениям, что дружба с Францией и умиротворение Востока больше в наших интересах, чем

удовлетворение тщеславия Италии. Мы должны просто поставить ставку на Лондонский договор и выдать итальянским шейлокам их фунт мяса; следует предоставить П. В. вытащить нас из этого тупика и затем примкнуть к нему, чтобы заставить Италию принять договор на основе 14 пунктов (Боже мой! Мы уже совсем о них забыли!). Когда это будет сделано, наши руки будут развязаны, и мы можем дать Франции Анатолию, Греции — значительную зону в Смирне, получив для себя действительно прочное положение в Месопотамии и Персии.

Завтракаю с Дзем, обсуждаем с ним схему раздела Албании. Дэй совсем не в восторге от неё.

28 мая, среда.

Пишу меморандум по Албании: 1) объединение северных албанцев в автономное государство под руководством Югославии; 2) центральная Албания отходит к Италии; 3) южная Албания — к Греции; 4) Корица будет нейтрализована как центр албанской культуры. Кажется, это единственный путь для окончательного албанского «объединения». Конечно, оно похоже на раздел, но это единственный способ спасти Ипек и Дьякову.

Завтракаю с Мейнардом Кейнсом. Обсуждаем репарационную главу австрийского договора. Он вполне согласен со мной, что применять к Австрии статьи немецких репараций и возмещений абсурдно. Я надеюсь, что из договора, который завтра передадут австрийцам в отеле «Сен-Жермен», финансовая часть будет устранена.

Кейнс пессимистически смотрит на договор с Германией. Он считает его не только безнравственным, но и плохо составленным. Немцы ничего не выиграют подписав, но и ничего не потеряют, отказавшись его подписать.

29 мая, четверг.

Идём к президенту Вильсону. Там находим всех экспертов — Гардые, Ларош, Сеймур, Дэй, Даллес, Джонсон, Мартино и Ванутелли. Мы собираемся в гостиной наверху, а четвёрка в это время заседает внизу. Приблизительно через полчаса они входят к нам в комнату. Клемансо и Ллойд-Джордж садятся рядышком на диване. Президент Вильсон, расстелив карту на ковре в алькове комнаты, склоняется над ней на коленях. Мы все становимся вокруг него. Похоже, будто мы занялись детской игрой «Каравай мой, каравай». Вильсон объясняет, что было принято внизу по поводу югославской границы. Он излагает дело с исключительной ясностью; к нему возвращается его профессорская манера. Под конец Орландо и Ванутелли, стоя на коленях, в патетических выражениях пробуют спасти для Ита-

лии тоннель Розенбаха¹. Они говорят, что «неудобно», если тоннель будет начинаться в одной стране, а кончаться в другой. Президент, всё ещё стоя на коленях, вскидывает своё большое лицо к небесам, или, вернее, к потолку здания. «В чём дело! — восклицает он. — Я нахожусь в Париже не для того, чтобы обсуждать неудобства: мои решения основываются только на желании народов».

Нельзя сомневаться в его искренности. Хотя в глубине души он должен, однако, помнить, что мы давно уже сползли с таких высот.

После этого оживлённого обмена мнениями экспертов отправляют составлять новые статьи, чтобы включить их в австрийский договор, который будет вручён завтра. Они отправляются на Кэ д'Орсэ. Кроу и я предоставляем заняться этим Аллену Липеру, так как это, собственно, его работа. К завтраку он возвращается в отчаянии. Итальянцы опять увильнули. В комитете нет единогласия по поводу того, что же сказал президент Вильсон. Итальянцы утверждают, будто он сказал, что Аслингский треугольник должен быть оставлен для плебисцита. Когда он рассказывает об этом, приносят записку от Джонсона, который просит его пойти с ним к президенту. Они заготавливают лист с вопросами, на которые президент очень добродушно даёт точные ответы. Торжествуя, они отправляются опять на Кэ д'Орсэ, где всё ещё заседает комитет. Итальянцы снова пытаются вывернуться. Но в конце концов согласие достигнуто, и решение в должной форме направлено в Комитет по составлению резолюций.

Я трачу полдня на перевод части немецких контрпредложений.

30 мая, пятница.

Завтракаем с группой югославов. Я сижу между Поповичем и Смодлакой. Первый — шовинист, второй — разумный человек. Я испытываю их моей албанской схемой. Попович стонет и воет при мысли о потере Дьяковы. Смодлака считает мою схему хорошей.

Приходит Филипп Керр, и мы составляем телеграмму в Белград с требованием к сербам прекратить военные действия в Каринтии.

Вечером — обед, посвящённый созданию Англо-Американского института по иностранным делам, который будет издавать свой ежегодник. Лайонель Куртис, задумавший этот институт, выступает с великолепной речью о его задачах. Затем идёт обсуждение. Присутствуют генерал Блисс, Боб Сесиль, Кроу, Юстас Перси, Кулидж, Хедлам Морли, Латем. Кроу выступает с критикой проекта. Боб Сесиль поддерживает проект. Сесиль сказал одну верную вещь, а именно: «В этой комнате нет ни од-

ного человека, который бы не был разочарован составленными нами здесь проектами, хотя Англия и Америка получили всё что хотели, и даже больше, много больше. Наше разочарование — великолепный симптом: пусть оно никогда не переходит в самодовольство». Закончили решением создать комиссию из шести для выработки плана и составления доклада. Основная идея заключается в том, чтобы создать авторитетный центр общественного мнения, связанного с Лигой наций, центр, располагающий постоянным штатом вроде главного медицинского совета². Я полностью за это.

31 мая, суббота.

Утром иду в отель «Крийон» для беседы с Дэм по поводу Албании. Я получил от Бальфура полную свободу действий прийти к какому-нибудь соглашению с американцами и французами. Дэй склонен сохранить существующую границу на севере и на востоке. Он доказывает, что какая бы граница ни была намечена, всё равно *какая-то* часть албанцев останется вне её, и если известная часть и выиграет кое-что от расширения северной зоны, то всё же она теряет от неприемлемого раздела. Что касается железной дороги на Скутари, то ему кажется, что мы должны сделать решительный выбор между соображениями чувства и экономической необходимостью. Французы со своей стороны хотят, чтобы Скутари был отдан славянам. Дэй обещает всё обдумать.

Завтракаю с Форбс-Адамсом и Вайцманом.

Во второй половине дня сопровождаю Кроу и Аллена Липера на пленарное заседание («тайный пленум») на Кэ д'Орсэ. Эта сессия организована с целью дать малым державам «возможность обсудить» мирные условия, которые будут в понедельник вручены австрийцам. Я пошёл, собственно, в качестве туриста и из чувства вульгарного любопытства. И к лучшему, так как я понадобился.

Лощёный и брюзжащий Братиану заявляет протест по пунктам о меньшинствах и выражает мнение, что великим державам не должно быть предоставлено право вмешиваться во внутренние дела Румынии. Клемансо, в перчатках цвета лаванды, играя костяным ножом для бумаги, резко ставит его на место. «Что, — кричит он, — мы на конференции или нет? Признаёте ли вы авторитет конференции или нет? Есть страны, от которых история предписывает нам требовать гарантий!» Этот намёк на еврейские погромы в Румынии бросает Братиану в жар. Он краснеет до корней волос, и мне кажется, что он вот-вот всплменится. Но он овладевает собой, возмущается, пожимает плечами и возвращается на место. Уже сидя, он вновь пожимает плечами, как тщеславный и дерзкий школьник. Клемансо оборачивается к Дютаста и обрушивает на его голову остаток

своего гнева. Поднимается Падеревский. С каждым днём он всё более напоминает Свинберна; такая же колонноподобная шея. Его речь звучна, тактична. Он указывает, что Польша, принимая пункты о меньшинствах, предпочла бы иметь в качестве гаранта Лигу наций, а не великие державы. Когда настает его очередь, Крамарж, боясь вызвать ещё раз гнев «тигра», произносит сладенькую речь, внося некоторые поправки. Трумбич выступает с враждебной критикой договора, но так как он воспользовался неверным текстом, то всё его красноречие пропало даром. Тем временем гнев Клемансо всё ещё бурлит, выражаясь в ворчании и рычании в сторону Дюгаста. Затем поднимается президент Вильсон. Он обращается к малым державам с призывом признать авторитет старших братьев, выигравших войну. Восхитительно преподнесено и восхитительно разъяснено. Волнение улеглось. Не успел Вильсон кончить, как Клемансо проворчал: «*Quelques autres observations?*» * (или, в переводе: Осмелится ли ещё хоть один идиот сделать свои замечания?). Заседание окончено; следующее заседание состоится в понедельник в Сен-Жерменском дворце.

Мы выходим в соседнюю комнату, где проводим летучее заседание Чешского комитета для обсуждения поправок Крамаржа. Две из них отвергаем и принимаем поправку границы у Гмюнде. Камбон, бормоча что-то себе под нос, спешит сообщить результат Совету четырёх. Я возвращаюсь один.

1 июня, воскресенье.

Отвратительный день, и всё из-за того, что я должен утро и первую половину дня потратить на перевод немецких нот, которые сыплотся на нас, как из рога изобилия. Во время моего передевания к обеду приходит Филипп Керр. Он сообщает, что сербы отказались присутствовать завтра в отеле «Сен-Жермен» из-за пунктов статей о плебисците в Клагенфурте. Аллен и я проглатываем наспех обед и идём к Золгеру в отель «Бо Сит». Ясно, что югославы боятся плебисцита в этом районе, так как они понимают, что он будет против них. Зачем же, доказывают они, навязывать плебисцит там, где они его не хотят, и отказывать им в плебисците там, где они так страстно его желают (т. е. в Гориции и Градиске).

Собственно говоря, у Комитета по составлению текста договора не было никаких инструкций по поводу того, какая форма плебисцита должна быть принята, а потому они взяли польский образец, в котором весь район принят за единое целое и плебисцит решается абсолютным большинством голосов. Если эта система будет приложена к Клагенфурту, австрийцы получат явное большинство; но если бы голосование было проведено по

* Есть ещё замечания? — Прим. ред. перевода.

общинам, то югославы могли бы по крайней мере получить южную часть.

Тем не менее мы добились, что югославы будут завтра в отеле «Сен-Жермен». Было бы лучше отложить вопрос, но на это надо ещё получить согласие тройки. А это не легко, так как мы ушли от Золгера только в половине второго ночи.

2 июня, понедельник.

Рано лечу на улицу Нито, чтобы уговорить Ллойд-Джорджа принять голосование в Клагенфурте пообщинно или по крайней мере не в целом. Потом к президенту Вильсону, но он ушёл. Жду до 11.15; в этот час все они должны отправиться в Сен-Жермен. Нахожу Херста и рассказываю ему подробно, что надо делать. Если он не получит во-время согласие президента Вильсона, тогда клагенфуртская часть договора, до того как он будет передан австрийцам, должна быть вырвана. Херст отправляется в Сен-Жермен и на лестнице сталкивается с президентом Вильсоном. Президент в плохом настроении: он нездоров и опаздывает. Он отказывается что-либо изменить. К счастью, Клемансо понимает, в чём дело, и вырывает клагенфуртскую часть до того, как вручить договор доктору Реннеру.

Пока всё хорошо: мы остались верны Золгеру. Он также оказался верен и прибыл со всей делегацией, но этого с трудом удалось добиться.

Вечером иду к Бальфуру. Прошу его сделать что-нибудь по поводу Конопиште³, который чехи хотят отобрать у детей эрцгерцога Франца-Фердинанда. К таким вопросам Бальфур никогда не относится формально и обещает просить нашего посланника, или того, кто его заменяет, в частном порядке, неофициально переговорить с чехами.

3 июня, вторник.

Тяжёлый день. Всё время перевожу немецкие ноты. Неприятная и нудная работа.

4 июня, среда.

Аллен Липер целый день в бегах по поводу клагенфуртского плебисцита. Кончилось компромиссом. Район будет поделён на две зоны, в одной будет общее голосование, в другой — по общинам. Если в первой голосование будет в пользу Австрии, то во второй плебисцита не будет и весь район останется тоже у Австрии. Хорошее решение.

Утром иду к Венизелосу для беседы по общим вопросам. Мало нового.

Приходит П... Он повторяет прежние сказки о том, что Черногория очень рада присоединению к Сербии. Всё это ни на чём не основано и ни к чему доброму не приведёт.

Завтракаю с Ларошем, которому нравится моя албанская схема. Как я хотел бы, чтобы она и мне нравилась! Работаю всю вторую половину дня.

5 июня, четверг.

Беспольный день; мелочная работа; мало толку. Мучительно хочу вырваться и начать работу по Лиге наций, но просто не в состоянии. Возможности появятся только тогда, когда мы сбудем с рук договор с Германией.

Ллойд-Джордж изо всех сил старается облегчить требования, предъявляемые Германии. Французы просто в ярости от него; не похоже, чтобы Вильсон оказывал ему малейшую поддержку. Не понимаю Вильсона. Как будто появилась возможность улучшить дело, а он не хочет ею воспользоваться. Несмотря ни на что, Ллойд-Джордж продолжает драться один, как маленький фокстеррьер. Он хочет изменить: 1) восточную границу, 2) репарации, 3) военную оккупацию, 4) допустить Германию в Лигу наций. Имперская делегация⁴ поручила ему оказать сильнейшее давление на французов, чтобы принудить их согласиться.

6 июня, пятница.

Пустой день. Затишье перед бурей. «Таймс» обвиняет Лл. Дж. в «слабости» перед надвигающейся опасностью германского контрнаступления.

7 июня, суббота.

Приходит Валентин Вильямс из «Дейли Мейл». Я чувствую себя усталым и раздражённым. Я набрасываюсь на него по поводу бесстыдного шовинизма Нортклиффа. Он хорошо воспринимает мои упреки и хотя ничего не говорит, но смотрит понимающим взором. С моей стороны безобразие ставить его в такое положение.

Решено освободиться от венгерских комиссаров, и скоро здесь будут другие венгры. Затем болгары. Не думаю, что дождусь турок. Возможно, что я смогу присоединиться к Эрику Друммонду в середине июля.

Заседание Чешского комитета для составления ответа на германские контрпредложения. Оно долго не продлится.

8 июня, воскресенье.

(ПИСЬМО К ОТЦУ.)

Я искренно надеюсь, что Ллойд-Джорджу, который дерётся, как валлийский фокстеррьер, удастся вопреки всем изменить требования, предъявленные Германии. Теперь, когда мы видим их в целом, мы понимаем, что они слишком суровы. Они не просто жестоки, но являются «карой»; это уже не «булавочные

уколы», по выражению Сметса, а ножевые раны. Ллойд-Джордж сосредоточил внимание на Силезии, стоимости оккупационных армий и допущении Германии в Лигу наций. Глава о репарациях и возмещениях — настоящее преступление, она безнравственна и бессмысленна. Здесь нет ни одного человека среди более молодых, кто не чувствовал бы себя несчастным и разочарованным в связи с этими условиями. За них только одни старые шовинисты. Я попробовал с помощью одного превосходного специалиста из казначейства внести некоторые смягчающие поправки в финансовые статьи австрийского договора, но Самнер заявил мне, чтобы я не вмешивался не в своё дело. Всё же думаю, что нам удастся заставить немцев подписать договор, если Лл. Дж. выиграет бой. Если мы не сможем этого добиться, да поможет нам бог! Мы будем зависеть от их милости.

9 июня, понедельник.

Завтрак с полковником Репингтоном⁵ в «Рице». Он рассказывает, что генерал Манжен почти сознался, что Рейнская республика — дело его рук. Но как глупо! Французская печать мечет громы и молнии против Ллойд-Джорджа за его усилия смягчить договор.

Почти нечего делать в промежутке, создавшемся между договорами; это утомляет и беспокоит меня.

10 июня, вторник.

Заседание Совета десяти по поводу венгерских комиссаров. Ллойд-Джордж возражает против румынского наступления, так как, говорит он, румыны всюду ведут себя отвратительно. Сколь он прав!

11 июня, среда.

Утром — заседание Совета пяти. Бальфур недоволен, что ему пришлось подняться с постели. Тема заседания — разъяснить Братиану и Крамаржу сущность решений о венгерских границах. Если они согласятся принять это решение, то мы телеграфируем в Будапешт, приказывая ему под угрозой насильственного устранения отступить за намеченную нами линию границы. Братиану, как всегда, дуется и строит глазки в одно и то же время. К счастью для него, председательствует Пишон. Крамарж в принципе принимает наши предложения, но просит прибавить форпост в Братиславе и поправку на линии Эйпель. Затем всё это направляется в Совет четырёх, который едва ли сможет в этом разобраться как следует.

12 июня, четверг.

Утром — Совет V. Как мы и ожидали, IV вернула нам вчерашний доклад. Было ясно, что он их возмутил. Они спраши-

вают: «Почему румынская граница не была ранее показана г. Братиану?» Как будто не они сами запретили уведомлять о наших решениях малые державы. Они также запрашивают, чего же в действительности хочет Крамарж и не можем ли мы удовлетворить его, так как время не терпит. Мы отказали Крамаржу в Братиславе; что касается Эйпеля, то дали маленький кусочек, чтобы его успокоить. Я не имею представления, что за это время решила сделать четвёрка с венгерскими комиссарами. Боюсь, что они хотят разделаться с ними, а я уверен, что большевизм нельзя подавлять силой. Восстание во французском флоте на Чёрном море тому доказательство. Большевистское влияние распространяется, идут забастовки от Виннипега до Палермо. Ходят слухи, что итальянцы ведут переговоры о каком-то договоре с Москвой.

После обеда — заседание вновь образованного института по иностранным делам. Избран Совет института и намечено большинство пунктов повестки дня. Похоже, что идея воплотится в жизнь и разовьётся. Я надеюсь и уверен в этом.

За две последние недели чувство усталости, горечи и безнадежности не покидало меня. Я думаю, что виной этому главным образом моё прежнее переутомление. Но и теперь я не вижу просвета в будущем.

13 июня, пятница.

Присутствую на заседании комитета под названием Комитета новых государств. В его компетенцию входят вопросы конституции новых государств, торговых договоров, государственного долга и т. д. Ему же подведомственны вопросы о (национальных) меньшинствах. Наш представитель в комитете — Хедлам Морли. Я оспариваю чрезмерно суровые пункты о меньшинствах для Греции.

Моим друзьям — венгерским комиссарам — предложено отступить за новые границы Венгрии.

14 июня, суббота.

Бурные нападки в «Эко де Пари» на Хэнки; в заключении статьи сказано: «Следует освободиться от этого плохо подготовленного писца». Вот ерунда! Хэнки превосходит, и французы это знают. Ответ на германские контрпредложения отослан. Большинство приложенных к ответу замечаний составлено Филиппом Керром.

15 июня, воскресенье.

День провожу в Версале, на вилле «Ромен». Улицы Версаля перегорожены загородкой из кольев, за которой находятся несчастные немцы, точно преступники. Французы оправдываются тем, что они сделали это «во избежание инцидентов».

16 июня, понедельник.

Ответ на немецкие контрпредложения вручён сегодня в 6.00 часов вечера. Из-за этого Комитету по составлению текста договора пришлось поработать с 9.00 утра воскресенья до 6.30 утра сегодня.

17 июня, вторник.

Совет X разрешает турецкой делегации выступить на своём заседании. Туркам будет позволено изложить свои заявления, а немцы остаются в своих клетках в Версале.

Работаю урывками. Можно сойти с ума при мысли, что впереди столько дела, а здесь нет настоящей работы. Я горю от желания попасть в Лондон и начать работу в Лиге наций.

18 июня, среда.

Всё ещё неизвестно, подпишут немцы или нет. Ясно, что сам Брскдорф-Ранцау подписать не согласится. Общее мнение склоняется к тому, что должна произойти смена представителей при одновременной смене правительства в Берлине, и только тогда немцы подпишут договор. Менее оптимистически настроенные думают, что немцы откажутся вообще и что нам придётся двинуть наши части с Рейна, чтобы заставить их подписать силой. Глубокие пессимисты думают, что немцы поступят по рецепту Кароли и вручат власть большевикам; затем, соединившись с русскими и мадьярами, поставят нас перед лицом красной Средней Европы. Если это случится, то это будет наша вина, потому, во-первых, что мы не раздавили большевизм в Венгрии в то время, когда это было ещё легко, и, во-вторых, что мы настаиваем на абсурдных требованиях по репарациям. Лорды Самнер и Канлифф (два сапога — пара) должны чувствовать себя весьма и весьма не в своей тарелке.

19 июня, четверг.

Общий пессимизм по поводу подписания немцами договора. Таке Ионеску даёт прощальный обед в «Рице». Всё те же люди. Ненавижу званые обеды.

20 июня, пятница.

Иду в «Мерседес» к Венизелосу. Забираю с собой договор, который якобы заключён между сербами и греками и который был передан итальянским министерством иностранных дел нашему посольству в Риме. В основном он носит экономический характер, но содержит статьи, указывающие, что обе державы будут общими усилиями противодействовать любой гегемонии в Адриатике.

Венизелос смеётся от души. Договор — фальшивка.

Новости: 1) кабинет Орландо пал, 2) Эрцбергер и Носке освободились от Шейдемана и готовы подписать. Какое облегчение!

Как хочется мне вырваться из этого места, где импровизация носится во мраке невежества, как стрекоза над болотом.

21 июня, суббота — 23 июня, понедельник.

Еду в Женеву подыскивать для себя дом.

24 июня, вторник.

Прибываю рано утром на Лионский вокзал. Нахожу, что решение в Веймаре о подписании договора внесло успокоение в общественное мнение, но от затопления германского флота всем стало стыдно. Мы почувствовали себя глупо и подло. Ведь мы настаивали, чтобы флот был потоплен при всех обстоятельствах и теперь будут думать, что это сделали мы сами. Моряки говорят, что во всём виноваты политики, настоявшие на интернировании судов, а не на их сдаче. Французы думают, что мы обманули их доверие. Действительно, мы выглядим дураками и мошенниками.

Обедаю со Смэтсом. Он, наконец, согласился подписать договор, но не без протеста и против своего убеждения. Блестящий человек с широким кругозором; я чувствую глубочайшее восхищение перед ним.

25 июня, среда.

Завтракаю с Бибеску. Иду смотреть картины Орпена. Очень умелый и выразительный художник, но всё же это не великие произведения искусства. Встреча с Эдвином Монтегю по вопросу о Турции. Турки прислали идиотскую ноту, требуя не только восточную Фракию, но также и западную. Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь подпишем мир с Турцией.

26 июня, четверг.

Завтракаю с Алланом Парсонсом и Клементом Джонсом. Последний суетится и бегаёт от стола к столу, собирая для своей коллекции отпечатки личных печаток и колец. Представители доминионов оказались в затруднительном положении, когда у них попросили дать свои печати для договора; их не оказалось. Никто не хочет одолжить печать г. Юзу⁶. После завтрака делегаты доминионов решили купить себе собственные печати и сохранить их как сувениры. И действительно, они тотчас же пошли всей гурьбой на Авеню де л'Оперá.

Обедаю с Генри Уайтом у него в комнате в «Крийоне».

27 июня, пятница.

Приходит Корбетт из правления железной дороги Смирна — Айдин, и я передаю ему записку для Венизелоса. Завтрак у Лайонеля Куртиса; приглашён Андре Шерадам. Будучи создателем идеи Средней Европы, он горько сожалеет, что ему прихо-

дится быть свидетелем её крушения. Нелепый, ворчливый человек.

Вечером — длинная беседа с Бальфуром об итальянской дипломатии. Я говорю, что она была глупа и бесчестна. Он говорит, что каждое из этих выражений «нуждается в определении».

— Во всяком случае она не была удачной, — говорю я.

— Я в этом не вполне уверен, — отвечает он.

Бальфур готовит документ для вручения Титтони, который заместил Соннино. Это смелый документ. В нём предлагается сделать выбор между Лондонским договором и новым соглашением. Но нельзя же иметь и договор и ещё что-то помимо него. Итак, после шести месяцев мы вернулись к тому, с чего начали.

28 июня, суббота.

День Версаля. Рано завтракаю, покидаю «Мажестик» и вместе с Хедламом Морли едем в Версаль. Сам он историк, но не любит исторических событий. Кроме того, он очень чувствительный человек и не радуется тому, что народы подвергаются унижению. У меня нет таких качеств и чувств, и я просто волнуюсь.

До самого Виль д'Аврей мы не заметили ничего особенного. Но затем уже на каждом перекрёстке стояли посты, которые останавливали движение красными флагами. Чем ближе к Версалью, тем гуще толпа. Вдоль дороги, ведущей ко дворцу, выстроилась кавалерия в голубоватых шлемах. Их красные и белые вымпелы весело развевались на солнце. На Cour d'honneur⁷, откуда были удалены захваченные немецкие пушки, стояли войска. Там же находились генералы Петэн, Гуро, Манжен. Также воспитанники Сен-Сира⁸. Всё было строго по-военному. Хедлам Морли и я незаметно и быстро выбрались из машины и, чувствуя себя штатскими, неловкими и ненужными, торопливо проскочили в дверь.

Вдоль лестницы стояла великолепная Республиканская гвардия; как две кариатиды, на каждой ступеньке два гвардейца с саблями наголо отдавали честь. Итти по лестнице было величайшей пыткой, но, к нашему счастью, другие поднимались с нами. Я переглянулся с Хедламом. Своими тонкими прокуренными пальцами он безнадежно отмахнулся от гвардейцев, — совсем не военный человек!

Проходим две залы; звук наших шагов пропадает в мягких коврах. Французы приволокли сюда лучшие вещи Версаля. Никогда ещё со времён Людовика XIV Версаль не был так пышно отделан.

— Я ненавижу Версаль, — шепчу я Хедламу.

— Что вы ненавидите? — переспрашивает он, будучи чуточку глухим.

— Версаль, — отвечаю я.

— О, — говорит он, — вы имеете в виду договор?

— Какой договор? — спрашиваю я, думая о 1871 г.

Я не знаю, почему я записываю здесь этот разговор, но всё, что относится к сегодняшнему дню, я хочу записать с большой тщательностью.

— Этот договор, — говорит он.

— О, — говорю я, — теперь я понял, вы имеете в виду договор с Германией.

— Конечно, он будет называться не Парижским договором, а Версальским.

— Во имя вечной славы Франции.

Мы входим в Зеркальный зал; он разделён на три части. В самом дальнем углу уже теснятся представители прессы; по середине расположен в виде подковы стол для полномочных представителей держав; прямо перед ним, наподобие гильотины, — стол для подписи. Он поднят как бы на возвышение, но он всего на несколько дюймов выше стола уполномоченных. Совсем близко — ряды стульев для почётных гостей, депутатов, сенаторов и членов делегаций. Наверное, свыше тысячи мест. Такое большое количество мест портит вид церемонии, снижая её величественность; похоже на концертный зал.

Клемансо уже сидит под тяжёлым балдахином. «Король, — гласит лепная надпись над тронем, — управляет по своей воле». Он выглядит маленьким и жёлтым, как высохший зародыш человека.

Вокруг нас разговор. Как всегда в таких случаях, он напоминает шум бегущей в цинковую ванну воды. Мне никогда не удавалось заставить других почувствовать правильность этого сравнения. В моём доме в Веллингтоне есть цинковая ванна; когда принявший ванну открывает кран, бежит вверх и кричит: «Ванна свободна-а!», а приготовившийся его сменить отвечает: «Слышу-у!», — то доносится звук воды, льющейся в цинковую ванну; по пути, спускаясь вниз в купальном халате, я прислушиваюсь к этому звуку, и он совершенно таков, как приглушённые голоса людей в закрытой комнате. Но этого образа никто не хочет признать.

Прибывают делегаты и занимают медленно центральную часть зала. Вильсон и Ллойд-Джордж приходят одними из последних. Они занимают свои места за центральным столом, который наконец заполнен. Клемансо оглядывается направо и налево. Все сидят на своих местах, но гул не замолкает. Клемансо делает знак служителям и раздаётся: «Шш! Шш! Шш!» Вокруг всё замолкает, и только отдельные покашливания и звуки шелестящих листков нарушают тишину. Представители протокольного отдела министерства иностранных дел поднимаются со своих мест и ещё раз призывают: «Шшш! Шшш! Шшш!» Затем абсолютное молчание, прерванное резкой военной командой. Республиканская гвардия у дверей со звоном вкладывает в ножны свои сабли. «Впустите немцев!» — говорит Клемансо.

среди установившейся тишины. Его голос, далёкий и резкий, слышен в каждом углу. Молчанье продолжается.

В двери появляются два швейцара; на них серебряные цепи через плечо. Они идут рядом, за ними четыре офицера: от Франции, Великобритании, Америки и Италии; за ними, изолированные и жалкие, входят оба немецких делегата — д-р Мюллер и д-р Белл. Жуткая тишина. Эхо повторяет и удваивает их шаги по паркетной дорожке. Их глаза устремлены в сторону от двух тысяч глаз, на них уставившихся; они смотрят в потолок. Оба мертвенно бледны. Они не похожи на представителей грубого милитаризма. Один из них — тощий человек с бледными ресницами, совсем вторая скрипка из провинциального оркестра. Другой — с лунообразным лицом, полным страдания; напоминает приват-доцента. Очень неприятно на них смотреть.

Их проводят на места. Клемансо немедленно прерывает молчание. «Господа, — скрипит он, — заседание открыто». Он прибавляет ещё несколько плохо подобранных слов. «Мы собрались здесь для подписания мирного договора». Немцы взволнованно вскакивают, как только он кончает; они знают, что им подписывать первыми⁹. Вильям Мартин, как театральный режиссёр, стремительно возвращает их на место. Манту переводит слова Клемансо на английский язык. Затем Сен-Кентен подходит к немцам и с исключительным достоинством подводит их к столу, на котором разложен договор. Общее напряжение. Они подписывают. Общий вздох успокоения. Опять возобновились разговоры вполголоса. Делегаты поднимаются по одному и становятся в очередь к столу для подписи. Тем временем любители осаждать главный стол, собирая автографы. Цепочка ожидающих приближения к столу представителей становится длиннее. Дело идёт быстро. Вокруг стоят чиновники с Кэ д'Орсе, указывая место каждого, указывая порядок подписей и просушивая чернила маленькими хорошенькими промокашками.

Вдруг снаружи раздаётся гром оружейного салюта. Им извещают Париж, что второй Версальский договор подписан д-ром Мюллером и д-ром Беллом. Через открытые окна доносится отдалённый звук приветственных криков толпы. Всё ещё идёт церемония подписания.

Нас предупреждали, что церемония может затянуться часа на три, но как-то вдруг оказалось, что очередь становится всё меньше и меньше: только три, а вот уже и два, а затем только один подписывающий. Его подпись ещё не успела высохнуть, как опять раздалось: «Шшш! Шшш!», внезапно обрывая возобнившийся было шум. Это последний окрик. «Заседание закрыто», — скрипит Клемансо. Больше — ни слова.

Мы оставались на местах, пока провожали немцев, как преступников со скамьи подсудимых. Их глаза всё ещё были устремлены в пространство, куда-то к горизонту.

Мы оставались на местах, давая возможность удалиться большой пятёрке. Вильсон, Ллойд-Джордж, представители доминионов и другие. Наконец, Клемансо шагает походкой сатира. Пенлеве, который сидел вблизи меня, поднялся его приветствовать. Он протянул обе руки и схватил Клемансо за правую перчатку. Он поздравлял его. «Да, — говорит Клемансо, — хороший день». Слезы стояли в его тусклых глазах.

Мария Мюрат, сидевшая возле меня, слышала всё.

«Вы уверены в этом?» — спросил я её. Будучи женщиной умной, она ответила: «Совсем нет».

Постепенно зал пустеет, журналисты уходят через Ротонду, остальные — через Salle d'honneur¹⁰. Я иду через весь зал, раздвигая по дороге стулья, к широко распахнутому окну, из которого открывается знаменитый вид на Версаль. Фонтаны шумно плещут. Я смотрю вдоль зелёного ковра на спокойный простор открытых полей. Облака, белые на синем небе, бегут вдаль, и группа самолётов летит им вдогонку. Внизу под моим окном выходит из дверей Клемансо. К нему присоединяются Вильсон и Ллойд-Джордж. Толпа прорывается через охрану. Цилиндры большой четвёрки и мундиры сопровождающих их генералов исчезли в море жестикулирующих людей. Хорошо, что это толпа избранных. Появляется удвоенный наряд и спасает большую четвёрку. Я разыскиваю взглядом Хедлама Морли; он грустно стоит в неубранном огромном Зеркальном зале. Мы ничего не сказали друг другу. Всё это было ужасно!

Через толпу, кричащую «Да здравствует Англия!» (на нашей машине был британский флаг), мы едем обратно в «Мажестик», который сегодня мне кажется идеалом утончённости.

В машине я рассказываю Хедламу Морли о том, что много лет назад Том Спринг Райс обедал однажды с премьер-министром. В ту пору Райс был молод, близорук и застенчив. Другими гостями были знаменитые политические деятели. Когда женщины удалились наверх, мужчины подняли бокалы с портвейном и окружили премьер-министра. Том был заброшен. Против него был Эдди Марш, который тоже остался один. Эдди взял свой бокал, подошёл к Тому и сел рядом с ним. «Успех, — сказал он, — чудовищная вещь, не правда ли?»

Хедлам Морли согласен, что успех, когда его нарочито подчёркивают, в самом деле вещь чудовищная.

В отеле праздник; бесплатно раздаётся шампанское, видимо, за счёт налогоплательщиков. Шампанское отменно плохое. Вечером брожу по бульварам Парижа. А затем в постель, проклиная жизнь,

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тоннель Розенбаха* — см. стр. 263, примечание 3.

² *General Medical Council* — Главный медицинский совет — характерное британское общественное учреждение, находящееся под номинальным правительственным контролем.

³ *Конопичте* — замок в южной Чехии (в 3 километрах от Бенешова), принадлежавший убитому в 1914 г. австрийскому эрцгерцогу Францу-Фердинанду.

⁴ В делегацию Британской империи входили премьер-министры самоуправляющихся доминионов, представители Индии и четыре-пять министров, стоящих во главе важнейших ведомств. Делегация обладала чисто совещательными функциями и должна была помогать британским уполномоченным.

⁵ *Релингтон Чарльз* — влиятельный военный корреспондент «Таймс» во время первой мировой войны. В период Парижской конференции был корреспондентом консервативной «Морнинг Пост».

⁶ *Уильям Юз* — делегат Австралии. Характерно на конференции слегка проницательное отношение к нему, как и к представителям других доминионов. Когда их нужно было вызвать, Клемансо, обращаясь к Ллойд-Джорджу, говорил: «Позовите своих дикарей», или спрашивал Юза, «верно ли, что в юности он был каннибалом».

⁷ *Cour d'honneur* — аллея почёта в Версале.

⁸ *Сен-Сир* — аристократическая военная школа во Франции.

⁹ Подписание договора производилось в алфавитном порядке. Поэтому германским делегатам пришлось подписывать первыми.

¹⁰ *Salle d'honneur* — зал в Версале.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Аберкорн Джемс Альберт 234
Абруцкий герцог 244
Авереску Александр 179
Адам Поль 198
Адамидис 215
Адиссон Христофор 37
Адриан, римский император 112
Александр, король Югославии 127
Алленби Эдмунд 123
Андраши Юлий 117
д'Аннунцио Габриэль 149
Антонеску Ион 179
Асквит Герберт 35, 37, 66, 135
Асквит Елизавета 202, 223
Асквит Марго 223

Б

Бакстон Чарльз 265
Бальфур Артур Джемс 39, 50, 55,
66, 83, 100, 102, 129, 136, 153,
161, 167, 174, 176, 188—190, 192,
195, 196, 202, 204, 210, 223, 227,
229, 242, 244, 245, 249, 252—263,
265, 270, 272, 274, 278
Барлоу Пратт 177
Барнс Джим 242, 255
Барроус Рональд Монтегю 46, 217
Бартлет Эшмид 233, 235
Батлер Джим 262
Батхерст Генри 76
Бахметьев 182
Беверидж Вильям 192, 195
Беер Джордж Луи 180
Бекер Рой Станнард 80, 83, 85, 98,
125, 160
Бел Иоганн 280
Белл Гертруда Маргарита 223
Бенеш Эдуард 153, 168, 181, 200, 204,
215, 217, 236, 249, 259, 261
Берар Виктор 197
Берри Уолтер 178
Бертело Анри 117

Бертело Филипп 106, 187, 193, 215,
261, 265
Берти Тата 265
Бибеску Антуан 202, 277
Биканир Ганга Сиих 260, 262
Биллинг Пембертон 38
Билль Дж. 195
Бланш Жак 240, 249, 255, 261
Блисс Таскер Говард 122, 196,
269
Боздари 177
Болгар 231—233, 249
Бомон Этьен 198
Боннар Абель 217
Борден Роберт 204, 206, 208, 209,
216, 219
Боттомли Горацио 37
Боумэн Исайя 148
Брайс Роланд 128
Братиану Иоанн 117, 193
Братиану Ион 56, 86, 111, 116—119,
175, 179, 193, 198, 202—204,
217, 270, 274, 275
Браун Луи Эдгар 232, 233
Бриан Аристид 227, 228
Бродрик Вильям 198, 208
Брокдорф-Ранцау Ульрих 59, 245,
247, 253, 276
Брусиллов Алексей Алексеевич 117
Буалэв Рене 255
Булон Франклин 68
Буршьё Джемс Давид 208, 210,
214, 265
Бэтлер Кирилл 229

В

Вайда-Воевода Александр 211
Вайцман Хаим 189, 190, 215, 270
Вакареску Елена 207
Ванситтарт Роберт 178, 253
Ванутелли Рей Луиджи 268
Вебстер Чарльз Кингелей 45, 100
Ведельс 224
Вейган Макс 129

Вейс Алан Джон Байард 246
 Венизелос Элефтерий 86, 112, 118,
 119, 130, 145, 153, 168, 190, 192,
 196—200, 202, 203, 207, 211, 212,
 214, 217—219, 223, 227, 241, 247,
 248, 251, 261, 266, 272, 276, 277

Веснич Миленко 202, 242
 Вест Чарльз Секвилль 193, 198
 Вест Эдуард Секвилль 241
 Вид Вильгельм 143
 Викс 232, 233
 Вильгельм II 38

Вильсон Вудро 25, 27, 28, 30—32,
 34, 38, 44, 48, 49, 52, 53, 56—61,
 63, 64, 68, 70—72, 74, 75, 77,
 82—84, 86—91, 93—95, 102, 103,
 105, 116, 121—125, 129, 133, 134,
 137—142, 146—150, 153, 154,
 157—167, 176, 181, 182, 187—192,
 195—199, 201—203, 207—209, 212,
 218, 223—226, 232, 237, 239, 243,
 244, 246—248, 251, 256—258, 260,
 266—269, 271—273, 279, 281

Вильсон Генри 199, 235, 255
 Вильсон Уолтер 208
 Вильямс Валентин 65, 242, 273
 Вита 242
 Вольф Люсьен 193
 Восняк Бугумил 197, 227

Г

Газельтайн Гарольд 154
 Гайндман Генри Мейерс 67
 Галлер Иосиф 105, 130
 Гамильтон Александр 159
 Ганем Чукри 123
 Гарвин Джемс Лукс 45
 Гардинг оф Пенсхорст Чарльз 40, 54,
 181, 183, 201, 226, 229, 240, 248,
 249, 259, 260, 265

Гаррис Генри Вильсон 65
 Генрих, принц Глостерский 190
 Генц 107
 Геньерон Жан 220, 223, 245, 246
 Гирс Николай Карлович 182, 215
 Гога Октавиан 181, 195
 Гойя Франсиско Хосе 240
 Гомер 200

Горский В. 177
 Гослинг 236
 Гофер Андреас 138
 Грант Артур Джемс 65, 204, 240
 Гревиль Мэгги 249
 Грей Эдуард 135, 143
 Гриффин Рональд 177
 Грэхем Джордж 240
 Грюны Вилли 252

Гувер Герберт Кларк 130, 183, 254
 Гуд Вильям 240
 Гуро Анри Иосиф 278
 Гуссейн, король Геджаса 121, 122

Д

Даллес Аллан 97, 216, 217, 219, 225,
 240, 268, 300

Данглис 203
 Данев Стоян 200
 Дельбрюк Ганс 220
 Джефферсон Томас 159
 Джон Огюстус 203, 223
 Джонс Клемент 55, 277
 Джонс Кэннеди 36
 Джонсон Дуглас 200, 206, 216, 244,
 268, 269

Диас Армандо 177
 Диаманди Константин 198
 Дикон Глэдис 245
 Дитрих 190

Дмовский Роман 56, 130
 Доморный 232
 Дрэпер Рут 130
 Друммонд Эрик 188, 244, 252, 266,
 267, 273

Дэй Клайв 97, 110, 178, 180, 181,
 197, 208, 212, 214, 240, 268, 270
 Дютаста Поль Эужень 96, 106, 107,
 201, 270, 271

Ж

Жувенель г-жа 215, 227
 Жюссеран Жан Адриан Антуан
 Жюль 25, 94, 95, 125, 142

З

Золгер Иван 271, 272
 Злуоага Игнасио 240

И

Империади Гульельмо 135
 Ионеску Таке 97, 116, 117, 118, 178,
 179, 184, 190, 202, 211, 214, 276

К

Кавелл Эдит Луиза 67
 Казати 177
 Кальвер 25
 Камбон Жюель 25, 193, 207—210, 212,
 216, 219, 220, 247, 271
 Канлифф Вальтер 276

Капельс 231
 Капос Альфред 163, 164, 167
 Карапанос Александр 215
 Карко Френсис 222, 223
 Карл, король румынский 117
 Кароли Михаил 130, 190, 233, 276
 Карп Петраш 117
 Карпентер Райс 97, 98, 178, 184, 197, 211, 239
 Карр Эдвард Халетт 188
 Кастелани Бони 206, 214, 215, 223, 261, 262
 Кастольди 206, 208, 210, 214
 Каульсон 236
 Кейнс Джон Мейнард 52, 76, 83, 85, 93, 200, 242, 266, 268
 Кемпбел Рони 181, 239, 240
 Кеннингем Томас 230, 231
 Керзон Джордж Натаниель 26, 66, 260, 262, 263
 Керр Филипп 245, 265—267, 269, 271, 275
 Кинг Генри Черчилль 123
 Киплинг Радьярд 39
 Киш Сесиль Герман 100
 Клемансо Жорж 28, 57, 63, 68, 69, 73—75, 81—86, 89, 93, 96, 102, 105, 106, 122, 129, 134, 140, 142, 145, 161—164, 166, 168, 193, 196, 201—204, 208, 209, 214, 216, 226, 228, 248, 251—253, 257, 258, 268, 270—272, 279—281
 Клодель Поль 261, 262
 Клотц Луи Люсьен 217
 Кокто Жан 198, 199, 202
 Кондуриотис Павел 203
 Коница Мехмед-бей 211, 215
 Константин, король греческий 200, 248
 Константинеску Александр 179
 Корбетт Винцент Эдвин Генри 267, 277
 Крамарж Карл 56, 86, 183, 191, 200, 204, 215, 249, 265, 271, 274, 275
 Краевский Леон Альфонс 216, 217
 Кретъен Адриан-Поль-Александр 248
 Криссантос, епископ 261
 Кроу Эйр 100, 153, 168, 176, 178, 180, 182—184, 187, 192, 193, 195, 196, 201, 204, 206—211, 214, 219, 237, 242, 259, 260, 269, 270
 Круассе Франсис 256
 Крэн Чарльз 123
 Куинси Джосай 161
 Кук Джозеф 208, 215, 219, 220
 Кулидж Арчибальд 40, 41, 130, 141, 230, 240, 269
 Куртис Лайонель 269, 277
 Кэрнуол Джемс 100
 Кэстльри Роберт-Стюарт 54, 76

Л

Лависс Эрнест 41
 Ламонт Томас Вильям 163
 Лансинг Роберт 57—59, 71, 74, 75, 91, 123, 147, 160, 161, 163—166, 196, 248, 253, 254, 266
 Ларош Жюль 207, 217, 240, 244, 249, 268, 273
 Латем Джон Грейг 209, 269
 Латур Фантэн 246
 Лаутер Клод 36
 Лафайет Мари-Жозеф 199
 Лейн 229, 230, 233, 234
 Левин Владимир Ильич 66, 240
 Ле-Рон 215, 216, 219
 Либайер 97, 178, 180, 181, 188, 197
 Либкнехт Карл 56
 Лиде г-жа 259
 Липер Аллен 96, 109, 178, 181, 183, 193, 202, 206, 211, 227, 229—231, 233, 236, 239, 240, 243, 244, 254, 260, 267, 269—272
 Липер Рекс 178
 Липшман Уолтер 187, 192
 Ллойд-Джордж 25, 27—29, 35—40, 55, 56, 58, 63, 65—67, 69, 73—75, 82, 85—89, 93, 95, 100, 102, 108, 122, 123, 129, 134, 136, 138, 148, 149, 161—163, 165, 167, 174, 176, 181, 184, 188, 191, 192, 197, 203, 204, 207—213, 218, 220, 223, 225—228, 237, 239—242, 244, 247, 248, 251, 255—263, 267—268, 272—274, 279, 281
 Лодж Генри Кабот 140, 166
 Лоу Бонар 188
 Лоу 229
 Лоуренс Томас Эдвард 59, 122, 123, 225, 252
 Лоуэлл Лоренс 59
 Львов Георгий Евгеньевич 182
 Льютенс Нед 202, 203, 208
 Людовик XIV 278
 Лякаретель Пьер 184

М

Макиавелли Николо ди-Бернардо 25
 Макдональд Рамзэй 37, 2-4
 Макино Нобусаки 253
 Маклаган Эрик 180
 Маклаков Василий Алексеевич 182
 Макнейль лорд Кешенден Рональд 128
 Макс Баденский 30
 Максимилиан, эрцгерцог австрийский 237

Маллет Луи 181, 189, 255, 259
 Малькольм Ян 193, 265
 Манжен Эмиль 229, 274, 278
 Манс Гарри Асборн 113, 181
 Манту Поль Жозеф 248, 280
 Марат Жан-Поль 59
 Мариану 187
 Марлей Хедлэм 237
 Мартин Вильям 280
 Мартино Джакомо 177, 208, 210, 268
 Марш Эдуард 281
 Масарик Томаш Гаррик 236, 237, 248, 249
 Массильи Ренэ 106, 107
 Мейнертцаген Рихард 100
 Метгерних Клеменс Лотарь 53
 Мизес Сидней 40, 224, 226
 Мизу 179, 192, 193, 201, 202
 Мильнер Альфред 67, 255, 256, 263
 Монро Джеймс 140, 168
 Монтегю Эдвин Самюэль 184, 187, 260, 262, 263, 277
 Моргентау Генри 48
 Морель Жан 41
 Морли Хедлэм 237, 269, 275, 278, 281
 Муссолини Бенито 139
 Медж 190, 192, 193, 195
 Мэр Джордж 97
 Мюллер Герман 280
 Мюрат Мария 193, 245, 281

Н

Набоков В. Д. 182
 Нансен Фритъоф 130, 227
 Наполеон I 188
 Никита, князь (Николай Негоши) 97, 126—128, 178
 Никольсон Гарольд (Г. Н.) 188—189, 196, 207, 245, 257, 258
 Нитти Франческо Северно 149
 Ноайль Анна 261
 Ноблок Эдуард 178, 180, 187
 Нойс Альфред 38
 Нокс Филандер 65, 204, 240
 Норман Герман 245, 247, 253
 Норман Монтегю Коллет 211
 Нортклифф Альфред Чарльз Хармсворт 35—37, 63, 65—67, 237, 242, 273
 Носке Густав 56, 265, 276
 Нуленс Жозеф 193
 Нури-бей 223

О

Орландо Витторио Эмануэль 63, 68, 69, 71, 82, 85, 86, 133, 136—140, 146—150, 177, 226, 243, 255, 256, 268, 276
 Орпен Вильям 203, 268, 277
 Оуский Стефан 212, 222

П

Падеревский Игнаций Ян 86, 173, 242, 255, 271
 Пангаль 183, 187, 190
 Паркер Алвин 40, 53, 54, 99
 Парсонс Аллан 277
 Пашич Никола 56, 86, 118, 201, 202, 248
 Пенлеве Поль 198, 217
 Перси Юстас 177, 178, 180, 184, 188, 249, 258, 259, 265, 269
 Петэн Анри Филипп 278
 Пико Жорж 116, 121, 122, 209
 Пишон Стефан 60, 75, 106, 123, 193, 199—201, 248, 249, 253, 254, 274
 Плева Вячеслав Константинович 215
 Плюмер Герберт 220
 Плячи Карло 245
 Политис Николай Сократ 266
 Половцев П. 249
 Попович Светислав 227, 269
 Потожкий Иосиф 173, 255
 Прейс Ярослав 222
 Прозеро Джордж 40
 Пруст Марсель 217, 245
 Пуанкаре Раймон 68, 74, 193
 Пэдджет Мюриэль 210, 212, 213, 215
 Пэйдж Уолтер Хинс 49

Р

Радович Андрей 127
 Райс Том Спринг 281
 Ратмор 267
 Реннер Карл 272
 Реппингтон Чарльз 274
 Репулис 203
 Риддель Джордж 199
 Ридинг Рудольф Даниель Исаак 67, 195
 Рузвельт Теодор 64, 165

С

Савонарола Джироламо 245
 Савинков Борис Викторович 215, 227

Садлер Майкел 222, 242, 248
 Сазонов Сергей Дмитриевич 182, 215
 Сайкс Марк 116, 121, 122, 208, 209
 Сайондзи Кимоки 86
 Саландра Антонио 136
 Салис Джон 127, 241
 Самнер Джон Андро Гамильтон
 274, 276

Саррайль Морис 198
 Сатоу Эрнст Мезон 80, 94
 Свинберн Чарльз Альджернон 271
 Свуп Герберт Байнард 223, 239, 240
 Сеймур Чарльз 76, 80, 84, 85, 97,
 141, 178, 180, 206, 207, 240, 268
 Сент Обен Семюэль 177
 Сен-Кентен 280
 Сергей Александрович, великий
 князь 215

Сесиль Давид 125, 193, 241
 Сесиль Роберт 168, 193, 269
 Сизли Чарльз Персифаль 247
 Синха Сагиндра Прассанс 260
 Смит Эрмитедж 181, 189
 Смит Ливеллин 195
 Смодлака Иосиф 160, 225, 269
 Сметс Ян-Христиан 153, 167, 168,
 229—237, 239, 240, 244—246,
 248, 249, 257, 274, 277

Сноуден Филипп 37
 Соннино Сидней 68, 130, 133, 134,
 138—141, 145, 146, 177, 187,
 189, 192, 196—198, 202, 213,
 253—256, 266, 278

Спирс Эдвард Луис 193, 198
 Спритт Александр 37
 Стаффорд г-жа 256
 Стефаник Милан Ратислав 224, 230, 251
 Стилд Генри Уикхэм 39, 65, 136, 192
 Сутцо, принцесса 216
 Сфорца Карло 150

Т

Тайрвит Джеральд 177
 Тальбот Джеральд 196, 198, 207, 266
 Тальяни 177
 Тардые Андре 41, 81, 95, 109, 149,
 199, 237, 253, 254, 268
 Тафт Вильям Говард 59
 Твайтс 100
 Темперлей Гарольд Вильям 100, 128,
 154
 Тилеа Виргилий 181, 183, 190
 Тиррель Вильям Джордж 195, 214
 Титтони Томмазо 145, 278
 Титулеску Николай 207
 Тойнби Арнольд 102, 187, 200, 227,
 241, 242

Томсон Базиль 53
 Томсон К. Б. 199, 235
 Торре Андре 136
 Трумбич Анте 56, 136, 149, 179,
 201, 202, 271
 Туртулис 215
 Турхан-паша 211, 212, 215

У

Уайзмен Вильям 187, 224
 Уайт А. Ф. 193, 197, 240, 242, 245
 Уайт Генри 140, 162, 196, 223, 277
 Уили Дафти 206
 Уотсон Сетон Роберт Вильям 46,
 110, 136, 183, 187, 244

Ф

Фердинанд, король болгарский 47,
 200
 Фейсал, эмир 122, 123
 Филиппс Джордж Фрезер 222
 Филпотс 230
 Форбс-Адамс 270
 Фош Фердинанд 93, 94, 129, 223,
 228, 229, 252
 Франц-Фердинанд, эрцгерцог ав-
 стрийский 272
 Франшэ д'Эспрэ Феликс 242
 Фридрих Великий 189
 Фриман 234
 Фромажо Анри 224
 Фрззер Фостер 193
 Фрэнсис Ив 261

Х

Хармсворт Эсмонд 256
 Хауз Эдвард 25, 31—33, 40, 41, 56,
 60, 71, 74—76, 82, 84, 89, 91,
 95, 97, 98, 103, 105, 110, 133, 140,
 148, 149, 159, 160, 178, 187, 188,
 196, 224, 227, 240, 259, 267
 Херберт Обри 200
 Херст Сесиль Джемс Баррингтон
 181, 224, 272
 Хиггинс Сесиль 198
 Холмсдель 177
 Хор Семюэль 213
 Хоуард Эмс 188, 192
 Хэйвуд 100, 229, 230
 Хэнки Морис 54, 75, 99, 100, 106,
 193, 201, 202, 204, 219, 252, 256,
 257, 262, 263, 275

Ч

Чемберлен Остин 37
Черчилль Генри 177
Черчилль Уинстон 31, 64, 153, 198, 263
Чироль Валентин 182

Ш

Шейдеман Филипп 56, 277
Шенкер 231
Шерадам Андре 277

Э

Эдуард, принц Уэльский (Чёрный
принц) 64
Эно Жанна 193
Эрмитт 242
Эрцберггер Маттиас 265, 276
Эссад-паша 143, 254

Ю

Юз Уильям Моррис 125, 209, 277

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Австралия 86, 97, 125
Австрия 86, 98, 104, 155, 164, 195,
211, 216, 230, 237, 252—258,
268, 272
Австро-Венгрия 32, 34, 46, 47, 50,
103, 104, 110, 117, 126, 134,
136, 139, 142, 146—148, 179, 211,
233, 237, 253, 255
Адалия 135, 136, 255, 256
Адриатическое море 102—133, 134,
143, 144, 178, 187, 243—247, 255,
259, 276
Адрианополь 215
Азия 185
Азия Малая 33, 47, 102, 112, 122,
149, 181, 182, 190, 198, 199, 201,
203, 211, 218, 219, 225—227,
241, 244, 247, 251, 255—261,
265, 268
Айвалы 223, 226, 247, 257, 263, 267
Айдинский вилайет 199, 257, 266,
267, 277
Албания 98, 126, 133, 135, 142—145,
180—182, 190, 197, 200, 206, 207,
210, 211, 215, 217, 218, 222, 242,
244, 251, 267, 268, 270
Александретта 255
Алеппо 122, 123
Альпы 239
Америка см. США
Америки Южные Штаты 159
Амеронген 76
Амьен 177
Анатолия (см. Малая Азия)
Англия 33, 36, 37, 40, 45, 56, 63—
65, 74, 84, 86, 87, 93, 121—124,
128, 130, 134—138, 146, 148, 150,
182, 189, 204, 233, 246, 260, 267,
270, 280, 281
Аравия 33, 121, 225
Арад 181
Аргирокастро 200, 210

Ард 214
Армения 33, 122, 126, 166, 180, 182,
257, 263
Аслингский треугольник 254, 269
Атлантический океан 40, 84, 85
Афины 97, 246, 247, 252
Африка 135, 136, 193

Б

Базель 229, 237
Балканы 102, 128, 183, 214, 217
Банат 97, 117, 118, 126, 175, 179,
183, 190, 202, 266
Белград 201, 237, 269
Бельгия 32, 50, 56, 139, 180
Берлин 30, 276
Берн 130
Бирмингем 37
Богемия (см. Чехия)
Болгария 32, 34, 42, 46, 47, 98, 104,
136, 180, 181, 190, 191, 208, 217,
248, 261, 265, 266
Боцен 189
Бразилия 192
Братислава 216, 219, 248, 251, 274, 275
Бреннер 82, 133, 135, 139, 141, 142,
147, 150, 164, 188
Брест 237
Бристоль 37
Брюссель 75
Будапешт 47, 129, 130, 190, 192, 227,
229—235, 237, 242, 274
Буковина 117, 118, 181, 266
Булонь 177
Бургаз 191
Бухарест 117, 179, 198, 229, 237
Бюк 55

В

Валона 135, 143, 144, 145, 182, 244
Вальми 233
Варна 191

Вашингтон 30, 52, 58, 59, 72—75,
94, 140, 149, 150, 166, 208
Веймар 207, 277
Великобритания (см. Англия)
Веллингтон 279
Вена 45, 54, 127, 130, 133, 134, 192,
230, 232, 233, 235—237, 244, 249
Венгрия 47, 86, 98, 104, 111, 113,
138, 164, 181, 190, 191, 216, 222,
225, 226, 229, 232—234, 252, 253,
275, 276
Версаль 31, 66, 125, 154, 193, 245,
275, 276, 278, 281
Вертерзее 130
Видин 180, 181
Виннипег 275
Витторио Венето 137
Владивосток 243
Влельден 130
Восток Ближний 123
Воюсса 182, 209, 217
Вульвергемптон 37

Г

Гаага 75
Галиция 105, 191
Галлиполи 180, 182
Гамбург 64
Гебзе 182
Геджас 121
Германия 30, 31, 33, 34, 37, 38, 46,
47, 56—58, 60, 66, 69, 81, 82, 85—
87, 92—95, 96, 101, 104, 105, 112,
117, 118, 121, 124, 125, 134—138,
142, 155, 156, 164, 165, 167, 191,
193, 198, 228, 246, 252, 254, 265,
266, 268, 273, 274, 279
Германштадт 226
Гертфордшир 38
Гибралтар 196
Глазго 146
Глан 130
Глац 222
Гмюнде 236, 271
Горция 135, 215, 244, 271
Гостивар 181
Градиска 135, 244, 271
Греция 46, 98, 104, 112, 119, 126,
135, 138, 142—144, 180—182, 184,
196—197, 200, 201, 206, 217—219,
226, 246, 247, 257, 259, 261,
263, 267, 268, 275
Гроссе Шютт 216, 219, 222, 248, 249

Д

Далмация 135, 143, 147, 148, 158,
201, 243, 244, 251
Дамаск 122, 123

Дания 180
Данциг 243
Дедеагач 215
Деркос 180
Дельфы 72
Днестр 117
Добруджа 32, 117, 181, 190, 266
Додеканез 133, 135, 136, 138, 143,
145, 150, 158, 182, 191, 196, 197,
202, 244
Дойран 180
Драва 130
Дрин 144
Дунай 201, 232, 233, 248
Дураццо 143
Дьякова 143, 180, 182, 267—269

Е

Европа 28, 38, 44, 45, 47, 52, 55—
57, 69, 72, 75, 91, 99, 110, 117,
134, 140, 157—162, 166—167, 181,
182, 211, 226, 257, 263
Европа Центральная 41, 58, 96, 129,
191, 235, 276, 278
Европа Юго-Восточная 96, 102, 226
Египет 158, 188, 196

Ж

Женева 75, 87, 164, 207, 252, 277
Женевское озеро 75

З

Загреб 201
Закарпатская Украина 259, 262, 266
Зара 244

И

Идрия 244
Индия 158, 196, 201, 265
Инсбрук 236
Ипек 143, 180, 182, 267, 268
Ирак 33, 122, 223, 239, 268
Иран 268
Ирландия 158
Истрия 135, 197, 244
Италия 32, 50, 53, 56, 68, 69, 82,
84—86, 102, 116, 117, 125, 127,
130, 133—150, 177, 179, 182, 188,
190, 195, 197, 209, 210, 217, 218,
227, 229, 243, 245—247, 254—257,
259, 260, 267, 268, 280
Иштиб 180, 181

К

- Кавалла 180, 190
 Кавказ 244
 Каир 121
 Кале 44
 Канада 180
 Канны 179
 Каносса 253
 Капоретто 136,
 Карвин 218
 Каринтия 105, 135, 244, 269
 Карниола 135
 Касса 214
 Кацца 244
 Керсо 135, 244
 Киао-Чао 124
 Киликия 122
 Кингстон 39
 Кипр 158, 180, 184, 191, 193, 196
 Китай 124
 Кишинёв 226
 Клагенфурт 111, 197, 254, 271, 272
 Клайда 204
 Клосвар 190
 Комарно 216, 219
 Компьенский лес 31
 Кония 257
 Конопиште 272
 Константинополь (Стамбул) 33, 47,
 48, 121, 126, 166, 180 — 182,
 187, 191, 201, 224, 227, 234, 237,
 241, 244, 247, 257, 263, 265, 288
 Корица 143, 144, 180, 182, 190, 197,
 199, 200, 209, 217, 218, 222,
 241, 268
 Корфу 144, 197, 207, 210
 Кохана 180, 181
 Кошице 113
 Крит 200
 Кройдон 55
 Курдистан 122

Л

- Ламанш 84
 Лисса 244
 Лидс 37
 Литва 126
 Лозанна 75
 Лозонче 113
 Лондон 29, 45, 54, 55, 57, 76, 80, 81,
 118, 122, 133, 134, 136, 143, 177,
 196, 207, 212, 236, 240, 244, 252,
 262, 276
 Луизиана 159
 Луссина 135, 244

М

- Македония 47, 143, 181, 210
 Макри 255
 Мальта 196
 Марица 180
 Мармарис 257, 258
 Марос 235
 Меандер 199, 218
 Мекка 121
 Мерсина 257
 Месопотамия (см. Ирак)
 Мидия 32, 180, 182, 218
 Мишкольц 113, 175, 217
 Молдавия 117
 Монастир 181, 217
 Монреаль 44, 46
 Монте Невозо 139, 147, 148, 150
 Моравия 200, 215
 Москва 66, 229, 237, 275
 Мосул 122
 Мошополис 190
 Мраморное море 182, 227, 241
 Мюнхен 129

Н

- Нагиварад 181
 Нейльи 127
 Ниш 180, 181, 184
 Новобазарский санджак 126
 Нью-Йорк 38, 40
 Ньюкастль 37

О

- Одерберг 200, 201, 218
 Османская империя (см. Турция)

П

- Палермо 275
 Палестина 33, 122, 189
 Пандерма 227
 Париж 34—36, 39, 42, 44, 45, 47,
 52, 53, 55, 56, 59, 60, 63 — 65,
 67, 68, 70—72, 74, 76—78, 82,
 83, 85—89, 91, 92, 98, 100,
 103, 105, 106, 108, 110, 116, 118,
 122, 123, 129, 133, 134, 136—140,
 147, 149, 150, 153, 154, 156, 157,
 160, 162, 164, 168, 174, 175,
 177, 192, 197, 198, 202, 208,
 214, 223, 229, 231—234, 237,
 239, 240, 243, 246, 249, 253, 258,
 269, 280, 281
 Пелагоза 244

Персия (см. Иран)
 Петроград 66
 Пирот (см. Ниш)
 Подгорица 127, 128
 Польша 33, 46, 51, 53, 56, 105, 118,
 121, 126, 271
 Порто-Лагос 191
 Португалия 192
 Прага 191, 192, 210, 222, 226, 233,
 236, 237, 248
 Принцезы острова 105, 197, 199, 229
 Пристина 184
 Пруссия 33

Р

Рапалло 150
 Рейн 212, 237, 258, 276
 Рейнская область 82, 85, 86, 121,
 126, 164, 165, 237, 271
 Рим 57, 181, 251, 255, 276
 Родез (св. Михаил) 130
 Родос 135, 145, 196, 197, 251, 256
 Родосто 33
 Розенбах туннель 263
 Россия 47, 50, 53, 57, 105, 121, 122,
 125, 134, 182, 191, 197, 215, 227,
 240, 243
 Румберг 222, 223
 Румыния 51, 56, 98, 117, 119, 126,
 179, 183, 191, 192, 195, 198, 226,
 231, 234, 261, 270

С

Саарский бассейн 32, 53, 82, 86, 121,
 126, 164, 237
 Сакария 182
 Салоники 126, 144, 184, 190, 192,
 210, 248
 Самарканд 243
 Сан-Джiovани 184
 Санти-Каранта 143, 144, 217, 218
 Сан-Ремо 149
 Сараево 201
 Сарос-Патаж 113
 Саторалья 219
 Секстерн 244
 Сен-Жан де Мориен 121
 Сен-Петер 113
 Сена 76, 113
 Сербия 46, 47, 51, 126—128, 135, 143,
 144, 180, 181, 190, 217, 261, 272
 Сербо-Хорвато-Словенское государ-
 ство (см. Югославия)
 Сибирь 225, 251
 Силезия 200, 215, 218, 274

Силистрия 181
 Синай 117
 Сирия 53, 122, 123, 225
 Скала Нова 226, 255
 Скутари 143, 144, 184, 270
 Слудмер 208
 Словакия 111, 113, 201, 215, 219
 Смирна 33, 112, 180, 182, 190, 192,
 196, 197, 201, 218, 223, 224, 241,
 247, 251, 257, 261, 263, 266—268,
 277
 Соединённые Штаты Северной Аме-
 рики 28, 32, 33, 36, 40, 41,
 48, 49, 52, 58, 60, 63, 64, 71—75,
 82, 84—86, 91, 96, 98, 99, 101,
 102, 126, 129, 130, 133, 136, 140,
 145, 153, 157—163, 165—167, 180,
 182, 192, 195, 196, 199, 227, 231,
 252, 257, 266, 270, 280
 София 248
 Спарта 247
 Сплит 215, 225, 251
 Средиземное море 124, 177
 Стампалия 244
 Струма 181
 Струмица 29, 41, 261
 Струмицкий коридор 29
 Сушак 183, 189

Т

Тарвис 244
 Тешин 35, 39, 105, 126, 130, 200, 218
 Тимишоара 197,
 Тирана 110
 Тироль 135, 141, 150, 244
 Тисса 117
 Тихий океан 124
 Трансильвания 111, 117, 118, 179,
 181, 190, 195, 253
 Трапезунд 261, 263
 Трент 134
 Трентино 111, 134, 135
 Триест 134, 135, 147, 195, 209, 215
 Турция 34, 46, 51, 53, 95, 98, 102,
 104, 122, 127, 135, 136, 142, 143,
 180, 182, 197, 201, 217, 222, 225—
 227, 241, 247, 256, 257, 260, 263,
 277

У

Ускюб 210
 Уэлс Новый Южный 208

Ф

Фельдсберг 222
 Фессалия 217
 Финляндия 130, 248

Фиуме 136, 143, 144, 147—150, 183,
 188—190, 192, 222, 243, 244, 251,
 255, 256, 259
 Фракия 33, 143, 180, 182, 191, 197,
 199, 207, 210—212, 214, 217,
 222, 277
 Франция 32, 36, 41, 50, 56, 69, 74,
 77, 82, 84, 86, 101, 106, 121—124,
 130, 134—139, 146, 148, 150, 165,
 166, 177, 197, 198, 233, 246, 255,
 257, 259, 262, 267, 268, 279, 280
 Фрейштадт 222
 Фурт 222

X

Хэки 38

Ц

Цетинье 128

Ч

Чаталджа 182
 Чевгали 180
 Черногория 51, 116, 126—128, 143,
 225, 241, 245, 272
 Чёрное море 191, 214, 218, 275
 Чехия 46, 200—213, 215
 Чехословакия 56, 98, 102, 104, 118,
 120, 191, 210, 212, 214, 215, 220,
 222, 224, 249, 253
 Чикаго 232

Ш

Шаньдун 53, 86, 116, 121, 124, 125,
 149, 150, 164, 165, 200, 246
 Швейцария 75
 Шеклер 183
 Шепетовка 173, 174, 255
 Шиле 182
 Шмитберг 222
 Шоредич 37
 Шпани 113

Э

Эгейское море 190, 191, 261
 Эгер 222, 223
 Эдинбург 246
 Эдремид 182
 Эйпель 217, 274, 275
 Эльзас-Лотарингия 50, 121
 Энос 180, 182, 218
 Эпир 130, 144, 180, 197, 199, 203,
 208—210, 215, 219, 222, 226, 227,
 240, 242
 Эрегли 256

Ю

Югославия 56, 98, 104, 126—128, 142—
 144, 179, 191, 201, 209, 215, 220,
 227, 244, 253, 254, 267, 268
 Южно-Африканский Союз 82, 86
 Юнг 216

Я

Янина 144, 219
 Япония 86, 121, 124, 130, 150

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

Книга первая

КАК ЭТО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ТЕПЕРЬ

<i>Глава первая</i> Перемирие	25
---	----

Дипломатия как искусство и наука. Элемент запутанности. Старая дипломатия и новая. Масштабы и задачи книги. Вопросы, которые она оставляет без ответа. Наступление мира. 11 ноября 1918 г. Соглашения, предшествовавшие перемирию. Ноты президента Вильсона от 23 октября и 5 ноября. Было ли налицо нарушение обязательств? «*Factum de contrahendo*». «Интерпретация» полковника Хауза. Как тогда смотрели на соглашения, предшествовавшие перемирию. Выборы по купону и избирательные обязательства г. Ллойд-Джорджа. Сущность этих обязательств. Общественная истерия. Обвинение в невежестве. Истинный характер подготовительных работ. Британские приготовления. «Анкета» полковника Хауза. Американская делегация в мирных переговорах. Французские приготовления. Отсутствие согласования

Примечания	42
----------------------	----

<i>Глава вторая</i> Затяжка	44
---------------------------------------	----

Настроение при отъезде в Париж. Венский конгресс. Новая Европа. Отношение к вражеским державам. Отношение к доктрине президента Вильсона. Наша вера вначале. Четырнадцать пунктов президента Вильсона и сопровождающие их заявления. В какой мере они внесены в окончательные договоры. Отель «Мажестик» и британская делегация. Конференция отложена. Отсрочка начала работ. Причины. В какой мере виноват в этом президент Вильсон. Его настояния на включении устава Лиги наций в мирный договор.

Примечания	61
----------------------	----

Глава третья Неудачи 63

Начальные недостатки. Демократическое мнение. В Соединённых Штатах. В Великобритании. Ответственность печати. Лорд Нортклифф и его газеты. «Дэйли Мэйл» и конференция. Политические деятели в качестве полномочных представителей. Двойственность их целей результат двойственности их положения. Двойственность положения Ллойд-Джорджа, Клемансо и Орландо. Фактор физической усталости и фактор светской вежливости. Другие неудачи. Присутствие в Париже президента Вильсона. Характер этой неудачи. Её причины. Её последствия. Выбор Парижа. Основания к нему. Его неудобства. Французская печать и г. Вильсон.

Примечания 78

Глава четвёртая Ошибки 80

Необходимость в согласованной основе конференции и твёрдой программе. Причины, по которым конференция обошла обе эти насущные потребности. Дуализм цели. Конфликт принципов и компромисс в деталях. Г-н Бекер и д-р Сеймур. Неизбежность отдельных расхождений. Отказ противостоять этим расхождениям с самого начала. Оправдания репарационной комиссии и статья XIX устава. Насколько состоятельны эти оправдания. Европейские нужды противостоят американским пожеланиям. Действительные неточности. Не было решения, должен ли договор быть предварительным или окончательным, заключён ли путём переговоров или продиктован. Анализ этих неточностей, их сущности и результатов. Отсутствие определённой программы. Причины.

Примечания 95

Глава пятая Дезорганизация 96

Контакт с американской делегацией. Единство вначале и расхождения впоследствии. Дефекты в организации британской делегации. Неравномерное распределение работы. Военная секция. Внутренняя координация. Межведомственное соперничество. Отношения между полномочными представителями и составом делегации. Недостаток централизации или контроля. Отсутствие инструкций или надзора сверху. Случайное разделение функций. Дефекты в организации конференции в целом. Совет десяти как преемник Верховного военного совета. Проблема малых держав и компромиссы, посредством которых она разрешалась. Результаты этих компромиссов. Г-н Клемансо как председатель. Г-н Дютаста как генеральный секретарь. Несоответствие повесток дня. Проблема прессы. Комитеты по территориальным вопросам. Недостатки устройства, компетенции и процедуры комитетов. Обстановка, в которой принимались решения.

Примечания 113

<i>Глава шестая Раздоры</i>	116
<p>Тайные договоры. Румынский договор 1916 г. История вступлений и выходов Румынии из войны. Г-н Таке Ионеску. Г-н Братиану. Его неудачное поведение на мирной конференции. Отступление, связанное с тайными договорами, опасностью этических предпосылок, и подготовка, требуемая от всех и всяких творцов мира, молодых и старых. Малые тайные договоры. Конфликт между нашими обещаниями арабам и соглашением Сайкс—Пико. Возникшие отсюда англо-французские раздоры в Париже. Сирийский и мосульский вопросы. Шаньдун. Ложное положение президента Вильсона. Прочие междусоюзнические раздоры. Случай с Черногорией. Самоопределение. Сценарий мирной конференции.</p>	
Примечания	131
<i>Глава седьмая Компромисс</i>	133
<p>Италия до конференции. Её переговоры в 1914 г. в Вене и Лондоне. Тайный договор от 26 апреля 1915 г. Итальянское соглашение с югославами. Римский пакт. Четырнадцать пунктов и Италия. Итальянцы по прибытии в Париж. Самоопределение против империализма. Тирольцы и югославы. Орландо и Хауз. Соннино. Ошибка президента Вильсона в вопросе о Бреннере. Её последствия. Некоторые примеры итальянских требований по Лондонскому договору. Албания. Додеканез. Слабость Америки. Адриатический вопрос. Методы и принципы его разрешения. Обращение президента Вильсона к общественному мнению. Его неудача. Влияние этой неудачи на общий характер конференции.</p>	
Примечания	150
<i>Глава восьмая Провал</i>	153
<p>Утрата идеализма. Существо этой утраты. Лицемерие конференции. В какой мере это лицемерие было сознательным. Результат ложного положения. Рассмотрение этого ложного положения и его причин. Вильсонизм против равновесия сил. Англо-саксы и романские народы. Опасение, что Америка не поддержит политики Вильсона. Личные недостатки Вильсона. Его замкнутость и отказ от советов. Его духовное высокомерие. Его интеллектуальная ограниченность. Результат этого — его слепота. Примеры. Его окончательная капитуляция. В какой мере он верил в то, что Америка его поддержит? Ввёл ли он своих коллег в заблуждение по этому вопросу? Трагедия Вильсона. Опасность неточной дипломатии для всякой конференции. Чему я лично научился в Париже. Бальфур, Смэтс, Венизелос, Бенеш, Эйр Кроу.</p>	
Примечания	169

*Книга вторая***КАК ЭТО КАЗАЛОСЬ ТОГДА**

Предисловие автора к книге второй	173
Примечания	176
I. 1 января—12 января 1919 г. Связи	177
Примечания	184
II. 13 января—20 января. Первое заседание	187
Примечания	194
III. 21 января—5 февраля. Совет десяти	195
Примечания	204
IV. 6 февраля—9 марта. Комитеты	206
Примечания	221
V. 10 марта—1 апреля. Согласование	222
Примечания	228
VI. 1 апреля—9 апреля. Венгерская интермедия	229
Примечания	238
VII. 10 апреля—6 мая. Спор с Италией	239
Примечания	249
VIII. 6 мая—20 мая. Компенсации	251
Примечания	264
IX. 20 мая—28 июня. Версальский договор	265
Примечания	282
Указатель имён	283
Указатель географических названий	289

5790

025

НБ ПНУС

5796

Редактор С. М. Майоров
Подписано к печати 30 декабря 1944 г.
Тираж 20000 экз. А12235. Заказ № 2329.
Объем 18³/₄ п. л. Цена 8 руб.

1-я Образцовая типография треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР,
Москва, Валуевая, 28